

Личия Троиси Новое королевство

Войны Всплывшего Мира – 3

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>

«Личия Троиси "Войны Всплывшего Мира. Книга 3. Новое королевство"»:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02350-6

Аннотация

Сеннар и Лонерин отправляются в Салазар — они должны разыскать талисман власти, без которого не спасти Всплывший Мир. Идо и Сан тайным ходом пробираются в Затонувший Мир, где, как уверен гном, мальчик будет в безопасности. А Дубэ пускается в путь в Макрат, чтобы проникнуть во дворец Дохора. Там разбойнице предстоит найти необходимые для совершения магического ритуала документы и убить жестокого короля, — тогда она будет свободна. В пути ей не обойтись без мага: зверь, раздирающий изнутри ее грудь, требует новых жертв, и только особым образом приготовленное

компании с разбойницей, скитающейся по всему Всплывшему Миру с единственной целью убить короля Земли Солнца?

Эта девушка не отличается особой красотой: она небольшого роста, у нее коротко подстриженные каштановые волосы и очень темные глаза. Ее зовут Дубэ. Она входит в секту, которая, прикрываясь именем моего бога Тенаара, совершает убийства, оправдывая себя тем, что такова его воля. Как я понимаю, Дубэ была обманным путем вовлечена в Гильдию, и там на нее было наложено проклятие. Речь идет о клейме, пробуждающем в девушке чудовищную жестокость, потребность в убийствах. Члены Гильдии убедили ее в том, что только они способны исцелить ее, и этой ложью морочили девушке голову; на самом деле проклятие может снять только тот маг, который его наложил. И хотя участь Дубэ ужасна, я не испытываю к ней жалости. Я даже не виню себя за это. Может, это — низость, а может, просто жестокость.

Правда в том, что между нами стоит Лонерин. Они встретились в Гильдии. Он оказался там по поручению Совета Воды. Нам стало известно, что король Земли Солнца, Дохор, заключил тайный договор с убийцами. Впрочем, можно было догадаться о том, что в одиночку невозможно завоевать почти все земли Всплывшего Мира. Лонерин отправился в Дом Гильдии под видом просителя, пришедшего в храм секты убийц, чтобы взамен своей жизни получить милость бога. Но я прекрасно его знаю, и мое сердце начинает сжиматься от боли, стоит мне только подумать об истинной причине его поступка. Только нам двоим в Совете Воды известна вся правда. Он это сделал из-за своей матери, принесшей себя в жертву в храме секты в надежде вымолить у бога выздоровление сына от красной лихорадки. Ее убили, и жажда мести за это злодеяние ни на минуту не покидала сердце Лонерина. Чтобы все понять, мне достаточно просто взглянуть ему в глаза.

В Доме, подземной резиденции Гильдии, Лонерин и Дубэ договорились о том, что она будет собирать для него необходимые сведения, а он искать способ освободить ее от проклятия. Вместе они совершили побег после того, как узнали о намерении еретиков вернуть к жизни Астера, Тиранно, который сорок лет назад почти полностью завоевал Всплывший Мир. Гильдия считает, что только он в состоянии восстановить миропорядок, построенный на крови и смерти, к которому всегда так стремились члены секты. Дух Астера покоится ныне между миром мертвых и миром живых в тайном помещении Дома. Секта разыскивает Тарика, сына Ниал и Сеннара, намереваясь вселить в его тело дух Астера.

Стоит мне только подумать о возвращении Дубэ и Лонерина из храма, о том, как они вдвоем, помогая друг другу, спасались от смерти, как я теряю покой.

Именно тогда все и случилось. Ко времени нашей встречи в Лаодамее Лонерин совершенно изменился. Перед отъездом он поцеловал меня. Теперь же он не сводит глаз с Дубэ.

Мне не было бы так тяжело, если бы Дубэ пропала сразу после возвращения, тогда, возможно, я смогла бы оправиться от потрясения. Но этого не произошло.

На Совете было решено обратиться за помощью к магу Сеннару. В Совете были убеждены в том, что только он сможет найти способ отправить Астера в мир мертвых.

Лонерин вызвался выполнить это поручение. С тяжелым сердцем я услышала, что он снова намерен подвергать свою жизнь опасности. Мне вдруг стало абсолютно ясно, что между нами теперь пролегла пропасть. Он для меня — все, я же для него всего лишь девчонка, рядом с которой он рос и учился, — и не более.

Еще тяжелее мне было знать, что вместе с ним к Сеннару отправилась Дубэ, она надеялась, что старый маг поможет ей освободиться от зловещего проклятия. Тогда я поняла, что не в силах что-нибудь изменить. Я теряю Лонерина навсегда, и все это из-за Дубэ.

Итак, пока Идо разыскивал сына Ниал и Сеннара, я должна была смириться с тем, что Лонерин снова отправляется в путь и, возможно, больше никогда не вернется.

Чем она лучше меня и почему он следует за ней? Возможно, мне никогда этого не

понять. Быть может, именно поэтому я и решила отправиться в дорогу?

Не знаю, что произошло между ними в пути. Они прошли через Неведомые Земли, видели мрачные и загадочные места, спасались от преследований убийцы, которых Гильдия посылала им вдогонку. Я все еще надеюсь, что между ними нет любовных отношений. Но та теплота, с которой они смотрят друг на друга, меня пугает. По натуре я романтична, мечтательна и нежна. Дубэ — убийца и воровка, она жестока и груба, но за два месяца ей удалось то, на что я тщетно потратила долгие годы.

Снова собрался Совет Воды. Идо вернулся с внуком Ниал и Сеннара, Саном. Именно он стал объектом поисков Гильдии. Станный ребенок с потрясающими способностями. Гном, которому удалось освободить Сана из рук Шервы, убийцы Гильдии, был повержен отравленной шпагой Леарко, сына Дохора. Придя на помощь Идо, я впервые применила свои магические способности жрицы. Все вышло неожиданно для меня. Наконец-то я почувствовала свою силу. Мне было страшно, мои руки дрожали, но у меня все получилось. Как знать, возможно, тогда все и началось...

Теперь Идо возьмет на себя заботы о безопасности Сана, а Лонерин и Сеннар вернутся назад в Землю Ветра, чтобы разыскать талисман власти, единственную вещь, с помощью которой, по словам старого мага, возможно освободить дух Астера. Это тот самый амулет, при помощи которого Ниал много лет назад разгромила Тиранно.

На этот раз я не буду ждать Лонерина. Не могу больше ожидать его возвращения, я хочу действовать. Поэтому решила пойти с Дубэ. Сеннар объяснил ей, что нужно сделать, чтобы освободиться от проклятия, которое на самом деле направлено не на нее, а на Дохора. Оно связано с некими документами, которые девушка украла по поручению короля. Необходимо найти хотя бы часть из них, для того чтобы использовать эти бумаги в сложном магическом ритуале. Затем она должна убить Дохора, и только тогда станет свободной.

Этот ритуал доступен любому магу, и конечно же и Лонерину, но эту работу я возьму на себя.

Не знаю почему и сейчас не хочу восстанавливать всю логическую цепочку, приведшую меня к этой идее — помочь Дубэ.

Мне безразлично, будет ли она спасена. Меня не интересует ее предназначение. В душе, возможно, я ее ненавижу.

Но я так устала, так долго сидела здесь, во дворце, и еще ни разу в полной мере не воспользовалась своими магическими знаниями. Я всегда была в ожидании, с надеждой смотрела на Лонерина, каждое мгновение рисковавшего своей жизнью. Я его любила и восхищалась им. Но он остался равнодушен ко мне. И пришло время сказать себе „Довольно!“. Пора все изменить, начать делать то, к чему я предназначена, стать настоящим магом.

Завтра я отправлюсь в путь и помогу Дубэ убить этого ужасного человека. Не расплакаться бы, не думать о Лонерине, о том, как он только что приветствовал меня, о тех словах, что он говорил, упрашивая остаться, о его поцелуе, что горит огнем у меня на лбу. Он должен перестать для меня существовать. Он виноват в том, что я толком ничего не сделала за эти годы, не нашла своего пути. Дорогой я позабуду о нем. Причастность к порученному делу вытеснит из моей души чувства к нему, я освобожусь от него.

На рассвете мы выходим в город Макрат, где находится королевский дворец Земли Солнца, он лежит в нескольких километрах отсюда».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Леарко был представлен народу. Отец поднял его над толпой, и раздался общий гул ликования. Королева накрыла голову подушкой, чтобы не слышать этих радостных воплей. Вопреки всему, как я полагала, она могла бы помочь этому ребенку выбрать свой путь в жизни. Ясно, что это был плод насилия, но всегда плоть остается

частью своей плоти. Я ошибалась. Сулана отвергает своего сына. Она не хочет ни видеть, ни вскармливать его. Понятно, что боль от смерти первого Леарко неизлечима. То был обожаемый ребенок... Боги приготовили ему худшую из частей — смерть от красной лихорадки. Нельзя жить дольше собственных детей.

В этот вечер не могу не думать об этом новом ребенке, рожденном от ненавидящих друг друга родителей и отвергнутом собственной матерью. Каким будет его будущее?

Девять теней все плотнее и плотнее сгущаются над этим королевством. Дохор, будь ты проклят. Что бы ни делал, ты всегда несешь с собой смерть.

**Из личного дневника Сибиллы,
дамы из ближайшего окружения королевы Суланы**

1

ДУБЭ И ТЕАНА

Опустошенное селение. От резкого запаха дыма, призрачным облаком накрывшего все вокруг, першило в горле. Обугленные останки животных белели по сторонам дороги.

Теана с глазами полными слез неподвижно стояла, прикрыв рукой рот. Дубэ посмотрела на нее с сочувствием. Когда-то и она почти так же реагировала на безобразное зрелище войны. Это было в то время, когда она впервые увидела Учителя. В памяти девушки навсегда остался его силуэт в развевающемся плаще, когда тот, постепенно растворяясь в густом дыму, уверенной походкой шел по полю брани.

— Оставаться здесь нет смысла, — прошептала Дубэ, ее рука инстинктивно потянулась к кинжалу. — Проклятье! — Оружия там не оказалось; оно было вшито в потайной карман ее юбки, извлечь его сейчас она просто не могла.

Теана, потрясенная увиденным, не отвечала. Тогда Дубэ грубо схватила ее за руку и потащила прочь. Мысль остановиться в этой приграничной деревне оказалась не самой лучшей. Это место, на границе между Землями Моря и Солнца, находилось в опасной близости от линии фронта, там, где проходили сражения между войсками Дохора и Совета Воды, и Дубэ отчетливо понимала, что происходит вокруг.

Знаки близости фронта были видны повсюду. А это грозило нешуточной опасностью двум девушкам.

Запас провизии подходил к концу, и ее приходилось экономить, девушки недоедали и совсем обессилели. Они пробирались между трупами, пытаясь отыскать самый короткий путь, чтобы выбраться из этого ада. Теана плакала навзрыд, а Дубэ еще сильнее сжимала ее руку. Ее раздражало это проявление чисто женской слабости.

Недалеко от крепостной стены металлический лязг шагов застал ее врасплох. Нужно было свернуть с дороги, спрятаться и достать кинжал. Все это она сделала бы не раздумывая, если бы ее реакция сейчас не была замедленной, если бы ноги не были такими слабыми, а мускулы онемевшими. Чтобы не упасть, она прислонилась к стене дома и подала знак Теане сидеть тихо.

Голоса приближались, бряцание шпак о доспехи становилось все более различимым. Это солдаты. Дубэ затаила дыхание, чтобы оставаться незамеченной.

— Кто это здесь орудовал? — спросил один.

— Думаю, что Мальга со своим войском, — ответил кто-то другой.

— Говоришь, что в этой деревне нам нечем будет поживиться?

— Они все сожгли. Если и оставалось хоть что-то, они все унесли с собой.

Дубэ слышала их шаги за стеной. Теана дрожала рядом с ней. В сотый раз она спрашивала себя, зачем отправилась вместе с Дубэ, зачем так стремилась сопровождать ее в этом отчаянном деле. Проникнуть во дворец одного из самых могущественных королей их

времени, для того чтобы убить его и освободить разбойницу от висевшего над ней проклятия: это работа точно не для ученицы мага Совета Воды.

Солдаты начали выбивать ногами двери и шарить по еще уцелевшим домам. Дубэ не знала, сколько их было, но предположила, что слишком много, чтобы можно было оказать им сопротивление.

— Дождемся, пока они уйдут. По-другому не получится. Подожди...

Когда ей показалось, что солдаты уже далеко, она медленно поползла вдоль стены, подав знак Теане делать то же самое, только тихо и осторожно.

— А ну, погляди, что я нашел!

Здоровенная физиономия вооруженного человека возникла перед их глазами.

Вынуть кинжал и сражаться. Первому вонзить кинжал в горло, увернуться от удара второго, подступавшего сзади. Подпустить их ближе, а затем выпустить ножи для метания: все это Дубэ не один раз проделывала во время вооруженных схваток. Срабатывала память рук, в то время как мозг был полностью отключен. Рука Дубэ машинально метнулась за кинжалом, но медленно, слишком медленно. Две сильных руки схватили ее сзади. Она увидела, как второй солдат с омерзительной ухмылкой угрожающе надвинулся на отчаянно кричавшую Теану.

— Нет, нет!

Пальцы Дубэ скользнули по мечу неприятеля, коснулись рукояти, еще чуть-чуть — и ей удалось бы выхватить его из ножен.

— Не двигайся, гадюка! — выкрикнул схвативший девушку солдат, и его пивное дыхание опалило ей лицо.

Дубэ попыталась освободиться, но получила удар по голове и потеряла сознание.

В путь девушки отправились три недели тому назад верхом на лошадях. Дубэ ехала впереди, Теана следовала за ней. В первые дни ехали молча, останавливались там, где Дубэ считала возможным, подкреплялись нехитрой едой, стараясь не глядеть друг другу в глаза.

По утрам, когда Дубэ исчезала в густом лесу, чтобы потренироваться, Теана вставала, усаживалась за свои книги по магии, которые дал ей Сеннар, и принималась усердно их изучать, тщательно подчеркивая в пергаменте наиболее значимые места. В этих книгах заключались все необходимые формулы для проведения ритуала по освобождению ее соперницы от страшного проклятия.

Дубэ никак не могла понять эту странную девушку. Когда она увидела Теану в первый раз, ей показалось, что девушка, выросшая в праздности и безделье, просто женственна и прекрасна — больше ничего, но вдруг ей взбрело в голову отправиться в опасное путешествие с убийцей и воровкой. И вот теперь, со сбитыми ступнями, измученная дальними переходами, Теана ни разу не издала ни единого стога жалобы. Для чего ей потребовалось тащиться в такую даль с разбойницей, на которую, ко всему прочему, она еще и затаила глубокую обиду?

Временами сидящая у костра с полуопущенными веками и погруженная в изучение своих странных заклинаний девушка-маг вызывала у разбойницы воспоминания о Лонерине. Их путешествие тоже начиналось под знаком молчания. Но у них было нечто общее, то, что их сближало, но что может быть общего у Дубэ и Теаны?

С тех пор как Дубэ оставила в селении народа хюэ письмо Учителя, в ее душе образовалась пустота, постоянно напоминавшая ей о собственной черствости и одиночестве. Память о нем слишком долго жила в ее сердце, теперь в этом вакууме стали прорастать воспоминания о Лонерине, о его поцелуях и словах. Возможно, с годами уйдет сожаление, а вместе с ним и чувство вины. И тогда все, что произошло между ней и магом, станет далеким сном, которым она будет грезить в минуты одиночества. На самом деле Дубэ понимала, какая участь ее ожидала. Знала и то, что нет человека на земле, который смог бы разделить с ней бремя ее грехов, и Лонерин не был исключением. Разве что Учителю это было бы под силу, только он выбрал иной путь.

И в то же время Дубэ не сомневалась в том, что ей удастся преодолеть проклятие. Но будущее представлялось ей длинной вереницей дней вдаль от мира людей, поскольку ответ на главный вопрос, не дававший ей покоя с тех пор, как во время игры восьмилетней девчонкой она по ошибке убила Горнара, так и не найден.

С первого же вечера Дубэ заметила удивительную вещь. У Теаны были странные привычки, которые та всячески пыталась скрыть. Спать она ложилась раньше, чем ее спутница, заворачиваясь в одеяло, словно в кокон, и притворялась спящей. Дубэ это видела, но не захотела ни о чем расспрашивать. Потом как-то ночью любопытство взяло верх, и в темноте она проследила за Теаной, поскольку не слишком доверяла ей, наверное, потому, что девушка-маг была влюблена в Лонерина.

Когда наступила глубокая ночь, Теана бесшумно, словно кошка, поднялась, она обладала редкой врожденной гибкостью, Дубэ даже позавидовала ей и подумала, что наверняка мужчины находят ее привлекательной.

Теана стянула вокруг шеи петлю из полоски кожи, а висевшую на ней подвеску взяла в руки, затем низким голосом запела заклинания и через равные промежутки времени стала отбивать поклоны до земли. Слова ложились на ее ритмичные действия, словно в гипнотическом танце.

Дубэ почувствовала, как ее переполняет гнев. Она нервно сжала кулаки под плащом, потому что в ее сознании образ Теаны вытеснила двигавшаяся мерно в такт молитвенному песнопению толпа убийц во время церемониальной процессии в самом центре Дома. Она почувствовала приторный запах крови, заполнивший бассейн у ног статуи Тенаара, и подумала о Рекле, страже ядов, о ее глазах, пылающих ненавистью.

Теана молилась так же, как это делали жрецы секты, и, увидев знакомые движения, Дубэ выругалась. У нее было страстное желание остановить Теану и высказать ей в лицо все, что она выстрадала за годы своего одиночества, и то, чему научил ее Учитель. Вера ведет к безумию; в лучшем случае люди, чтобы избежать смерти, пытаются прибегнуть к бесполезной мишуре. Но те, кто пережил смерть, подобно Дубэ, могут смотреть правде в глаза.

Разбойница сдержалась, не следовало настраивать против себя единственного человека, способного помочь ей освободиться от проклятия.

Их первый разговор вечером у костра был предельно краток и не слишком приятен.

— Потрудишься побыстрее все запомнить. Мы не сможем таскать за собой все наши вещи.

Теана, уже начавшая было готовиться ко сну, поглядела на Дубэ с изумлением.

— Но почему? — изумленно спросила она.

— Потому, что нам нужно попасть во дворец Дохора, — спокойно объяснила Дубэ. — Мы должны найти там необходимые бумаги и разрушить наконец мое проклятие.

Теана чуть вздрогнула.

— Не понимаю... Почему это означает, что мы должны бросить все наши вещи?

Дубэ села на корточки рядом с Теаной и посмотрела ей прямо в глаза.

— Думаешь, мы сможем попасть туда в таком виде? А у ворот мы представимся, как маг Совета Воды и убийца из Гильдии?

Теана покраснела и опустила глаза.

— Я так много должна еще выучить... Обряд очень сложный и...

— У тебя два дня. Этого времени нам хватит, чтобы добраться до Сельвы. Там я куплю необходимую одежду. Затем мы распростимся с нашими вещами и именами, станем абсолютно другими людьми и забудем о своем прошлом.

В ответ Теана достала из мешка книги, зажгла маленький магический огонь и принялась учить.

О чем она думала? Разозлилась или просто устала? А может, сожалела о том, что

ввязалась в это дело?

Дубэ раздраженно поглядела на ее смиренную позу, но больше не проронила ни слова. Она завернулась в одеяло и уснула. В эту ночь молитв уже не было слышно.

Они должны были подобрать для себя неприметную одежду и разыскать разные снадобья и примочки для изменения цвета лица и какое-нибудь зелье для состаривания кожи рук.

Дубэ рыскала между кучами тряпья как всегда бесшумно и легко. Она уверенно заходила в нужные лавки, в то время как Теана лишь послушно следовала за ней.

И теперь Дубэ не давала никаких объяснений. Она была немногословной и отрешенной. Девушка-маг все чаще задумывалась над тем, как Лонерин мог находить с ней общий язык? Была ли разбойница и с ним так же холодна и груба? И если так, то почему он влюбился в нее? Или же Дубэ ведет себя так только потому, что видит в Теане соперницу?

Теана молча смотрела на Дубэ, пока та подбирала необходимые снадобья, удивляясь, с какой поразительной точностью она произносила названия разных трав и примочек.

В этой ее холодной обстоятельности было что-то жуткое и завораживающее. Скольким же людям помогла она отправиться на тот свет, используя такие знания?

Не успев выйти из лавки, Дубэ отвела Теану в сторону:

— Мне нужно, чтобы ты приготовила зелье для роста волос. — Ее длинные волосы были принесены в жертву во время одного из обрядов Гильдии. — Скажи, что тебе для этого нужно.

От неожиданности Теана поперхнулась. У нее не было достаточных знаний для подобных магических превращений.

— Я не знаю, я никогда этого еще не делала...

Дубэ продолжала смотреть на нее в упор.

— Думай быстрее, нам нельзя терять ни минуты.

Девушки переоделись ночью. Они прошли уже почти половину пути, и теперь им следовало быть особенно осторожными. Сначала, во избежание столкновений с патрулями или наемниками, они пробирались по лесным тропам. Теперь же им предстояло идти по открытому пространству и при этом продолжать оставаться неприметными.

Сменив одежду, Дубэ бросила свои старые вещи в костер. Она сделала это решительно и без всякого сожаления. Но Теана колебалась. Ее туника имела для нее особый смысл. Ни у кого из жителей Всплывшего Мира не было подобной одежды, эта вещь принадлежала древним жрецам Тенаара и досталась ей в наследство от отца.

— Смелее, — проговорила Дубэ, глядя на нее.

Теана прижала руки к груди.

— А может быть, мы ее спрячем?

Взгляд Дубэ был холоден и беспристрастен.

— Наше прикрытие должно быть без изъянов. Спрятанная в лесу одежда равносильна оставленному следу.

— Эта туника слишком много для меня значит... — слабо возразила Теана.

— Сожалею, — нетерпеливо оборвала ее Дубэ. Ее лицо, освещаемое пламенем костра, не выражало никаких эмоций.

Теана раздевалась медленно, словно бросала вызов. Она едва сдерживала слезы при мысли, что ее одежду навсегда поглотит пламя костра.

«Точно так же, как в огне Гильдии сгорел настоящий культ Тенаара», — подумала она, вспомнив об отце. В последний раз Теана ощутила нежное прикосновение ткани к своей коже.

Именно Дубэ бросила тунику в костер. Ее спутница, пытаясь как-то сгладить боль унижения от произошедшего, представила себе возвращение в Совет и другое точно такое же платье, оставшееся в ее в комнате, и еще она подумала об учителе, Фольваре.

Сторонясь испытующего взгляда Дубэ, Теана смахнула слезу и переделалась.

Затем она подошла к Дубэ, которая, сидя на земле, раскладывала купленные травы: одними она уверенно натирала лицо, другими ладони. Волосы же ее были обмазаны какой-то мазью, источавшей слабый запах мускуса. Увидев приближающуюся Теану, разбойница протянула ей пару пузырьков:

— Держи. Тебе нужно сделать то же самое. — Все тот же сухой приказной тон.

Но юная волшебница не взяла склянки.

— Для чего это все?

— У тебя слишком гладкие руки, и ты не похожа на простую крестьянку. Твоя кожа очень белая, одно снадобье поможет тебе состариться, другое — изменить цвет волос.

Теана осмотрела склянки. Ей уже приходилось изменять свою внешность. Для этого она применяла особое зелье. Но тогда созданный облик сохранялся ненадолго и использовался ею только ради совершенствования магических умений. Теперь же она долго должна была быть другой. И это ее пугало.

Краем глаза она видела, как Дубэ продолжала втирать мази. Теане стало тоскливо, но она покорно протянула руку за снадобьями.

— Это средство для рук нужно держать несколько минут, а то, что для лица, — всю ночь. Вскоре у тебя появятся морщины. Снадобья действуют один месяц, потом мы достанем еще. Те, что для волос, — тоже на всю ночь.

Теана внимательно осмотрела мази, которые следовало наносить на кожу. Они были изготовлены из хорошо известных ей трав. Но с назначением и необходимой дозировкой она была незнакома.

— В моем мешке лежат все нужные компоненты. Сделай мне зелье, которое я просила, — добавила Дубэ.

Теана бегло оглядела содержимое сумки, достала все необходимое и отошла в сторону. В лесу они были одни, но ей нужно было остаться наедине с самой собой.

Этот поступок означал окончательный разрыв между той Теаной, которая любила Лонерина и страдала от любви к нему, и новой Теаной, жаждущей обрести смысл своей жизни.

Звезды мерцали холодным светом над ее головой. Она вздохнула, а затем решительно опустила пальцы в первую склянку.

На следующее утро обе девушки проснулись в совершенно ином обличье. У Дубэ появились длинные светлые волосы, которые она заплела в пышную косу. Приятный взор слегка омрачала бездонность карих глаз, застывшая на губах стыдливая улыбка, особым образом скрещенные руки — все это изменило ее до неузнаваемости.

Теана же была просто потрясена, разглядывая свои руки в мозолях, лоб в мелких морщинах, как у крестьянок, изможденных тяжелой работой в поле и уставших от долгого ожидания своих мужей с войны.

Впервые девушка обратила внимание, как сильно, оказывается, она была похожа на своего отца. Ей всегда твердили об этом, но она отказывалась верить. Вначале ей это было неприятно, потому что она считала отца бродягой, который к тому же исповедовал забытую религию и был всеми презираем. Потом, однако, незадолго до его смерти, она стала им восхищаться, придя к убеждению, что не достойна его. Тем не менее сейчас, когда снадобья состарили ее, Теана увидела в своем лице черты отца.

— Я следую по его стопам, — сказала она себе с ужасом.

Времени больше не оставалось. Дубэ подошла к ней с кинжалом в руках и схватила ее за волосы.

— Что ты делаешь? — спросила Теана, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Их нужно отрезать.

— Разве не достаточно того, что я их перекрасила?

— Нет, они слишком блестящие и ухоженные и совсем не похожи на волосы

крестьянки.

Теана почувствовала, что ее переполняет ярость. Она не захотела подвергать себя последнему оскорблению.

— В этом нет необходимости, — сказала она, пытаясь повернуться к Дубэ лицом.

Разбойница, казалось, вовсе не разозлилась, но была явно раздражена. Впрочем, неизвестно, что хуже.

— Хватит пререкаться. Если нас поймают, то обеим придет конец, ясно тебе? Наша жизнь зависит от того, как мы будем выглядеть, поэтому все должно быть безукоризненно. Ты — маг Совета Воды, и тебя легко узнать.

— Я — ученица советника, и кто, по-твоему, знает, чем я занимаюсь? Большинству людей неизвестно даже мое имя.

Теана еще крепче сжала свои волосы.

Дубэ вздохнула и опустила кинжал. В ее глазах читалась неизъяснимая боль.

— Зачем ты пошла со мной? Разве ты не знала, что в таком предприятии действуют свои законы? Я понимаю, тебя не интересует мое спасение, возможно, ты меня ненавидишь. Я и это понимаю. Но тогда для чего ты здесь?

Теана закусила губу. Ее пальцы медленно разжались, а спина расслабилась. Она отвернулась от Дубэ, чтобы не видеть этих глаз, которые, словно бездна, безудержно влекли к себе. Вот и Лонерин не смог избежать этого притяжения.

— Это действительно так необходимо?

— Да.

Теана медленно повернулась к Дубэ спиной:

— Тогда отрезай.

Не успели волосы коснуться земли, как Дубэ расположилась напротив Теаны, разложив перед ней свое оружие. Она почувствовала необходимость показать ей свои вещи. Это были метательные ножи, стрелы, лук и, конечно, плащ, который она купила на первые заработанные на службе у Учителя деньги.

В общем, в этих вещах была вся ее жизнь.

— Я не возьму их с собой, — сказала она, глядя Теане прямо в глаза. Казалось, в них промелькнула искра понимания.

Но кинжал Дубэ бросить не смогла. Она заявила, что он ей очень нужен, да и потом, никто не сможет догадаться, что он спрятан у нее в кармане под юбкой. На самом деле это оружие имело для нее особое значение. С тех пор как Учитель подарил его ей, он стал единственной вещью в жизни, которую она берегла.

— Это ты оставишь?

В вопросе не было и намека на злобу. Это было чистой воды любопытство, но Дубэ почувствовала себя неуютно, словно ее застали на месте преступления.

— Будет лучше, если мы возьмем хоть что-нибудь с собой для защиты, — ответила она.

И она была права: необходимо было принять меры предосторожности на случай непредвиденных обстоятельств. Разбойница все еще находилась в некотором оцепенении после вчерашнего ритуала, а Теана едва ли смогла бы самостоятельно обороняться.

Затем они спокойно двинулись в путь.

Вскоре после того, как девушки отправились в дорогу по заданию Совета Воды, клеймо вновь стало напоминать о себе.

Теана предусмотрительно захватила с собой достаточный запас травяного настоя, приготовленного Лонерином, на случай повторения у Дубэ болезненных приступов.

Чтобы успокоить зверя, раздирающего изнутри ее грудь, она каждые семь дней должна была принимать немного лекарства, но со временем Дубэ стала отмечать некоторые происходившие с ней странности. Уже на второй неделе лекарство перестало приносить желаемое облегчение. Ей становилось все хуже, но ни за что на свете она не созналась бы в

этом Теане. Будь на ее месте Лонерин, он сразу бы заметил, что с ней творится что-то неладное. Он схватил бы ее за руку, внимательно осмотрел девушку, и его глаза наполнились бы искренним состраданием, впрочем, в сущности, именно это и побудило разбойницу расстаться с магом.

Теана, казалось, была погружена в свой внутренний мир. Обе девушки, объединенные волею обстоятельств, были абсолютно чуждыми друг другу людьми. По этой причине Дубэ решила стиснуть зубы и продолжать изображать безразличие. Она не доверяла своей спутнице, но в конце концов вынуждена была сдаться. Ей становилось все хуже. Она чувствовала растущую в груди ярость зверя, руки начали дрожать, ночью мучили кошмары, наполненные убийствами и кровопролитием. После этого она решилась во всем признаться:

— У меня проблемы.

Ее собственный голос охрип до неузнаваемости. Теана, сидевшая рядом с ней у костра, судя по тому, как странно она посмотрела на разбойницу, должно быть, заметила это. На какое-то мгновение Дубэ с сожалением вспомнила о внимании к ней Лонерина. В нескольких словах она объяснила ситуацию. Ей было стыдно. Она впервые показала Теане свою слабость, что было равносильно раскрыть ужасную тайну незнакомому человеку.

Теана огляделась, и Дубэ показалось, что та растерялась.

— Если бы со мной были мои вещи... — пробормотала девушка.

Затем она встала.

— Жди меня здесь, — добавила она и скрылась в гуще леса.

Назад она вернулась с травами и парой веточек, у которых дорогой оборвала все листья.

— Покажи руку, — сказала Теана.

Дубэ повиновалась. Она чувствовала себя голой и беззащитной, так же как и всегда, когда кто-нибудь ее осматривал.

Теана долго смотрела на клеймо, поглаживая его руками и тихим голосом приговаривая какие-то заклинания. Затем разжевала собранные ею травы и наложила их на руку. С полужакрытыми глазами, слегка покачивая головой, она водила ветками по руке Дубэ.

— Ты просто привыкаешь к лекарству, — сказала она наконец, аккуратно стряхивая с себя зеленоватую кашицу.

Для Дубэ это была не новость. Подобное с ней уже происходило в Гильдии. Лекарство, что давала ей Рекла, со временем также теряло свою эффективность, а когда ей удалось бежать, она воспользовалась средством, которое приготовил Лонерин.

— Я думала, что настой Лонерина мне поможет...

Теана покачала головой:

— Все дело в клейме. Любое средство действует до определенного момента. Организм привыкает, никакое зелье не в состоянии полностью снять проклятие, поэтому так будет продолжаться и дальше.

Дубэ опустила глаза, она чертовски устала от всего этого. Девушка подумала о Дохоре и о том, насколько велико ее желание расправиться с ним.

— Но я могу помочь тебе.

Дубэ с надеждой посмотрела на Теану.

— Я занимаюсь таким видом магии, о котором почти забыли во Всплывшем Мире. Думаю, что смогу временно заблокировать действие клейма, но мне нужно зелье.

Дубэ была поражена. С тех пор как они отправились в это опасное путешествие, она полагала, что Теана потребуется ей исключительно для проведения ритуала по снятию ее проклятия. Эта девушка на самом деле не производила впечатление деятельной особы, она даже не была похожа на настоящего мага.

— Я могу сдерживать силу магических заклинаний, действия снадобий и некоторых не слишком тяжелых недугов.

— А с моим сможешь справиться?

Теана кивнула. Когда она говорила о магии, ее лицо становилось серьезным.

— Между прочим, маг может блокировать разрушительную силу клейма, и он способен чувствовать твоё присутствие благодаря магической ауре, которая тебя окружает.

— Почему ты раньше об этом не сказала?

В голосе Дубэ прозвучала саркастическая нота, поэтому Теана сразу же перешла в оборону:

— За все надо платить. Поначалу эта магия притупляет все чувства.

— Что это значит?

— Ты почувствуешь себя оглушенной, растерянной. Твои мышцы не смогут работать, как прежде. Это очень сильная магия: твоё тело ослабнет и несколько дней тебе будет очень плохо. Понемногу ты привыкнешь и уже после нескольких приемов почувствуешь себя лучше.

Дубэ вздохнула:

— Если буду принимать лекарство, когда я смогу продолжить путь?

— Ты с каждым разом должна уменьшать промежутки между приемами отвара; судя по твоим словам, его нужно принимать по меньшей мере один раз в пять дней, если пить реже, ситуация быстро ухудшится.

— А если я воспользуюсь твоей магией?

— Обряд следует повторять каждые пятнадцать дней, но, может, мне удастся продлить этот срок.

Дубэ на мгновение задумалась.

— Ладно, я согласна, — сказала она наконец. Впрочем, она не ждала встречи с врагами. Успех миссии в этот раз зависел не столько от ее боевых способностей, сколько от умения перевоплощаться.

— Дай мне руку.

Дубэ протянула руку и показала свое клеймо. Его цвет стал еще ярче, оно стало горячее на ощупь, кожа вокруг покраснела. Казалось, зверь медленно разъедал ее сознание: девушка безумно устала терпеть эту ежедневную муку.

Теана взяла ту самую ветку, при помощи которой проверяла силу проклятия, и вложила ее в слабеющие руки Дубэ таким образом, что снаружи остался виден только черный кончик.

— Нужно потерпеть, будет больно, — предупредила она.

Дубэ горько усмехнулась. Что эта девчонка знает о боли?

Разве она была когда-нибудь ранена, или над ней висело ужасное проклятие?

Теана приблизилась и бесстрастно на нее взглянула. Неожиданно Дубэ подумала про себя, не доставляло ли Теане удовольствие подвергать ее такой муке.

— Закрой глаза и сконцентрируйся на себе самой. На мгновение проклятие возьмет верх, а ты будешь парализована и не сможешь двигаться. Ощущение не из приятных.

Ее взгляд был настолько напряженным, что Дубэ едва не онемела. Затем она закрыла глаза и приготовилась к самому худшему.

Теана долго читала заклинание, похожее на то, что произносила в ту ночь, когда Дубэ проследила за ней. Затем она инстинктивно напрягла руку, а еще через несколько минут приложила веточку к коже и принялась сажой рисовать маленькие, часто повторяющиеся знаки на теле Дубэ. Эти непонятные символы оказались рунами.

Девушка-маг действовала быстро, с полужакрытыми глазами, следуя за воображаемыми линиями света, которые в силу магических действий отражались на внутренней стороне ее закрытых век. Именно так практиковала она свое искусство. Появлявшиеся в виде спутанных светящихся линий субстанции переносили энергетические потоки и телесные жидкости. Это было подобно вскрытию верхнего слоя земли и выявлению всех ее скрытых секретов. В это искусство девушку посвятил отец. Именно в этом таинстве заключалась настоящая сила Тенаара, которая была доступна только истинным его последователям.

Дубэ с любопытством открыла глаза. Кроме звуков медленного заклинания она абсолютно ничего не слышала. Ее рука была исписана множеством разных знаков, а Теана

все продолжала их выводить. В каждом символе Дубэ угадывала свое собственное неподвижное тело и затихающего, словно слабеющего зверя. Мышцы Дубэ отяжелели, и ее потянуло вниз. Теана всем телом наклонилась к ней, но ни на минуту не бросала ее руки.

Затем она отложила веточку и сделала глубокий вдох. Обессиленная Дубэ лежала на земле. Она не привыкла терять над собой контроль и чувствовала себя совершенно беспомощной. Дыхание разбойницы участилось.

— Я почти закончила, — прошептала Теана, но ее голос казался таинственно далеким.

Дубэ пребывала в полной отрешенности. Она снова почувствовала, как волшебница начала водить заостренной веточкой по уже нарисованным линиям, шепча для каждого слова на непонятном языке, а для зверя, наоборот, слишком знакомые.

В ответ на одно из таких заклинаний зверь внутри Дубэ начал выпускать когти. Тогда Дубэ из всех сил начала сопротивляться выплывавшим в сознании картинам кровопролитий, совершенным ею под воздействием проклятия, но все было бесполезно. Ужас от этих воспоминаний исчезал, уступая место запаху крови, как неотъемлемому символу злодеяний. Призывный аромат новой эйфории наполнил ноздри девушки.

Ее сознание взрывалось, в ушах стоял оглушительный рев зверя. Тело Дубэ билось в конвульсиях. На мгновение ей показалось, что руки и ноги ее стали меняться, превращаясь в конечности ужасного монстра. Она испытала настоящий первобытный ужас. Дубэ точно знала, что из этой пропасти ей не вырваться, знала, что она падает и что достаточно малой царапины — и ее сознание исчезнет навсегда. И хотя она уже долгое время жила с этим проклятием, но только в это мгновение по-настоящему поняла, какой конец был уготован ей Дохором и Иешодем.

Теана безучастно наблюдала за ужасными симптомами, и тени страха не отразилось на ее лице при виде содрогающегося тела, находившегося во власти диких желаний. Происходившие с ее спутницей изменения не производили на нее ни малейшего впечатления.

«И это та, которую полюбил Лонерин? Этот зверь, это мрачное проклятие?» Но тут же ей стало стыдно за эти ничтожные мысли. Она — маг, и должна оставаться максимально собранной, ведь в ее руках сконцентрирована огромная магическая сила, а ситуация в любой момент может измениться. Теана закрыла глаза и произнесла последнее слово заклинания, завершавшее ритуал. Неожиданно исчезли руны, начертанные ею на руке разбойницы, знак клейма быстро поблек.

Дубэ почувствовала, как зверь постепенно отступает, увлекаемый неведомой силой в глубины сознания, в то время как она сама снова начала владеть своим тяжелым и ноющим от боли телом; затем с усилием вздохнула и, кашляя, перекатилась на бок. Она опять стала самой собой.

Теана продолжала стоять неподвижно и смотреть, как Дубэ пыталась сесть. Девушка снова спрашивала себя, зачем решила помочь разбойнице; в очередной раз пыталась отыскать этому объяснение, но так и не находила его. Она смахнула со лба пот и пошла готовиться ко сну.

Дубэ даже представить себе не могла, что магический ритуал забирает столько сил. Не только ее тело, но и рассудок изнывали от боли. Если до этого момента она играла ведущую роль и сама устанавливала сроки и способы их передвижения, то теперь в силу своей слабости и беспомощности должна была полностью положиться на Теану.

— Ты не сказала, что это коснется и моего мозга, — с досадой упрекнула она спутницу.

Лицо Теаны приняло виноватый вид.

— В зависимости от человека результат воздействия ритуала может быть разным, значительную роль в этом играет само клеймо.

Но Дубэ не нуждалась в этих высокопарных извинениях. Ее больше волновал тот факт, что ее ум был в полной растерянности.

И это беспокойство оказалось не напрасным: когда Теана захотела сделать остановку в

той приграничной деревне, Дубэ не смогла воспротивиться этому рискованному предложению.

При иных обстоятельствах она приняла бы другое решение, поскольку прекрасно осознавала, что две девушки ни в коем случае не должны передвигаться по только что разрушенному и опустошенному селению. Наемники только того и ждали. И все-таки она не смогла взять инициативу в свои руки, именно поэтому на них напали и захватили в плен.

2

АРМИЯ ДОХОРА

Дубэ слышала пронзительный звук бряцающего оружия, смех и крики. У нее сильно болела голова, она еще не пришла до конца в себя, но попыталась понять, где она и что с ней произошло.

Она лежала лицом на сырой соломе и видела перед собой пару связанных веревкой ног.

Дубэ тряхнула головой, чтобы привести в порядок мысли; она хорошо помнила, что было до того, как лишилась чувств. Знак клейма на руке едва заметно пульсировал.

«Черт побери...»

— Тебе уже лучше? — услышала она взволнованный и пронзительный голос, и в ее поле зрения возникло лицо. Она немного напряглась, чтобы вспомнить. Это была Теана в той самой одежде, в которую облачилась несколько дней назад. Воспоминания о последних событиях, словно бусины ожерелья, медленно одно за другим всплывали в ее сознании.

Дубэ устало кивнула:

— Помоги мне подняться.

Теана подползла к ней и привалилась к ее плечу, руки у них обеих были связаны за спиной.

С трудом Дубэ наконец удалось подняться. Теана сидела перед ней бледная и взъерошенная. Она на что-то пристально смотрела. Дубэ оглянулась. Они сидели на телеге, дно которой было застелено соломой, со всех сторон их окружала решетка да еще несколько бочек и каких-то ящиков.

Она попробовала повернуть голову, преодолевая чувство тошноты и нестерпимую боль в желудке. Постепенно в ее голове прояснилась вся картина.

— Ты долго не приходила в себя, я пыталась освободиться, но у меня ничего не получилось. Потом я потеряла сознание, а когда пришла в себя, обнаружила, что мы находимся здесь со связанными руками.

Теана рассказывала быстро, беспокойно оглядываясь по сторонам.

— Тихо, — остановила ее Дубэ.

Их поместили почти в самом центре военного лагеря. Рядом Дубэ увидела несколько покосившихся палаток, а чуть поодаль большой шатер с пленными. Одни солдаты ходили по лагерю, другие без дела сидели у входа в свои палатки. Дубэ посмотрела на знамена, и ей уже не потребовалось больше напрягать свою расстроенную память, чтобы определить — это было войско Дохора.

— Когда это произошло? — спросила она.

— Вчера после полудня.

Дубэ посмотрела на небо. Полдень. Должно быть, удар был очень сильным. Она попыталась подвигать рукой в поисках кинжала, но поняла, что слишком крепко связана и не сможет этого сделать.

Она попробовала размять мышцы. Силы еще не были полностью восстановлены, но суставы уже достаточно подвижны. Дубэ сделала одно-единственное плавное движение плечами, одновременно прижав колени к груди. Руки скользнули у нее под ногами и оказались впереди.

Теана остолбенела.

— Как тебе это удалось?

— Научилась, — отрезала разбойница. — Кстати, у одного из Гильдии, — добавила она тихим голосом, оглядываясь вокруг. В который раз она с благодарностью вспоминала Шерву, обучившего ее такому владению своим телом.

Рука Дубэ быстро нащупала карман. Кинжал был все еще там.

— Нас обыскивали? — спросила она.

Теана тряхнула головой:

— Не знаю. Я тоже была без сознания, я уже говорила тебе об этом... — В ее голосе звучала тревога. Видно было, что она сильно напугана. Вдруг что-то промелькнуло в ее лице. — Нам нужно бежать, — пробормотала она, глядя на Дубэ огромными от страха глазами.

— Успокойся. Я не скажу, что это будет самым разумным решением.

— Ты шутишь? А как же миссия?

Дубэ быстро закрыла ей рот рукой.

— Тихо! — приказала разбойница. — Наша миссия уже началась, поэтому не вздумай проговориться, откуда мы и что здесь делаем, — сказала она шепотом. — Мы обе — крестьянки, Саннэ и Лея, и живем в этой деревне, понятно? Во время нападения мы спрятались в хлеву, а затем убежали, как только показалось, что опасность миновала. Поняла?

Теана кивнула.

В этот момент дверь решетки открылась.

— Эй, вы, подъем!

Это были два солдата: тот, что помоложе, — худой, другой, постарше, — более грузный. Едва послышался голос старого солдата, как Теана задрожала как лист. Дубэ и не пыталась успокаивать свою спутницу: ее трепещущий от страха вид вполне соответствовал их внешности. По той же самой причине, когда открылась дверь и солдат схватил ее за руку, она тоже постаралась изобразить испуг. И спектакль ей удался.

Дубэ чувствовала слабость. Она пошатнулась, откинувшись на руки конвоира.

— Что, пыталась сбежать? — спросил тот, глядя на Дубэ.

Она не ответила, стараясь произвести как можно более жалкое впечатление. Здесь она уже не думала, все происходило слишком стремительно: не в ее правилах было допускать подобные ошибки. Затем разбойница посмотрела на свою напуганную спутницу.

Солдат встал между ними и вплотную приблизился к Дубэ, затем одной рукой вынул шпагу из ножен, а другой больно сжал ее подбородок.

— Попробуй только, и тебе конец, — проговорил он, со злостью глядя ей в глаза. Острием меча солдат провел по ее тонкой шее, и Дубэ поняла, что он не шутит.

Увидев эту картину, Теана вскрикнула, но другой солдат грубо толкнул ее.

— А ну, пошла! — рявкнул он, как будто понукал животное. — А то передумаем.

Конвоиры переглянулись между собой и повели пленниц по разбитой дороге, прямо посередине которой рос низкий и очень густой куст. Дубэ украдкой огляделась вокруг и глубоко вздохнула. В воздухе уже не было аромата морской соли и йода, присущего Земле Моря, теперь девушка почувствовала запах травы и мускуса. Ничего примечательного не было и в лесу, по которому им также пришлось идти, но, несмотря на это, Дубэ сразу поняла, куда они попали. Это была Земля Солнца, ее земля. Невдалеке отсюда проходила граница, и они направлялись как раз туда, где правил Дохор. Странно было даже подумать об этом, но она была дома.

Вскоре они подошли к протекавшему мимо ручью. У Дубэ защемило сердце. Она узнала его, и ей не удалось скрыть своего замешательства. На берегу солдаты заставили девушек встать на колени. Дубэ слышала, как у Теаны стучат зубы. Она посмотрела на нее и увидела, что девушка плачет. Разбойница не осуждала ее за это.

Ее руки онемели, но, несмотря на это, она придвинула их поближе к кинжалу в ожидании подходящего случая.

— Умойтесь и напейтесь воды, иначе вас никто не купит.

Дубэ приготовилась подчиниться приказу, как вдруг один солдат схватил ее за волосы и повернул лицом к себе.

— Но смотри, без шуток, ясно? — сказал он с хищной ухмылкой.

У нее из глаз покатились слезы. Он чуть ослабил хватку и макнул девушку головой в воду.

Прохладное и приятное течение, ласкавшее ее лицо, сделало свое доброе дело. Давняя привычка погружаться в воду после выполненной работы помогла ей прийти в себя. Казалось, что туман, окутавший ее голову после исполненного Теаной ритуала, медленно рассеивался. В тело разбойницы даже вернулась часть былой силы.

Дубэ вдоволь напилась, освежив свое пересохшее горло, и промыла нывшую на голове рану.

Затем солдат силой оттащил ее от ручья.

— Довольно, пошли! — сказал он, подталкивая ее в спину.

Теана увидела, как все трое стали удаляться. Почему они оставили ее? Если они уведут Дубэ, то ей придет конец.

— Нет! — завопила она, поспешив за ними вдогонку. — Не оставляйте меня.

Дубэ понимала, что еще чуть-чуть — и та бы назвала ее настоящее имя. Девушка была слишком взволнована, чтобы помнить про их прежний уговор. Поэтому Дубэ, чтобы поддержать сцену, закричала ей в ответ, пытаясь вырваться из рук конвоиров:

— Лея! Лея!

Как и следовало ожидать, удар пришелся как раз между лопаток. У Дубэ перехватило дыхание. Она упала на землю, едва успев вытянуть вперед руки, чтобы не угодить лицом в сухую листву.

— Хватит орать! Мы не собираемся разделять вас! — крикнул солдат, охранявший Дубэ.

Разбойница слегка приподняла голову. Все тело ныло от боли, но усилием воли она заставила себя очнуться, затем посмотрела на Теану, пытаясь этим единственным мимолетным взглядом поведать ей все, о чем тогда думала. Дубэ ни за что не бросила бы свою спутницу. Сплоченность была главным условием их миссии.

Похоже, что Теана успокоилась и перестала оказывать какое-либо сопротивление.

— А ну, давай! — обратился старый солдат, поднимавший Дубэ, к своему напарнику. — Тащи сюда и эту. Я не хочу всю дорогу слушать их занудное нытье.

Другой солдат тяжело вздохнул и грубо толкнул Теану вперед. Дубэ, вопя и стелая от боли, едва сдвинула ноги с места.

— Эй, ты, не прикидывайся. Еще пару дней поторчите здесь, а потом — не наше дело, — сказал он.

— Куда вы нас отправите? — пробормотала Дубэ.

В ответ тот усмехнулся:

— Туда, где сможем обменять вас на кучу золотых монет, — на невольничий рынок Сельвы.

В стоявшей на столе миске с похлебкой плавали две корки черствого черного хлеба. Теана тщетно умоляла развязать ей руки: в ответ раздавался только громкий хохот солдат.

— Давай ешь, — сказал кто-то.

Миска стояла перед ней, но Теана отказалась ползать по земле и есть как скотина в хлеву. Она почувствовала, как от унижения слезы наворачиваются у нее на глаза. Дубэ молча наблюдала за этой сценой. Затем первой подползла на четвереньках к тарелке, нагнулась и погрузила лицо в похлебку.

— Вижу, ты быстро учишься! — сказал солдат под смех и выкрики толпы. Теана последовала ее примеру недоверчиво и испуганно.

Когда вся компания изрядно повеселилась, обеих на повозке отправили в камеру. Солнце уже зашло, вокруг была непроглядная тьма. Руки и ноги обеих девушек были

связаны одной железной цепью, закрепленной другим концом за перекладину огромного замка.

— Сладких снов, — с издевкой буркнул старый вояка.

Дверь заперли. Теана и Дубэ снова остались наедине. Они сидели, не произнося ни слова. Обе не спали, но еще долго хранили молчание. Все мысли Дубэ были только об одном: невольничий рынок в Сельве.

Это была ее родная деревня. Разбойница знала, что ее мать там больше не живет: видела как-то ее в Макрате, где у нее с отчимом Дубэ был магазин и лавка. Но в Сельве оставалось еще много знавших ее людей: лучшая подруга Пат, затем Матон, ее первая любовь, родители Горнара. Никто из них не смог бы узнать Дубэ. И не только потому, что она изменила свой внешний облик, но потому, что прошло уже десять лет, как она покинула деревню. В ней ничего уже не осталось от прежней Дубэ. Виной всему клеймо, зиявшее у нее на плече. Сельва отвергла ее.

Девушке никак не удавалось заснуть. В полной тишине она слышала, как Теана, шурша соломой, совершает поклоны. Она молилась, как обычно, и каждое ее слово сопровождалось едва заметным оханьем.

Дубэ прислушалась, пытаясь разобрать смысл этих заклинаний. Достаточно было одного слова из целого множества, чтобы заставить ее встrepенуться: Тенаар. Теана, полная надежды и веры, благочестиво шептала молитвы, девушка обращалась к своему богу.

Одно мгновение — и руки Дубэ снова оказались впереди, ловко проскользнув под коленями. Одним движением она прижала ее голову к решетке и обмотала цепь вокруг шеи. Теана жалобно зарыдала.

— Что ты сказала? — В голосе Дубэ звучала ненависть.

Теана с раскрытыми от ужаса глазами тщетно ловила ртом воздух. Разбойница ослабила руку ровно настолько, чтобы можно было дышать.

— Только что, во время молитвы, ты прошептала имя Тенаара.

Изумление исчезло с лица Теаны, но не страх.

— Пусти меня.

— Прежде ты все объяснишь.

В голове Дубэ роились сомнения. А что, если Теана шпионка Гильдии и поэтому решила отправиться с ней, чтобы сдать ее? Может, она — предательница?

— Это мой бог, — сказала та с некоторой гордостью. Дубэ сжала цепь вокруг шеи Теаны, перекрывая ей дыхание.

— Предательница, — прошипела она, сжав цепь еще сильнее. Теана, вытаращив глаза, с трудом откинула назад голову. Синеющими губами она что-то пробормотала.

В сознании ослепленной от гнева Дубэ смешались воспоминания о ее пребывании в секте и ужас от наказания, наложенного на нее Гильдией. Но все-таки она стала медленно разжимать руку. Слишком глупо для шпионки Гильдии действовать так открыто. Теана не могла не знать, что Дубэ не спит. Зачем тогда, произнося имя Тенаара, так рисковать.

— Я жду объяснений, — угрожающе прошептала она.

— Тенаар — это Шеврар, древнее божество эльфов.

— Я это знаю.

Девушка-маг, немного смутившись, продолжила дальше:

— Со временем его имя было искажено, так же как и его учение. Постепенно древняя вера была превращена некоторыми еретиками в кровавый культ. Они убивали прославлявших его, видя в этом божестве только темную и разрушительную сторону, забывая, однако, что Тенаар был также богом, который творил и любил.

— Меня не интересуют эти сказки. Скажи мне, кто ты и чего хочешь.

Теана вытаращила глаза от изумления.

— Ты думаешь, что я — одна из них, что я пришла, чтобы сдать тебя, потому что также исповедую эту абсурдную религию? — Теперь она казалась очень серьезной, почти рассерженной. — Тогда ты такая же, как и те, что убили моего отца, — произнесла она

сквозь зубы.

Дубэ непонимающе поглядела на нее:

— О чем ты говоришь?

— Очевидно, что ты не имеешь никакого представления о магии, а следовательно, не догадываешься о том, что мое магическое искусство отличается от других. Я — жрица истинного Тенаара. Мой отец был последним человеком, служившим этому богу. Для Гильдии он стал препятствием, пережитком прошлого, который нужно было уничтожить, поэтому он подвергался преследованиям. Он проповедовал любовь и величие Тенаара, суть которого в созидании, в перемене, но главное, он открыто утверждал, что религия Гильдии — это культ еретиков, чудовищное толкование истинной веры.

Дубэ слушала, не понимая толком, о чем шла речь.

— Сила Тенаара помогла мне приостановить разрушительное действие твоего проклятия. Я использую магию, основанную на разных священных ритуалах, посвященных этому богу. Этому научил меня мой отец.

— Ты говоришь, что культ Тенаара — это не только религия Гильдии?

Теана кивнула:

— Их учение — извращенное толкование истинной веры. Неужели тебе неизвестно, что Ниал была посвященной бога Тенаара и спасла мир?

Дубэ прислонилась спиной к перекладине. Все это ей казалось сплошным абсурдом. Люди убивали друг друга только для того, чтобы навязать собственное толкование воли бога.

— Тем не менее ты все эти ночи напролет молилась Тенаару у меня на глазах... глазах той, которую погубила Гильдия.

— Вот именно, это была Гильдия. Тенаар не имеет ничего общего с сектой убийц. Вера в этого бога — нечто иное.

Дубэ посмотрела на нее с усмешкой:

— Получается, что ты здесь для того, чтобы расставить все по местам, не так ли? Для того, чтобы подтвердить истинность твоей веры в противоположность той, которую проповедует Гильдия.

Теана растерянно смотрела на Дубэ.

— Не знаю. Я просто делаю то, чему меня научил отец.

— Ах да... — Дубэ засмеялась.

— Почему ты смеешься?

— Разве не смешно, что я отправилась в путь еще с одной фанатичкой этого нелепого бога?

Девушка-маг выглядела обиженной.

— Я — не фанатичка. Не надо равнять меня с теми, кто извратил настоящую и чистую веру, превратив ее в культ смерти.

— Но когда ты молишься, то становишься похожей на них, — заверила ее Дубэ. — Вы повторяете эти нелепые заклинания до тех пор, пока и для вас они не перестанут иметь значение.

От взгляда Теаны повеяло холодом.

— Я молюсь не так, как это делают в Гильдии. Ты сама их видела, и должна была это понять.

Дубэ рассеянно смотрела в сумрак ночи.

— Истина в том, что твоя вера привела меня сюда и вселила в мою грудь монстра. Вера в худшем случае приводит к смерти, а в лучшем — становится простым утешением для слабых.

— Этот образ навязан Гильдией, — возразила Теана. — Есть вера, которая связана с жизнью. Именно она вела моего отца и меня в годы изгнания и вложила мне в руки силу, способную сдерживать твое проклятие.

Дубэ сделала вид, что не слышит.

— Я знаю только, что жрецы без устали болтают, что нашли «суть», смысл мироздания. Но я вижу только смерть людей. Жизнь, насколько я ее знаю, это — хаос.

Теана невозмутимо выдержала ее взгляд.

— Это только потому, что ты еще не нашла своего пути.

Разбойница почувствовала некоторое раздражение.

— А ты нашла?

Теана перевела дыхание.

— Нет, но я знаю, что это.

Тишина воцарилась после ее слов. Дубэ посмотрела на звездное небо. Мириады маленьких холодных светящихся точек каждую ночь подряд равнодушно смотрели на течение земной жизни, словно не существовало ничего дурного в этом мире, что могло бы запятнать их ослепительный блеск.

— Когда мы сбежим? — спросила вдруг Теана.

— Мы не сбежим. Мы направляемся в самое сердце Земли Солнца, и это как раз то, что нам нужно. Через три дня мы будем в Сельве, оттуда и начнется наш путь. Куда безопаснее добираться туда на повозке, чем пешком.

— Да, но...

— С нами ничего не случится, — с уверенностью добавила Дубэ. — Я восстанавливаю силы и не допущу ничего плохого.

Теана с беспокойством и нерешительно опустила глаза.

— Для начала спасибо, — сказала она вполне искренне. — Я догадалась, для чего ты это сделала, там, у ручья, и потом... — Она опустила глаза, очевидно, не в состоянии продолжить дальше.

Дубэ также молчала: такое открытое проявление слабости застало ее врасплох.

— Я это сделала не только из-за тебя.

— Но из-за меня тебя ударили.

Разбойница не нашла, что ответить.

— Этого больше не случится, — добавила Теана. — Я не хочу быть для тебя обузой.

Дубэ посмотрела на землю. Она не верила в то, что в их взаимоотношениях может что-то измениться, но оценила ее искренность.

— Ладно, не думай об этом и ложись спать, — ответила она резко. — Будет лучше, если мы отдохнем.

Затем она устроилась на соломе поудобнее и легла спать. Чуть позже Теана последовала ее примеру.

3

НА КРАЮ ОБРЫВА

Сану казалось, что они слишком медленно идут вперед, по крайней мере, с тех пор, как вступили на землю Затонувшего Мира.

Их путешествие начиналось с хорошего предзнаменования. Мысль о том, что ему предстоит посетить столь мистическое место, как Затонувший Мир, и пережить новые захватывающие приключения рядом с живой легендой, каким был для него Идо, возбуждала его. После непродолжительного и скучного пребывания в Совете Воды, да еще и под неусыпным контролем охранника, Сан отправлялся в путь с твердым убеждением, что впереди его ожидает нечто грандиозное. Это было самым большим его желанием, поскольку предстоящая дорога со всеми ее остановками положит конец переполнявшему его грудь беспокойству.

Чтобы ни о чем не думать, он должен был как-то отвлечься. В последние месяцы произошло много событий, полностью перевернувших привычный уклад жизни Сана. Сначала вторжение Гильдии в его дом и убийство родителей; затем похищение и последующее спасение пришедшим ему на помощь Идо. И наконец, открытие собственных

необыкновенных возможностей, о существовании которых он лишь смутно догадывался. Казалось, что в тот самый момент, когда Шерва со своим напарником взломали дверь его дома, жизнь будто остановилась и превратилась в смутный кошмарный сон.

Гильдия разыскивала Сана для того, чтобы использовать его тело в качестве контейнера для души Астера, и, если бы их план удался, для мальчика это означало бы наступление нового витка ужасных испытаний, подобных тем, с которыми пришлось столкнуться его бабушке Ниал более сорока лет тому назад. И даже магическая сила, которой он обладал, вселяла в него тревогу. Сан, как никогда ранее, чувствовал себя одиноким.

Единственным светлым пятном в мрачной череде этих событий стал для него Идо, олицетворявший безопасность и спасение; он точно знал и мог указать Сану верный путь. Мальчик смотрел на все еще прямую, несмотря на немолодой уже возраст, спину своего защитника, и ему хотелось стать похожим на него. Вокруг царили мрак и хаос, но Идо со своим драконом прокладывали ему путь в Затонувший Мир, к спасению.

Когда Сан поднялся в воздух, он был ошеломлен красотой простиравшейся внизу панорамы; ветер трепал их волосы и морозил щеки, но воздух был наполнен запахами наступавшей весны.

И все же стремление мальчика к новым приключениям начало удовлетворяться только тогда, когда они достигли, наконец, океана. Сан никогда не видел моря. Со своими родителями он жил в умиротворяюще теплой Земле Ветра, о больших реках и бесконечных водных просторах он лишь читал в книгах. Теперь его взору предстал огромный, безбрежный и такой переменчивый океан.

В то утро, когда мальчик впервые увидел его у самой линии горизонта, он показался ему всего лишь искрящейся полоской у кромки неба. В полдень это был мрачный серый пласт, с нависшими над ним черными грозowymi тучами.

К вечеру, когда показалась гряда подводных рифов, океан предстал во всем своем бесконечном разнообразии оттенков синего цвета.

Идо посадил своего голубого дракона на одной из вершин гряды. Дул сильный ветер, распространяя вокруг резкий запах морской соли. Но более всего Сана потряс прибор.

Мальчик так решительно пытался спрыгнуть с дракона, что Идо даже схватил его за шиворот.

— Спокойно, не торопись! — с улыбкой сказал он, глядя на своего нетерпеливого спутника. Он указал Сану на склон рифа, что находился неподалеку от них. — А знаешь, какова высота гряды?

Сан посмотрел туда, где скала резко обрывалась, и отрицательно помотал головой.

— Почти тысяча локтей, — сказал гном.

Мальчик почувствовал сухость во рту.

— Можешь посмотреть, если хочешь, но будь внимателен, — прошептал он, прежде чем отпустить Сана.

Мальчишка осторожно приблизился к краю. Снизу раздавался оглушительный грохот, еще более мощный и яростный, чем грохот водопада в Лаодамее, у подножия королевского дворца, который в свое время также сильно поразил его воображение.

Стоя у самой кромки рифа, Сан на мгновение глянул сначала на небо, а потом на море, и острая боль вдруг пронзила его. Он задумался над тем, что было дальше за линией горизонта и о бесстрашных людях, сумевших преодолеть эти бескрайние просторы. Наверняка эта синева бесконечна и небо вечно отражалось в море, так никогда и не слившись с ним.

Он почувствовал свою ничтожность по сравнению с чем-то непомерно огромным.

Потом он, наконец, набравшись смелости, посмотрел вниз, за пределы того пятка суши, что была у него под ногами. Там внизу, на расстоянии, казавшемся ему непреодолимым, волны разбивались на множество разлетающихся в стороны брызг. Море из синего становилось почти черным, а затем покрывалось белоснежной пеной. Оно

вскарабкивалось на скалу, словно животное, которое, цепляясь когтями, пыталось вылезти из пропасти.

— Ну что, впечатляет? — Идо встал рядом и так же, как он, глядел вниз.

Сан пристально посмотрел на своего спутника, уверенный в том, что тот думал о том же. Ощущение внутренней пустоты было также знакомо старому воину. «Я такой же, как и Идо, потому, что мы оба одиноки на этом свете», — подумал он.

Всю ночь Сан не мог сомкнуть глаз. Путешественники остановились на ночлег у рыбака, жившего на гряде, человека мрачного и угрюмого. У него была смуглая и сухая, будто дубленая, кожа и мозолистые руки, которыми он каждый день тянул свои сети. Сан много слышал о гостеприимстве жителей Земли Моря и всегда представлял их себе огненно-рыжими и добродушными.

Однако Сеннар вовсе не показался ему таковым, да и этот рыбак был не слишком гостеприимным, скорее наоборот.

Хозяин дома предложил путникам холодного супа, а затем, пожелав им спокойного отдыха, удалился в свою комнату.

Сан спал на кровати, а Идо устроился на соломенном тюфяке, на полу. Мальчик слышал тихое похрапывание своего спутника. Но его внимание было приковано к шуму морского прибоя, не прекращавшемуся ни на минуту. В абсолютной тишине дома этот грохот был почти оглушительным. Сан подумал, что если бы чувства имели звуки, похожие на те, что не давали ему уснуть, то они наверняка были такими же громкими.

Голубой дракон, ведомый своим наездником, уносил их все дальше в прозрачную утреннюю синеву.

— А теперь? — спросил Сан Идо, кутаясь в плащ. Было довольно холодно, дул сильный ветер.

— А теперь будет самое прекрасное, — загадочно ответил его спутник.

Дракон спустился на скалистый берег, на такую узкую и извилистую дорогу, что ее с трудом можно было заметить с высоты. Это была тропинка, похожая на лестницу, спускавшаяся вниз по склону до рифа. Она вела как раз в маленькую бухту, в которой вполне могла разместиться лодка средних размеров.

После того как путники приземлились на небольшую площадку, им пришлось еще долго ждать. Ветер развеивал их плащи, в то время как солнце, следуя привычному маршруту, описывало свой полукруг над морской гладью. Наконец прибыли те, кого они ожидали.

Сан читал о них в «Хрониках Всплывшего Мира». Это были живущие под водой белые люди, каста избранных, которые покинули Всплывший Мир, не в силах больше терпеть войны, и создали на морском дне новое государство.

Это зрелище волновало и удивляло своей невероятностью.

В большинстве своем это были худощавые люди, с белой кожей, со светлыми глазами и холодным взором. Еще у них были длинные и сверкающие белые волосы. Похожие на привидения, они двигались неторопливо и грациозно, словно находились под толщей воды.

Судно, на котором эта группа причалила к берегу, производило такое же странное впечатление: легкое, с широкими бледно-голубыми парусами, казалось, что на нем можно парить над морем.

Как только эти люди приблизились, они встали на колени перед Идо, а также почтительно поприветствовали Сана.

— Вас приветствует Ре Тиро. Нас за вами послала графиня, — сказал старший из них.

Идо ограничился лишь кивком.

— Сколько потребуется времени для того, чтобы добраться до места? — спросил он, поднимаясь на борт их корабля.

— Две недели по морю и еще три недели, чтобы попасть в графство.

Первые дни Сан не находил себе места от радости, что плывет по морю. Он подолгу стоял на мостике, глядя на волны, они то светлели под яркими солнечными лучами, то

темнели, когда солнце пряталось за облака. Ночью мальчик наблюдал за звездами. В такие моменты у него было печальное настроение и боль утраты родителей с новой силой мучила его. Тогда он отходил от борта судна и спускался в каюту.

— Расскажи мне что-нибудь о моей бабушке, — просил он Идо, и тот почти всегда соглашался и рассказывал ему о приключениях Ниал. И хотя Сан знал их все наизусть, совсем другое дело было слушать очевидца. Боль понемногу утихала, и на душе у мальчика делалось легко и спокойно. Поэтому ему так нравилось быть с гномом. Но время шло, и вынужденное долгое пребывание на корабле начало его раздражать. Он не мог скрыться от самого себя, и тоска снова и снова возвращала его в тревожный мир своего воображения.

Он все больше увлекался магией и каждый день практиковал заклинания при свечах. Будь жив его отец, Сан никогда бы не позволил себе подобное. Теперь же казалось, что все хорошее и плохое, правильное и неправильное смешалось. Уже дважды, во время предыдущего путешествия с Идо, Сан благодаря своему дарованию сумел спасти жизнь им обоим. Так почему бы не попробовать развить свой талант? Однажды ему удалось даже сразить дракона. Конечно, о том, чтобы публично демонстрировать свои умения, не было и речи. Сан очень стыдился этого, хотя прекрасно понимал, что Идо давно уже в курсе его занятий.

— А ты знаешь, что в Затонувшем Мире тоже занимаются магией? Так же как и у нас наверху, — сказал однажды Идо, неторопливо и наслаждением раскуривая трубку.

Сан сделал вид, будто это ему безразлично.

— Пока мы будем там под водой, ты сможешь вполне серьезно этим заняться.

Мальчик ничего не ответил, и воцарилась длинная пауза.

— Так ты подумал над моим предложением стать магом? — чуть погодя спросил Идо.

— Подумал, — ответил Сан, пожав плечами.

— Не хочу торопить тебя с ответом, но я уверен, что это будет значительно интереснее, чем развлекать себя при свечах примитивными играми новичка, — возразил гном, подмигивая.

Да, Сан не ошибался. Идо действительно очень хорошо его понимал.

К концу второй недели они, наконец, прибыли на остров, на нем росли странные деревья и необычайно яркие цветы и не было ни одного дома.

— Сеннар спускался в Затонувший Мир через Горго. Это очень опасный вход, и мы им пользуемся только в случае крайней необходимости. Он был проложен в самом начале. Тогда мы и не предполагали, что нам снова придется возвращаться во Всплывший Мир. Потом были сооружены еще несколько входов, почти безопасных. Мы воспользуемся одним из них, — объяснил проводник, слишком тучный для жителя Залении. Он был среднего возраста, с характерными для его расы голубыми глазами и длинными волосами. Его звали Фания.

Сан немного разволновался, услышав имя деда и то почтение, с которым оно было произнесено. Он отлично знал все подробности миссии Сеннара: Айрес, женщина-пират, которая на судне своего отца сопровождала его добрую половину пути, затем шторм, монстр и, наконец, Горго. Мальчик и представить себе не мог, что когда-нибудь повторит этот маршрут, и очень огорчился, узнав, что они спустятся в Затонувший Мир через подземный ход.

И действительно, они спустились под землю, но затем неожиданно каменные стены подземного хода уступили место стеклянному тоннелю.

— Добро пожаловать в Затонувший Мир, — торжественно объявил проводник.

Сан огляделся вокруг. Никакого сомнения быть не могло — они под водой. Прямо под ногами на большой глубине он увидел каменные глыбы и диковинные водоросли. Вокруг плавали рыбы разных видов и форм. Высоко сверху пробивался солнечный свет.

Мальчик стоял открыв рот. Он никогда не мог даже помыслить о том, что Затонувший Мир может быть таким сказочно прекрасным.

Время, казалось, тянулось бесконечно. Тоннель плавно перерос в огромный сосуд, один из множества других ему подобных, в которых и был устроен этот мир. Сан был потрясен: в гигантских размеров стеклянной конструкции расположилось целое поселение со своими домами, возделанными полями и жителями-призраками. За первой такой емкостью следовала вторая, а за ней и все остальные. Путешествие превратилось в монотонное чередование похожих друг на друга населенных пунктов.

Территория была поделена на графства, и на переход границы каждого из них уходил по меньшей мере один день, всякий раз надо было дожидаться получения необходимых разрешительных документов. Жители подводного мира явно были одержимы идеей безопасности, особенно в отношении тех, кто, как и эти путешественники, прибывали из Всплывшего Мира.

Местные жители относились к пришельцам с явным подозрением: на протяжении своего пути путешественники нередко подвергались их нападкам. Мальчик чувствовал себя неуютно и от смущения сжимался в комок за спиной Идо.

Сан прекрасно знал цель путешествия. Они были обязаны укрыться от преследования Гильдии, потому что, если его найдут — все окончится трагически, и не только для Сана, но и для всего Всплывшего Мира.

В то же время, скрываясь в Затонувшем Мире, мальчик избегал встречи со своими врагами, и прежде всего с убийцами родителей. Но было ли справедливо прятаться под водой, когда они безнаказанно ходили по земле? Было ли справедливо оставаться в полном бездействии рядом с Идо, в то время как Совет Воды все свои силы направлял на борьбу с Гильдией?

Наконец они прибыли в пункт назначения.

— Это как раз то место, где однажды гостил твой дед, спустившись сюда через Горго. — Идо указал пальцем на то, что было у них над головами, и Сан поднял глаза. Сосуд, в котором они находились, был в точности похож на все остальные, прежде встречавшиеся им на пути, но при этом был связан с внешним миром посредством огромной стеклянной трубы. На самой ее верхушке угадывалось бурное волнение.

Юноша остолбенел от удивления.

— Это Горго?

Гном, довольно улыбаясь, кивнул:

— Именно так.

— Значит, здесь правит граф Варен, — заметил Сан с воодушевлением.

— Правил, — уточнил Идо. — Знаешь, не каждому, в отличие от нас, гномов, дано жить больше ста лет. Я сильно сомневаюсь, что он еще жив...

Сан снова вспомнил путешествие своего деда, описанное в «Хрониках Всплывшего Мира», про испытанные им чувства страха и восхищения от всего увиденного здесь, под водой. А еще подумал, что тот старик, которого он встретил в Лаодамее, суровый и порядком уставший от прожитых лет человек, совсем не похож на решительного и отважного юношу, совершившего такое опасное путешествие.

Дворец графини выделялся на общем фоне своей внушительностью и строгостью очертаний. Он представлял собой простую конструкцию прямоугольной формы с многочисленными окнами. Вход охраняли только двое часовых.

Внутри было просторно и светло. Белые стены дворца отражали любой проникавший извне свет. Войдя во дворец, сопровождавшие Сана и Идо люди опустились на колени перед вышедшей им навстречу женщиной.

— Вы свободны, — произнесла она. Длинная туника полностью закрывала ее тело, оставляя открытыми только руки. На вид ей было лет пятьдесят, но в чертах ее лица было что-то детское, что придавало ей довольно забавное выражение: в нем были чистота и простодушие. И в то же время во всем ее облике, в осанке, жестах, в интонациях голоса

угадывалась твердость и сила духа. Сан даже почувствовал некоторую робость.

У женщины, как и у всех здешних жителей, были светло-голубые глаза. Зато ее волосы не были полностью белыми, часть прядей была светлых, а часть темно-серых тонов.

Гном преклонил перед ней колени.

Женщина положила ему руку на плечо:

— Я прошу вас, право... не стоит.

Затем она подошла к Сану и так внимательно на него посмотрела, что он вынужден был опустить глаза.

— Добро пожаловать в Залению, Сан, — сказала она неожиданно звонким голосом. — Надеюсь, что тебе здесь понравится больше, чем твоему деду.

Мальчик осмелился наконец поднять голову.

— Разреши представить тебе графиню Ондину из графства Сакана, — сказал Идо.

Сан в сопровождении Идо и графини отправился осматривать дворцовый сад. Он казался растерянным и нерешительным, впрочем, после всего, что с ним произошло, это было абсолютно естественно. Ондина не сводила с него глаз. Она внимательно изучала его лицо, словно пытаясь что-то отыскать в нем.

Идо шел рядом с ней и спокойно курил. Он понимал, что она хотела увидеть. Сколько раз и ему приходилось сводить счеты с собственным прошлым.

— Тебе не кажется, что они похожи?

Они решили оставить в стороне все условности и перейти на «ты». Между ними сразу же возникло ощущение духовной близости, что и повлекло за собой установление доверительных, почти братских отношений, только на первый взгляд странных для двух людей, никогда прежде друг друга не видевших, но много знающих друг про друга.

Ондина вздрогнула.

— Да, особенно в его манере двигаться, в телосложении...

Они долго говорили о прошлом и о Сеннаре. Но прежде чем подробно расспросить о положении дел во Всплывшем Мире, графиня пожелала сначала узнать все про мага. Гном догадывался об истинных намерениях этой женщины; он прекрасно знал, что воспоминания надолго остаются в памяти именно благодаря мелочам, будничным и пустяковым, из которых частенько складывается истинный образ человека.

— Полагаю, что ты видишь в нем черты Ниал, — произнесла в какой-то момент Ондина.

Идо, вынимая трубку изо рта, кивнул:

— Особенно он похож на нее характером. Для меня это все равно что снова увидеть Ниал. И глаза он унаследовал от нее.

Графиня тяжело вздохнула. Ее взгляд был полон грусти.

— Каждый пытается отыскать в нем то, что потерял когда-то, не так ли? Это та цена, которую мы платим за наши воспоминания и сожаления.

Гном выпустил дым изо рта. Ондина была намного его моложе и никогда не видела крушения своего мира. Однако они оба разделяли одну и ту же мучительную тоску по прошлому, которому никогда уже не суждено было повториться.

— Ты сказал ему, что едешь сюда?

Идо кивнул.

— А он? — шепотом спросила Ондина.

Гном на мгновение закрыл глаза. Он сказал об этом Сеннару во время их встречи перед отъездом. По какой-то непонятной причине Идо вдруг подумал, что, наверное, они больше никогда не увидятся снова.

«Скажи ей, что я помню о ней всегда. И в первую очередь, что не прошло и дня, когда бы я не почувствовал угрызения совести за все сделанное мною. Еще скажи, что для меня она навсегда осталась девушкой, неподвижно стоящей у обочины той дороги, которую с годами все сложнее понять. В моей памяти она все так же прекрасна, как и прежде, и все так

же ждет моего возвращения. Возможно, что я никогда и не покидал ее, не знаю. Но непременно скажи ей, что без нее никогда не будет конца моему пути, что ей я обязан жизнью и много чем еще. И наконец, передай ей, что я пытался сдержать свое слово и не сделал этого, потому жизнь оказалась сильнее меня». Такими были слова Сеннара.

Идо сделал глубокую затяжку, с наслаждением втягивая в себя дым, а затем выпустил быстро рассеивающееся облако.

«Ты помнишь о моем обещании быть счастливым вместе с Ниал. Я пытался, но жизнь оказалась сильнее меня». В глазах Ондины появились слезы. «На самом деле, я не забыла тебя и до сих пор вспоминаю тот день».

Слезы катились по ее щекам, но рыданий не было. Она дышала спокойно и глубоко. Ее взгляд был прикован к Сану. Это была женщина с сильным характером, привыкшая за долгие годы к безмолвному страданию. Идо подумал о тех женщинах, которых он знал и которые были чем-то похожи на графиню: о Сулане в день свадьбы и о ее бездыханном теле в гробу в день похорон, затем вспомнил об иератическом¹ спокойствии Соаны, о ее сдержанности и силе, и где-то в глубине души он вдруг почувствовал щемящую боль.

Как одинока, должно быть, была эта женщина! Как тяжела ее доля!

— Мне так и не удалось забыть его, — сказала графиня, прервав его размышления. — Я действительно пыталась, но есть такие люди, встреча с которыми полностью меняет привычный уклад жизни, и он — один из них. Я старалась забыть его, уходя с головой в работу, когда еще только начинала служить во дворце у графа, позже в объятиях других мужчин. Но всегда чего-то не доставало. Мне, наверное, так и не суждено понять всю нелепость моего нежелания отречься и забыть. — Она незаметно вытерла слезу в уголке глаза. — Потом Варен удочерил меня, и я оказалась втянута в круговорот политических событий: государственные дела, борьба за реформы, за то, чтобы переселенцы, принимаемые мною, не считались больше слугами или изгоями. Возможно, это был еще один способ все забыть, отделаться от мании, сжигавшей меня изнутри и не дававшей покоя.

Идо опустил глаза. Сколько раз после смерти Соаны он сам стремился подавить в сражении собственную боль. Он также пытался уйти от неизбежности, тщетно искал любую отдушину.

— Вот теперь я — графиня и даже не знаю сама, как это у меня вышло. Мне первой среди вновь прибывших удалось достичь таких высот, поэтому у меня много завистников. И я наверняка должна была бы испытывать чувство гордости всякий раз при виде очередного переселенца, добившегося высокой должности и хорошо устроившего свою жизнь. Тем не менее все, что сделано за эти годы, не кажется мне очень значимым.

«Для чего нужна была моя борьба? Какой смысл в том, что я делаю? Настойчивое стремление сражаться, несмотря на ранение, становится все слабее, в душе поселилась неопределенность». Однажды Идо уже посещали подобные мысли, и теперь он ясно мог представить себе внутреннее смятение графини.

Ондина улыбалась.

— Извини, я наскучила тебе своей болтовней, а кроме того, тебе наверняка не слишком интересно слушать о превратностях моей судьбы. — Она смотрела на него красными от слез глазами.

Идо все так же курил трубку. Запах табака действовал на него успокаивающе.

— Как раз наоборот. Я прекрасно тебя понимаю. Когда такие люди, как мы с тобой, у которых столько всего было за плечами, начинают опускать крылья, а это может означать только конец, то становится очевидным, что они думают о будущем. По-моему, все, что мы сделали, пусть даже ценой собственных страданий, не было напрасным. И как ни старайся, сожаления неизбежны. А не кажется ли тебе, что нужно безмятежнее смотреть на происходящее?

¹ Иератический — здесь: жреческий. (Здесь и далее примеч. ред.)

Ондина, все еще улыбаясь, тыльной стороной руки провела по щеке. Она немного успокоилась. Гном подумал, что графиня очень красива, несмотря на ушедшую молодость и годы одиночества. Ей удалось свою слабость превратить в силу.

— Позже мой слуга покажет вам ваши комнаты.

— Благодарю, — произнес Идо.

Графиня встала.

— Мне кажется, что у мальчика большие способности к магии, — добавил гном, удерживая графиню за руку.

— Неудивительно, ведь он внук Сеннара...

— Нельзя ли здесь найти для него учителя? Он очень встревожен и все еще не пришел в себя после гибели своих родителей. Нужно как-то отвлечь его.

— В моем графстве есть несколько серьезных магов. Уверена, что подыщу для него подходящего наставника, — ответила графиня, улыбаясь одними глазами.

— Ты в самом деле замечательная хозяйка, — любезно ответил ей Идо.

Ондина чуть покраснела.

— Ах ты льстец, — произнесла она и удалилась прочь своей легкой поступью.

Идо смотрел ей вслед. По-видимому, прежде она не позволяла себе подобную искренность в отношениях. Гном сочувствовал этой женщине, она столько сделала за свою жизнь и была так одинока, невольно он сравнил ее с Соаной и вдруг понял, что состарился и устал от жизни.

«Пришло время уйти в тень». Неожиданно гному стало тоскливо от этой мысли.

Идо отыскал глазами Сана. Его протеже мирно спал под деревом.

В тот день в Доме стоял сильный запах крови: после большого жертвоприношения члены Гильдии пребывали во власти безумной эйфории.

Иешолю, Верховному Стражу, это чувство было знакомо: убийцы испытывали сильное возбуждение от насилия, и в первую очередь после принесения в жертву молодых людей: в этот момент их переполняло безумное ощущение могущества. Прошли годы, и из числа самых ярких убийц остались единицы. Рекла была одной из них. Она получала огромное удовольствие от кровопролития и смысл своей собственной жизни видела только в боге Тенааре.

Иешоль никогда не переставал жалеть ее. Он не был близок ни с одним из убийц: для него они были всего лишь средством изъяснения воли бога. Только Тенаар имел значение. Но Верховный Страж любил Реклу, как брат может любить сестру. Для него она была не просто подчиненной. Он помнил ее еще с тех пор, когда она худенькой и испуганной девочкой попала в Дом Гильдии, а затем на его глазах превратилась в уверенную в себе и своих силах женщину. Он был свидетелем того, как росла и крепла ее вера в Тенаара. В этом, в сущности, и заключалась единственная внутренняя связь между ними.

Иешоль знал, что она мертва. Рекла даже посредством магических действий больше не докладывала о ходе выполнения своего задания. После последнего сообщения прошло уже несколько недель, а такой перерыв мог быть только по одной причине. Верховный Страж всегда знал, когда кто-нибудь из его подопечных спускался в царство Тенаара. Должно быть, Дубэ ее убила.

Смерть Реклы было решено отметить массовой бойней. У подножия статуи Тенаара принесли в жертву огромное число просителей, находившихся в Доме Гильдии. Затем было море крови и ужасная оргия. Будущие жертвы ползали у подножия статуи Тенаара, где каждого из них, по очереди, избранные убийцы убивали кинжалами прямо в сердце. Потухшие глаза умирающих чудовищным образом контрастировали с глазами их палачей. Все смешалось в едином круговороте: крики ликования, стоны, смех и песни. Иешоль бесстрастно, но с чувством глубокого удовлетворения наблюдал, стоя рядом со статуей бога. Абсолютно все потеряли голову, все, но не он. В этой всеобщей эйфории только он сохранял трезвость ума, ни на одну секунду не переставая помнить о своей миссии и наступивших

тяжелых временах.

Верховному Стражу донесли, что мальчик, предназначенный для вселения в него духа Астера, сначала появился в Лаодамее, а потом исчез в неизвестном направлении. Его поиском тогда занимался Шерва, но он потерпел неудачу: мальчишке удалось уйти прямо у него из-под носа.

Наконец Иешоль узнал, куда Идо увез мальчишку. Времени оставалось в обрез, и все сложнее и рискованнее становилось достижение этой цели.

После того как резня прекратилась, Верховный Страж вызвал к себе четырех особо приближенных лиц. Едва переступив порог, они сразу опустились перед его столом на колени. От них исходил тот же терпкий запах крови, которым был пропитан главный зал храма.

— У меня для вас задание особой важности. О провале не может быть и речи.

Все четверо на мгновение подняли головы.

— Вы отправитесь в Затонувший Мир и привезете мне Сана.

— Он в Залении? — спросил один.

Иешоль кивнул:

— Он там вместе с Идо. Делайте с гномом что хотите, он — ваш, но мальчишку нужно доставить живым любой ценой.

Они опустили головы в знак слепого и безоговорочного подчинения. Это было как раз то, чего ожидал от них Верховный Страж.

— Идите, — сказал он, поворачиваясь лицом к статуе Тенаара. Все четверо встали и, тихо ступая, вышли за дверь. Иешоль закрыл глаза. Впервые за многие годы он так боялся потерпеть поражение. Им овладел страх: зверь начинал выходить из-под их контроля, и смерть Реклы стала тому доказательством. Да и Сан оказался более неуловимым, чем они думали. А если это был не зверь? Назрела необходимость срочно рассмотреть запасной вариант, и он уже занялся этим вопросом. Несколько дней тому назад Верховный Страж Гильдии встречался с Дохором и обсуждал сложившуюся ситуацию.

— Мне нужны книги, — обратился Иешоль к своему собеседнику.

— А мне нужны новые жертвы, — с ехидной улыбкой парировал король.

— Это называется совпадение интересов, — ответил Верховный Страж, наклоня голову.

— Тогда объясни мне, что тебе нужно.

Иешоль начал перечислять: рукописи Астера, древние эльфийские книги, утерянные во время разрушения Энаара, древнего города на территории Большой Земли. Тиранно совершил это злодеяние еще в самом начале своего кровавого правления. Один только Дохор имел доступ к этим реликвиям: дело в том, что крепость, которую он возвел, стояла на древнем фундаменте исчезнувшего города. Иешоль в это время продолжал подстрекать убийц к насилию и даже обратился с просьбой к королю принять участие в некоторых ритуалах, проводимых в их храме. Пользуясь случаем, Верховный Страж Гильдии заявил королю, что не будь тот столь прагматичен и амбициозен, то стал бы наверняка самым преданным сторонником его веры. Но как раз этим грешил и он сам в своей безудержной жажде власти.

4

ТОРГОВЕЦ ЖИВЫМ ТОВАРОМ

Дубэ проснулась, когда солнце было уже высоко. Приближалась весна: она определяла это по наполнявшим воздух ароматам травы и цветов. Их караван был в пути вот уже два дня, и Сельва наверняка была уже где-то совсем рядом. Длинная цепь, сковывавшая двух пленниц, была прикреплена к железным прутьям решетки, в которой они сидели, но, несмотря на это, разбойнице удалось вытянуть немного онемевшие руки.

Теана, погруженная в свои мысли, неподвижно сидела перед ней. Кто знает, что было у

нее на уме. Должно быть, она встала на рассвете и наверняка молилась про себя: после их спора о Тенааре девушка-маг больше уже не восхваляла вслух своего бога. Она стала более кроткой и даже не пыталась противиться своим тюремщикам. Теана в конце концов смирилась со своим положением, стараясь воспринимать все превратности судьбы с максимальной бодростью духа. Дубэ оценила это по достоинству.

— Доброе утро, — произнесла девушка-маг с улыбкой.

Дубэ ответила ей кивком. Она чувствовала себя значительно лучше; ее тело набирало силу, в голове также прояснялось. Первым делом она оглядела свою спутницу. С виду все было в порядке: их прикрытие еще срабатывало.

— Я выгляжу так же, как и пару дней тому назад? — спросила она, пытаясь подняться.

Теана кивнула.

— Очень хорошо, потому что будет довольно сложно приготовить снова все эти мази.

— В любом случае через девять дней необходимо снова повторить ритуал над твоим клеймом.

Дубэ резко повернула голову. У нее вовсе не было больше желания снова подвергать себя этой пытке: она только начала восстанавливать свои силы.

Теана улыбнулась. Должно быть, она заметила ее волнение.

— Не бойся, все пройдет значительно легче, чем в прошлый раз. Твое тело уже приспособилось к такой встряске, и ты будешь мучиться самое большее дня два.

— Надеюсь, — ответила Дубэ. — Потому что к тому времени наверняка мы снова будем в бегах.

Неожиданно дверь клетки отворилась.

— А ну, красавицы, пора мыться. — И с этими словами один из солдат резко схватил разбойницу за руку.

Девушки сразу же смолкли, и каждая из них была снова готова выполнить отведенную ей роль.

Это случилось десять лет тому назад. Тогда будущее все еще казалось полным надежд и солнце так же высоко светило в небе, как и сейчас.

Когда солдаты отвели Дубэ к реке, она сразу же узнала тот самый камень, возле которого дралась с Горнаром. Он все еще лежал на своем месте, такой же абсолютно круглый, как и раньше. На мгновение девушка явственно вспомнила все произошедшее. Дубэ держала голову Горнара в руках, но никак не могла осознать случившееся, тем более поверить в то, что она кого-то убила. Это казалось ей невероятным.

— Ну так что, будем шевелиться?

Солдат толкнул Дубэ к воде, и она закрыла глаза. При выполнении задания ей нельзя было допускать ни единого промаха, а для этого нужно вычеркнуть из памяти все воспоминания: Сельва — всего лишь первый этап на пути, ведущем ее к Дохору. Она попыталась собраться, но руки девушки нервно тряслись.

Краем глаза она увидела, как Теана изучающе смотрела на нее. Дубэ, не обращая внимания на свою спутницу, окунула лицо в воду, в то время как дрожь все сильнее колотила ее тело.

— Раздевайтесь, — приказал солдат, когда обе девушки закончили умываться.

Дубэ замерла от неожиданности.

— В этих лохмотьях вас на рынке никто не купит. Так что хорошенько вымойтесь и наденьте вот это. — Солдат небрежно бросил на землю пару довольно коротких жилетов и юбки танцовщиц, сшитые из вуали.²

Теана посмотрела на вещи, а потом перевела взгляд на Дубэ: ее глаза были полны отчаяния. Разбойница нервно сглотнула. Она поднесла руки к груди и, расстегивая петли на

² Вуаль — здесь сорт легкой прозрачной ткани.

блузах, стала снимать их одну за другой. Затем девушка повернулась спиной к солдату.

«Ну, смелее, пришло, наконец, время доказать твою готовность следовать за мной».

Несколько секунд Теана стояла неподвижно. Затем она также отвернулась и, закрыв глаза, с чувством полной безнадежности стала медленно раздеваться. Впервые с самого начала их совместного пути Дубэ почувствовала истинное восхищение ею.

Обе девушки остались в одних очень коротких и прозрачных нижних рубашках.

К несчастью, во взгляде солдата отчетливо читались его истинные намерения.

— Черт возьми, вас продадут... А я так надеялся, что никто вас не купит, — сказал он, приблизившись.

Он засунул руку под рубашку Дубэ — она закрыла глаза, пытаясь оставаться невозмутимой. Слепая ярость сдавила ей грудь. Ей, должно быть, хотелось выхватить кинжал, спрятанный в потайном кармане лежавшей на земле юбки.

— Тебе же сказано было не трогать товар!

Обе девушки затаили дыхание: второй солдат подскочил к первому и ударил его по затылку. Но тот лишь повел плечами и похабно улыбнулся.

— Ну, иду, иду! — буркнул он почти игриво и подтянул цепи к себе.

Дубэ, воспользовавшись этой заминкой, сумела достать кинжал и взять две маленькие склянки из одежды своей спутницы. Разбойница сделала все настолько молниеносно, что никто, даже смиренно потупившая взор Теана, этого даже не заметили.

— Ты — молодчина, — прошептала ей Дубэ.

В городе было полно солдат и очень много скованных цепями рабов. Среди них встречались мужчины, но в большинстве своем это были женщины и дети.

Сельва была, как никогда раньше, переполнена людьми. Дубэ никак не могла узнать хотя бы одного из них. Казалось, что ее Сельва вымерла, а на смену исчезнувшим обитателям пришли совсем незнакомые девушке люди, при этом дома и внешний облик улиц оставались прежними.

Солдат провел своих пленниц по всему рынку мимо любопытствующих, а порой и слишком придирчивых взглядов. Время от времени девушки смотрели друг на друга глазами полными тоски.

Раньше в Сельве не было невольничьего рынка — городок был для этого слишком мал и слишком удален от больших поселений. Теперь, когда линия фронта продвинулась вперед, близость Сельвы к местам сражений только способствовала появлению в ней мест для такого рода торговли. Она сильно разрослась за это время. На окраинах появились новые дома, в то время как центр городка остался неизменным.

Дубэ вспомнила про то, как ее судили. Прежде чем услышать вердикт, она прошла по той же самой улице. Возможно, что ее судья Трарек, старейшина Сельвы, был еще жив. Интересно, что стало с тем парнем, который отпустил ее в лесу? Наверняка он не мог и предположить, что спасал жизнь одной из убийц Гильдии, женщине, намеревавшейся убить его короля.

— Все в порядке? — спросила ее Теана.

Дубэ кивнула.

— Я вижу, что тебя что-то смущает. Может, это клеймо начинает снова беспокоить... — Увидев лицо своей спутницы, девушка-маг осеклась.

— Все в порядке. — Дубэ не могла рассказать Теане всю правду. — Я родилась здесь, — тихонько выпалила наконец она, а затем ускорила шаг, чтобы избежать дальнейших расспросов своей спутницы.

Вскоре девушки вместе со своим конвоем дошли до центральной площади. Раньше она казалась Дубэ довольно большой. Это место ей всегда казалось особенным, даже красивым: в праздничные дни она в нарядной одежде часто прогуливалась здесь. Теперь же девушка немало удивилась, увидев, что площадь представляла собой не что иное, как квадрат неправильной формы, одна сторона которого не превышала и тридцати локтей.

Деревянный помост, сооруженный торговцами рабами, был слишком мал для такого количества рабов, они толпились в ужасной тесноте. Покупатели, не сумевшие пробиться к центру, стояли на примыкающих к площади улицах, приподнимались на носки, чтобы хоть как-то разглядеть товар.

Солдат отвел девушек под навес за помостом. Там, по всей вероятности, располагался и торговец. В воздухе пахло человеческим потом и страхом. В углу было несколько плачущих женщин; среди прочих одни все еще пытались сохранять выдержку, другие же стояли безропотно и безучастно ко всему происходящему. В самом центре этой группы сидел торговец: Дубэ сразу его узнала — это был Ренни, ее друг детства. Он растолстел и казался намного старше своих двадцати лет. Его взгляд, однако, остался прежним.

Он также был в тот день на суде. Дубэ прекрасно помнила, что именно он первым стал свидетельствовать против нее. Своим визгливым и противным голосом он выкрикивал обвинения в ее адрес. Девушка посмотрела на него испуганными глазами и замерла.

Конвоир толкнул ее сзади:

— Не вздумай реветь!

Ренни обернулся. Его шея заплыва жиром, огромные руки едва помещались на ручках кресла, которое поскрипывало под тучным телом. Дубэ помнила его худым и проворным мальчишкой, имевшим очень мало общего с этой отвратительной грудой жира. В то время как Ренни мерил ее своим омерзительным взглядом, ошеломленная девушка вспомнила слова, которые он прошептал ей перед самым вынесением приговора: «Будь уверена, ты получишь по заслугам».

— Что случилось? — спросил торговец, поворачиваясь лицом к солдату.

Его голос нисколько не изменился с той поры.

— Все в порядке. С этими шлюхами вечно одни проблемы.

Ренни самодовольно улыбнулся:

— Нас это не касается, не так ли? Это будет головной болью того, кто их купит.

Солдат потянул за цепь. Как только Дубэ отделили от Теаны, она почувствовала свою незащищенность: казалось, кожа стала настолько прозрачной, что через нее был виден каждый орган. Не может быть, чтобы он ее не узнал и не почувствовал зловонный дух своего греха. Наверняка Ренни вспомнил ее еще и потому, что именно он обвинил девчонку в преступлении, не оставив ей ни единого шанса на оправдание.

Торговец начал крутить ее, осматривая со всех сторон, словно животное. Он пощупал ее руку, попросил открыть рот. Он медленно вел своими жирными пальцами по телу Дубэ, пока не наткнулся на клеймо.

Девушка начала нервничать. Ренни поднял рукав ее одежды и увидел сдвоенный пятиконечный знак.

— Что это? — Он посмотрел Дубэ прямо в глаза, но разбойница оказалась не в состоянии произнести ни слова.

— Ну? — проревел он снова.

— Это символ принадлежности к жреческой касте.

Дубэ повернула голову. Определенно это был голос Теаны, дрожащий и неуверенный, но все-таки ее голос.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал торговец, стараясь рассмотреть его получше.

— Моя подруга, чтобы вылечиться от красной лихорадки, с детства посвятила себя богу.

Ренни с восхищением посмотрел на разбойницу:

— А! Так, значит, тебе удалось уцелеть...

Дубэ растерянно кивнула. Это была правда, ужасная правда.

Затем Ренни осмотрел Теану и принялся подсчитывать их общую стоимость. Наконец он снова с трудом уселся на стул и изрек свой вердикт:

— Сто каролов за каждую.

На лице солдата появилось недовольство.

— Ты что, с ума сошел? Да это товар — первый сорт!

— Это самое большее, что я могу тебе предложить: или да, или нет.

Дубэ словно издаലെка слушала их разговор. Волшебные чары это или нет, но она не могла поверить в то, чтобы старый друг детства не узнал ее. Разбойница почти уже было собралась открыться ему, чтобы в конце концов узнать, получила ли она прощение. А может, девушку уже забыли или все еще продолжали считать без вести пропавшей? Эти мысли одолевали ее, и вскоре в голове Дубэ все окончательно смешалось.

Теана выбрала момент, взяла ее под руки и усадила на землю.

— Все закончилось, — с облегчением прошептала она на ухо своей спутнице.

Их конвоир уже ушел с полным кошельком в руках, но Дубэ этого и не заметила. Она погрузилась в свое прошлое, и нахлынувшие неожиданно воспоминания затмили собой действительность.

Ренни привязал цепь с девушками к единственному оставшемуся свободным шесту шатра, а затем удалился, не сказав ни слова.

Теана сразу заметила на лице Дубэ какое-то безумное выражение. Махнув головой, она указала в сторону, куда ушел работорговец:

— Ты его знаешь?

Дубэ кивнула. Она сидела опустив голову на колени, прижатые к груди.

— В детстве мы вместе играли. Он был одним из тех, кто обрек меня на изгнание из этого города.

Теана не проронила ни слова.

Дубэ подняла голову:

— Для объяснений нет времени. Это — долгая история, да тебе и не понять.

Казалось, что эти слова обидели девушку, но она не стала больше настаивать.

— Все будет хорошо, не волнуйся, — проговорила разбойница.

В действительности находиться здесь было для нее унижением. Чувство вины, смутное присутствие которой она ощущала в течение многих лет где-то внутри себя, казалось ей неким подобием стеклянной стены, отделявшей ее от мира, но там, у помоста, под пристальным взглядом Ренни оно превратилось в пронзительную боль.

В этот самый момент в шатер решительно вошел молодой солдат и отвязал нескольких женщин, чтобы отвести на помост, где аукционист с целью демонстрации всех достоинств невольниц выставял их на всеобщее обозрение.

Теана с волнением наблюдала за происходящим. Наверняка она спрашивала себя, когда же наступит и их черед и что за этим последует. Другие женщины, всякий раз, когда входил солдат, отступали назад: одна из них бормотала какие-то подбадривающие слова, но остальные, в большинстве своем, рыдали в голос.

Дубэ полностью отстранилась от происходящего. Сейчас, поджав колени, девушка чувствовала себя точно так же, как и тогда, после убийства Горнара, когда, скрывшись на чердаке своего дома, она замкнулась в упорном молчании. Ничто не изменилось с той поры, несмотря на то что прошло уже десять лет, и за это время она успела познакомиться с такими людьми, как Учитель и Лонерин, сумевшие ее понять.

Во время своих странствий по Неведомым Землям, она тешила себя иллюзией, что полностью изменилась, что сделала крошечный шаг вперед. Девушка решила довести до конца чужую миссию и почувствовала, как внутри нее зарождается новое чувство, которое из-за прежних грехов и проклятия казалось ей недоступным. Среди царившего в этом шатре отчаяния Дубэ пришла к выводу, что все было напрасным: ничто не смогло бы ее спасти от мучительного ощущения вины, терзавшего ее изнутри.

— А ну, давай, поднимайся.

Разбойница подняла свои отрешенные глаза и увидела, что слова солдата относились именно к ней. Она безмолвно подчинилась. Потом парень потащил за собой и Теану.

Когда они наконец оказались на помосте, шум толпы усилился. Теана судорожно сжала

руку спутницы, но Дубэ не ответила.

Аукционист подал знак, и солдат попытался разделить их, но Теана закричала как сумасшедшая и стала отчаянно сопротивляться. Последовал резкий и грубый удар кнута, который пришелся как раз по ногам девушек. Теана упала на пол, а Дубэ только прикусила губы. Физическая боль привела ее, наконец, в чувство.

«Тебе нужно выполнить задание», — сказала она себе.

— Юная красавица жрица шестнадцати лет. Всего за пятьсот каролов она будет ваша, — начал выкрикивать глашатай, в то время как солдат силой тащил Теану с помоста.

Дубэ оглядела толпу, пытаясь избавиться от навязчивых образов прошлого.

— Прошу, не разделяйте нас! — услышала разбойница удалявшийся голос Теаны. Нужно было срочно что-то придумать. Размышления девушки были прерваны новым ударом кнута, больно ранившим ступни ее ног, и она упала на колени. Дубэ слышала вокруг себя недовольные голоса мужчин и чувствовала их оценивающие взгляды.

— Полторы тысячи каролов за каждую, и забираю обеих.

На рынке воцарилась гробовая тишина. Даже глашатай онемел от удивления. Дубэ немного приподняла голову, чтобы посмотреть, чей это был голос.

А голос принадлежал молодому человеку, возвышавшемуся над толпой по причине очень высокого роста. На нем был длинный плащ, в вырезе которого виднелось серебряное ожерелье тонкой работы. Девушка внимательно на него посмотрела: она узнала его.

Тонкие черты лица и очень светлые волосы, казавшиеся почти белыми. Девушка мгновенно вспомнила один чудовищный эпизод из времен ее пребывания в Гильдии.

Фора, родственник Дохора и командующий боевыми действиями в Земле Огня, топтал трупы восставших, которые были только что зверски убиты его солдатами, и сидевший рядом с ним на лошади мальчик наблюдал за этой сценой. Именно тогда Дубэ впервые увидела Леарко, сына Дохора.

Почти сразу глашатай пришел в себя:

— Не в наших правилах продавать вместе двух рабов одного пола...

— Десять тысяч каролов, и попридержи свой кнут.

Из толпы раздался возглас изумления: реальная стоимость была увеличена почти в десять раз. Даже Теана прекратила протестовать и с изумлением наблюдала за этой сценой. Дубэ спрашивала себя, что мог делать сын короля в таком месте, как это, и для чего нужно было платить такие бешеные деньги за двух ненужных ему рабынь, да и к тому же не слишком привлекательных.

Глашатай низко поклонился. Очевидно, он не узнал принца, поскольку позволил себе некстати подобный комментарий:

— Прошу прощения, но не покажите ли вы мне ваши деньги?

Леарко быстро и легко шел сквозь расступавшуюся толпу. Дойдя до помоста, он бросил на его расшатанные доски кошелек, из которого высыпались сверкающие монеты: там было не менее пятисот каролов.

— Остальные отдам лично в руки, как только получу невольниц.

Доски помоста тяжело заскрипели.

— В этом нет никакой необходимости, ваше высочество! — послышался пронзительный вопль.

Ренни подскочил к глашатаю, толкнул его на пол, рукой наклоняя его голову.

— Воздай почести своему повелителю, скотина! — закричал он и сам наклонился так, что лбом коснулся пола.

Все произошло так, словно неожиданно разрушились магические чары. Только в этот момент присутствующие поняли наконец, кто стоял перед ними, и в один миг вся площадь превратилась в мостовую из склоненных голов.

— Господин, разрешите подарить вам этих двух рабынь, и умоляю вас, возьмите ваши деньги. — С этими словами Ренни оттолкнул от себя кошелек с золотыми монетами, украдкой бросив на него жадный взгляд.

Принц не смутился, но поглядел на него с жалостью.

— Возьми деньги, а взамен отдай мне ваши кнуты.

— Все, что пожелаете, ваше высочество, — ответил работорговец. Затем он пнул ногой глашатая, и тот принес кнуты и отдал их Леарко.

Леарко поднялся на помост и помог встать сначала Дубэ, а потом и Теане. Разбойница с опаской подумала, не вспомнил ли он ее... На всю жизнь ей запомнились его переполненные яростью глаза. Но принц даже не взглянул на нее.

«Я хорошо замаскировалась», — подумала она с облегчением.

Ренни вручил принцу цепи.

— Освободи их, — приказал Леарко, и тот поспешил подчиниться, спешно разыскивая в карманах ключ.

Один из присутствующих бросил клич:

— Да здравствует принц!

За ним последовали остальные, до тех пор пока вся площадь не стала аплодировать, восхваляя молодого наследника престола как великодушного и прекрасного правителя.

Леарко, не обращая внимания на происходящее, снял обеих девушек с помоста.

— Благодарю вас, господин... — бормотала Теана надрывным голосом, заметно преобразившись.

— Я не сделал ничего особенного, — ответил Леарко.

Дубэ заметила, что его взгляд стал теперь печальным и потухшим. Тем не менее время сожалений прошло; она понимала, что судьба предоставляла ей единственный шанс.

— Вы ни в коем случае ничем мне не обязаны, — добавил принц, обращаясь к обеим девушкам. — Возвращайтесь домой, вы свободны.

И, не успев даже договорить эту фразу, он повернулся, чтобы уйти.

Чистый утренний воздух раздувал его плащ, и это напомнило Дубэ совсем другой плащ и другого человека, который также пытался оставить ее один на один со своей судьбой.

— Постойте!

Леарко обернулся.

— Нам некуда больше идти, — прохрипела разбойница надрывным голосом, растирая запястья своих рук. — Наше селение разрушено, а здесь мы находимся слишком близко к линии фронта... Вы прекрасно понимаете, что может произойти с двумя молодыми женщинами на войне. Так для чего же нам это спасение, если затем вы бросаете нас на произвол судьбы?

Принц пронзил девушку взглядом.

— Я — солдат и всю свою жизнь провел на полях сражений, поэтому я не смогу быть для вас защитой.

Дубэ упала на колени, коснувшись его сапог.

— Вы — сын короля! Я уверена, что при дворе всегда найдется место для двух девушек. Мы многое умеем делать. Моя сестра после смерти матери вела дом и хозяйство. Умоляю вас...

Теана сразу поняла мысли Дубэ и упала ниц к ногам принца.

В ответ он смущенно отступил назад.

— Встаньте, — проговорил он.

Разбойница не послушалась, а только подняла на него свои печальные глаза. Она увидела, как тот был сражен ее словами и как его глаза наполнились состраданием.

После нескольких секунд колебаний он произнес:

— Я один и еду в Карву, чтобы воссоединиться с основными силами наших войск. Там я смогу поручить вас кому-нибудь, чтобы затем отправить в Макрат, во дворец, с моими рекомендациями. Пока не могу ничего обещать, но...

Дубэ поднялась на ноги и бросилась целовать его руку.

— Благодарим вас, господин.

— Довольно, — возразил он, высвобождая руку, затем поправил на спине плащ. — Я

выезжаю сегодня вечером; и если вы действительно намерены следовать за мной, то закат солнца мы встретим здесь.

Он достал из висевшего у него на боку кошелька несколько монет.

— Возьмите эти деньги и купите себе одежду. Нормальную одежду, — сказал он, окидывая их взглядом. С этими словами он скрылся в толпе.

Дубэ следила глазами за стройной фигурой принца до тех пор, пока не потеряла его из виду в суматохе, царившей на площади. Сама не зная почему, она почувствовала боль в сердце и тяжесть в голове.

И снова Теана помогла ей встать на ноги.

— Ты говорила, что мы будем свободны, — проговорила она.

Дубэ повернула к ней голову. Ее облегчение уже улетучилось.

— Нам нужно попасть в Макрат, во дворец Дохора, и кто, как не сын короля, смог бы нам лучше в этом помочь?

Теана со вздохом опустила руки.

— Не бойся, пока мы с ним, нам ничто не грозит.

Но теперь Дубэ хотелось уединиться, чтобы все как следует обдумать. Прошное вернулось, и она снова рисковала провалить миссию.

5

ТРОЕ В ПУТИ

Дубэ еще не покинула пределы города, но уже почувствовала, что может свободно дышать. Она разом пробежала через все извилистые переулки, двигаясь быстро и незаметно, как в те времена, когда занималась воровством в Макрате.

Разбойница велела Теане купить новую одежду, а сама исчезла в толпе.

Она ушла в лес, он был неподалеку, и теперь наслаждалась его ароматами. Девушка уселась под деревом и попыталась все обдумать. Когда-то Учитель объяснил ей, что это самое лучшее средство для того, чтобы привести в порядок голову.

Дубэ прижалась спиной к стволу дерева и закрыла глаза, в надежде побыть, наконец, в полной тишине и расслабиться, но воспоминания детства нахлынули на нее с новой силой. Ей так и не удалось избавиться от щемящего чувства любви к родным местам. Да и как она смогла бы это сделать? Еще ребенком приходила она в этот лес вместе со своим отцом. А может, его дух все еще бродит в этих местах и разыскивает ее?

Когда Дубэ изгнали из Сельвы, отец отправился на поиски своей дочери. Он умер, так и не найдя ее, а у дочери даже не было возможности проститься с ним. И вот впервые Дубэ почувствовала острую необходимость в этом.

Ее глаза наполнились слезами.

Девушка встала. Убежать от себя, как оказалось, у нее не получается. В ее жизни не было простых дорог: только тернистые пути, ведущие в гору, и еще ни разу ей не удалось пройти какой-нибудь из них до конца. Дубэ чувствовала, что Сельва захлопнулась за ней, как ловушка, так и не дав ей уйти. И она в конце концов сдалась.

Однажды, когда разбойница была еще совсем маленькой, они вместе с отцом как раз на этом самом месте освободили из охотничьего капкана зайца. Она вспомнила, как он улыбался ей, а в это время заяц спасался бегством в зарослях кустарника.

— Это будет нашим с тобой секретом, договорились?

Дубэ кивнула. Наверняка охотник пришел бы в ярость, увидев их за этим занятием. Девочку переполняло чувство гордости оттого, что теперь у них с отцом был один общий секрет.

В этих же самых кустах она пряталась почти весь день, когда узнала о том, что мать выбросила в реку всю ее коллекцию насекомых, от горя девочка убежала в лес. «Здесь они меня не найдут. Решат, что со мной что-то случилось, и поймут, как плохо на самом деле они со мной обращались», — думала Дубэ.

Еле заметная улыбка коснулась ее губ. Разбойница шаг за шагом приближалась к тому моменту, с которого все началось. Девушка ясно осознавала это, но была не в силах сопротивляться. Приблизившись к гроту, она остановилась в нерешительности. В детстве он казался значительно больше и был похож на бездонную пещеру. На самом деле этот поросший мхом грот был не больше обычной черной и сырой берлоги. «Как раз в рост ребенка», — подумала она, прежде чем туда войти.

Именно здесь, в компании своих друзей: Матона, Ренни, Пат и Горнара — девчушка пропадала в самое жаркое время дня. В этом гроте хранились их сокровища.

Дубэ с трудом вошла внутрь, с горечью думая о том, какой смысл в ее многолетних скитаниях, страданиях и борьбе, если она так и не смогла вырваться из своего детского мира?

Внутри все было так же, как и тогда. В полумраке она разглядела ржавый меч — их самый ценный трофей, и сгнившие удочки. Девушка ясно представила себе своих друзей у входа в грот, но уже без нее и Горнара. Возможно, сначала они замешкались, размышляя о том, могут ли они позволить себе войти туда, чтобы обрести свои сокровища. И решили, что это будет неправильно, и первый, кому пришла в голову эта мысль, был Ренни.

Дубэ впервые в полную силу ощутила всю тяжесть содеянного ею поступка. Тогда она убила не только Горнара. В тот первый день лета умерли многие. Никто из них так и не стал прежним. Все закончилось здесь, внутри этого грота, и в этом была только ее вина.

Дубэ неосознанно опустила на колени. Она заплатила бы любую цену, чтобы вернуть все обратно, только бы отделаться от этих мучительных угрызений совести. Но ничто на свете, даже воды ручья ее детства, полирующие и уносящие прочь все, что встречается им на пути, не в состоянии смыть кровь с ее рук.

Разбойница выбралась из грота и, рыдая, упала на колени на берегу ручья.

— Прости меня, — прошептала она, обращаясь к реке. — Прости меня, я не хотела...

Шум приближающихся шагов заставил девушку вздрогнуть от неожиданности. Ее рука потянулась к кинжалу, спрятанному под жилетом. Она подняла глаза, и рука ее опустилась. С другой стороны грота стоял Леарко. Весь сверкая доспехами, он неотрывно смотрел на нее. И хотя он выглядел как настоящий полководец, в его лице не было и следов самоуверенности, свойственной человеку, от которого зависят судьбы многих и многих людей. Принц смотрел на нее с грустью и, казалось, с пониманием.

В памяти Дубэ снова всплыл тот далекий день, когда она впервые его увидела. Уже тогда разбойница заметила, что при виде ужасного зрелища смерти они оба испытывали одни и те же чувства. Именно это страшное мгновение соединило их невидимой нитью — точно так же, как сейчас. Словно Леарко понимал истинный смысл ее страданий и разделял их.

Дубэ поспешно вытерла слезы, а принц тем временем вступил в ручей: вода в нем доходила ему почти до середины икр.

Переправившись на другой берег, молодой человек подошел и наклонился к девушке.

— Тебе что, нечего делать в городе?

Дубэ растерянно помахала головой:

— Нет, я...

Повисла неловкая пауза, Леарко продолжал испытующе смотреть на нее.

— Но что бы это ни было, теперь всему конец, — сказал принц.

Дубэ отвела глаза в сторону, изо всех сил сдерживая слезы.

Голос принца звучал ободряюще, но не слишком уверенно.

Леарко помог девушке подняться, протянув ей руку. Дубэ оперлась на нее и наконец решилась посмотреть ему в глаза.

— Проведи эти последние перед дорогой часы в городе, — посоветовал он девушке. — Ты чем-то обеспокоена. Одиночество — не лучшее лекарство от тревоги.

— Но ведь и вы здесь один, — возразила Дубэ.

Леарко горько улыбнулся.

— Что же, я не советую тебе следовать моему примеру. — И, не сказав больше ни слова, направился напрямик в заросли кустарника, а еще через мгновение исчез в лесной чаще.

Разбойница смотрела ему вслед со странным чувством — этот молодой человек, так же как и она, искал удобного случая, чтобы уединиться.

Впервые после стольких лет она поняла, что кто-то еще способен разделить с ней ее боль. Этот человек видел, как Дубэ плакала на берегу ручья и просила прощения, а это казалось равносильным доверить ему всю тяжелую ношу своей тайны. Но может, и самому принцу было что утаивать от других.

Когда Дубэ и Теана встретились вновь, солнце уже палило нещадно. На площади Сельвы торговцы разобрали свои навесы, оставив только пустые деревянные настилы да разбросанный повсюду мусор: зрелище довольно унылое, но разбойница переживала какой-то странный душевный подъем.

И, несмотря на то что там у ручья ее застали в момент ее самого горького отчаяния, девушка вовсе не испытывала беспокойства. Возможно потому, что принц был так добр и деликатен.

Теана с трудом дотащилась до места их встречи. За спиной у нее висели два мешка, набитые разными вещами, а в руках — два свертка с одеждой.

— Я выбрала все самое необходимое и хорошего качества, — сказала она, опустив свою ношу на землю. Несмотря на усталость, девушка-маг выглядела очень довольной.

Дубэ поглядела на нее с недоверием: очевидно, ее спутница не привыкла к таким переходам и едва понимала смысл задания, которое предстояло им выполнить в качестве убийц.

— Вижу, — ответила она холодно.

Теана вопросительно глянула на разбойницу.

— Чем больше вещей мы потащим с собой, тем сложнее будет обманывать Леарко. Я думала, что тебе это понятно, — резко сказала Дубэ.

Теана с беспокойством поглядела на вещи. Мысль об этом даже не приходила ей в голову. Как бы то ни было, она все еще продолжала рассуждать как ученица Фольвара, словно находилась не в опасном путешествии, а в стенах его лаборатории.

Увидев опечаленное лицо своей спутницы, Дубэ едва не пожалела о своем упреке. В конце концов, именно она взвалила на Теану все заботы об их снаряжении, а сама полностью отстранилась от дел.

— Спрячем все под одеждой, — бросила она небрежно. — Переоденемся в шатре для рабов, там наверняка никого уже нет.

Они переодевались в полной тишине, в то время как небо все больше и больше окрашивалось в мрачные цвета заката.

«Час заката». Дубэ тяжело вздохнула. В детстве она наблюдала заход солнца, когда, словно по мановению чародея, все окрашивалось в самые неожиданные цвета. Это необыкновенное время суток она любила больше всего.

— Думаешь, есть смысл пойти вместе с принцем?

Дубэ резко повернулась. К счастью, голос Теаны раздался прежде, чем она снова погрузилась в воспоминания детства.

— С ним мы будем под защитой — это факт, — уверенно ответила она. Вдруг разбойница почувствовала себя как-то неловко, она подняла глаза и встретилась с пристальным взглядом Теаны, все еще стоявшей неподвижно возле нее.

Девушка-маг чуть покраснела. Дубэ прекрасно понимала, в чем была главная трудность.

— Тебе противно, не так ли? Я знаю, тебе не нравится мой образ жизни... то, какая я есть. — Закончив одеваться, она смирила свою спутницу недоверчивым взглядом. —

Признайся, тебе интересно, как можно быть такой холодной и так беззастенчиво использовать других людей в своих целях.

Ее голос стал жестким. Ей во что бы то ни стало нужно было провести четкую грань между ними: с одной стороны убийца, а с другой — девушка, выросшая при дворе.

Теана изменилась в лице, но, как обычно, не проронила ни слова. Более того, она выпрямила спину, нисколько не смутившись жесткого взгляда своей спутницы.

— Я только подумала, как тяжело, должно быть, носить на себе это проклятие, — произнесла девушка.

— Я не нуждаюсь в твоей жалости, — неожиданно возразила Дубэ. — Мне не нужна жалость ни Лонерина, ни, тем более, твоя.

— Это не жалость. Но даже если и так, что в этом плохого? Жалость, сочувствие, сближает людей и помогает им лучше понять друг друга.

Дубэ осознала, что ее застали врасплох. Сегодня днем на берегу реки ей пришли в голову те же самые мысли. Но признаться в этом означало для нее унизиться в собственных глазах, а этого она допустить никак не могла.

— Этим красивым словам тебя, должно быть, научили твои жрецы, — съязвила разбойница.

Теана вспыхнула, но сдержалась и почти спокойно произнесла:

— Во всяком случае, у меня есть моя вера, которая вызывает у тебя неоправданную ненависть. И это вовсе не слова жрецов: я такая, какая есть, и тебе придется привыкнуть к этому. Я — девушка, которая молится по вечерам и не теряет надежды на лучшее будущее.

Дубэ была поражена таким неожиданным проявлением гордости. Тем не менее она не собиралась уступать.

— Мне не нужно ни молиться, ни надеяться.

Взгляд Теаны становился все жестче.

— Разве? И чего же ты достигла с этой пустотой в душе? Кроме того, чтобы выживать и убивать, что еще ты сделала в своей жизни?

Эти слова, словно раскаленный нож, попали в самое больное место Дубэ. В горле у девушки пересохло. Вдруг она почувствовала, что не может говорить.

— У меня есть цель, — твердо проговорила девушка-маг. — А ты, после того как убьешь Дохора, чем еще намерена заняться?

Ответа не последовало. Дубэ чувствовала себя раздавленной. Она ограничилась только тем, что молча собрала в мешок старую одежду и повесила его на плечо.

— Пора идти, — произнесла она чуть слышно. Но, подняв глаза, увидела во взгляде Теаны уже не прежнюю дерзость, а скорее сострадание.

— Мне также очень непросто идти с тобой рядом, — со вздохом сказала девушка-маг. — Полагаю, что теперь стало ясно, что мы не выносим друг друга, но все-таки нет смысла продолжать эту скрытую войну.

Дубэ удивила такая прямолинейность. Она никогда бы не подумала, что Теана может быть столь решительной. И все же разбойница, вопреки угрызениям совести, так и не попросила у своей спутницы прощения.

— Возможно, я переоценила себя и не должна была отправляться с тобой в этот путь. Но сейчас я здесь и все мои мысли только о нашей миссии. Я делаю все возможное, чтобы как можно лучше справиться с заданием, и полагаю, что ты это заметила. Поэтому перестань издеваться надо мной: во многом именно благодаря моей вере ты сейчас еще жива.

Дубэ отвела взгляд. Земля снова уходила у нее из-под ног.

Леарко стоял один посреди площади. На нем были все те же доспехи, что и утром, все тот же потерянный взгляд. У Дубэ при виде принца как-то странно сжалось все внутри. Она боялась понять его истинную сущность, и, чтобы избежать этого, девушка неожиданно решила поставить себя в условия полной зависимости. Дубэ замедлила ход, предоставив Теане возможность взять инициативу в свои руки. В знак приветствия та склонила голову, и

этот жест был неотразим. Видно было, что девушка-маг имела опыт общения с царствующими особами.

— Я уже говорил вам, что в этом нет никакой необходимости.

Усталый голос Леарко мало походил на тот, которым были сказаны слова: «Но что бы это ни было, теперь всею концю».

— Нам ехать вместе несколько дней. И поэтому ни к чему все эти формальности. — Молодой человек посмотрел на обеих девушек, не останавливая взгляд ни на одной из них. — Мы находимся в землях моего отца, но и здесь вполне достаточно врагов. Если вы хотите следовать за мной, должны понимать, что дорога будет не из легких.

Теперь в разговор вступила Дубэ:

— Мой господин. Мы лишились крова, пережили много тяжелых моментов, и теперь нам не остается ничего больше, как следовать за вами. Но и самые тяжелые испытания не идут ни в какое сравнение с печальной участью, постигшей крестьян нашей деревни.

Она могла поклясться в том, что принц смотрел на нее с большим, чем на Теану, вниманием.

«Спокойно. Он ничего не может о тебе знать. Там, у реки, он поверил в то, что ты оплакиваешь свое горе».

Леарко слегка кивнул.

— А теперь в дорогу. Меня ждут в Карве через пять дней. По меньшей мере этой ночью мы сможем двигаться без особых сложностей. Эта территория для нас безопасна.

С этими словами Леарко вскочил в седло и, положив руку на рукоять меча, направил своего коня вперед, за ним последовали девушки на своей лошади.

Всю ночь они были в пути, на следующее утро сделали остановку в ближайшей деревне. Леарко за свой счет разместил девушек в гостинице, а сам исчез на весь остаток дня. Девушки, воспользовавшись его отсутствием, возобновили ритуал по смирению зверя. На самом деле им нужно было подождать еще дней шесть, но у них не было уверенности в том, что в будущем появится такая возможность. Руки Теаны дрожали от усталости, но слишком велико было ее желание показать спутнице свой характер. Девушка-маг так и не смогла простить Дубэ их последнюю перепалку. И дело было вовсе не в презрении разбойницы по отношению к ней, а в том, что та смогла вытянуть из Теаны жестокие слова, от которых ей почти сразу стало невыносимо стыдно. Дубэ вынудила ее признаться в том, что вызывает у нее неприязнь.

Тем не менее Теана приложила все усилия для того, чтобы состояние ее духа никак не отразилось на ходе ритуала. Сначала она полностью освободила свое сознание от всех мыслей, точно так же, как и во время прежних магических действий, а затем постаралась смотреть на Дубэ так же, как на других людей, которых она лечила в Лаодамее.

На этот раз все оказалось намного проще. К концу ритуала разбойница смогла даже пару раз метнуть кинжал в стену. Похоже, что она осталась вполне довольна.

Теана в полном бессилии опустила на кровать и спиной прислонилась к стене. Крупные капли пота выступили на лбу у девушки-мага: такие манипуляции всегда отнимали у нее слишком много сил.

— Я чувствую себя значительно лучше, чем в прошлый раз, — пробормотала Дубэ. — Спасибо тебе...

— Это мой долг, — смущенно ответила Теана и умолкла.

Разбойница уселась на кровать лицом к свету.

— Знаешь, не так давно я уже спрашивала тебя об этом, но ты мне так и не ответила, — продолжила она. — Всякий раз, когда я тебя вижу, задаюсь одним и тем же вопросом. С самого начала нашего пути ты, как я понимаю, была вынуждена сносить невзгоды, ставшие для тебя слишком тяжелыми, и все это только из-за человека, которого ты наверняка сильно ненавидишь. Но почему?

Теана покраснела. Она никак не ожидала услышать такой вопрос.

— Мы по очереди спасли друг другу жизнь. Тебе не кажется, что теперь между нами есть некая связь? — не унималась Дубэ. — Я только хочу знать истинную причину, толкнувшую тебя на столь решительный шаг.

Девушка-маг теребила прядь своих волос. Какое-то время она молчала, но, вспомнив обращенные к ней слова благодарности, ответила смутившись:

— Не знаю, возможно, это было желание изменить свою жизнь, проверить собственные способности. А может... может, просто я устала постоянно ждать возвращения Лонерина из его опасных походов.

«Неужели я это сказала, на самом деле все сказала!» — подумала она с ужасом.

В своих разговорах девушки никогда не говорили о Лонерине: эта тема была запретной. Теана не знала точно, какие взаимоотношения были между ним и разбойницей, но наверняка в них было то, о чем она мечтала на протяжении стольких лет.

Теана со страхом ожидала реакции Дубэ, но та в ответ только улыбнулась, отчего девушка почувствовала даже некоторое облегчение.

— Пожалуй, правда в том, что мне просто хотелось сбежать, — добавила она, тяжело вздыхая.

— Ты не должна была этого делать, — с серьезным видом возразила ей Дубэ. — В определенном смысле и он бежит от тебя.

Теана почувствовала некоторое волнение. Разбойница могла бы ожесточиться и начать мстить ей за те жесткие слова, сказанные ею в недавнем их споре. Однако та все спокойно выслушала. Теане хотелось добавить еще что-нибудь, возможно, поблагодарить, но Дубэ ее опередила, прежде чем она успела открыть рот:

— Спи. Завтра у нас будет тяжелый день, и тебе нужно набраться сил.

Затем она встала и затворила окна, а Теана легла на кровать и закрыла глаза. В приглушенном полумраке комнаты к ней, как сладостное воспоминание, спустился образ Лонерина.

На следующий день Леарко зашел за девушками в гостиницу. Теперь на нем уже не было его сверкающих доспехов.

— Предпочитаю не брать в дорогу слишком много этих побрякушек, — объяснил он. — В них меня повсюду узнают, а мне вовсе ни к чему идти в окружении толпы, выражающей почтение в надежде получить взамен мою милость. Кроме того, есть еще и враги моего отца.

За спиной у него был мешок, в котором, очевидно, лежали его вещи. Одет он был как обычный юноша: в полотняные штаны и в подпоясанную ремнем льняную рубашку. Сбоку на поясе висел довольно искусно сделанный меч. Дубэ поразила его худоба: он был года на два ее старше, а тело — как у подростка. Его мышцы едва проступали через рубашку.

Все трое молча отправились в путь. После откровенного разговора в гостинице девушки отдалились друг от друга. Обе не обронили больше ни слова. Теана открывала рот только для того, чтобы вознести молитвы Тенаару. Странно, но Дубэ перестала обращать на них внимание: больше они уже не резали ее слух.

Иначе дело обстояло с принцем. Все началось со встречи у реки. Дубэ испытывала нечто вроде симпатии к этому молодому человеку и в то же время какую-то странную признательность по отношению к нему, которая ее раздражала. Именно этого она и опасалась более всего. Леарко, как сын человека, которого ей следовало убить, был всего лишь средством достижения цели, и не более того. Возникшее чувство могло стать препятствием при выполнении ее задания. Разбойнице было необходимо оставаться хладнокровной и безжалостной.

«Человек, которого нужно убить, — всего лишь кусок дерева», — звучал у нее в мозгу главный принцип Сарнека, ее Учителя. Она никогда не следовала этому наставлению, но в случае с принцем это было жизненно необходимо.

Леарко был сыном злейшего врага Дубэ, Дохора, которого она действительно

стремилась уничтожить. Прежде разбойница никогда не испытывала удовольствия от убийства и всякий раз, когда совершала подобное преступление, воспринимала его как неизбежность. Но Дохор — другое дело. Он наложил на нее страшное проклятие, а в ее сердце вселил зверя — этому не было прощения и ничто не могло искупить его вину. Поэтому она жаждала видеть его страдания. А разве смерть сына не самый лучший для этого повод?

Дубэ отлично понимала, что сейчас не время убивать Леарко: он служил ей пропуском во дворец короля. Но убить принца, поздно или рано, — это все равно что поразить врага в самое сердце. Впрочем, это была не более чем мрачная фантазия Дубэ, предлог для того, чтобы избавиться от Леарко и начать видеть его таким, каким он был в жизни.

Однажды она проснулась среди ночи. Леарко с кинжалом в руках дремал поблизости от нее. Это был чуткий сон военного человека, привыкшего всегда быть начеку. Она подошла, пытаясь его разглядеть. Ее внимание привлекла нежная шея принца. Убить его. Разрубить эту зыбкую связь, которая возникла между ними. Эта мысль вместе с чувством вины и страстного желания не давала ей покоя.

Принц проснулся, почувствовав беспокойство, открыл глаза и резко вскочил. Одна из двух сопровождавших его девушек сидела, обняв колени, на своем импровизированном ложе в нескольких шагах от него. Леарко вздохнул с облегчением.

— Не можешь уснуть?

Встревоженная девушка внезапно повернула к нему голову, и он прочел на ее лице хорошо знакомое ему выражение, очень похожее на то, которое он не раз видел в своем зеркале. Принц почувствовал, как сердце сжалось у него в груди.

— Нет, мой господин.

Она произнесла эти слова так, словно желала оставаться равнодушной, но под этим мнимым равнодушием явно что-то скрывалось: это была просьба о помощи, скорее даже крик. Леарко неожиданно почувствовал странную тягу к этому страдающему созданию.

«Точно так же, как и я проводил долгие ночи перед закрытыми дверями комнаты моей матери в надежде получить от нее хотя бы малейший знак внимания. Точно так же, как и я с наступлением темноты, после окончания сражения, оставался один в своей палатке вместе с призраками умерших на моих глазах соратников».

Его брови печально опустились. Уже не в первый раз он замечал, как между ним и этой девушкой возникала какая-то связь. Все началось еще у ручья.

— И я никак не могу заснуть, — сказал он с улыбкой.

Девушка посмотрела на бледное сияние месяца в небе: через мгновение оно исчезло. Леарко был тронут.

— Все плачешь о том, что и в прошлый раз? — спросил он девушку.

— Да, — услышал он в ответ.

В его голове промелькнули воспоминания о множестве проведенных им бессонных ночей. Но тогда, чтобы его утешить, никого не оказывалось рядом, с кем принц мог бы поделиться своей болью.

— Увы... Не скрыться от призраков ночи, не так ли? Каждый наш поступок оставляет свой след в душе, а потом эти рубцы не зарастают никогда.

Девушку не удивили эти слова. В ее глазах было столько понимания.

«Сказано как будто про меня».

— По крайней мере, я жива, — пробормотала Дубэ.

Эта ее фраза вызвала в нем прилив необычайной ярости.

В возрасте тринадцати лет он на полях сражений начал обучаться военному ремеслу. А до этого времени у него не было прямых контактов с народом, которым правил его отец. Для него подданные были всего лишь однообразной и беспорядочной массой, которой Дохор распоряжался по своему усмотрению, хладнокровно решая, кого казнить, а кого помиловать. И принц не видел в этом ничего предосудительного. Его отец был королем, а король имел на

это право.

Потом, во время войны, кочуя из одного селения в другое, он увидел истинное лицо народа, жизнь и смерть которого, в один прекрасный день, также будут в его руках. Это было великое множество страдающих людей: мужчины, женщины и дети, и все они тянулись длинной вереницей мимо военных укреплений, и выживали только благодаря своему инстинкту самосохранения.

— Они не должны тебя интересоваться, это всего лишь пешки, и не более того, — говорил ему его дядя Фора.

Но и эта девушка была из их числа. Его руки тряслись от гнева.

— Я сожалею, что мы не смогли прийти раньше; я не смог предотвратить разрушение твоей деревни.

Дубэ продолжала смотреть на него растерянным взглядом.

— Это — война, мой господин.

— Извини, — отрезал он. — Это бессмысленная война. Не нужно было ее начинать. Завоевывать все больше земель... Для чего? С какой целью?

— Во благо нашего народа... — осмелилась произнести разбойница.

Леарко внимательно на нее посмотрел:

— Посмотри на себя и твою сестру: все это было для вашего блага? У вас были дом и семья. А теперь вы следуете за тем, кто пообещал вам рабство, только в менее жестокой форме. Где оно, ваше благо?

Он почувствовал, как его переполняло невысказанное возмущение. Это были слова, которые он обдумывал в течение последних восьми лет, но которые некому было произнести вслух. Теперь же он высказал все.

Девушка, казалось, не могла выговорить и слова. Тогда принц спросил ее, что она об этом думает: испытывает ли жалость, а может, возмущение? Но это не важно. Еще раньше между ними возникла незримая связь, к тому же он стал ее спасителем. Преграда рухнула. Она — именно тот человек, кому можно высказать все это.

— Я видел столько ужаса и пролил столько крови... Возможно, раньше я считал, что это было правильно. Впрочем, так меня учили. В конце концов кровь покрыла все: и идеалы, и мечты. Теперь есть только смерть, а я иду по трупам.

В темноте было видно, как она чуть вздрогнула: в ее потухших глазах он действительно нашел понимание. Это утешило его.

«Но что бы сказал твой отец? Наследник престола откровенничает с какой-то рабыней...»

Это ничуть не волновало принца.

— Будущий король не должен так говорить, не правда ли?.. Как тебя зовут?

Казалось, девушка некоторое время пребывала в нерешительности. Ее губы зашевелились, а потом замерли на мгновение.

— Саннэ, — ответила она наконец слабым голосом.

— Саннэ, король не должен так говорить...

Леарко чувствовал себя опустошенным, но, так или иначе, в ладу с самим собой. Он сделал невообразимое: выплеснул наружу то, что долгое время терзало его сердце.

— Постарайся обо всем забыть, по меньшей мере до сегодняшнего вечера, — промолвил Леарко. — Жизнь — вечный бег от самого себя, и ничего нельзя поделать.

После чего он снова повернулся на бок с неизменным мечом в руке. Принц спиной ощутил полный страдания и печали взгляд девушки. Он не засыпал до тех пор, пока не почувствовал, что и она легла спать.

6

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАССТАВАНИЕ

Наконец их взору предстал Салазар. Дома и руины крепостных башен были разбросаны

по всей равнине, словно монеты, высыпавшиеся из переполненного кошелька. Лонерин впервые увидел собственными глазами легендарный город, знакомый ему только по книгам. Тем не менее он не испытывал явного восторга от этого зрелища, вероятно, потому, что, в отличие от Сеннара, ничто не связывало его с этими местами. Дело в том, что, едва оказавшись в этом городе, маг стал проявлять странную нервозность и даже обеспокоенность. Наверняка долгие годы одиночества, проведенные в поисках духа Ниал, сохранили в его сознании память о каждом кирпичике, каждом камне и травинке этого города.

Лонерин посмотрел на Сеннара, но во взгляде старого мага было только холодное безразличие. Это заставило молодого человека призадуматься.

Это случилось незадолго до начала их путешествия. Через два дня после вынесения Советом Воды решения оба, в поисках талисмана, отправились в город, где был убит Тарик. Сеннар среди ночи постучал в дверь комнаты Лонерина. Юноша лежал на кровати и смотрел в потолок: его мысли были обращены к Теане. Он вспоминал, как девушка решительно собирала все необходимые вещи, чтобы последовать за Дубэ, Лонерин с трудом мог ее узнать. Он искал и не находил в ней той прежней, хрупкой и неуверенной в себе помощницы Фольвара, которую он привык видеть. Они выросли вместе и также вместе на протяжении прошедших лет разделяли все тяготы обучения искусству магии. Между ними образовалась незримая связь, о существовании которой они и сами едва догадывались. Ведь его участие в этом странном трио, состоящем из него, Теаны и Фольвара, уравнивалось именно благодаря ее присутствию. Молодому человеку так и не удалось постичь причину решения Теаны: она вовсе не была человеком действия, в той мере, насколько он ее знал. Лонерин не верил в то, что между ними навсегда пролегла пропасть.

Сеннар вошел именно в тот момент, когда молодой человек был погружен в эти тягостные раздумья.

— Собирай вещи, — произнес старый маг холодно.

Лонерин на мгновение задумался.

— Как... в каком смысле?

— В том смысле, что мы сегодня же отправляемся в путь. Я жду тебя на улице. Поторопись.

Лонерин собирался в абсолютной суматохе, до конца не осознавая, что делал. Затем он, чуть дыша, с наспех собранным мешком выскочил на улицу. Там на фоне тусклого света луны вырисовывалась фигура Сеннара, стоявшего у самого края водопада и опиравшегося на трость. С собой у него не было ровным счетом ничего.

— Ты собирался слишком долго, — сказал он невозмутимо.

— Я никак не думал, что придется ехать ночью...

Сеннар устало на него поглядел, а потом сделал обычный жест рукой, и из-за стены появилась огромная фигура, затмившая собой луну: в темноте взмахнули два мощных прозрачных крыла.

— До границы долетим на Оарфе, у нас мало времени.

Дракон с недоверием оглядел руки Лонерина. Молодой человек вспомнил свою первую встречу с Оарфом. Это происходило в Неведомых Землях: тогда дракон чуть не убил Лонерина и Дубэ. Во время обратного полета они понемногу научились ладить между собой, но всякий раз дракон с явным недружелюбием глядел на юношу. Было ясно, что подчиняться он будет только своему хозяину.

Сеннар, пользовавшийся тростью из-за больной ноги, с большим трудом взбирался на спину Оарфа. Лонерин хотел было ему помочь, но маг остановил его своим взглядом.

— Мне не нужна твоя помощь, я еще не настолько стар, — сказал он ледяным тоном. — Полезай за мной.

Лонерин подчинился. Но едва он начал карабкаться на спину к дракону, почувствовал, как мышцы Оарфа под его руками напряглись. С трудом цепляясь за его скользкую чешую, в

конце концов он взобрался на спину мощного животного, мгновение — и все трое взмыли в небо.

В течение всего пути Лонерин не мог отделаться от мысли, что Сеннар словно бежал от чего-то: в дорогу они отправились без предупреждения, а теперь летели так, словно неприятель дышал им в спину. Дракон несся, преодолевая километр за километром с неизменной скоростью, но этого Сеннару, казалось, было недостаточно. Снедаемый страстным желанием как можно скорее начать действовать, он был явно встревожен.

Вечером, сидя у костра на привале, он постоянно отводил глаза в сторону, и единственной темой их разговоров была магия.

Сеннар сразу приступил к обучению Лонерина.

— Магические действия, которые тебе предстоит выполнить, особенно сложны; твоя задача вывести Астера из его нынешнего состояния, а это тебе удастся только после заключения его духа в талисман, действующий как катализатор. Ты должен будешь вложить в это всю свою душу, но для этого потребуется много сил, которых у тебя сейчас нет.

Лонерин был немало озадачен таким утверждением. Он был убежден, что находился на пике своих возможностей, а максимальный уровень для каждого мага дается ему с рождения, так же как цвет волос или рост. Он также полагал, что отныне ему нужно будет обучиться только новым магическим ритуалам, при этом его способности останутся прежними.

— А если у меня их нет, что тогда делать?

— У каждого мага есть скрытая сила, которой он не пользуется. Речь идет только о том, чтобы заставить ее выйти наружу.

— Прошу прощения, но я полагал, что уже в достаточной степени развил все мои способности, да и мой учитель...

Сеннар жестом руки заставил его замолчать:

— Это все чепуха. Я уже израсходовал большую часть моих сил, но с уверенностью могу сказать, что ты еще не знаешь обо всех своих возможностях. Твои скрытые магические силы значительно более мощны, чем те, которыми ты пользуешься сейчас. Все дело в выучке.

Они начали с основ, с самых простейших упражнений по концентрации воли. Лонерин усердно занимался. По ходу занятий Сеннар объяснял ему и те вещи, которые наверняка могли пригодиться юноше.

— Этот ритуал древний, и произносится он на эльфийском языке. Ты должен выучить его наизусть, наряду со всеми необходимыми манипуляциями. Суть состоит в том, чтобы отделить собственную душу от тела и вознестись в мистическом экстазе. Создается видимость тяжелой и мучительной смерти, которая, однако, может также стать настоящей.

Всякий раз, когда путники останавливались на ночлег, Сеннар давал Лонерину новые знания либо просил его выполнить задание по теме, которую тот изучал днем раньше. Некоторые упражнения казались молодому магу слишком простыми.

— Сконцентрируйся на чистом вздохе.

— Я только что сделал это...

— Только не на том уровне, на котором я попросил, — сухо возразил Сеннар.

Другие упражнения показались Лонерину просто странными.

— Я хочу, чтобы ты вот так извлек из этого листа его жизненную лимфу.

Сеннар поймал лист, положил его на середину ладони одной руки, накрыл другой ладонью и на мгновение нахмурил брови. Когда он открыл руки, то на одной лежал сухой лист, а на другой — сверкающий зеленый свет.

Это напомнило Лонерину запретную магию, которую он изучал прежде. Молодой маг занервничал.

Сеннар заметил это.

— Не будь ханжой. Даже самым честным магам иногда приходится пользоваться подобными средствами. В любом случае мы не занимаемся запретной магией.

— Я сожалею, что у меня не получается так быстро, как бы вам хотелось, — произнес

однажды Лонерин.

— Да. Потому что волею обстоятельств в мои руки попал довольно ленивый ученик, — ответил старый маг с явным намерением задеть его.

Но Лонерин не опустил руки. Его восхищение Сеннаром было безгранично: молодой маг всегда считал его примером для подражания. Лонерин был готов сносить любые его замечания и упреки, потому что понимал, через какие испытания пришлось пройти магу в своей жизни.

Между тем они находились на землях, которые Сеннар не видел уже более сорока лет. И Лонерин не переставал задаваться вопросом, а что же мог испытывать старый маг при виде этих мест. Здесь была написана его история, и в первую очередь выполнено предназначение Ниал. Эти земли о многом говорили. После нападения на Салазар они втроем, вместе с Ниал и Соаной, спасаясь бегством, преодолели огромную степь. А в лесу, едва заметном на горизонте, хранился последний камень, камень Земли Ветра, который нужен был для талисмана власти.

Лонерин наблюдал за выражением лица старого мага в надежде увидеть какой-нибудь след его внутренних переживаний: будь то воспоминания, а может, и сожаления. Но это изрезанное морщинами лицо продолжало оставаться беспристрастным.

Оставив дракона на границе, оба путника в длинных плащах, закрывавших их полностью от посторонних глаз, проследовали дальше верхом на лошадях.

Почти вся степь, к северу от Земли Ветра, была под контролем Совета Воды, но тем не менее большая часть территории была еще в руках Дохора и его союзников.

— Старый торговец со своим подмастерьем хочет установить торговые связи. — Так Сеннар объяснил молодому человеку основную версию их пребывания на этих землях.

Лонерин, уловив в светлых глазах своего спутника едва заметный огонек, понял, о чем шла речь. Давным-давно Сеннар уже использовал такое прикрытие. Это было тогда, когда они вместе с Ниал, оказавшись в Земле Дней, отклонились от основного пути и направились в Сеферди.

Возможность обдумать в тишине все кошмары прошлого по прошествии стольких лет стала для старого мага началом единственно возможного искупления. Молодой человек надеялся, что ощущение близости этих мест немного смягчит старого мага. Но то был лишь единственный случай, когда Сеннар не смог сдержать своих эмоций. В остальном же он так и не обронил ни единого лишнего слова, ни единого вздоха сожаления.

Путники сделали остановку в нескольких километрах от Салазара. Сеннар остановился первым. Словно военный стратег, он долго безмолвно смотрел на стены города, а затем небрежно прищипорил коня:

— Вперед. Сначала мы должны попасть в дом Тарика.

В Салазаре всюду царили хаос и запустение. Все изменилось до неузнаваемости. Теперь это был совсем не тот город, с которого началась история странствий Сеннара.

Путешественники остановились на одном из постоянных дворов с тем, чтобы только перекусить и дать отдохнуть лошадям.

— Идо мне сказал, что Тарик жил в доме его матери.

Лонерина поразил спокойный тон Сеннара, с которым он произносил это имя.

«Неужели он действительно смог свыкнуться со смертью сына?»

— Если это так, то нам нужно будет отправиться в крепость. Мы пойдем туда после полудня, ты не возражаешь? Если нам повезет, то дорога обойдется без приключений.

Лонерин долго, словно завороченный, глядел на Сеннара, не в состоянии проронить ни слова. Старый маг обратил на него свой вопросительный взгляд:

— Ну так что?

Лонерин перевел глаза на кружку с пивом:

— Нет, ничего. Я согласен.

Сеннар больше не стал задавать вопросов, и молодой человек, водя пальцем по краю

кружки, снова сосредоточился на пиве.

Лонерину очень хотелось как-то сблизиться со старым магом, но тот, похоже, не собирался идти ему навстречу: быстро работая ложкой, он поедал свой обед.

Путники медленно взбирались на башню. Полуразрушенные ступени, ведущие с одной площадки на другую, превратились для Сеннара с его тростью в довольно серьезное препятствие. Но едва он переступил порог, как его шаг стал менее уверенным, на глазах выступили слезы, а его взгляд начал беспомощно блуждать по почерневшей от старого пожара каменной кладке. Лонерин почувствовал, как комок застрял у него в горле.

— Дай мне руку, с каждым разом все тяжелее поднимать эту проклятую ногу, — с явным раздражением произнес Сеннар, и молодой маг тут же поспешил ему на помощь.

Сначала Лонерину показалось, что старик схватил его руку все той же привычной железной хваткой; на самом деле Сеннар хватался за него почти с отчаянием: Лонерин понял это по едва заметному дрожанию его костлявых пальцев.

— Тарик жил над воротами, и нам нужно идти в этом направлении, — сказал старый маг, сворачивая в боковой проход. — В тот день фаммины быстро появились здесь, потому что знали этот короткий путь. Именно по этой дороге я шел навстречу Ниал.

Затем, неожиданно отпустив руку Лонерина, он пошел быстрее. Сеннар более не касался тростью земли, а пытался сам опираться о стены. Молодой человек поторопился вслед за ним.

— Ливон, приемный отец Ниал, не зря выбрал для проживания это место над воротами: здесь, в доме, был его склад оружия: жить поблизости от входа было очень удобно с точки зрения торговли, впрочем, позже этот выбор сыграл свою роковую роль.

Сеннар лихорадочно шел впереди, проворно перешагивая через преграждавшие путь камни и трещины в полу. Казалось, он снова стал таким же сильным и ловким, как и в дни своей молодости, и даже нога, которую он подволакивал, больше не доставляла ему хлопот. Молодой маг видел только мелькавшую его спину, то и дело освещаемую лучами света, проникавшего через окна и дыры в стенах. Тем временем его голос становился все громче, а речь все торопливей.

— А здесь, между кувшинами торговцев и прилавками с фруктами, Ниал играла со своими друзьями. — Он повернулся к Лонерину с потухшими глазами. — Здесь жило столько людей, не то что сейчас.

Казалось, он снова вернулся в прошлое: перед его глазами был город его молодости, город Ниал — тот золотой век, когда Астер еще не захватил Землю Ветра.

— Помедленнее, прошу вас, — отважился попросить молодой человек, но Сеннар, целиком поглощенный воспоминаниями, его не слушал. Еще один поворот, и он потерял старика из виду.

«Проклятье».

Лонерин, ориентируясь на его голос, прибавил ходу. Затем неожиданно наступила полная тишина.

— Где вы?

Повернув за угол, Лонерин увидел Сеннара. Тот в печальном полумраке неподвижно стоял перед открытой дверью. Молодой маг остановился, понимая, что произошло: Сеннар впервые увидел дом Ниал, а точнее сказать, Тарика. Идо подробно описал его Совету Воды, но гному не удалось передать царившее здесь ужасное запустение: ничего не изменилось с тех пор, как произошло нападение. Дверь вела в довольно просторную комнату, где все было перевернуто вверх дном: разрушенная мебель, осколки стекла и следы крови повсюду. Весь деревянный пол был в засохшей крови, запутанный след тянулся до самой двери. Лонерин не знал, что сказать, какие произнести слова, чтобы выразить нахлынувшие эмоции, но Сеннар опередил его. Он наклонился вперед, чуть тряхнув головой, а затем решительно посмотрел в глаза своему спутнику.

— Нам нужно разделиться: ты обещешь кухню, а я пойду в спальню. Ты знаешь, как

выглядит талисман?

Лонерин не мог произнести ни слова. Он с такой грустью посмотрел на Сеннара, что маг почувствовал раздражение.

— Что ты уставился, как очумелый? У нас мало времени. Ну так что, ты знаешь?

— Я читал о нем, — ответил он почти шепотом.

— Тогда ищи.

Затем он быстро зашагал по разбитым черепкам прямо в спальню. Лонерин, чуть позже, неуверенно последовал за ним. Войдя в этот дом, он испытал странное чувство. Присутствие Гильдии ощущалось повсюду: секта убийц, где бы она ни проходила, всюду оставляла после себя дуновение смерти и отчаяния. Молодой маг обошел большое кровавое пятно, но вскоре он понял, что невозможно было сделать и шага, чтобы не наступить на одно из множества других, рассеянных по всему полу. Этот подернутый пылью бурый цвет вызвал в памяти Лонерина воспоминание о мертвом теле его матери среди груды трупов людей, зверски убитых членами Гильдии во время жертвоприношения. И как это часто случалось, его неожиданно охватило чувство ярости. Как ни пытаешься убежать, ненависть, подобно неистребимому врагу, всегда окажется быстрее.

Молодой маг закрыл глаза, пытаясь снова взять себя в руки, потом снова огляделся вокруг в поисках талисмана: он хорошо помнил его описание: медальон с большим глазом посередине и углублениями вокруг, в каждом из которых было по одному камню разного цвета. Сверкающий камень в центре, тот самый, который расколола Ниал, когда в Неведомых Землях приняла решение пожертвовать своей жизнью ради мужа и сына. Лонерин искал заветный талисман под деревянными обломками и битыми стеклами. Затем он стал обыскивать оставшуюся нетронутой немногочисленную мебель и, в особенности, очаг в надежде на потайную нишу. Он чувствовал себя почти вором, когда шарил по самым отдаленным уголкам этих стен.

«Как знать, испытывала ли Дубэ нечто подобное, когда обкрадывала чей-либо дом?», — задавался он вопросом, и образ девушки невольно возникал в его сознании. Его незаживающая рана. Все смешалось в его голове: любовь и страсть, дружба и ненависть. Дубэ и Теана, две женщины его жизни, вышли на передний план, а между ними маячил смутный образ его матери.

«Где они теперь?»

Лонерин принялся исследовать стены, простукивая каждый кирпич в отдельности. Но они все, казалось, были довольно плотно подогнаны друг к другу. Он заглянул под сдвинутые доски пола: все безрезультатно.

В какой-то момент шум, доносящийся из соседней комнаты, стал сильнее, а потом молодой человек услышал крик. Он опрометью бросился туда, но, едва добежав до места, остановился в дверях. Сеннар сидел посреди сваленной в кучу одежды. Маг, должно быть, опустошил все ящики и с досады опрокинул все лари. Он все еще сидел на коленях и с перекошенным от гнева лицом в руках сжимал окровавленную простыню.

— Его нет, черт подери, его нет! — кричал он в отчаянии, глядя на Лонерина; у него по щекам катились слезы. Старик попытался встать, но, наступив на больную ногу, был вынужден снова опуститься на колени. — Проклятье! — сокрушался он.

Его голос был подобен реву, который вскоре сменился глухим завыванием: Сеннар сидел уткнувшись головой в простыню.

Лонерин медленно, почти на цыпочках, подошел к магу. Он опустил на колени и осторожно положил руку на его плечо. Старик резко обернулся и обнял своего спутника. Молодой человек оторопел от такого неожиданного жеста.

— Здесь прошла его жизнь, понимаешь? Он умер на этой кровати, а меня не было в тот момент рядом! Идо был тогда возле него, но не его отец. У меня не было даже возможности признаться ему, чего мне стоило отпустить его... я никогда не говорил ему, как он мне дорог! Я не смог попросить у него прощения за то, что позволил Ниал погибнуть и никак не помешал этому!

От нахлынувших эмоций у Лонерина защемило в глазах, и неожиданно он вновь увидел свою мать, шедшую в храм Тенаара, чтобы пожертвовать своей жизнью ради него. Теперь он понял, насколько сильна была терзавшая ее боль, как безмерно было страдание, толкнувшее женщину на такой шаг. Молодой человек не нашелся что ответить. Да и какими словами он мог выразить сострадание, и возможно ли утешить человека, пережившего смерть сына.

Лонерин продолжал неподвижно сидеть, обнимая старого мага за плечи.

Молодой маг вывел старика из башни. После минутного проявления отчаяния Сеннар снова стал таким, как прежде. Он раздраженно вытер слезы, стараясь вернуть себе привычную осанку, расправил плечи.

— Нашел что-нибудь? — спросил он своего спутника, опираясь о стену боковой улочки.

Лонерин безутешно покачал головой.

— Его там не было, — сказал Сеннар, глядя вверх. — А может, он и был, но его забрали. В доме полно всякой утвари и разной одежды, но нет ничего, что можно было бы выгодно продать.

— Вы думаете, что все ценные вещи были украдены?

Сеннар кивнул:

— Тарик всегда носил с собой меч своей матери.

Лонерин вспомнил сделанное из черного кристалла оружие Ниал, описанное во всех книгах как предмет, не имевший цены. Возможно, старый маг был прав: одна только рукоять меча могла стоить целое состояние.

Сеннар отошел от стены.

— Нам нужно найти тех, кто совершил это убийство, кто его расследовал и кто позаботился о телах.

И он, чуть прихрамывая, направился по дороге, ведущей к центру города.

Лонерин долго неуверенно глядел ему вслед и все-таки отважился произнести:

— Я думаю, что он знал это.

Сеннар обернулся.

— Тарик знал, как вы его любили, он знал все. И он вас также сильно любил.

Искра нежности промелькнула в глазах старика. Не сказав ни слова, он только на мгновение глянул на молодого мага, а затем снова пошел своей дорогой.

— За мной пришел запыхавшийся гном и сразу же отвел меня к тому человеку. Я сделал все, что было в моих силах, спасая его жизнь, но все было безуспешно.

Священник, лечивший Тарика, был одет в заплатанную тунику. У него был взгляд раненого животного. Судя по его голосу и по манере говорить, он, должно быть, был еще не слишком стар, но выглядел неважно. Оба путника сидели напротив него в одной из пропахших пивом таверн Салазара, в клубах густого табачного дыма, исходившего из многочисленных трубок ее посетителей.

— Женщина была уже мертва, — добавил священник. — Да и мужчина был очень тяжело ранен, его невозможно было вылечить. На следующее утро, когда я вернулся, он был уже мертв. Я пообещал гному, что позабочусь о телах, и сдержал свое слово.

Лонерин заметил, что руки старого мага все так же еле заметно дрожали.

— Ты похоронил их? — спросил Сеннар все тем же холодным тоном.

Священник неуверенно кивнул:

— Я это сделал на следующий день. Они жили очень обособленно, и в действительности у них было мало знакомых. Я попытался обо всем разузнать, но желающих организовать их похороны не оказалось. Тогда мне пришлось этим заняться. Во время церемонии погребения присутствовало не больше десятка человек.

— Где? — спросил Сеннар.

Священник непонимающе на него посмотрел.

— Где ты их захоронил? — уточнил маг.

— На кладбище, за стеной башни. Собственноручно сделал надписи на надгробных плитах. Они похоронены рядом друг с другом. А вы знали этих людей?

— Нет, — поспешил ответить Лонерин, а затем снова принялся расспрашивать: — А расследование было? Что стало с их вещами?

Священник перевел взгляд с одного мага на другого. Было очевидно, что он сильно напуган, и поэтому взвешивал каждое слово. По всей видимости, он задавался вопросом, с чего вдруг такой допрос и кто эти двое.

— Да и нечего было расследовать. Обычная кража, закончившаяся трагедией: во всяком случае, так утверждает посыльный старейшины. А что касается вещей, то не оказалось никого, кто мог бы унаследовать их. В общем, друзей у них было очень мало, а из родственников здесь, в Салазаре, никого и подавно. Убитые были родом не из Земли Ветра, и никто точно не знал, откуда они прибыли. — Он неопределенно махнул рукой.

Сеннар с такой силой сжал руки в кулак, что было видно, как побелели кости.

— А что потом? — продолжал расспрашивать Лонерин.

— А потом ничего. Попробуем продать все, что можно. Одежда, мебель и кое-какая утварь все еще остались там. Но кто захочет взять одежду людей, убитых таким чудовищным образом.

— Кто занимается продажей? — спросил Сеннар.

— Молио, торговец, который живет на первом этаже башни. Он забрал все ценное, и я думаю, что даже успел что-нибудь продать. Не знаю точно, но его магазин хорошо известен: там всего много.

Лонерин откинулся на спинку стула. Сообщение не предвещало ничего хорошего. Вещи Тарика могли оказаться где угодно.

— Благодарю. Ты нам очень помог, — сказал он, тяжело вздыхая.

Услышав эти слова, священник, похоже, немного расслабился.

— Скажите мне правду, что вы задумали? Знаете, тот гном умчался в спешке, ни слова не сказав, кто он и откуда... И потом, то, каким образом они были убиты... Не будем говорить об официальной версии, я всегда думал, что во всем этом есть что-то подозрительное.

Сеннар метнул на него испепеляющий взгляд, и тот с испугу сжался в комок.

— Это так, к сведению...

— Нет, нет, мы просто коллекционеры, — поспешил объяснить Лонерин. — Нам стало известно, что у этого человека были интересные вещи, в особенности оружие, которое нам очень хотелось бы приобрести. Мы отправились на его поиски, но оказалось, что он умер.

— Понимаю, — произнес уклончиво священник.

Лонерин и Сеннар заплатили за его пиво, а затем молча покинули заведение.

Для ночевки путники сняли комнату на одном из постоянных дворов. Оба были измучены дорогой, и Сеннар не был уверен, что сможет сразу же отправиться на поиски торговца. Кроме того, он чувствовал необходимость сделать еще кое-что.

— А где находится кладбище? — спросил он хозяйку гостиницы. Он помнил только старое кладбище, которое, вероятно, уже поглотил город.

— К западу, около километра от жилых кварталов. Вы найдете его без труда, оно со всех сторон окружено черной стеной.

Сеннар повернулся к Лонерину:

— Туда я должен пойти один.

Лонерин посмотрел на него с тревогой:

— Вы устали, а отсюда идти не меньше трех километров...

Сеннар жестом руки остановил его:

— Я это сделаю. Не стоит недооценивать мои силы. — С этими словами он, прихрамывая на больную ногу, с тяжелым сердцем от всего пережитого за день, отправился

в самую гущу городской суеты.

Образ дома Тарика, разоренного неизвестными злоумышленниками, не переставал мучить его. Старый маг представил, как его сын, тяжело дыша, лежал в постели, а Идо держал его за руку. И это был Идо, а не он.

Сеннар прекрасно понимал, что сейчас не время на сожаления. Он знал, что должен собраться с силами и выполнить порученную миссию. Ниал слишком любила Всплывший Мир, где ее сын прожил так мало, — и поэтому он сделает все, чтобы спасти этот мир. Но как можно обо всем забыть?

Дома постепенно редели, и внушительных размеров черная стена предстала вскоре перед его взором неотвратно, как сама смерть. Затаив дыхание он прошел через ворота. Маг был взволнован, хотя и не сознавался себе в этом. Солнце, отбрасывая длинные и мрачные тени, почти полностью зашло за высокую кладбищенскую стену.

Сеннар медленно двинулся по аллеям среди целого леса надгробных плит. Кладбище напоминало некий печальный сад, где каждой жизни соответствовало одно дерево.

Он рассеянно читал имена на надгробиях: порой встречались целые семьи. Старый маг спросил одного человека, выкапывавшего могилу, о возможном месте захоронения Тарика. Тот в ответ посмотрел на него так, как обычно смотрят старики, и неохотно указал ему дорогу. Никто во Всплывшем Мире уже не знал, кто он; наверняка память о нем и Ниал еще жила: свидетельством тому были памятники на площадях и перекрестках дорог, но едва ли кто бы смог узнать в этом старике героя, спасшего целый мир.

Сеннар замедлил свой шаг, когда приблизился к указанному месту, а затем и вовсе остановился: два надгробия и ни единого цветка. Земля над могилой немного просела; впрочем, не прошло еще и трех месяцев. Жизнь погибших в этом городе была тихой и быстротечной, и теперь не оказалось никого, кто бы пришел навестить их.

Обессиленный маг упал на колени. Талья и Тарик. Неизвестно, какой была Талья, жена Тарика. Он никак не мог представить себе, какой была женщина, которую полюбил его сын. В памяти Сеннара Тарик остался безбородым юношей, сумевшим, однако, принять самое важное в своей жизни решение. Неизвестно, каким стал Тарик: был ли он похож на отца, а может, в его лице сохранилось больше материнских черт. Маг также ничего не знал о том, чем он занимался и был ли счастлив в жизни, сожалел ли он о чем-то и какую часть из задуманного смог претворить в жизнь.

— Я так мало радовался тому, что имел, а после смерти твоей матери и вовсе все потерял. Даже тебя, — прошептал Сеннар.

«Там, под водой, живет мой внук, чужой мне человек. Пройди он сейчас мимо меня, я даже и не узнал бы его», — подумал старый маг. И от такого признания у него перехватило дыхание.

— Я сожалею, что меня не было с тобою рядом, — сказал он дрожащим голосом, глядя на опавший могильный холм. — Сейчас я ясно вижу, что ты был прав. Я понимаю, что это слишком запоздалое решение, но я хочу исправить свою ошибку. Эти последние, отпущенные мне судьбой годы хочу посвятить претворению в жизнь твоих желаний. Ты видишь? Я вернулся, чтобы сражаться, я все еще верю во что-то. Это было как раз то, чего ты так ждал от меня.

Маг почувствовал, как слезы полились у него из глаз, но он вытер их. Он не имел права плакать.

— Твой сын в надежных руках: Идо и еще один человек, который бесконечно много помогал мне в прошлом, заботятся о нем. Я клянусь тебе, что с ним не случится ничего плохого. Это — единственное, что мне осталось: я — защищу его.

На прощание он положил руку на холодную землю. Тарик ушел, ушел навсегда. Было время, недолгое, когда Сеннар мог увлечь его за собой, но он позволил ему уйти. Возможно, сейчас он и с Саном поступил бы точно так же. Старый маг за свою долгую жизнь слишком хорошо усвоил одну истину: нет выбора правильного или неправильного. Жизнь в итоге сама все расставляет по своим местам.

Теперь пришло время снова вступать в борьбу: это нужно было сделать в память о сыне и Ниал.

Он с трудом поднялся, развернулся и направился к выходу.

7 ДВА УБИЙЦЫ

Карва — это один из многочисленных городов Земли Солнца; так, по крайней мере, было в прошлом. Самые обычные каменные дома и безмятежная суэта — вот отличительные признаки родных мест Дубэ. Примерно на расстоянии одного километра от стен города расположился огромный военный лагерь, и это обстоятельство круто изменило всю жизнь вокруг. Карва кишела солдатами, стекавшимися сюда со всех подконтрольных Дохору земель. Местные жители, казалось, с трудом привыкали к их разнузданной манере грубо окликать подавальщиков в тавернах и торговцев на улицах. Но около лагеря всегда толпилось множество беженцев, следовавших за войсками в надежде получить горячую пищу или какую-нибудь работу. Вся эта картина напомнила Дубэ Макрат; война постепенно меняла облик Земли Солнца, превращая каждый город в боевой аванпост.

Разбойница посмотрела на Леарко: казалось, он был в некотором замешательстве. Себя она постаралась убедить в том, что это никоим образом не должно было ее касаться.

Наконец принц вместе со своими спутниками добрался до цели своего путешествия, и одно это уже было великим благом. Дубэ в присутствии молодого человека испытывала некоторое неудобство, но ей никак не удавалось понять, что было тому причиной.

Путники направились в сторону лагеря. У входа постовые приветствовали принца почтительным поклоном, но Леарко проследовал дальше, не удостоив их даже взглядом. Он обратился к проходившему мимо солдату:

— Где Форэ?

Холодок пробежал по спине Дубэ при упоминании этого имени. Разбойница замерла от страха: Форэ был самым преданным полководцем Дохора. Именно он вместе с Леарко, прямо у нее на глазах, устроил в Земле Ветра казнь восставших, и именно он толкнул девушку на ограбление, после которого началось разрушительное действие ее проклятия.

Охватившая Дубэ паника длилась не более одного мгновения, затем она сделала глубокий вдох: ей довелось разговаривать с ним не более двух раз, да и то с закрытым лицом, поэтому узнать девушку теперь он не сможет.

— В конце улицы, в главном шатре, господин.

Леарко прибавил шагу. Когда они приблизились к палатке, Дубэ вдруг остановилась, удерживая Теану за руку. Принц, обернувшись, заметил, должно быть, ее волнение.

— Вы зайдете вместе со мной, я намерен поручить ему заботы о вас.

Этого как раз и не хотелось бы. Дубэ только кивнула.

Шатер был обставлен с необыкновенной роскошью, а в углу стояла складная походная кровать, которая по своему великолепию не уступала королевскому ложу.

Сбоку на массивном складном столе возвышалась серебряная ваза с фруктами. Форэ сидел в глубине палатки на резном стуле. Очаровательная хрупкая женщина растирала губкой его спину и шею. Несмотря на то, что ему уже перевалило за пятьдесят, он по-прежнему обладал могучим телом с могучей мускулатурой.

Разбойнице никак не удавалось сдержать дрожь. От вида его свирепого лица, которое сейчас, однако, выражало спокойное умиротворение, все ее тело наполнилось безудержной яростью. Этот человек обманул ее; ведь именно он претворил в жизнь план Дохора о пожизненном наказании Дубэ.

Знак проклятия горел на ее руке: душераздирающий стон зверя насквозь пронизывал мозг девушки. Дубэ закрыла глаза, чтобы взять себя в руки. Она отчетливо понимала, что бушевавшая ее жажда крови была результатом не только наложенного на нее проклятия.

Леарко опустил на колени, Теана и Дубэ поспешили сделать то же самое.

— Дядя...

— А вот и ты! — перебил его Фора, грубо отстраняя прислуживавшую ему женщину. — Любимый племянник. — Его смех был подобен раскату грома. — Встань, встань скорее. Ведь ты принц.

Леарко с опущенной головой послушно встал.

Фора с силой хлопнул его по плечу, а затем перевел взгляд на девушек:

— А это кто такие?

И, не дожидаясь ответа, двинулся им навстречу. Он взял за руки обеих девушек, вынуждая их сделать шаг навстречу, затем внимательно на них посмотрел.

— Что, скромный боевой трофей? Особенно вот эта, — сказал он, указывая на Дубэ, и снова разразился грубым смехом. — Не думал, что ты такой... Однако это не так уж плохо. Мне нравится, что ты наконец начинаешь наслаждаться всеми прелестями жизни.

Леарко был невозмутим.

— Я купил их на невольничьем рынке в Сельве. Это две сестры. Та, что помоложе, — жрица культа.

Дубэ в тот момент испытала к Теане чувство искренней благодарности за то, что та, проявив сообразительность, купила рубашки с длинными рукавами. Таким образом разбойница могла скрыть клеймо на своей руке; слишком велика была вероятность того, что Фора узнает его.

— Меня это не волнует. Достаточно того, что они нравятся тебе, — возразил тот, снова усаживаясь на стул. Он подал служанке знак, чтобы та продолжила делать массаж. — Позволю себе также заметить, что у меня гораздо больше вкуса... — добавил он, указывая глазами на женщину, стоявшую у него за спиной.

— Я хотел, чтобы их взяли на работу.

Фора вопросительно на него посмотрел:

— Оставь их здесь. В войске их оценят по достоинству.

— Нет, я хочу, чтобы они были отправлены в Макрат, во дворец к моему отцу.

Дядя принца замер на мгновение, а потом ехидно улыбнулся.

— Это так же невероятно, как и то, что некоторые вещи никогда не меняются. Уже много лет прошло с тех пор, как я начал обучать тебя, но ты так и не перестал быть наивным простаком.

Леарко, услышав оскорбительные слова, даже не двинулся с места.

— Я их купил, и они принадлежат мне по праву. Я могу делать с ними все, что захочу.

Фора небрежно махнул рукой:

— Делай как знаешь. Каждый развлекается по-своему. — А через мгновение добавил: — А ты готов к тому, что твоему отцу это придется не по вкусу?

Леарко, сжав кулаки, потупил взгляд.

— У тебя их столько уже было. И эта, возможно, не самая плохая. В любом случае о них мы поговорим после с глазу на глаз. — Фора бросил мимолетный взгляд на девушек. — Для двух посудомоек всегда найдется место при дворе, я бы придумал для них занятие поинтереснее.

— Они находятся под моей защитой, — снова повторил принц.

— Согласен, — раздраженно ответил его дядя. — Но теперь я бы хотел поговорить с тобой наедине.

Фора медленно оделся.

— Помоги мне, — надменно приказал он, и Леарко послушно подчинился.

Принц постепенно, вещь за вещью, помог дяде надеть доспехи и осторожно затянуть ремни на его теле. Ежедневно, из года в год, он выполнял это поручение: подобный ритуал предшествовал каждому сражению, в котором обоим предстояло принять участие.

Трясущийся человек неподвижно стоял и смотрел на него. Это был старик с огромными от страха глазами. Если бы он мог — взмолился бы о пощаде, но страх

вынуждал его хранить молчание. Леарко почувствовал, как его рука, вся в холодном поту, скользнула по рукояти меча. Фора стоял сзади и смотрел на него в упор.

— Ну, давай же, — подталкивал он племянника.

Во второй раз он принуждал Леарко к действию, и с каждым разом все больше раздражения звучало в его голосе. Дядя уже два месяца был его наставником: принцу тем временем было не больше тринадцати лет.

До сего момента мальчик был убежден, что не было на свете никого более неумолимого и ужасного, чем его отец. Принц потратил годы на то, чтобы добиться расположения короля: до изнеможения совершенствовал он свое искусство фехтования, изо всех сил пытаясь укрепить и сформировать свое худощавое тело в соответствии с требованиями военного искусства. Но тот ни разу даже не улыбнулся ему, ни единым жестом не выразил своего одобрения.

— Ты — слабак, — с неизменной язвительностью в голосе повторял король, обращаясь к сыну. И эти слова больно ранили принца.

Матери Леарко словно не существовало: он видел ее только во время наиболее важных официальных церемоний. Остальное время эта женщина, словно чужестранка, избегала людей; на протяжении многих лет она предпочитала уединяться в своих покоях, обрекая себя на добровольное затворничество. Принцу никогда не удавалось ни заговорить с ней, ни даже коснуться ее рукой.

В то время Фора был похож на полумифического героя: он был человеком высокого роста, могучего телосложения и безграничной силы, мальчик никогда не смел к нему приблизиться.

Вскоре последовало отцовское решение.

— Ты отправишься принять участие в сражениях в Земле Ветра. Настало время тебе узнать, что такое битва, и научиться настоящему боевому ремеслу.

Услышав эти слова, Волько, адъютант короля, запротестовал:

— Но, господин, он еще ребенок...

— Я был на год младше его, когда попал в Академию.

— Но война...

— Я — король, и мне решать, что лучше для моего сына!

Так Фора стал наставником принца, и юноша повсюду следовал за ним. Леарко, обвешанный тяжелыми доспехами и размахивая мечом, участвовал во всех битвах подряд.

С тех пор он видел только кровь, жестокие убийства и зловонные поля, усыпанные истерзанными телами. Принц был всегда в самом центре событий, и всегда позади него стоял его дядя, готовый в любой момент спровоцировать его на месть.

Никого не беспокоило, что мальчик может быть ранен или даже убит. Его посылали в самую гущу схватки, как будто он был простым солдатом. И до сего момента спасением своей жизни он был обязан только некоторым своим боевым товарищам. Они оттесняли Леарко за пределы поля битвы, а сами сражались вместо него.

За два месяца он не убил ни одного человека. Леарко знал, что отец был им недоволен и что он хотел видеть в нем жестокого и беспощадного воина. Мальчику было всего тринадцать лет, но он уже отчетливо понимал, что королевства держатся на крови тысяч людей. Однако принц не принимал этого, потому что это противоречило его воле. Фора жестоко карал его за каждое проявление неповиновения: от ударов плетью вся спина Леарко покрывалась кровавыми полосами.

— В бою ты должен быть первым, понятно?

Эти слова терзали его сознание так же глубоко, как хлыст оставлял след на его теле.

Наконец настал тот роковой день.

— Сегодня мы казним восставших. Я хочу, чтобы и ты был там.

Леарко склонил голову. Уже не в первый раз он присутствовал при казни. В течение пяти месяцев такое случалось не единожды, но принц все еще не мог привыкнуть. Всякий раз, когда палач наносил свой удар, мальчик закрывал глаза.

Итак, у принца не осталось выбора. Он последовал за Форой к назначенному месту. Меч неумолимо опустился на головы пятерых несчастных. Остался один старик.

— Этого убьешь ты.

Слова дядя ужасным эхом отозвались в голове мальчика.

— Но я...

— Ты никогда не сможешь стать человеком, тем более солдатом, пока не научишься убивать.

Как во сне Леарко позволил затащить себя на эшафот. В руки принцу вложили меч палача, на котором были выгравированы слова: «Прими, Господь, душу человека, которого я намерен убить». Но Леарко даже не взглянул на него. Он посмотрел только в испуганные глаза старика и проникся непреодолимой к нему жалостью.

— Не хочу, — пробормотал он, оборачиваясь к Форе. Юноша знал, что тот был далеко не самым милосердным человеком, но тогда он искренне надеялся, что его взгляд сможет тронуть даже сердце короля.

— Убей его, и все кончено.

— Прошу вас...

— Давай, вперед!

Леарко почувствовал на себе взгляд толпы: все окружавшие его солдаты замерли в ожидании.

Палач вынудил старика опуститься на колени и положить голову на пень. Приговоренный завопил, как теленок, и его крики снова парализовали руку принца. Этот человек не сделал ему ничего плохого, и теперь, безоружный, он кричал здесь в ожидании участи, которую явно не заслуживал.

— Сожалею, но я не могу, — сумел, наконец, произнести Леарко.

От сильного удара в спину мальчик упал на землю.

— Убей его! — рявкнул Фора, и послушаться его принц не мог.

Леарко заплакал в тишине. Он взял меч и поднял его над собой. Старик, не переставая стенать, умолял о пощаде. Принц не осмелился нанести ему удар. Тогда Фора рывком придвинул мальчика к себе, схватил за руки и заставил сжать ими рукоять меча, занести его над головой приговоренного и тогда уже без помощи дяди Леарко вонзил клинок в шею жертвы. Принц не смог остановиться: оружие было слишком тяжелым. Он зажмурил глаза, чтобы не видеть происходящего, и закричал. В тот самый момент, когда Леарко почувствовал, как меч рассекал живую плоть, он понял, что отныне все станет по-иному. Эта казнь ознаменовала конец его детства.

Удар плетью.

Один удар, пять, десять.

Леарко с особым удовольствием принимал это наказание. Он старался не издавать ни единого звука, считая его вполне заслуженным. Мальчик принял решение: он больше не будет убивать. Возможно, для Форы он сделал бы исключение. Принц жаждал видеть его обезглавленным; он сгорал от желания убить его тем же самым мечом, которым тот навсегда погубил его душу.

— Не позволяй себе трусить, как девчонка, понятно? — кричал Фора в уши сплевывавшему кровь Леарко.

Принц до крови закусил губы, чтобы не кричать и не доставить дяде удовольствия. Затем он бросил на дядю полный возмущения взгляд. Фора, вполне довольный, засмеялся.

— Ну вот, наконец взгляд настоящего короля! Именно так ты должен смотреть на меня, и не иначе! Ничто не должно мешать тебе править! А теперь помоги мне надеть доспехи.

Мальчик поднялся, не сумев ему отказать. Не спеша он подавал дяде его доспехи и помогал затягивать ремни. А в это время в его ушах все еще стоял душераздирающий крик старика на эшафоте.

Принц затянул последний ремень на жилете Форы. Этот ритуал продолжался на протяжении восьми лет. Дядя снова уселся на свой стул и пристально посмотрел на племянника.

— Сядь.

Леарко послушно взял в углу табурет и сел. Его раздражало вынужденное подчинение этому человеку.

— Твой отец принял решение вернуть тебя обратно в Макрат.

Леарко был явно обескуражен. После его неудачной попытки убить Идо, во время их последнего столкновения, принц был отправлен на границу с новым заданием. Юноша нисколько не сомневался, что его наказание закончится еще не скоро.

— А можно узнать, почему?

— Неор получил прощение и возвращается из опалы.

Леарко с недоверием уставился на Фору. Неор был кузеном Дохора. Принц не видел его на протяжении многих лет: тот запомнился ему как человек много повидавший на своем веку, почти больной.

«Пытайся сопротивляться, как я», — учил Неор принца, держа его лицо обеими руками. Леарко был тогда еще ребенком и ничего не понял. Затем король поручил сына своему шурину, и эти слова обрели смысл.

— Вижу, что ты удивлен, — сказал, улыбаясь, Фора.

— Я думал, что Неор никогда не будет прощен, только и всего.

— Ну, знаешь, прошло уже много лет, да и жена его умерла.

Сибилла. Он очень хорошо помнил эту женщину: когда ее муж был приговорен к изгнанию, именно она стала во всем помогать его матери, Сулане. Она заботливо ухаживала за королевой, сообщая ей обо всем, что происходило во дворце, а также передавая слугам ее волю. Когда королева, по иронии судьбы, так же как и ее первенец, умирала от красной лихорадки, Сибилла решила окончательно поселиться в ее покоях и постепенно сама удалилась от остального мира. Леарко не был с ней близко знаком, но та симпатия, которую он испытывал к Неору, в равной степени распространялась и на нее.

— Ты теперь взрослый и уже в состоянии понять некоторые вещи. Кроме того, что случилось с его женой, могу определенно сказать, что Неор очень опасен. Однажды он уже затеял заговор, и это может снова повториться. Однако его величество великодушно вновь возвращает его ко двору, присваивает ему дворянские титулы и даже дает какое-то поручение — ну чем не повод задрать нос. Опять плохой волк становится невинным ягненок.

Фора разразился громким хохотом. Леарко равнодушно посмотрел на него. Неор был далеко не тем человеком, которого можно было бы так легко купить; по крайней мере, именно таким он его запомнил.

— Церемония пройдет здесь? — спросил принц.

Дядя согласно кивнул:

— При полном параде. Вся семья снова в сборе. Представь, даже я приглашен: главный мясник Земли Солнца в полном облачении идет на церемонию.

В действительности Фора был самым близким Дохору человеком, его правой рукой, однако предпочитал держаться подальше от двора: он был незаконнорожденным сыном предшествующего правителя. Дохору он был обязан абсолютно всем: король приблизил его, несмотря на то что Фора приходился Сулане сводным братом. Не будь Дохора, его наверняка ожидал бы плачевный конец.

— А ты должен быть там в первую очередь.

Леарко встал, не промолвив ни слова, лишь поклонился и вышел за дверь.

— В дорогу вы отправляетесь завтра утром, — сообщила служанка Форы. У нее было прекрасное, но лишенное каких-либо эмоций лицо. — Вместе с принцем, — добавила она.

Сердце Дубэ екнуло, но девушка сумела это скрыть.

— Как же так? — спросила она с мнимой беспечностью.

— Кузен короля получил прощение, и поэтому принц должен непременно присутствовать на церемонии. На праздновании будут все придворные.

Затем женщина безмолвно покинула шатер, в который она чуть раньше привела обеих девушек.

— Будет лучше поехать вместе с принцем, — промолвила, вздыхая, Теана. — Я бы не решилась довериться никому из этих людей.

Дубэ кивнула: для нее это было слабым утешением. Она испытывала чувство неловкости в компании Леарко. Его присутствие вызывало у нее странные чувства, в которых она толком не могла разобраться: юноша притягивал и одновременно отталкивал ее.

С другой стороны, иных вариантов не намечалось. Наоборот, это могло стать единственной возможностью заполучить место при дворе, гарантировавшее ей необходимый минимум свободы действий. По этой причине девушка старалась не думать ни о чем, кроме своей миссии.

Однако предстоящей ночью Дубэ вряд ли удастся уснуть.

На следующее утро путники двинулись напрямую через лес в сторону Макрата. Их снова было трое, поскольку Леарко не захотел, чтобы их сопровождала охрана. Его доспехи и весь прочий багаж уместились в двух дорожных сумках.

Дубэ и Теана были вынуждены преодолевать этот путь в более стесненных условиях, сидя вдвоем на одной лошади.

Дорогой Леарко казался задумчивым, словно что-то терзало его изнутри. Дубэ предположила, что причиной этого могла стать встреча с Форой. У девушки возник странный соблазн заговорить с ним и узнать причину его волнений. Чтобы прогнать эти навязчивые мысли, она принялась вполголоса обсуждать с Теаной их дальнейшее поведение при дворе.

Ночь. Луна светила высоко в небе, и воздух был сладок и приятен.

Леарко, наверное, впервые заснул таким крепким сном, но Дубэ несколько не сомневалась, что при малейшей опасности он вскочит в одно мгновение. При этом разбойница была абсолютно уверена, что он не смог бы сразу разобраться в том, что происходило вокруг него. Она выбрала этот момент для того, чтобы приготовить необходимое снадобье: было бы крайне опрометчиво появиться во дворце с таким ярким клеймом на руке.

Она собственноручно приготовила мазь, а Теана добавила в нее какое-то особое вещество.

— Лунная пыль — это растертый в порошок камень, обладающий маскирующими свойствами, — шепотом пояснила девушка-маг. — Это не магическое средство, но по своим свойствам очень на него похожее.

Дубэ следила за тем, как с ее руки, словно в фантастическом мираже, исчезал символ проклятия.

— Чем мы займемся, когда приедем? — спросила через некоторое время Теана.

Дубэ перевела взгляд на принца, продолжавшего все так же мирно спать. Она отвела в сторону свою спутницу и заговорила с ней почти шепотом:

— Ты ничего не будешь делать до тех пор, пока я не найду, что ищу. Я займусь поисками как документов, так и... — О дальнейших своих намерениях она предпочла умолчать. Осторожность никогда не бывает излишней.

— На самом деле моя работа не такая уж и простая.

Всякий раз, когда Дубэ заводила разговор на эту тему, Теану начинала колотить дрожь.

— И часто ты это делала? — выпалила вдруг девушка-маг.

— На самом деле я редко убивала, — ответила сухо разбойница. — Я скорее воровка, а в Гильдии убийц просто проходила обучение.

— А как все начиналось? — Теана, казалось, почувствовала неловкость от заданного вопроса. Но ответ вызвал не меньшее смущение.

— Мой Учитель был одним из членов Гильдии.

Девушка-маг усмехнулась.

— Он покинул секту из-за любви к одной женщине, а затем несколько лет был наемным убийцей. Учитель спас мне жизнь после того, как меня изгнали из Сельвы, и я, чтобы остаться с ним, вынудила его взять меня в качестве ученицы.

Теана очень внимательно смотрела на Дубэ. Потом она перевела взгляд на пламя костра и задала вопрос, который мучил ее с тех самых пор, когда они обе оказались на невольничьем рынке.

— Почему ты была изгнана?

Дубэ вздохнула и закрыла глаза. Девушка и сама точно не могла понять, для чего она все это рассказала Теане. В какой-то момент ей показалось, будто что-то изменилось в их отношениях. Вот так, вполголоса, она поведала о Горнаре и том, что произошло тем самым первым летним днем.

Едва Дубэ закончила свой рассказ, над лужайкой повисло тяжелое молчание. Девушка-маг пристально смотрела на огонь.

«Она не знает, что сказать. Никто никогда не может ничего мне на это сказать, потому что не существует оправдания моему поступку».

— Если бы тогда тебя не выслали из деревни, то сейчас ты наверняка не была бы здесь, — произнесла наконец Теана. — И уже больше не стала бы убивать, а тот мальчик превратился бы в далекое и печальное воспоминание.

— Я не осуждаю их за это. Они были правы; возможно, им нужно было даже казнить меня.

— За несчастный случай? И кого, маленькую девочку? — Теана произнесла это так громко, что Дубэ была вынуждена даже одернуть ее.

— Я совершила убийство.

— Ты — такая же жертва, как и тот погибший мальчик.

Разбойница тряхнула головой.

— Ты никак не можешь понять. Не важно, как это произошло, важен сам факт убийства. Все изменилось и уже никогда не будет таким, как раньше.

— Почему ты не можешь простить себя? Если бы они также попытались сделать это, то, возможно...

— Есть вещи, которые нельзя прощать.

Теана собралась было поспорить, как вдруг Дубэ почувствовала какое-то шевеление за их спинами. Она инстинктивно обернулась и увидела, как Леарко вскочил и схватился за меч.

— Тихо! — приказал принц. — Там кто-то есть.

В один миг в голове Дубэ промелькнула мысль о том, мог ли юноша услышать их разговор и обо всем догадаться. Но времени на раздумья не было: Леарко уже выхватил меч и заставил ее укрыться за своей спиной. То же самое он приказал и Теане, а сам приготовился к атаке. Нависшая опасность вытеснила из головы девушки все прочие мысли.

Они были где-то совсем близко. Разбойница услышала приближающиеся торопливые шаги среди папоротниковых зарослей. Их было слишком много на одного принца. Ее рука машинально сжалась в кулак, готовая в любой момент вцепиться в кинжал. Что делать?

— Что бы ни случилось, оставайтесь всегда между мной и тем деревом, которое позади нас, — прошептал Леарко, и в его голосе они слышали предчувствие битвы.

Люди появились из лесной чащи внезапно. Они были плохо одеты, без каких-либо знаков отличия, обычные грабители. Наверняка до войны они были простыми крестьянами, а теперь вряд ли догадывались, что перед ними стоял сын самого короля.

Дубэ схватила Теану за руку и заставила ее прижаться вместе с ней спиной к дереву. Другая ее рука лежала на рукояти кинжала.

Девушка не собиралась пускать его в дело на глазах принца, но в случае гибели Леарко ей придется сражаться.

Юноша молниеносно атаковал нападавших. Его проворство позволило ему решительно поразить первого неприятеля одним ударом прямо в живот.

Долго не раздумывая, на ходу он обернулся и убил еще одного и переключился на двух других нападавших с такой быстротой и хладнокровием, что Дубэ просто онемела от удивления. Он был ловок и стремителен.

Борьба продолжалась, Леарко не щадил своих сил, точными ударами он повергал противника насмерть. Впрочем, нападавшие не были сильны в боевом искусстве и превосходили принца только числом.

Тишину на поляне нарушали только скрежет клинков и тяжелое дыхание сражавшихся.

Вдруг Леарко издал стон, он получил удар кинжала в бок. Но это нисколько не смутило принца: он продолжал атаковать, не обращая внимания на кровь, текущую из раны.

Дубэ резко обернулась: с правой стороны на них надвигался один из грабителей. Мгновение она стояла в нерешительности: вступать ли в драку и тем самым открыть свое истинное лицо, или ждать помощи от Леарко?

Однако необходимость в выборе у нее отпала: принц, нанося точные удары, встал между ними и нападавшим и тут же получил еще одно ранение в руку. Дубэ видела, как он скривился от боли, а затем снова ринулся в бой, защищая себя и своих спутниц.

Наблюдая за тем, как отчаянно бился Леарко, разбойница задалась вопросом, а, собственно, по какой причине он защищал их с таким пылом, почему был готов отдать свою жизнь за этих двух незнакомых ему девушек. Она поняла, что это сражение будет им проиграно и он наверняка погибнет. Ее рука крепко сжала рукоять кинжала.

«Тебя не должна интересовать его смерть. Твой план не зависит от исхода боя. Если ты обнажишь оружие, то затем будешь вынуждена убить принца».

Все же она решила действовать.

Дубэ уже была готова выхватить кинжал, как вдруг холодная рука Теаны ее остановила.

— Заткни уши.

Разбойница растерянно посмотрела на нее: та была бледная как полотно и вся дрожала, но вид у нее при этом был самый решительный.

— Делай, как я сказала, и точка!

Дубэ подчинилась. Неожиданно стихли скрежет мечей, стоны и тяжелые вздохи сражавшихся: пятеро нападавших, включая Леарко, лежали на земле.

— Что случилось...

— Ты не читала «Хроник Всплывшего Мира»? — Теана стояла, опираясь о дерево, и тяжело дышала.

Дубэ жестом показала, что не понимает, о чем идет речь.

— Это — волшебные чары, которыми воспользовались Сеннар и Ниал во время их бегства из Салазара. Такой магический прием позволяет усыплять на некоторое время определенное количество человек.

Дубэ опустила глаза. Хорошая идея, но была ли она сейчас уместна?

— А как, по-твоему, мы сможем объяснить Леарко это волшебство, когда тот придет в себя?

— Он ничего не будет помнить, — ответила, усаживаясь, Теана. — Я подумала, что это будет гораздо лучше, чем позволить тебе вступить в схватку, не так ли?

Дубэ была вынуждена признать ее правоту. У Теаны в такой опасной ситуации хватило выдержки и ума придумать этот план.

— Ну, скорее же, я еще пока не умею управлять этими чарами, а бандиты наверняка скоро очнутся.

Дубэ кивнула. Теперь она прекрасно понимала, что происходит вокруг.

Из привязанных к лошади баулов принца она достала длинную веревку и крепко

связала всех, кроме принца, лежавших на земле людей. Ей следовало убить их, но она не хотела снова тревожить зверя. Преграда, разделявшая их, была достаточно крепкой, но тем не менее у разбойницы не возникало ни малейшего желания испытывать ее на прочность.

— Заберем Леарко и едем отсюда поскорее.

Теана помогла ей поднять принца и погрузить его на лошадь.

— Его раны не слишком опасны, но им нужно заняться как можно скорее, — заключила девушка-маг. — Пока он не потерял слишком много крови.

— Это следует делать в каком-нибудь надежном месте, — ответила разбойница.

Они сели на лошадь и быстро помчались прочь.

Отъехав на довольно приличное расстояние от места нападения, девушки устроили привал на одной из полянок у опушки леса.

У них уже не было больше сил двигаться дальше, да и приходивший в себя принц начал стонать от боли. Постепенно из сонного состояния, в котором он находился после воздействия магических чар, Леарко погружался в некое подобие мучительной бессознательности.

Девушки осторожно положили его на землю, а затем принялись за дело: по указанию Теаны Дубэ собирала разные травы, из которых девушка-маг намеревалась приготовить лечебные настои.

— Ты — довольно опытный ботаник, — заметила Теана.

— Убийца должен знать ядовитые растения, а вор — те, что обладают усыпляющим действием, — как ни в чем не бывало пояснила разбойница. — Да и потом, я всегда питала особую слабость к изучению трав.

Теана не стала больше ее расспрашивать и принялась готовить снадобье.

Эта процедура не слишком отличалась от той, которую она применяла для приготовления зелья, сдерживавшего разрушительное действие клейма. Как и в прошлый раз, она обмакивала кончик тонкого березового прутика в приготовленную мазь. Затем, закрыв глаза, словно в трансе, выводила вокруг раны на теле принца странные знаки. Шепотом она, словно заклинание, медленно читала молитву. Дубэ вздрагивала всякий раз, когда Теана произносила имя бога Тенаара. Однако разбойница видела, как постепенно розовело лицо Леарко; его дыхание также приходило в норму.

Неужели это был тот самый, истинный бог, о котором они раньше спорили? Неожиданно до Дубэ стал доходить смысл слов Теаны, произнесенных в тот незабываемый вечер. Это была уже другая, позитивная сторона веры, хотя и не менее загадочная: в ней чувствовалось сострадание.

К тому времени Теана уже завершила свой ритуал: Леарко, казалось, беззаботно спал, а его раны больше не кровоточили.

— Теперь воспользуйся каким-нибудь своим лекарством, — произнесла девушка-маг устало. — Наверняка он так скорее поправится и завтра сможет снова продолжить путь.

Дубэ не нужно было повторять дважды. Она стала осторожно втирать мазь, нежно поглаживая кожу вокруг раны. Едва она смазала порез на руке принца, как вдруг ей на память пришел эпизод с Учителем: у него была такая же рана и она спасала его от смерти.

Девушка чуть вздрогнула: прикосновение к Леарко вызвало у нее необычайное волнение. Она поспешила закончить скорее эту процедуру.

— До утра будем спать по очереди. Напавших на нас людей я связала как следует, но нет гарантии, что по пути нам не встретится еще кто-нибудь. В любом случае нам нужно позаботиться и о нем, — произнесла Дубэ, и Теана согласно кивнула.

Эта ночь показалась ей бесконечной. Разбойница неотступно думала о Леарко, вступившем за них в бой.

Ей никак не удавалось найти этому объяснение. Она смотрела на его бледное и спокойное лицо, испытывая некое восхищение перед этим юношей. Девушка спрашивала себя, почему она то порой искала его общества и чувствовала себя самой счастливой, когда он был рядом, то видела в нем угрозу своей безопасности и надеялась на то, что какое-

нибудь событие их непременно разлучит.

Наконец принц открыл глаза. Впервые она заметила, что у него зеленые глаза, что они живые и яркие и какая бездонная глубина таится в них.

Леарко повернулся и посмотрел на нее.

— Что произошло?

— На нас напали, — ответила Дубэ.

— Это я помню. А что потом?

— Вы их убили, всех пятерых, — солгала она. — Но вас ранили.

Леарко внимательно оглядел свою раненую руку, попытался осмотреть еще и бок, но резкая боль помешала ему это сделать.

— Не двигайтесь, иначе рана снова откроется.

Молодой человек посмотрел на нее с улыбкой:

— Давай перейдем на «ты».

Дубэ смущенно огляделась, отчаянно пытаясь перевести взгляд на что-нибудь другое, лишь бы не смотреть ему в глаза. Теана спала и не могла помочь ей в этом.

— Так это была ты?

Девушка вопросительно посмотрела на принца.

— Это ты лечила меня?

Дубэ сообразила, что принц принимает ее за жрицу, ведь Теана именно так ее и представила.

— Да, — снова солгала она.

— Благодарю.

Что-то шевельнулось у нее в груди.

— Вы не должны... ты не должен благодарить меня, ведь ты нас спас.

Леарко слегка приподнялся, поведя плечами.

— Я не для того спас вас тогда в Сельве, чтобы потом позволить погибнуть от рук бандитов.

Для Дубэ это было непонятно.

— Но мы чужие тебе люди. Скажи, почему ты сделал это?

Юноша пристально на нее поглядел:

— Мне казалось, что я уже достаточно много сделал для вас плохого?

Дубэ все так же непонимающе смотрела на принца.

— Мы уже говорили об этом, помнишь? Война вынудила вас стать беженками. А я и есть та самая война. Знаешь, скольких людей я убил за свою жизнь?

Дубэ чуть не рассмеялась ему в лицо, ей хотелось спросить принца: «А знаешь, скольких убила я? И последним будет твой отец».

Разбойница почувствовала, как мурашки пробежали по ее спине.

— Ты — сын короля. И если даже ты убивал, то, значит, так было нужно твоему королевству.

— Не притворяйся. Я же знаю, что ты способна меня понять.

От пристального взгляда Леарко у девушки все похолодело внутри.

«Он все слышал. Я раскрыта. И теперь мне придется его убить».

— Я...

— Незадолго до нападения я слышал ваш с сестрой разговор. Вы говорили о том, что произошло с тобой в детстве.

«Он все знает, знает о наших планах!»

— Мне неизвестно, кто ты на самом деле и правда ли, что та девушка, которая спит сейчас в двух шагах от нас, тебе сестра. Мне нет до этого никакого дела. Мне достаточно просто посмотреть тебе в глаза, чтобы понять, что твое прошлое покрыто таким же мраком, как и мое. Мы оба знаем то, о чем большинство людей даже и не догадываются.

Дубэ напряглась: мысль о том, что Леарко мог узнать все о ней и ее миссии, испугала разбойницу, она лихорадочно соображала, что делать дальше, а принц продолжал говорить:

— И именно поэтому ты плакала тогда там, у ручья, и просила прощения, не правда ли? Отпираться было бесполезно.

— Да.

Леарко грустно улыбнулся:

— Когда мне было тринадцать лет, Фора, тот самый человек, которого ты видела в шатре, заставил меня казнить старика. Я отрезал ему голову на глазах улюлюкающей толпы, — это было мое первое убийство. Ты понимаешь, о чем я? Ты знаешь, что происходит, когда убиваешь, когда твоя жизнь рушится в одно мгновение и весь мир меняет свой цвет и смысл?

Дубэ почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Никто не говорил ей ничего подобного, даже Учитель. По ее щеке скатилась слеза.

Принц медленно поднял руку и вытер.

— Если ты понимаешь это, то, значит, сможешь понять причину, по которой я хотел спасти вас. Для мертвых уже ничего нельзя сделать. И вины уже не смыть. Но для тех, кто жив, можно еще попытаться что-либо сделать. Вы и стали для меня как раз той самой запоздалой возможностью, впервые за многие годы.

Леарко продолжал гладить ее по щеке, вдруг он приподнялся, вскрикнув от боли, и нежно обнял девушку.

Дубэ еще постаралась сохранить твердость духа, но силы оставили ее, и она позволила себе расплакаться у него на груди, всей душой и телом чувствуя тепло его рук.

В самой глубине ночной тьмы забрезжил для нее слабый огонек сострадания и покоя, о котором она даже и не мечтала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я решил, что прошло время снисходительного отношения к моему сыну. Я долго верил в то, что своей суровой дисциплиной смогу закалить мягкий характер, доставшийся ему от матери. Но все оказалось безрезультатно. Большой ошибкой было с моей стороны доверить Неору воспитание принца. Мне нужен человек, способный сделать из него настоящего мужчину, и думаю, что я нашел такого человека — Фора, безусловно, один из самых преданных мне людей. Возможно, он грубый и недалекий, но зато и беспощадный человек, в бою ему нет равных. Именно он сделает из Леарко жестокого воина, каким я хотел бы его видеть. Он вытравит из его сердца жалость, заставит стать достойным своего отца. Наконец у меня появится наследник, о котором я так долго мечтал с тех самых пор, как от красной лихорадки умер первый Леарко. Став равным мне, он сможет увековечить мою власть над Всплывшим Миром. Ибо имя мое войдет в историю и все последующие поколения будут вспоминать меня со страхом и восхищением. И не будет конца моему правлению...

Из дневника Дохора, короля Земли Солнца

8

ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

Макрат, щупальцеподобный и беспорядочный, предстал взорам путешественников на четвертый день после нападения грабителей. Они ехали не слишком быстро, потому что, несмотря на все старания девушек, Леарко был еще слаб и быстро уставал. По этой причине за день они проезжали не слишком большое расстояние и надолго останавливались, чтобы перекусить и переночевать. Дубэ была все время на страже, невзирая на то что принц всякий

раз пытался этому противиться. Девушка была неумолима, к тому же после их последнего разговора ее все чаще мучила бессонница.

Никогда еще в своей жизни она не была такой растерянной. С одной стороны, она чувствовала, как в душе ее растет надежда на нормальную жизнь. С другой стороны, теперь они были еще в большей опасности, и все из-за того вечера, когда она проявила слабость и позволила себе проливать слезы, как глупая изнеженная барышня.

Ее одолевали то ненависть, то восхищение; когда наступала ночь, ее начинали терзать воспоминания. Она вспоминала и размышляла, и главное место в ее размышлениях занимал Леарко. Ей нравился его облик, сила его духа, отвага, но осознание того, что она, словно сообщница, знала о том, что творилось у него в душе, отталкивало ее. Принц по-прежнему был для Дубэ чужим человеком, который воспользовался ее минутной слабостью и выведал мрачный секрет девушки.

Поэтому, когда они вступили на улицы Макрата, Дубэ вздохнула с облегчением. Вот и долгожданный конец путешествия. Теперь она может сосредоточиться на своей миссии и освободиться от этого сладкого и одновременно горького наваждения.

Путники передвигались инкогнито. Чтобы не быть узнанным, Леарко надвинул на голову капюшон плаща.

Дубэ почувствовала, что снова дома. Это гнилое и мерзкое место было ее средой, в которую она выросла корнями и стала его неотъемлемой частью. Сельва была ее прошлым: в ней осталось детство разбойницы, в то время как Макрат, с его опасными кварталами, был ее настоящим, на самом дне которого она очутилась после смерти Горнара. Здесь все напоминало ей о ее воровской жизни и об Учителе. Казалось странным, но теперь воспоминания о нем не были столь яркими. Дубэ любила его, и этот человек значил для нее все, но теперь она явилась словно из другого мира. И это удивляло девушку. Она испытывала угрызения совести из-за того, что позволила навсегда исчезнуть этому призраку. Кто еще в этом мире вспомнит о Сарнеке, если не она?

Теана с тревогой прижалась к ней.

— Ты была здесь? — спросила ее Дубэ.

Девушка-маг потрянула головой.

— Я знаю, как выглядит дворец, но город мне незнаком.

Дубэ представляла себе, как, должно быть, напугана Теана видом этого города, его теснившимися друг к другу домами и зловонными улочками. Но девушка уже не раз обнаружила свое умение быть сильной, Дубэ не сомневалась, и на этот раз юная волшебница оправится.

Едва добравшись до дворца, Леарко наконец скинул капюшон. Охранники мгновенно почтительно склонились перед ним.

— Мой отец на месте?

— Он ожидает вас в тронном зале, ваше высочество.

Принц обернулся к девушкам:

— Следуйте за мной.

Они шли по коридорам королевской резиденции. Дубэ знала о ней по рассказам, но у нее никогда не было возможности посетить ее. Уже снаружи дворец поражал своим великолепием: высокие шпили, купола, повсюду позолота и барельефы. Интерьеры дворца были еще более яркими и красочными: анфилада огромных залов, отделанных белым мрамором; величественные треножники в углах, излучавшие в каждой комнате горячий свет и наполнявшие воздух ароматом благовоний.

Дубэ шла ссутулясь, с изумлением оглядываясь вокруг. Теана, напротив, двигалась легко и быстро, глядя прямо перед собой. Сразу было видно, что она неплохо знакома с местами обитания правящих особ; лишь едва заметная дрожь ее рук выдавала внутреннее напряжение девушки. Дубэ решила, что причиной ее страха было предстоящее знакомство с Дохором, человеком, которого все считали ужасным. И то, что они должны были совершить.

Наконец они оказались перед широкой бронзовой дверью, украшенной миниатюрами. Вход охраняли вооруженные копьями солдаты, которые, едва завидев принца, тут же низко поклонились ему.

— Я прошу аудиенции у моего отца.

— Королю уже доложили о вашем прибытии, — произнес один из охранников. — Обе женщины должны подождать здесь.

— Прошу разрешения на то, чтобы и их также пропустили. Я буду говорить о них с королем.

Охранник, казалось, был в недоумении.

— Мой господин, вы прекрасно знаете приказ: простолюдины не могут быть допущены к его величеству.

— Я беру на себя полную ответственность за свое прошение.

Солдат, все еще колеблясь, посмотрел на Леарко; затем с помощью своего напарника открыл одну тяжелую дверь.

Все трое оказались в громадном зале, почти полностью украшенном позолоченной мозаикой. В самом центре с потолка свисала огромная золотая люстра, украшенная драгоценными камнями: она грозно нависала над головами тех, кто торопился предстать перед королем. Все пространство зала было поделено величественными колоннами из серого гранита на три сверкающих нефов. Ниши двух боковых украшали статуи. Леарко, Дубэ и Теана двигались под пристальным взглядом суровых ликов каменных изваяний. В глубине зала на возвышении стоял великолепный трон, усыпанный драгоценностями, размер которого должен был внушать трепет перед могуществом его величества.

Они приблизились, и обе девушки поразились невероятному сходству Дохора с его сыном: те же светлые, почти белые волосы и те же черты лица, только не такие тонкие, как у сына. Казалось, что это сам Леарко, но только озлобленный, изгнавший из своей души всякое проявление благородства, для того чтобы оставить в ней место для жесткого политического расчета и жестокости воинствующего короля. На нем были простые доспехи, а сбоку на поясе висел меч. Он с безразличием ожидал приближение сына, устремив на него строгий взгляд. Сопровождавших принца девушек он не удостоил ни малейшего внимания.

На расстоянии десяти шагов от трона Леарко опустился на колени и склонил голову. Его раны еще не зажили, поэтому он двигался осторожно, терпеливо снося приступы боли, терзающие его бок.

— Отец...

— Ты заставил нас ждать, — неожиданно произнес Дохор.

Спина принца дрогнула.

— Лучше поздно, чем никогда, — добавил король с надменным взглядом.

Принц не отвечал; он продолжал стоять на коленях и с опущенной головой. Теана и Дубэ следовали его примеру.

— Вижу, что в дороге у тебя возникли какие-то трудности.

— На нас напали бандиты. Они были впятером, и мне пришлось потрудиться, чтобы справиться с ними. В бою я был ранен, но, к счастью, две эти девушки опытные жрицы, и они вылечили меня.

Король встал. На его лице отразилась саркастическая гримаса.

— Ты теперь сражаешься не только со стариками, но и со всяким сбродом!

Он медленно приблизился к сыну, сохраняя величественную осанку. Дохор несколько мгновений внимательно смотрел на принца, а потом с силой пнул его ногой в бок. Его ярость была слепой, почти животной. Леарко машинально прижал руку к ране, с трудом подавляя крик боли.

Девушки, застыв от удивления, замерли.

— Ты — слабак... — прошипел король.

— Прости меня, отец, — прошептал принц.

— Ты только и можешь, что просить прощения. Прощение за то, что не принес мне

голову Идо, за то, что не смог справиться с простыми уличными оборванцами, за то, что тебя спасли какие-то простолюдинки! — заревел Дохор.

Дубэ сжала зубы.

— Прости меня, отец, больше не повторится...

Король снова уселся на трон и погрузился в свои мысли.

— Зачем ты притащил за собой этих женщин?

Только теперь Леарко поднял голову:

— Я спас их в одном из приграничных городов. Наши враги разрушили их дом, и я подумал, что они могут быть нам полезны. Я привез их сюда, чтобы их приняли во дворец на службу.

Дохор затряс головой.

— Какой наш принц великодушный... Почему, судьба, ты не захотела дать мне достойного сына? С тобой я только теряю время. Ты не сможешь стать достойным моего трона. Ты гнешься, как камыш, и лишен какой бы то ни было твердости. — Он глубоко вздохнул и посмотрел вдаль через витражное окно. — Если бы твой брат не умер, он наверняка сумел бы. — Его голос прозвучал с едва заметным надрывом.

Леарко застыл, сжав кулак.

— Отведи их к Волько и сделай так, чтобы они больше никогда не показывались мне на глаза, — произнес он наконец. — Пусть он отправит их на кухню или еще куда-нибудь, но если я их снова увижу, то за себя не отвечаю, ясно?

— Да, мой господин.

Дохор махнул раздраженно рукой:

— А теперь прочь, убирайся к себе. За ужином еще поговорим с глазу на глаз.

Леарко поднялся и, чуть прихрамывая, направился к выходу.

Теана последовала за ним, в то время как Дубэ продолжила еще какое-то мгновение стоять на коленях. Она чувствовала, как ее переполняла черная, нестерпимая злоба. Наконец-то ей это удалось: она стоит напротив человека, которого должна убить. Разбойница никогда прежде не видела Дохора, но ненавидела его с тех самых пор, как оказалась в Гильдии. И впервые она испытывала непреодолимое желание убить; и зверь здесь ни при чем, она хотела этого сознательно. Она медленно встала, угрожающе глядя на короля. На долю секунды по его лицу мелькнула тень, словно он о чем-то догадался. Но это длилось не дольше мгновения, затем король перевел взгляд, а Дубэ, склонив голову, направилась к выходу.

Волько был худым и на вид слабым, но симпатичным стариком. Он тепло обнял Леарко и долго смотрел ему в глаза.

— Непременно и как можно скорее покажитесь лекарям, мой принц, — произнес он печально.

— Не беспокойся, я обязательно это сделаю.

— Почему, скажите, вы не бережете себя?

Принц улыбнулся, затем перевел разговор на другую тему, обрисовав ему в общих чертах историю сопровождавших его девушек, и поручил их его заботам.

— Не беспокойтесь, я найду для ваших подопечных подходящее местечко, — сказал старик.

— Вы остаетесь в хороших руках, — обратился он к Теане и Дубэ. — Мы обязательно скоро встретимся.

Затем он слегка наклонил голову в знак прощания и вышел за дверь, а девушки остались наедине с Волько.

— Следуйте за мной, — сказал старик.

Теана и Дубэ последовали за ним. Дубэ почти сразу почувствовала к Волько доверие. Разбойница подумала, что неплохо было бы завоевать его расположение.

— Вот и вы смогли убедиться, насколько добр наш принц, — вздохнул старик. — Знаете, в королевстве немало людей, которых он облагодетельствовал, а некоторым и спас

жизнь: женщины, дети и даже враги. И никогда не хотел, чтобы эти его поступки получили огласку.

Старый слуга говорил так, будто Леарко был его сын: в каждом его слове слышалась искренняя любовь.

— Правда, он еще никогда никого не приводил во дворец. Его величество не терпит проявления великодушия, считая его слабостью. А впрочем, королю следует быть нескгибаемым, — произнес он, тут же поправив себя: старик явно спохватился, что сказал лишнее. А между тем он без лишних остановок вел их по бесчисленным дворцовым коридорам. Вскоре барельефы уступили место обычной каменной кладке, а широкие коридоры — тесным проходам. Все трое спускались в самую глубь дворца. — Здесь всегда найдется место для рекомендованных самим принцем девушек, — продолжал старик.

Наконец они попали в коридор, в котором было с десятка запертых дверей. Волько достал из туники внушительную связку ключей, уверенно нашел среди прочих один и вставил его в замочную скважину одной из дверей. Внутреннее убранство помещения напомнило Дубэ ее дом: это была скромная комната, правда без окон, с двумя кроватями и двумя платяными сундуками.

— Можете располагаться, — произнес с улыбкой старик.

— Чудесно, — заметила Дубэ, входя в комнату.

— А как вас зовут?

— Я — Саннэ, а это — моя сестра Лея. Мы в некотором роде жрицы и хорошо разбираемся в травах.

Волько кивнул:

— Полагаю, что вам подошло бы место на кухне, верно?

— Нам уже и так безмерно повезло, что принц решил спасти нашу жизнь, поэтому нам все подойдет, — смиренно произнесла Теана.

Волько растроганно улыбнулся:

— Я обо всем узнаю и тогда дам вам знать. Пока отдыхайте, а ближе к вечеру все вам расскажу.

Он вышел и тихо закрыл за собой дверь.

Едва он скрылся, как Теана рухнула на кровать.

— Ну, вот мы и на месте.

Дубэ молча села на свою постель. И то правда. В конце концов, дело оказалось не таким уж и трудным. Им явно сопутствовала удача.

— Первые несколько дней будем сидеть тихо, — стала она объяснять план действий. — Нам нужно освоиться на этом месте, узнать распорядок и постараться не вызвать к себе лишнего внимания. Поскольку мы здесь чужие, к нам наверняка будут относиться с подозрением. Я скажу тебе, когда пора будет приниматься за дело, в любом случае на первом этапе я займусь поиском необходимых нам предметов. Ты вступишь в игру только тогда, когда придет время совершить ритуал.

Теана согласно кивнула.

Дубэ заметила, однако, в ее лице некоторое волнение.

— О чем ты думаешь? — спросила разбойница.

Девушка-маг отвернулась и легла на кровать, глядя на светильник.

— Я никогда не думала, что когда-нибудь буду втянута в подобные дела, — прошептала она.

— Это был твой выбор.

— Я знаю... знаю.

Теана никак не могла побороть свой страх. Перед тем как отправиться в дорогу, она полагала, что ей нужно будет всего лишь воспользоваться своими умениями, что все пройдет быстро и безболезненно, и к тому же это ее участие позволило бы ей внести свой вклад в освобождение Всплывшего Мира. Но неожиданно все величие ее миссии сошло на нет. Да, она хотела уничтожить врага, негодяя, поработившего свободные Земли, но тогда она не

думала о том, что у него есть семья, сын. Даже деспотов невозможно убивать с легким сердцем.

— Что, уже передумала? — спросила Дубэ, глядя ей прямо в глаза.

Теана замотала головой:

— До этого момента все было как-то не по-настоящему. А теперь... теперь это уже неизбежно.

— Ты уже не сможешь вернуться назад.

— Я слишком хорошо это понимаю. Но это не меняет сути вещей. Справедливо ли мы поступаем?

— Вся ответственность на мне.

Дубэ сидела с потерянным видом.

— Именно я убью Дохора, а ты только освободишь меня от проклятия. На тебе не будет крови.

Теана вздохнула. Это-то и было самое отвратительное: спрятаться за спиной Дубэ и оправдывать себя тем, что не нужно заниматься грязной работой. Девушка-маг улыбнулась: она оценила попытку своей спутницы снять с нее чувство вины.

— Мы это сделаем вдвоем и вместе будем за все в ответе.

— Я всегда была одна, — заметила Дубэ.

— Может, сейчас пришло время больше не быть одной.

Леарко, широко шагая, шел по коридору. Он с облегчением думал, что наконец вернулся в свое убежище, туда, где уединялся всегда, когда хотел остаться один. Здесь же он скрывался, когда возвращался с полей сражений. Все ужасы войны исчезали на фоне умиротворяющего образа того уголка, где он вырос. А в двух шагах от его спальни находились покои матери, вход в которые был для него категорически воспрещен. Однако при этом они оставались неотъемлемой частью его существования: как если бы королева только что вышла из своей спальни, ее присутствие все еще ощущалось там. И чувство отверженности собственной матерью все так же неизменно продолжало мучить его.

Погруженный в эти мысли, он неожиданно заметил темный силуэт в конце коридора. Юноша замедлил шаг. Одежда этого человека выглядела довольно необычно: на нем были узкие зеленые штаны и красная куртка с широкими рукавами. Он чувствовал себя уверенно и, едва завидев Леарко, поторопился поднять руку и подать знак с явным намерением что-то сказать. Принц неожиданно остановился: это было подобно движению навстречу собственному прошлому.

Человек с широкой улыбкой на лице спешил к нему навстречу. У него были те же светлые, почти белые волосы, но только еще длиннее и красивее: он всегда завязывал их в изящный хвост. Его лицо было обрамлено длинной, ухоженной бородой. Он нисколько не изменился с той поры, как Леарко видел его в последний раз: разве что морщин прибавилось, да и спина согнулась еще больше. Ну конечно, это был Неор.

— Дядя...

Неор горячо обнял принца.

— Черт возьми, Леарко, ты стал настоящим мужчиной...

Казалось, Неор был очень взволнован, он немного отстранился и посмотрел юноше в глаза.

— Сколько лет уже прошло... девять, десять?

— Восемь, — ответил не менее взволнованный Леарко. — Ровно восемь.

Неор отвел взгляд:

— Пойдем, нам нужно о многом поговорить.

Они расположились в саду, там, где проходили свадебные торжества Дохора и Суланы. Леарко, когда был маленьким, часто навещал сюда в поисках уединения.

Дядя принца нашел удаленный уголок, где им никто не смог бы помешать. Они уселись

прямо на земле, так же как и в те времена, когда Неор был учителем, а Леарко его любимым учеником.

Неор был одним из многочисленных кузенов Дохора и приобрел известность благодаря своим странным манерам, а также виртуозному умению владеть мечом. Последнее обстоятельство и послужило причиной того, что король, невзирая на строптивый характер кузена, решил приблизить его к себе. Некоторое время все шло хорошо и Неор блестяще справлялся с возложенными обязанностями. Вскоре, однако, выявилось некоторое неприятие им политических амбиций короля. Он перестал выполнять в срок некоторые поручения, резко критикуя действия короля сначала наедине, а затем даже на общих собраниях Совета. Именно тогда Дохор отдалил от себя своего соратника, отстраняя его и от принятия наиболее важных решений и одновременно сблизился с более лояльным и жестоким Форой.

Тогда Леарко был слишком мал, чтобы понять своего дядю; только годы спустя по крупницам он смог заново восстановить весь ход событий: вне стен дворца Неор готовил мятеж.

Прежде всего, он обратил внимание на то, насколько опасной и несправедливой была убежденность Дохора в собственном величии. Неор пытался по-хорошему привлечь внимание Совета к своему голосу, но все оказалось безрезультатно.

Последним ударом стало назначение его наставником Леарко. Очевидно, Неору это поручение показалось незначительным, но таким образом король смог бы держать его вдали от опасных для своей власти связей.

Они пробыли вместе всего несколько месяцев, но Леарко вспоминал их как самые счастливые моменты в своей жизни. Неор был великолепным учителем: в воспитании принца ему удавалось сочетать суровость и душевное тепло. Среди холодного равнодушия двора, между вечно отсутствующей матерью и слишком требовательным отцом дядя стал для него спасительным якорем: он не требовал от принца ничего невозможного, никогда не скрывал, что гордится его успехами, а самое главное, всегда очень внимательно выслушивал мальчика.

За эти четыре месяца, которые Леарко провел вместе с Неором, тот стал для него настоящим учителем жизни. Мальчик чувствовал, что нашел в нем родственную душу, человека, на которого можно было положиться и довериться во всем.

Но потом пришел конец. Король счел, что принц получил слишком мягкое воспитание, и решил отстранить кузена от порученного дела. Для дальнейшего обучения наследника он привлек Форю.

Леарко все еще помнил, как подслушивал украдкой продолжительную и неистовую перепалку между Форой и Неором. Принц слышал, как неестественно звучали их голоса, срывавшиеся на крики, а сам, стоя за дверью, тихо плакал. Дохор узнал, что кузен зашел слишком далеко. Он разработал стратегию, согласно которой король оставался бы в Совете в меньшинстве, что косвенно расценивалось как попытка его свержения.

Все разрешилось без лишней огласки. Неор был сослан в Землю Дней. Его жену оставили при дворе для возможного шантажа, на случай, если тот не одумается. С тех пор Леарко больше ничего о нем не слышал.

— Я знаю, что ты много сражался.

Принц посмотрел на дядю, и на мгновение два образа, нынешний и прежний, из его прошлых воспоминаний, наслоились один на другой.

— Да... но я терпеть не могу войну.

Для Леарко эти произнесенные вслух слова были равносильны сброшенной с плеч тяжелой ноше. Он долго не мог позволить себе роскошь высказать кому-либо всю правду. Принц знал, что ему незачем лгать своему дяде; тот, как никто другой, все очень хорошо понимал.

Неор улыбнулся:

— А ты не сильно изменился...

Леарко тяжело вздохнул:

— Я теперь убийца.

Его дядя опустил глаза в землю с горькой улыбкой.

— Если бы я мог, я бы остался с тобой.

— Тебе не в чем себя упрекать. Тогда я не понимал, а теперь знаю, что произошло на самом деле.

И снова повисла пауза.

Леарко первым нарушил это молчание:

— Как ты жил все эти годы?

— Не многим лучше тебя, как вижу. Годы, прожитые в Земле Дней, стали для меня невыносимой пыткой. Я был далеко отсюда, когда умерла Сибилла. До сих пор помню ее заплаканное лицо в тот день, когда мы прощались. Ты даже не представляешь, что это значило для меня.

Леарко ничего не сказал в ответ, но его лицо стало серьезным.

— Я стал стар и слаб, и твой отец знает об этом. Но я не сдался.

Неор резко повернулся и с пылом посмотрел на племянника.

— За восемь прошедших лет я не изменил своих убеждений, и, хотя мне пришлось заплатить за них слишком высокую цену, я и теперь не отказался бы от них.

Леарко отвел взгляд. Он и сам хотел быть таким решительным и стойким, как Неор, но его смелости хватало только на безмолвное сопротивление отцу.

— А что ты о нем думаешь? — неожиданно спросил Неор.

Юноша посмотрел на него растерянно:

— Я...

— Мы не виделись восемь лет, за такое время человек может кардинально измениться, тем более что восемь лет назад ты был подростком, а теперь стал совсем взрослым. Но я уверен, что ты не изменил себе. Я по-прежнему тебе доверяю.

Руки принца едва заметно задрожали.

— Во время церемонии я склонял голову перед королем, улыбался и обнимал его, как ни в чем не бывало. Но теперь мне нечего терять, я доведу начатое когда-то дело до конца.

Леарко опустил глаза:

— Мне нет дела до ваших признаний.

Эти слова обескуражили Неора.

— Хочешь сказать, что ты последуешь за ним? Ты не хотел этого, когда был ребенком, а теперь?

— Он мой отец.

— Отец, который сделал из тебя убийцу: ты же сам это сказал. Человек, который продолжает презирать тебя.

— И все же он остается моим отцом.

В воздухе повисла недосказанность.

— Я знаю, что твоя мать говорила с тобой перед смертью.

Леарко вздрогнул.

— Я получил от Сибиллы письмо, в котором она мне обо всем поведала. Это было одно из тех немногих посланий, которые я получал в изгнании. Я знаю, что сказала тебе мать.

Руки Леарко покрылись холодным потом.

— Она была при смерти и сгорала от ненависти.

— Возможно. Но в этой просьбе была истина.

— И теперь ты просишь довести это дело до конца, чтобы исполнить ее волю? Ты просишь помочь тебе убить короля, потому что моя мать потребовала отомстить за нее после ее смерти?

Неор внимательно посмотрел на племянника:

— Я не прошу тебя делать что-либо против твоей воли, но обдумай хорошенько причину, вынудившую ее просить тебя об этом.

Леарко ответил ему печальным взглядом, это воспоминание еще долго будет мучить

его. Дядя положил руку ему на плечо, и в этом жесте принц почувствовал все тепло их старой дружбы.

— Я не хотел смущать тебя, теперь, когда мы снова встретились после такой долгой разлуки. Но ты — единственный человек, которому я могу доверять, и хочу, чтобы ты встал на мою сторону. Это — просьба о помощи. Сейчас очень тяжелые времена, и я знаю, что то, о чем я прошу тебя, звучит ужасно. Но обдумай все. Твоей земле нужен новый правитель.

Неор медленно поднялся и прежде, чем уйти, повернулся к племяннику, как будто что-то забыл сказать.

— Я очень рад был тебя увидеть. Я горжусь тобой, ты выстоял. Молодчина! — сказал Неор с грустной улыбкой на лице.

Леарко почувствовал, как его глаза наполнились слезами: его дядя встал на опасную тропу и назад пути не было.

9

ЧЕРНЫЕ КНИГИ

Шерва низко поклонился. В комнате Иешоля было мрачно и пахло кровью сильнее обычного. Днем темп жертвоприношений стремительно увеличивался, что было верным признаком того, что здесь явно торопились.

Иешоль невозмутимо продолжал делать записи в лежавшей перед ним на столе книге.

— Мой господин...

Только тогда Верховный Страж поднял глаза.

— Встань.

Шерва повиновался. У него возникло неприятное ощущение. С тех пор как ему не удалось выкрасть Сана, он уже ни в чем не был уверен. Его лечили и, очевидно, долго допрашивали. Обезумев от боли и странных лекарственных снадобий, прописанных ему новым стражем ядов, он рассказал все, что знал, и даже больше. Он описал Сана и назвал приметы Идо. Шерва, в общем, выполнил свой долг слуги, но не перестал бояться за свою жизнь, так как провалил задание. А это было непростительным грехом для победителя. За такие промахи все всегда расплачивались жизнью. А он не хотел умирать. Не сама смерть страшила его: в его бытность наемным убийцей она всегда шла где-то рядом. Ему была невыносима мысль, что его просто зарежут в бассейне, как какого-нибудь просителя, и вся его жизнь потеряет всякий смысл. А он стремился к другой цели. С детства он мечтал стать легендарным убийцей, самым лучшим среди всех. Ему все еще не удалось уничтожить Иешоля, превосходившего его и в силе, и в хитрости. Убить Иешоля — именно это было его целью, смыслом всей жизни.

Едва он вернулся назад, как его понизили на ступень ниже: теперь он из стража гимнастического зала превратился в обычного убийцу, такого же, как и все остальные наемники.

— Ты должен был умереть, и тебе это известно, но ты слишком ценное оружие для Гильдии, а я не расточаю свои орудия, — произнес Иешоль, глядя сверху вниз. Стоявший на коленях Шерва заскрежетал зубами. Вот он, его конец: погибнуть от рук старого фанатика, воспринимавшего его всего лишь как инструмент, при помощи которого тот служил своему богу.

— Позвольте мне остаться на прежнем посту.

Иешоль наклонился:

— С тобой и так слишком милостиво обошлись.

— Вы меня знаете. Вы знаете, что я так просто не сдамся.

В один момент его жизнь показалась ему жалкой и ничтожной. Он привык пресмыкаться, унижение было образом его жизни. Но не этому учила его мать — нимфа, за любовь к мужчине она была отправлена своими соплеменниками в изгнание, но так и осталась несломленной. Он усыпил свою гордость, но хорошо помнил слова матери.

«Наступит момент, и ты выступишь среди прочих, показывая всю силу твоей смешанной крови тем, кто унижал меня», — сказала нимфа, глядя в глаза своему сыну.

И он верил ей. Превосходить других. И совсем не важно, что для этого он проливал чью-то кровь. Шерва прекрасно помнил презрительные взгляды окружающих, направленные на него и его мать. Именно тогда он понял, что на мир нужно нападать, завоевывать и разрушать. Поэтому он выбрал путь насилия и неотступно следовал своему выбору. Он должен был показать миру, из какого теста был сделан. А теперь что станет с его мечтой?

Шерва получил задание выяснить, где находятся Идо и мальчик. Он узнал, что оба беглеца скрываются в Затонувшем Мире уже на протяжении трех недель. Теперь, должно быть, они уже ступили на морское дно. Иешоль внимательно слушал и, очевидно, предпринял соответствующие меры, тем не менее Шерву не вызвали. Тогда он решил сам сделать первый шаг. Он пришел к Верховному Стражу Гильдии и попросил привлечь его к поискам. Только так Шерва надеялся получить обратно свой утерянный пост.

Иешоль посмотрел на него:

— Ну, так что же?

Шерва встал, решительно глядя ему в глаза:

— Я выполнил поручение. Теперь скажите, обдумали ли вы мое предложение?

Наступило тяжелое молчание, казавшееся Шерве бесконечным.

Наконец Иешоль улыбнулся:

— Ты хорошо потрудился, только это был твой долг, и ничего более.

Шерва сжал кулаки:

— Тогда пошлите меня вдогонку за мальчишкой. Мне еще нужно поквитаться с гномом.

Иешоль посмотрел на него в упор:

— Ты не подходишь для этого дела.

— Я знаю, что вы не оставите меня в живых, если не дадите мне возможность загладить свою вину.

Шерва неожиданно повысил голос, и тень недовольства появилась в глазах Верховного Стража. Иешоль, тяжело шагая, медленно обошел вокруг своего стола и остановился перед ним. Он сурово посмотрел на подчиненного и положил ему руку на плечо, удерживая, чтобы тот не поднялся.

Не будь Шерва на коленях, он оказал бы сопротивление.

— Ты действительно намерен выступить против меня? — Его шипящий голос был подобен холодному лезвию. Но Шерва не почувствовал ничего, кроме раздражения.

— Я...

Верховный Страж отпустил руку.

— На поиски мальчишки я отправил уже других людей, — произнес он, не обращая внимания на понурый взгляд своего подчиненного. — А для тебя я нашел новое поручение: убийство, достойное, без сомнения, твоих способностей. Ты должен снова добыть крови для нашего бога.

«Как же я хочу избавиться от тебя и этого проклятого Тенаара!»

Шерва так сжал кулаки, что они побелели.

— Значит, вы говорите, что я больше не получу место стража?

Иешоль снова сел.

— Именно так. Звание — это всего лишь звук, Шерва, и оно не уменьшает и не увеличивает твоей значимости. Ты, так же как и я, знаешь, чего стоишь. Но ты допустил промах. Все куда серьезнее, ведь ты один из наших лучших людей. Поэтому я не отменю своего решения и ты должен смириться. А теперь ступай.

Шерва некоторое время стоял неподвижно, прикидывая, не вцепиться ли в горло Иешолю и окончательно решить, кто на самом деле сильнее. Даже смерть при попытке убийства ему показалась бы куда желанней, чем эта унижительная поза с опущенной головой.

Он поднес руки к груди, так, как это принято было у победителей при расставании, и

направился к двери.

— Не вздумай выступить против меня, — неожиданно сказал Иешоль ему в спину. — И запомни, за мной стоит бог. А ради него я готов на все, я посвятил ему всю свою душу и каждый свой вздох. И он обещал, что ничего со мной не случится.

Шерва не обернулся. Он слушал эти слова, трясаясь от ярости.

— Иди в храм и обратись к нему. Твой грех в том, что ты теряешь разум.

Шерва едва заметно кивнул, затем вышел, с силой хлопнув дверью. От вида коридоров Дома у него перехватило дыхание. И до него наконец дошло: длительное пребывание в этом месте подточило его силы. Стоит один только раз встать на колени, и ты будешь делать это всегда. К этому привыкаешь слишком быстро. Он должен уйти из Гильдии, сжечь все мосты, покончить с прошлым. Да, Дом Гильдии дал Шерве очень много, именно здесь он научился военному ремеслу и развил свои необычные способности. Но уже много лет, как он не получает здесь ничего нового. Пришло время уйти и по-настоящему заняться своим делом.

Сан с тревогой посмотрел вокруг. За стеклянной стеной прямо перед его глазами развернулось фантастическое зрелище из парящих в голубой воде рыб.

— Сан!

Мальчик резко повернул голову и натолкнулся на возмущенный взгляд своего учителя.

— Да, Квар.

— Учитель Квар, — строго поправил его чопорный человек, возникший перед ним.

— Учитель, — добавил мальчик неуверенно.

Это произошло на второй день их пребывания под водой. Идо вошел в его комнату.

— Графиня подыскала опытного учителя, готового обучить тебя магии. Что ты на это скажешь?

Принять такое решение было делом нелегким. Мальчик хотел развить свои способности, но начать обучение значило для него нарушить запрет отца.

В то же время Сан хотел занять чем-нибудь себя и свой мозг. И все же надо было отвлечься от тяжелых мыслей и воспоминаний. И он решился.

Учитель, старый маг с надменным лицом, забивал его голову ненужными, так казалось мальчику, понятиями.

— А когда мы начнем изучать настоящую магию?

— Магия не сводится к бессмысленному выполнению разных трюков. Это, прежде всего, изучение, глубокое познание природы.

И мальчик стал проводить все дни напролет, склоняясь над книгами.

— Ну, как идут дела? — спрашивал Идо по вечерам, при встрече за ужином.

Сан стал объяснять гному, что все это ему смертельно наскучило. Идо был полон энтузиазма и веры в него, Сану не хотелось его разочаровывать. Однако бесконечное сидение за книгами начинало его тяготить. Ему отчаянно захотелось тренировать свое тело, двигаться активно. И тогда он стал учиться у Идо умению обращаться с мечом. Так у него появилась возможность чаще видеться с гномом и просить у него новых рассказов о бабушке.

Во время уроков фехтования мальчик почти непроизвольно начал пользоваться своими способностями. Он стал считать вполне нормальным прибегать к ним, когда дела становились совсем плохи. Однажды, когда Идо едва не поразил его деревянным тренировочным мечом, Сан инстинктивно создал вокруг своего тела защитный барьер.

— Фантастика! Тебя Квар научил этому?

Сан на мгновение задумался.

— Да.

Мальчик и сам точно не знал, почему сказал неправду. Но его переполняло безмерное чувство гордости за себя самого. С той поры у него появилась привычка заниматься магией самостоятельно. Днем он учился у Квара, вечером тренировался вместе с Идо, а ночью изучал новые магические приемы — это ему казалось более интересным занятием, нежели

забивать голову ненужными знаниями о природе и прочими подобными глупостями.

— Квар говорит, что временами ты становишься невыносим, — сказала ему как-то графиня. Она с удовольствием общалась с мальчиком, когда находила для этого время. Каждый вечер она ужинала вместе с ним и Идо. — Тебе скучно?

— Нет... Я... — Сану не хотелось казаться неблагодарным. Ведь графиня была очень внимательна к нему. — Я только хотел узнать, что происходит там, наверху, на моей земле...

Что происходило во Всплывшем Мире, в Гильдии? Где Дохор? Эти мысли вместе с воспоминаниями о злосчастном вечере, изменившем всю жизнь мальчика, неотступно преследовали его.

— Сан! — позвал его учитель.

Сан встрепенулся. Стоявший перед ним Квар побагровел от ярости: мальчик снова ушел в себя.

— Ты опять отвлекся! Ты должен внимательно слушать меня, если хочешь стать достойным магом!

Квар так стукнул ладонью по столу, что книга, лежавшая на нем, подпрыгнула. Сан рассердился. В самом деле, по какому праву он им командует?

— Повтори, о чем я сейчас говорил?

Сан посмотрел на него вызывающе:

— Я не знаю.

— Ты еще и дерзишь?

— Но вы же сами сказали, что я рассеянный, так почему вы спрашиваете меня о том, на что я не могу дать ответа?

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне, имей уважение!

— В каком тоне?

Квар поджал губы и вытаращил от злости глаза. В этот момент он показался Сану очень смешным маленьким человечком. В голове мальчика блеснули две формулы, при помощи которых он с легкостью бы поставил учителя на место и которые, вероятно, были неизвестны этому магу-коротышке.

Мальчик едва было собрался их произнести, как Квар захлопнул книгу, лежавшую перед ним.

— Я отказываюсь обучать этого глупого мальчишку. На сегодня хватит.

Вероятно, он думал, что это будет воспринято Саном как наказание, но тот быстро скатал в трубку свой пергамент с записями и спрыгнул со стула, довольный, что до конца дня он будет свободен.

— Вот и прекрасно.

— Ты будешь за это наказан, — прошипел Квар. — Кстати, на завтра ты должен знать наизусть состав четырех типов земли с защищающими их духами.

— Непременно! — воскликнул мальчик и направился к двери.

Он устал уже от этих уроков. Сан охотнее учился бы самостоятельно, этот заскорузлый старик ему порядком надоел. Получалась странная картина: всего несколько месяцев назад он со страхом думал про свои способности; теперь же воспринимал их с гордостью и любопытством. Он чувствовал в себе силу и постоянно испытывал ее.

Сан вприпрыжку помчался в библиотеку. Обычно он ходил туда по ночам, стараясь быть незамеченным. Доступ сюда давно уже был ему разрешен графиней Ондиной. Мальчик тихо распахнул дверь; охранников здесь никогда не было. Обычно сюда приходила только хозяйка. В библиотеке было много книг Залении, но преобладали все же исследования о Всплывшем Мире и его магическом искусстве.

— Приходи сюда, когда захочешь. Ты поймешь, что книги помогают забыть о душевных страданиях, — сказала однажды графиня.

И Сан приходил. Сегодня он сразу направился в угол, где находились интересующие его тома. Он обнаружил их совсем недавно, но с тех пор именно эти книги интересовали его больше всего, здесь он проводил часы напролет.

Мальчик остановился возле шкафов: это были очень высокие, почти до потолка, стеллажи из тяжелого эбенового дерева. Его сердце при виде их всегда начинало учащенно биться. Полки этих стеллажей были набиты черными книгами.

И первой книгой, которую он прочел здесь, была биография Астера, написанная в форме песни, вместо имени автора стояло просто «Менестрель».

Сан прочитал ее с упоением. Как-то незаметно для себя он начал соизмерять собственные успехи в магии с умениями Тиранно: Астер, едва появившись на свет, вылечил рану своей матери.

Мальчик читал манускрипт о том, как в Земле Ночи Астер пытался помочь людям выращивать съедобные растения на своих полях, лишенных солнечного света. С удивлением и неожиданной радостью Сан узнавал, что Астер жаждал справедливости, желал сделать мир лучше. Он чувствовал, как эхом отзывалось это в его душе. Конечно, цели, преследуемые Саном, были куда более скромные: он все чаще лелеял мысль о мести за своих погибших родителей. Случалось, он представлял себя великим воином, может даже и Всадником Дракона, сражающимся вместе с Идо. Тогда Сан наверняка отправился бы в Землю Ночи, смертоносный храм, и в одиночку уничтожил бы секту убийц. Или же во время скучных занятий с Кваром он мечтал использовать свою магию, чтобы сразить всех врагов, и в первую очередь Шерву, убийцу его родителей. Эта необыкновенно притягательная мысль сдерживала стоны отчаяния, так часто рвавшиеся из его сердца.

Затем Сан принялся за чтение историй об эльфах, потом дошла очередь до древних легенд и хроник страшных войн. И конечно, магия, очень странная и непонятная, о которой Квар никогда ему не рассказывал; магия, не имевшая ничего общего с природными духами или тому подобными явлениями. Нет, это магическое искусство использовало силы природы по своему усмотрению и творило чудеса. Это завораживало мальчика.

В этот раз Сан долго рассматривал шкафы с черными книгами. Он уже успел прочесть некоторые из них, но сейчас ему хотелось чего-то особенного. Его взгляд остановился на небольшом томе; серебряные буквы надписи на корешке наполовину покрылись зеленой плесенью. Это были руны, единственная интересная вещь, которую он изучал под руководством Квара. «Краткое руководство по борьбе». Уже из названия можно судить о содержании книги. Мальчик осторожно достал ее с полки, она, казалось, вот-вот развалится прямо в руках. На бархатном переплете манускрипта была выгравирована сдвоенная пентаграмма красного цвета. Сан погладил символ рукой.

Мальчик, скрестив ноги, уселся на пол и открыл первую страницу, на ней лежала изрядно поблекшая темно-красная закладка, ее цвет напомнил ему запекшуюся кровь.

Он перевернул страницу, и перед его глазами появился текст, написанный мелким и ровным почерком.

«Во время Войны Коротышек я постепенно научился магическому искусству убивать. Это не было легким выбором, но я сделал это ценой смерти собственного сердца. Теперь смерть и кровь я несу на своих плечах; их запах проник в мою душу, пропитав ее насквозь. Я сделал это потому, что решил покарать врага из мести за любимых мною людей, которых он отнял у меня. Во мне нет более страха, потому что война приучила меня ко всему; желание дать мир мертвым переполняет меня».

Сан на мгновение поднял глаза. Война Коротышек. Давнее событие. Оно из тех времен, когда эльфы были хозяевами Всплывшего Мира. Ему показалось ужасным, что тогда, равно как и сейчас, речь шла о смерти и крови. Мальчик почувствовал необыкновенную симпатию к человеку, говорившему на языке, который был так ему понятен.

Ведь и он хотел, чтобы мертвые обрели, наконец, мир или, по крайней мере, оставили его в покое. Он познавал эти истины постепенно, ценой больших жертв: отсутствие любимых людей гнетет еще больше, чем их присутствие; их призраки никогда не покинут его сознание, отголоски их боли и ужаса будут вечно терзать его сердце.

Сан продолжал читать, а видел перед собой смертельно раненного отца, ползущего к двери.

Он прочел почти всю книгу и не заметил, что пробыл в библиотеке больше положенного времени. Стоило ему выйти, как он тут же столкнулся с перепуганным слугой.

— Куда вы пропали? Графиня и Всадник Дракона ждали вас на ужин и очень обеспокоены вашим отсутствием.

— Я всего лишь читал в библиотеке...

— Его превосходительство Идо ожидает вас в своей комнате.

Слуга взял мальчика за руку и повел. Они прошли по коридорам мимо озабоченно суевающейся прислуги.

— Я нашел его, я нашел его! Скажите графине, что все в порядке.

Слуга отворил наконец дверь в комнату Идо.

Гном сидел за столом и нервно курил. Он сразу вскочил, едва открылась дверь.

— Проклятье! — закричал он. — Куда, черт возьми, ты пропал?

— Я нашел его у библиотеки, — ответил слуга.

Идо нервно курил трубку, выпуская очень плотные облака дыма. Сан уже знал, что это плохой знак.

— Идите, — прошипел Идо слуге.

Дверь закрылась, и Сан почувствовал, как у него подкашиваются ноги.

— Где ты был? — Голос гнома дрожал от еле сдерживаемого гнева. Его взгляд пронизывал насквозь.

— Да так, я...

— Отвечай!

— В библиотеке, — разом выпалил Сан. — Ондина всегда мне говорила, что я могу приходить туда, когда захочу, — обиженно прошептал он.

— Может, ты не понимаешь, в чем дело?

Идо крепко, словно тисками, схватил его руку, приблизив к нему свое лицо. На мальчика пахло табаком.

— Ты, случайно, не забыл, почему мы здесь?

— Я не делал ничего плохого.

— Не в этом дело. Я доверял тебе, а ты ведешь себя как маленький, глупый мальчишка, у которого нет мозгов...

Сан понимал, что должен извиниться, но не чувствовал за собой вины.

— Идо, все совсем не так, я...

— Тише! — Голос гнома прозвучал так громко, что Сан подскочил от неожиданности. — Ты думаешь, что здесь, под водой, мы в безопасности? Или ты думаешь, что Иешоль потерял бдительность? Как бы не так. Если тебя похитят, я уверен, с тобой может случиться все, что угодно, понятно?

Мальчик отвел глаза. От такого гневного взгляда Идо он даже оробел.

— Ну хорошо, если... если ты так считаешь... — Он хотел было сказать что-то гному в ответ, но ему не хватило на это храбрости. — Извини, — произнес он тихим голосом.

— Ты не понимаешь.

— Я прошу у тебя прощения, но что еще мне нужно сделать?

Идо печально улыбнулся:

— Вижу, что ты унаследовал самые худшие качества своей бабушки. Много лет тому назад между нами произошло нечто подобное, и я поверил ей. Теперь я не повторю своей ошибки. С завтрашнего дня ты будешь ходить только с охранником.

Сан вытаращил глаза.

— Ты не можешь этого сделать.

Гном подошел к окну.

— Это не наказание. А мы здесь не на каникулах, и твоя безопасность является первостепенной задачей для спасения Всплывшего Мира.

— Идо, но ведь я был в библиотеке и читал!

— Отныне и впредь ты будешь делать это в сопровождении.

Сан тяжело вздохнул. Его переполняло чувство досады.

— Мне не нужна ваша охрана. Я и сам могу защищаться.

Идо обернулся и с усмешкой посмотрел на него.

— Ах, так? А чем это, интересно? Голыми руками?

— Я уже обучаюсь.

— Мечом ты пока еще слабо владеешь.

— У меня есть силы... и магия. — Сан все сильнее сжимал кулаки.

— Ах да, конечно, магия. Я забыл сказать еще об одной важной вещи: разъяренный Квар пожаловался мне, что его ученик, тот самый необыкновенно способный мальчик, не может вы сидеть и одного часа, чтобы выслушать наставления того, кто в этом предмете разбирается больше его самого.

— Он не знает больше меня. Он ничего не знает, у него нет и десятой части моих способностей!

Идо громко рассмеялся.

— Как же так? Ты же сам говорил мне, что хочешь обучаться, брать уроки. Если на самом деле тебя это так мало интересовало, то ты должен был проявить последовательность и отказаться от моего предложения.

— Его уроки слишком скучные, чертовски скучные, — возмутился Сан. — Он заставляет меня сидеть весь день и несет какую-то бессмыслицу, в то время как я уже однажды убил дракона, и ты был тому свидетелем!

— Единственный раз, да и тот ты не в состоянии повторить снова. Сан, учение бывает скучным. А ты думал, что это всего лишь развлечение, и только? Жизнь, мой мальчик, — это усердный труд.

— Он сдерживает меня, мы оба стоим на месте! Какого дьявола мы здесь делаем? Прячемся, как зайцы! Ты же в прошлом совершал такие подвиги, ты сражался с Долой, и... и... я не хочу больше прятаться здесь, как трус. Кто знает, что еще замысливает Гильдия там, наверху. Она убила моих родителей, ты понимаешь это или нет? А Квар рассказывает мне о каких-то природных духах и разных перегонных кубах!

Сердитый Сан стоял посреди комнаты и тяжело дышал, казалось, он вот-вот лопнет: его грудь напряженно поднималась и опускалась, словно ему не хватало воздуха.

Идо, с неизменной трубкой в руках, неподвижно смотрел на него.

— Ты закончил? — спросил он ледяным тоном, и это еще больше взбесило Сана.

— Ты думаешь, что это все глупости?

Звонкая пощечина заставила его смолкнуть. Сан почувствовал себя опустошенным. С недоверием он посмотрел на гнома.

— А ты не кричи и не пылай, как дракон. Я, мой мальчик, побольше твоего повидал на своем веку и имел дело со многими сопливыми и чванливыми глупцами.

Сан почувствовал, как слезы обжигают его ресницы.

— Мы прячемся здесь потому, что если ты попадешь в руки Гильдии, то тебе придет конец. Но ты же герой, верно? И смерть тебя не интересует. Ладно, напомним тебе еще раз, что с твоей смертью закончится весь Всплывший Мир. И именно поэтому мы здесь.

Идо отвернулся, подошел к окну и прислонился к нему. Сан следил за гномом сквозь проступившие слезы. Его мучило ощущение того, что он не понят. Вплоть до сего момента гном был для него единственной опорой в жизни: они оба пережили большое горе. Если и был кто-то на свете, кому не нужно было ничего доказывать, так это — Идо. Но только не теперь. Сейчас Сан чувствовал себя отчаянно одиноким.

— Я понимаю тебя, — сказал гном, словно отвечая на его мысли. — Ты думаешь, что я не страдаю от бездействия. Мое ожидание длится уже три года: в тылу я вынашивал планы восстания; я видел, как гибли мои подчиненные, в то время как сам находился в Лаодамее вне опасности. Как ты думаешь, что творилось у меня на душе? Но есть время, чтобы действовать, и время, чтобы ждать, и понять это могут только настоящие воины.

Гном замолчал, посмотрел на мальчика с сочувствием и подошел к нему.

— Сан, я думал, что мы уже все обговорили и ты все понял... Твой вклад в борьбу состоит в сохранении собственной жизни. Уверю тебя, что это не так уж и мало.

«Но это не сравнится со сражением и не поможет мне стереть из памяти комнату, залитую кровью, образы моего отца, ползущего к двери, и моей матери, неподвижно лежащей на полу».

Сан уже не сдерживал слезы. Его плечи вздрагивали от рыданий. Сан не знал, что так трудно выдержать испытание бездействием, когда в душе горит ненависть к врагу. Жажда мести — вот его единственная цель. И если тогда он не знал, как отомстить, то теперь он научился быть сильным и уже умеет пользоваться своим даром.

Сан должен был обо всем рассказать Идо. Ведь на глазах гнома умирали многие из тех, кого он любил, наверняка он знает другой ответ, кроме слова «ждать». Но мальчик молчал и только всхлипывал на плече Идо, не слыша ни единого слова утешения.

— Поклянись мне, что будешь осторожен.

Сан долго стоял потупив взгляд, потом медленно кивнул, и Идо прижал его к себе.

— Я не приставлю к тебе охранника, но запомни, что это в последний раз. Я знаю, что ты благоразумный мальчик и будешь умницей.

Сан снова устало кивнул. Он вытер слезы, гном улыбнулся ему, но мальчик не смог искренне ответить ему тем же.

10

КОМНАТА СУЛАНЫ

Вечером того же дня, когда Дубэ и Теана прибыли во дворец, в дверь чуть слышно постучали. Девушки открыли дверь и увидели стоящего с улыбкой у порога Волько.

— Я подыскал вам отличное местечко.

Речь шла о работе посудомоек на огромной кухне среди дыма и гари, вместе с другими женщинами. Там всегда кипела работа, которой не было конца, потому что Дохор постоянно плел интриги и заговоры со своими союзниками, сопровождавшиеся пышными застольями.

Все здесь было как на кухнях Дома Гильдии. И Дубэ вспомнила, как в течение нескольких месяцев там работал Лонерин. Она видела сновавших там в густом дыму людей, похожих на призраки, продавших от отчаяния свою кровь секте. Поэтому, открыв дверь, она почувствовала тошноту, но сдержалась и продолжила разыгрывать роль простолюдинки, упав перед Волько на колени и целуя ему руки в знак своей благодарности.

— Это — заслуга принца, а не моя, — сказал он с усмешкой.

В тот вечер уставшие девушки поздно легли спать. Теана вообще не была приспособлена к физическому труду. Вплоть до этого времени жизнь девушки-мага была подчинена главным образом скрупулезному изучению магии, в ней не было места тяжелому труду. Да и Дубэ не привыкла к такой работе. Обе они рухнули на кровати с ноющими от боли мышцами и онемевшими от холодной воды руками. Теана, не промолвив ни слова, сразу же юркнула под одеяло, тогда как Дубэ продолжала еще некоторое время бодрствовать. Несмотря на усталость, ей никак не удавалось уснуть. Ее злейший враг спал где-то совсем рядом. Как узнать, в каком месте этого лабиринта хранятся документы, сулящие ей свободу? И разве можно уснуть, зная, что твое спасение в двух шагах от тебя? Необходимость действовать, стремление отомстить за себя превращалось в сущее наваждение. Подобное ощущение она уже испытала после возвращения из Неведомых Земель, когда почувствовала в себе перемены, открывавшие новые грани ее души. Так или иначе, Дубэ была готова к решительным действиям и к тому, чтобы позаботиться о своей собственной судьбе.

Разбойница закрыла глаза и напоследок, словно во сне, почувствовала нечто похожее на сладостную боль от мысли, что где-то там, за этими стенами, Леарко так же тщетно пытается уснуть.

Дубэ ни на шаг не отдалялась от выбранной ею тактики, о которой она ранее поведала своей спутнице: первые дни обе девушки, чтобы не вызывать подозрений, работали безропотно и с полной самоотдачей. Это было нелегко, поскольку на кухне они были новенькими и другие работницы взваливали на них всю самую тяжелую работу, а порой и издевались над ними без всякого повода. По вечерам Дубэ слышала, как Теана, сидя на сундуке, тихо плакала, продолжая при этом с еще большим, чем прежде, усердием читать свои молитвы.

— Я постараюсь работать как можно быстрее, — шептала ей разбойница, не находя иных слов утешения. Теана молчала, опечаленная такой нелепой и опасной жизнью.

Удобный случай наступил через неделю после их прибытия. Глубокой ночью, когда все во дворце спали, Дубэ тихо встала с кровати. Она бросила в сумку свое женское платье, надела холщовые штаны и меховой жилет, украденный днем раньше из прачечной. Эта мрачная экипировка очень сильно напомнила ей одежду победителей. Но это было как раз то, что нужно для того, чтобы бродить по темным коридорам замка. Разбойница с удовольствием снова повесила на пояс свой кинжал. По какой бы дороге она ни шла, какую бы одежду ни носила, битва оставалась всегда частью ее жизни, и только с оружием в руках она чувствовала себя уверенно. Девушка перевязала лентой свои волосы и была такова.

Ночь показалась ей сладостной, словно давняя, порядком подзабытая любовь. Дубэ, наслаждаясь мраком, с особым удовольствием беззвучно двигалась в кромешной темноте. Первоначальное обследование местности было неотъемлемой частью ее воровского ремесла, которую она любила более всего на свете.

Готовая в случае необходимости отразить атаку, она незаметно пробиралась по коридорам и внимательно их осматривала. Но охрана ей так и не встретилась. На нижних этажах жили только слуги, и попасть сюда извне было невозможно. Да и какой смысл их охранять? Без особых усилий ей удалось вскрыть комнату управляющего хозяйством и украсть у него пергамент и чернильницу. Девушке хотелось убедить себя в том, что ни одна деталь ею не забыта, а для этого Дубэ нужно было все записать.

Она спрятала в углу, около лестницы, ведущей на нижние этажи, завязанную в узел одежду прислуги, с тем чтобы в случае необходимости сразу забрать ее и быстро переодеться.

Затем она отправилась на разведку нижних этажей для того, чтобы составить их подробный план. Учитель всегда повторял, что первым делом нужно хорошо изучить обстановку на том месте, где предстоит действовать. Когда сталкиваешься с необходимостью внезапного отступления и нет времени на раздумья, пути отхода должны быть максимально четкими. Однако главной целью этой вечерней вылазки была проверка собственных возможностей. Днем раньше Теана провела третий по счету ритуал укрощения зверя.

Дубэ убедилась в том, что прежнее физическое состояние ее тела было полностью восстановлено. Впрочем, девушке показалось, что ее чувства стали острее, чем прежде. Разбойница подумала об этом, дрожа от страха, зверь еще не повержен, и символ присутствия его в теле Дубэ рос день ото дня. Но как бы то ни было, этот факт мог бы пойти ей на пользу.

В следующий раз разбойница отважилась зайти на верхние этажи дворца. Она решила изучать эту часть дворца постепенно, начиная с самых нижних и удаленных уголков, предназначенных для горничных и личных помощников придворных особ, а затем покои знати. Дубэ записывала в свой пергамент все сколько-нибудь примечательные детали, но прежде всего она изучила поведение охраны. Так, на этом этаже находился усиленно охраняемый выход наружу. Дубэ заметила довольно большое число охранников, патрулировавших коридоры, а кое-где и пустые комнаты.

«Очень мало путей к отступлению и мест для укрытия», — с горечью подумала девушка.

Солдаты были совсем молодые. Казалось, что Дохор набирал их прямо из Академии, которую лично возглавлял на протяжении уже многих лет. Некоторые из охранников, еще проходившие обучение, присматривали только за пустыми залами и безлюдными помещениями дворца: довольно странный способ распоряжаться людскими ресурсами, использовавшийся некогда для защиты всех народов Всплывшего Мира.

Судя по их усердию и вниманию к своим обязанностям, Дубэ предположила, что наверняка они часто сталкивались лицом к лицу с настоящей опасностью. А это было не в ее пользу.

В третью ночь разбойница устремилась напрямик на этаж знати. Он ничем не отличался от остальных, разве что охраны здесь было несравнимо больше. Ей, пробиравшейся по этим коридорам, следовало бы утратить свое внимание, и она в который раз с благодарностью вспоминала Шерву, обучившего ее двигаться прижимаясь к стенам, словно змея.

Во многие комнаты ей не удалось проникнуть, да в этом и не было особой надобности. В большинстве случаев ей достаточно было одной незначительной детали, чтобы догадаться, кто находится внутри: в комнатах без охраны жили придворные, с одним охранником на весь коридор — помощник какого-нибудь министра, с несколькими застывшими возле двери солдатами — министр.

Дубэ удалось обнаружить одну комнату без всякого присмотра. Это показалось ей подозрительным, принимая во внимание тот факт, что это был этаж для особо важных персон, задействованных в политических играх короля. Девушка вошла в соседнюю комнату, которая, по ее сведениям, была нежилой, и уверенно направилась к балкону. Приблизившись к нему, она вдруг задрожала. Подобное ощущение Дубэ испытала во время последней совершенной ею кражи, которая впоследствии круто изменила жизнь девушки и ввергла ее в острые когти зверя. Голова разбойницы закружилась, но ей удалось открыть балконную дверь. В одно мгновение она выскочила наружу, и свежий весенний ветер повеял на нее своими ароматами.

Внизу простирался роскошный сад со сверкавшими то тут, то там фонтанами. Великолепное место, чтобы спрятаться, отметила про себя девушка. Затем она взобралась на балкон и позволила себе раскачаться немного в воздухе. Ей всегда нравилось лазать по стенам домов, и это удавалось разбойнице особенно хорошо. Она спряталась в тени дворца и, двигаясь словно гибкая кошка, бесшумно скользнула вдоль фасада. Затем девушка прыгнула на карниз другого балкона, вцепившись в его каменный выступ железной хваткой. При всем том, что внизу не было никакой опоры, высота нисколько не испугала Дубэ. Едва достигнув окна, она встала затаив дыхание и укрылась в тени балконной двери. Затем девушка чуть высунула голову, чтобы только одним глазком взглянуть на происходящее внутри. Ее сердце замерло, руки слегка затряслись, и она едва не упала.

В центре комнаты за столом с полупустым бокалом сидел Леарко и неподвижно глядел в пол. Лунный свет освещал фигуру принца, придавая его волосам серебристый оттенок. Голова юноши, казалось, излучала свет, и Дубэ с восхищением смотрела на него. Сердце девушки учащенно билось, почему присутствие принца так сильно смущало ее? Дважды они сталкивались близко, в глубине души сейчас девушка осознавала, что вела себя так, будто была влюблена в него. От этой ли мысли, а может, просто по неосторожности слишком выдвинувшись вперед, Дубэ вздрогнула. Она отскочила в сторону, чтобы не попасть ненароком в поле зрения Леарко. От охватившего ее ужаса девушка не смела даже дышать. Без сомнения, если бы принц открыл окно, то непременно бы ее обнаружил.

Но ничего не случилось. Листва деревьев шелестела от дуновения нежного ветерка; где-то в ночи ухнула сова. Дубэ не могла продолжать больше свой поход, ее время вышло, она медленно спустилась вниз по фасаду дворца и вернулась в свою комнату.

Леарко посмотрел на окно. Ему показалось, что там промелькнуло чье-то лицо. Он знал, чье это лицо, и примерещилось оно ему оттого, что в тот момент он думал о спасенной им в Сельве девушке по имени Саннэ. Не отрывая взгляда от окна, он глядел на тени

деревьев за окном. Как было бы хорошо, если бы она сейчас оказалась здесь. Ни с кем он не был так близок, как с этой девушкой. Она внимательно слушала его, и принц понимал, что у них обоих очень сходные взгляды на жизнь. Еще Леарко чувствовал, что она единственная, с кем бы он отважился поговорить о прошлом.

Но какой же он глупец. Саннэ была чужестранкой, обычной простолюдинкой, подобранной им в пути и сопровождавшей его в дороге. Как мог он с такой уверенностью судить о ней? Тем не менее по отношению к этой девушке он испытывал странные чувства, день ото дня все больше заполнявшие его сердце.

Ночь казалась бесконечной. Слова Неора, сказанные им несколько дней назад, оставили в душе принца неизгладимый след. Словно открыли дверь, из которой в его жизнь могли беспрепятственно проникать призраки прошлого. Леарко обхватил голову руками: проклятое воспоминание, которое он всеми силами старался вычеркнуть из своей памяти, снова с неистовой силой тормошило его сознание.

Принцу было четырнадцать лет, когда его вызвали к умирающей матери. Мальчика спешно вернули с очередного поля сражения во дворец, чтобы он смог побыть с ней в последние мгновения ее жизни. Леарко сообщили, что королева изъявила желание увидеть его, и это поразило принца. Ни разу за всю его жизнь королева не позвала к себе своего сына. Он не мог даже припомнить, как выглядела его мать.

Леарко медленно направился к комнате Сибиллы, фрейлины королевы. Для него эта женщина была такой же загадкой, как и его мать. И хотя принц никогда до этого не разговаривал с Сибиллой, тем не менее он испытывал к ней некоторую симпатию. Она была женой Неора, и все в этой женщине напоминало мальчику о его дяде. С благоговением и страхом коснувшись ручки двери, он вошел в комнату. Там он увидел пожилую женщину в траурном одеянии и в белоснежном чепце на голове, скрывавшем ее светлые волосы. Она смотрела на мальчика холодно и враждебно.

— Наконец-то вы прибыли.

Леарко склонил голову в знак приветствия.

Сибилла встала и бесшумно пошла ему навстречу.

— Ваша мать ждет вас уже несколько дней. Ее состояние быстро ухудшается, и я опасалась, что вы не успеете.

Леарко перевел дыхание. Неожиданно он почувствовал смущение и страх. Все казалось нереальным, словно это происходило во сне. Принц был не в состоянии произнести ни слова. Он только следил глазами за действиями фрейлины, тихо открывавшей дверь в комнату его матери. Затем женщина исчезла в непроглядной темноте покоев королевы. Принц услышал доносившиеся оттуда ее слова:

— Моя госпожа, прибыл сын Дохора...

Леарко, ошеломленный услышанным, стоял неподвижно. Сын Дохора. И эти слова предназначались его матери?

Сибилла с серьезным лицом снова возникла из темноты и указала рукой на дверь.

— Проходите.

Первый шаг самый трудный. Ноги мальчика тряслись, как когда-то на его первом поле битвы. В глубине души он с благодарностью воспринимал непроглядную темноту спальни матери, позволявшую ему спрятаться от взгляда лежавшей на постели женщины. Этот всепроникающий запах затхлости и смерти. Створки окна были закрыты, и свет, проникавший между ними, оставлял на полу огненные полосы. Понемногу глаза Леарко привыкли к мраку, и ему удалось разглядеть скудную мебель, какой была обставлена эта тюремная камера. На стенах висели только два портрета, в одном углу стояли платяной сундук и скромных размеров столик. В центре спальни высилась величественная кровать под балдахин тонкой работы, а на полу повсюду лежали тяжелые ковры, смягчавшие скрип шагов.

Леарко был взволнован: в его груди учащенно билось сердце. На одном из висевших

портретов была изображена его мать в дни своей юности. Тогда у нее были тонкие черты лица и длинные каштановые, слегка вьющиеся волосы, ниспадавшие на ее хрупкие плечи. Проникавшего в помещение света не хватало, чтобы как следует разглядеть цвета, но Леарко знал, что глаза у нее были зеленые, в точности как у него.

Юноша помнил ее всегда такой же прекрасной и недоступной. Теперь он даже не мог представить, как она выглядела. Прежде чем подойти к изголовью кровати, он взглянул на второй портрет. На нем был изображен ребенок с русыми волосами, которому не было и трех лет. Он сидел прямо, с королевской осанкой, и не по-детски серьезно смотрел прямо перед собой. Леарко знал, чье это было изображение. Это был его брат, тот ребенок королевы, которого она признавала. Этот был тот самый королевский сын, который умер от красной лихорадки и который воспринимался всеми как необыкновенное дарование. Всякий раз, когда нынешний Леарко совершал какой-либо промах, Дохор и некоторые придворные сравнивали его с тем мальчиком. Первый Леарко был неподражаем и великолепен всего лишь потому, что ему не хватило времени разочаровать всех так свято веривших в него людей. Принц знал, что он не может соперничать с этим идеалом, ведь ему удалось вырасти и стать взрослым.

Неожиданно хриплый голос отвлек его внимание от этих грустных мыслей. Под одеялом едва различались нечеткие очертания тела. Это была она.

Сибилла подвела его прямо к краю кровати, а затем, не промолвив ни слова, оставила их наедине.

Его почти бездыханная мать лежала неподвижно. Ее волосы беспорядочно разметались по подушке, а заострившееся и осунувшееся от болезни лицо стало похоже на прозрачную маску. Руки королевы, сухие и узловатые, лежали поверх одеяла. Рот был приоткрыт, а лицо искажено жуткой гримасой, повергшей Леарко в ужас.

Ему не удалось сдержать своего отвращения при виде такого зрелища. Юноша понимал, что пришел слишком поздно. Его объел страх, безумный и ослепляющий, подобный тому, какой он испытывал, когда слышал дикие и отчаянные выкрики солдат, когда кровь обгадряла землю. Если бы он мог, то умчался бы прочь, подальше от этой комнаты и этого кошмара, каким стал для него Макрат.

Вдруг одна рука поднялась и схватила его за запястье. Мурашки пробежали по спине Леарко.

Неожиданно открылись зеленые глаза: в них все еще теплилась жизнь. Но ничего, кроме ненависти, принц в них не увидел.

— Ты слишком задержался в пути.

Как долго пытался Леарко представить себе этот голос. Долгими ночами в полном одиночестве он мечтал о колыбельных, пропетых ему матерью перед сном. Но как не похож был этот придуманный им образ на настоящий, сухой и металлический, почти бесполой голос королевы.

— Я выехал сразу же, как только смог, — ответил он с пересохшим горлом.

— Подойди ко мне, мне нужно поговорить с тобой.

Принц думал, что она захочет сказать ему то, о чем никогда до этого не говорила. Возможно, королева поведаст ему причину своих поступков: почему она отвергала и так ненавидела своего сына. Сердце принца страстно жаждало этого примирения.

— Я знаю, что ты — его сын, и могу представить себе, как много между вами общего. Дохор оставил свое семя в моем чреве, чтобы ты занял место моего Леарко.

Королева задыхалась. Леарко застыл от ужаса. Он чувствовал, как кровь приливает к его ушам, как медленно и мучительно бьется его сердце.

— Но ты обязан мне жизнью, жизнью, которую я не хотела тебе давать и которую я теперь прошу у тебя обратно.

— Но, матушка...

Это слово выскочило у него произвольно. Даже если его звучание и казалось ему нелепым, он все равно произнес бы его. Если она просит его умереть, он непременно сделает

это: ведь несмотря ни на что, он все еще продолжает любить эту женщину.

— Я уже умираю. В своей жизни я совершила много ошибок. И одной из них было согласие на брак, данное мною много лет тому назад и которое мне не следовало бы давать. Однако я всеми силами старалась исправить свою ошибку! — произнесла Сулана, повышая голос. — Боги тому свидетели: я пыталась освободиться от него! Но этот червь привязал меня к себе, подарив Леарко, мою крошку, и я не смогла отказаться от него...

Она закашлялась, а принц стал отчаянно искать графин с водой. Юноша нашел его на столе и, с силой отцепив от себя руки матери, поспешил наполнить стакан. Затем он подал ей воду, и королева стала пить ее с жадностью, большими глотками. Затем Сулана снова схватила его за руку и продолжила говорить:

— Второй моей ошибкой стало то, что я не пыталась его убить. Я позволила ему стать тем, кто он сейчас; именно я дала ему эту проклятую силу.

— Прошу вас, матушка, не нужно так напрягаться. Успокойтесь и позвольте мне просто побыть немного рядом с вами...

Леарко почувствовал, как слезы покатились по его щекам, а ведь он даже и не заметил, как начал плакать.

— Вот поэтому я прошу только об одной вещи и заклинаю тебя исполнить ее. Я могла бы сделать это до твоего рождения, но не сделала. И теперь ты передо мной в долгу.

Она с невероятным усилием приподнялась и приблизила свои губы к его уху.

— Убей его, — чуть слышно прошептала она, прежде чем упасть без сил на подушки.

Леарко был в недоумении и не знал, что ответить.

— Он сделал тебя по своему образу и подобию; может даже, ты и любишь его, как отца. Но это — мое последнее желание. Убей Дохора, иначе я прокляну тебя.

Она холодно посмотрела на принца, а тот не смог отвести своего взгляда.

— А теперь ступай прочь, мне нечего больше сказать тебе.

Леарко, не в состоянии пошевелиться, продолжал стоять у кровати. Он смотрел на свою измученную мать. Его руки онемели: он чувствовал, как кровь, словно воск, медленно и вязко текла по венам.

— Иди прочь! — выкрикнула Сулана, затем она с трудом взяла лежавший рядом с подушкой колокольчик, он зазвенел тоненьким голоском.

Почти сразу дверь распахнулась и на пороге появилась стремительная и молчаливая Сибилла.

— Уходите, уходите скорее, — произнесла она, беря за руку принца, и мягко, но настойчиво вывела его из комнаты.

Леарко не сопротивлялся, но его глаза были не в состоянии оторваться от кровати матери. Он уже не мог видеть королеву, но знал, что она продолжает смотреть на него с нескрываемой ненавистью.

Юноша обронил бокал, и вино растеклось по полу. Леарко резко вскочил и вышел за дверь. Ему необходимо было вдохнуть свежего воздуха. Стоявший в углу на бронзовом треножнике светильник мягко освещал коридор. Все вокруг было спокойно и мирно в противовес смятению, царившему в его душе. Почему бы этому проклятому месту не исчезнуть сейчас, прямо на его глазах?

Он почти бегом преодолел несколько этажей, не обращая внимания на тревожные взгляды встречавшихся по пути охранников, поспешно кланявшихся ему.

В саду Леарко прошелся по траве, глядя на звездное небо, вдыхая полной грудью ночной воздух. Тишина ночи и монотонный звук льющейся в фонтане воды на некоторое время успокоили принца и освободили его мятущуюся душу от тягостных мыслей.

«Никто на самом деле не сможет облегчить мои страдания».

Юноша посмотрел на яркий диск луны и понял, наконец, куда ему следует пойти. Эта мысль поразила его своей нелепостью, но он не стал ей противиться.

Исполненный решимости, Леарко направился к лестнице. Он спускался до тех пор,

пока не достиг самых нижних этажей замка. Постепенно дворцовые стены теряли свою пышную отделку, а коридоры становились все мрачнее и мрачнее. Разыскивая дверь, указанную ему Волько, принц остановился в нерешительности. Леарко не знал точно, в каком крыле дворца она находилась.

«Наверняка они спят после тяжелого трудового дня. Однако это глупая затея: принц вовсе не ищет утешения у простолюдинов и не откровенничает со слугами».

Завернув в последний коридор, он остановился. Замер от неожиданности, перед ним возникла Саннэ, и она торопилась попасть в свою комнату.

— Пойди!

Дубэ остановилась. Она похвалила себя за то, что догадалась переодеться на этаже для прислуги. Но в любом случае может возникнуть вопрос, почему она в такой поздний час бродит по замку, поэтому, не раздумывая долго, девушка решила начать первой. Она резко повернулась:

— Прошу прощения, я...

Он остановился. Это был принц: Дубэ не узнала его по голосу.

— А я ищу тебя.

Оба стояли и смотрели друг на друга. Вот она стоит напротив него, а Леарко даже не знает, что сказать.

— Принц, я... я никак не могла уснуть, — пробормотала разбойница жалобно.

— Ты не должна оправдываться. Ты — не узница и можешь ходить, где тебе вздумается.

Девушка закусила губу.

— Как видишь, и меня мучает бессонница, — улыбнулся принц.

Вопреки всякой логике, Дубэ была счастлива оттого, что он был здесь, в двух шагах от нее.

— Как ты посмотришь на то, чтобы прогуляться со мной по саду?

Девушка пребывала в нерешительности: может, не следует делать глупости и отправиться спать. Она решительно не должна подпускать его к себе так близко. Но вопреки доводам рассудка девушка послушно последовала за принцем.

Они прогуливались по освещенным луной аллеям, а Дубэ вдруг начала вспоминать о многочисленных кражах, совершенных ею под покровом ночи, и годы жизни, проведенные рядом с Учителем. В какое-то мгновение воспоминание о нем заставило ее вздрогнуть.

Принц заметил ее смятение:

— С тобой все в порядке?

— Да, я...

Леарко усадил девушку рядом с собой на траву, накинув на ее плечи свой плащ.

«Воспользуйся случаем и попытайся выудить из него какие-нибудь сведения».

— Как работа? — спросил Леарко.

Девушка посмотрела на него с изумлением.

— Хорошо. Великолепно, — ответила она, быстро придя в себя. — Ты нас спас и...

— Тебе вовсе не обязательно благодарить меня всякий раз и насильно изображать радость по этому поводу.

— Это действительно очень хорошее место. Мы теперь вдалеке от войны, и одного этого для нас достаточно, — произнесла она, стараясь говорить как можно искреннее.

— Вы не слишком утруждаетесь?

Дубэ энергично тряхнула головой.

— У нас всегда находится время для отдыха.

Повисло тяжелое молчание. Девушка недоумевала: для чего он разыскал ее? Зачем привел в этот сад?

— Положим, в прошлый раз я оказал тебе помощь, — неожиданно сказал Леарко, глядя ей прямо в глаза. — А вот теперь мне нужна твоя помощь.

Дубэ почувствовала на себе его пронизывающий взгляд. Она только кивнула и нетерпеливо посмотрела на него.

— Саннэ, я здесь узник и сам не знаю, для чего я все это тебе говорю, но здесь, во дворце, нет никого, кто бы... — произнес он вздыхая. — Я здесь для всех чужой.

— Почему — узник?

Казалось, что глаза принца стали немного светлее. Он слабо улыбнулся.

— Я — узник своего прошлого, которое не хочет покидать меня.

И он торопливо поведал девушке обо всем: слова потоком лились из глубины его души. Принц рассказал ей о своей матери, о ее ненависти к своему сыну и об ужасной просьбе, высказанной ею перед смертью.

— Вот и все, — закончил он свой рассказ. — Теперь мне намного легче. Я должен был освободиться от тяжелого бремени этой тайны. Полагаю, что ты понимаешь, о чем я.

Дубэ кивнула.

— Все эти годы я спрашивал себя, почему, почему она никогда ни сказала мне ни одного доброго слова, ни разу не обняла меня, никогда не хотела со мной встретиться. Для нее я всегда был сын ее мужа. За это она ненавидела меня. И на протяжении всего моего детства я задавался вопросом, что же я сделал такого ужасного, какую совершил ошибку, что заслужил к себе такое отношение. Но в тот день стало ясно, что моя вина была всего лишь в том, что я просто появился на свет.

Дубэ взволнованно смотрела на него.

— Как жаль, что в ее глазах я никогда не смог заслужить прощения. Возможно, она полагала, что, дав ей это бессмысленное обещание, мне удастся искупить свою вину.

— Почему ты рассказываешь мне все это?

— Потому что в прошлый раз я подслушал рассказ о твоём прошлом и узнал твой секрет. Теперь мы квиты. Я очень хотел рассказать тебе об этом. Ведь во дворце нет никого, кто бы смог понять меня. — На его лице появилась горькая улыбка.

— Знаешь, есть люди, которые рождаются под несчастливой звездой, — сказала Дубэ. Когда она поймала на себе взгляд Леарко, то снова почувствовала себя такой же уязвимой, как и в тот вечер в лесу. — Ты знаешь о ритуалах Гильдии убийц?

Теперь в улыбке принца проскользнула усмешка.

— Слишком хорошо.

— А знаешь, кто такие дети смерти?

Юноша тряхнул головой. Дубэ почувствовала себя так, словно она находилась на краю пропасти: бросаться вниз — глупо, но бездна так притягивает к себе. Такого раньше никогда не случалось, чтобы она добровольно решила рассказать об этом.

— Есть дети-убийцы: речь идет о новорожденных, матери которых умерли при родах, о детях, которые совершили убийство по ошибке либо по доброй воле. Гильдия считает их избранными. Она разыскивает их, где бы они ни находились, принимает в свои ряды, обучает и делает из них настоящих убийц.

Из того, как Леарко на нее смотрел, девушка сделала вывод, что он все понимает. Но Дубэ изо всех сил старалась не забыть, что принц всего лишь сын ее врага: одна часть души девушки неустанно твердила ей об этом, а другая почему-то сопротивлялась.

— Участь этих детей предрешена. Их вина больше вины всех остальных и заключается в том, что они просто появились на свет. — Дубэ почувствовала, что на нее снова наваливается отчаяние.

— Это не твоя вина, ведь Гильдия — скопище безумцев.

— Может быть, но однажды один человек сказал мне, что судьбы убивших в детстве предопределены: в жизни у них только одна дорога.

— Полагаешь, что и моя участь предрешена? Ты на самом деле думаешь, что я должен обязательно выполнить то, о чем на смертном одре просила меня моя мать?

Дубэ некоторое время колебалась.

— Я только говорю, что ты ни в чем не виноват. Это ненависть твоей матери, а не твоя.

— Точно, — добавил он. — Не моя.

— На берегу ручья, во время нашего путешествия, ты сказал, что чему-то, возможно, пришел конец.

Леарко снова посмотрел на девушку.

— Наверняка ты сказал это, чтобы утешить меня, — тихо произнесла Дубэ. — Может, не стоит больше в это верить.

Принц улыбнулся и нежно погладил ее щеку. Казалось, что он успокоился.

— Теперь мы сняли с себя наконец тяжесть своих грехов и они должны покинуть нас.

Дубэ улыбнулась в ответ.

Леарко встал.

— Полагаю, что тебе завтра рано вставать. Нам лучше уйти.

Они в полной темноте молча шли по саду. Светало: заря постепенно раскрашивала небо в ярко-фиолетовый цвет.

Когда они подошли ко входу в замок, принц повернулся к девушке и произнес:

— Саннэ, кем бы ты ни была, есть в тебе что-то загадочное.

Дубэ попыталась сохранять спокойствие, но от этого откровенного признания все похолодело у нее внутри.

— В любом случае твое прошлое принадлежит только тебе, и я не позволю себе отнять его у тебя, — тихо добавил принц. Затем он наклонился и прошептал ей на ухо: — Можно мне иногда приходить к тебе?

Дрожь пробежала по спине разбойницы. Когда принц выпрямился, она очень внимательно на него посмотрела, а потом кивнула.

11 СРЕДИ КНИГ

Теана проснулась еще до восхода солнца. Первое время ее будила Дубэ; после того как девушка-маг весь день проводила на кухне, она чувствовала себя совсем измученной. Вечерами, перед сном, она усилием воли заставляла себя молиться своему богу. В конце концов ей удалось привыкнуть к такому распорядку. А Дубэ, возвращаясь после своих ночных вылазок, иногда будила ее.

— Но ты же совсем не спала? — спрашивала Теана свою напарницу, когда та засобиравлась на кухню.

— Я давно привыкла мало спать, — отвечала ей Дубэ.

Сомнение закрадывалось в душу Теаны: слишком уж она была бледной и чахла прямо на глазах.

— Если тебе плохо, ты должна сказать мне об этом.

— Обязательно, — слышала девушка-маг в ответ. В этих словах сквозило безразличие.

Такая же картина повторилась и в то утро. Теана встала в положенное время и уже одевалась, когда увидела проскользнувшую в комнату разбойницу. Девушка выглядела хуже обычного.

— Тебе не следует возвращаться так поздно.

Дубэ посмотрела на нее с изумлением:

— Ты же знаешь, что у меня нет другого выхода, я должна искать.

Теана машинально перевела взгляд на символ проклятия, отпечатанный на руке Дубэ. Уже трижды девушка-маг при помощи магических приемов останавливала разрушающее действие клейма, и у нее возникло подозрение, что с каждым разом действие ее заговоров длилось все меньше.

— Мне нужно провести еще один ритуал, — произнесла Теана, глядя на дощатый пол их комнаты. Она подняла одну из досок, под ней в небольшом углублении были спрятаны все необходимые для магических действий предметы. Дубэ никак не реагировала на происходящее. Теана взяла ее за руку и почувствовала, что та сгорает от некоего

внутреннего пламени: руки девушки неистово тряслись. Теана отчетливо осознавала, что это вовсе не следствие злобного проклятия.

— Скажи мне правду, — прошептала она Дубэ.

Разбойница отдернула руку.

— Объясни мне, для чего я здесь? С тех пор как мы попали сюда, ты каждую ночь уходишь бродить по дворцу, ты занята делом, а я наблюдаю, как ты разрушаешь себя.

— Но ты не сможешь заниматься поисками. И потом, мы с самого начала договорились — у каждого своя работа.

— Я помню, — перебила ее Теана. — И не жалею. Но если ты скрываешь правду о своем самочувствии, то я не смогу тебе вовремя помочь, понимаешь?

Девушка-маг попыталась посмотреть на Дубэ как можно искреннее. Вот уже почти два месяца, как они действовали рука об руку, и Теана начала понимать свою странную спутницу: она чувствовала, когда та что-то скрывала, о чем-то умалчивала или страдала от боли. Теперь она ясно представляла себе, что же на самом деле притягивало к ней Лонерина, да и ее саму. Бездна, окружавшая Дубэ, слишком манила к себе, а такие люди, как Теана и Лонерин, не могли не откликнуться на этот зов о помощи.

— Тебе хуже?

— Временами.

— Тебе кажется, что печать стала меньше мучить тебя?

Дубэ резко вскочила.

— Прекрати! — вскрикнула она, отходя к противоположной стене комнаты.

— Я здесь как раз для того, чтобы помочь тебе.

— Мне не нравится, как ты на меня смотришь!

Теана встала:

— Дубэ, я все понимаю...

— Нет, ты ничего не понимаешь. А на тебя смотрели когда-нибудь с жалостью? Это просто невыносимо! И Лонерин смотрел на меня такими же глазами, как будто должен был спасти меня любой ценой, как будто это должна быть его личная победа над судьбой. А мне не нужен никакой спаситель.

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть слабым. Каждый нуждается в чьей-то поддержке.

— Разве? И ты хорошо знаешь это, не так ли? Ты каждый вечер вспоминаешь своего дурацкого бога только для того, чтобы преодолеть в себе страх смерти.

Дубэ, должно быть, поняла всю чудовищность сказанных ею слов. Но Теана ни единым жестом не выказала своей обиды. Она лишь с горечью подумала о том, как уродливо искажена суть ее религии в представлениях всех, кого она знает.

— Довольно. Ответь мне на мой вопрос: я хочу знать, как ты себя чувствуешь? — промолвила она наконец.

Дубэ устало и обреченно посмотрела на нее.

— Недавно зверь опять ни с того ни с сего накинута на меня. Но я не думаю, что это связано с ослаблением твоих магических чар. Просто неожиданно я снова его почувствовала, земля покатила у меня из-под ног и стала красной. Потом все прошло. Это было всего один раз.

Теана хотела найти слова утешения, но поняла, что Дубэ они не нужны.

— Я знаю, что против проклятия нет средства. Единственный выход — это смерть моего врага, и только поэтому я каждую ночь так изнуряю себя. Другого пути нет.

— Но я хочу тебе помочь.

— Ты и так уже много сделала, — произнесла Дубэ с едва заметной улыбкой. — Без тебя зверь давно уже поглотил бы меня, но главная твоя работа будет впереди, когда мы найдем документы.

Теана попробовала улыбнуться в ответ, но у нее ничего не вышло. Смешно, но так ничего и не изменилось в ее жизни. Когда девушка-маг еще жила во дворце, она часто

чувствовала собственную никчемность.

После всех трудностей, с которыми ей пришлось столкнуться в этом путешествии, по сути, ничего не изменилось: она ни в чем не могла проявить свою самостоятельность, разве что продолжать оставаться пассивным свидетелем происходящих событий. Все повторялось, как и много лет назад.

Наконец они нашли место, где после стольких скитаний могли обрести покой. Им удалось обосноваться в Земле Моря. Они никогда не делали ничего плохого, просто пытались жить замкнуто и удаленно. Но Теана не смела просить своего отца перестать молиться своему богу. Ведь достаточно было однажды услышать кому-нибудь имя Тенаар, и все в одночасье могло рухнуть.

— Это не то, о чем вы думаете! — кричал он что было сил, а толпа в это время просовывала его голову в петлю. Отец еще мог послать их прочь и скрыться бегством, но девочка от ужаса застыла на месте: она стояла и смотрела на творившееся беззаконие, не в состоянии вымолвить даже слово. Теана прежде уже отреклась от религии отца, она прокляла имя Тенаара, собиралась даже уйти из дома. Но в тот момент девочка вдруг поняла, как сильно любит своего отца и как он ей нужен. Вся ее жизнь зависела от этого человека.

Много людей сгнуло в стенах храма Черного Бога. Ненависть жителей этих земель к его культу была безграничной; Гильдии удалось убить правителя Земли Моря, человека справедливого и уважаемого.

— Обоснуемся здесь, потому как Гильдия уже успела оставить свой кровавый след в этих местах. Нам не следует пытаться очистить имя бога Тенаара от всякой скверны, в которую облекла его секта убийц.

Примерно так говорил ей отец, когда они отправлялись в дорогу. Теперь же он смотрел на свою дочь с грустью и смирением. Он только хотел, чтобы она осталась живой и не видела его мучительной смерти.

Какой-то человек неожиданно схватил ее за руку и потащил прочь от разъяренной толпы.

— Ни слова, — произнес он, оттесняя девочку за угол дома.

— Он не сделал ничего плохого, а они убивают его. Он ничего не сделал! Да скажите вы им!

Это был почти полностью облысевший человек с кротким и скорбным лицом. На вид он казался старше ее отца. Рукой он зажал девочке рот.

— Один человек не в силах противостоять воплям обезумевшей толпы.

Теана попыталась вывернуться и убежать, но старик крепко держал ее. В конце концов, ей было всего только двенадцать лет. Обессиленная, она издала продолжала следить за казнью. Девочка видела, как тело ее отца билось в предсмертных конвульсиях, как люди все пинали и пинали его ногами, пока оно, бездыханное, не рухнуло на землю. Фольвар закрыл Теане глаза своей рукой и прижал ее к себе.

Волько появился на кухне после обеда. Теана, сидя на коленях, грязной тряпкой терла каменный пол. Дубэ была где-то рядом, но за пределами его поля зрения.

Девушка-маг подняла глаза и быстро вскочила на ноги.

— Мой господин...

Волько положил ей руку на плечо и доброжелательно улыбнулся. Он напоминал Теане Фольвара, ее спасителя: у него тоже было кроткое и доброе выражение лица.

— Ты, наверное, очень устала от постоянной работы здесь...

— Что вы, мой господин, я счастлива служить моему королю, — ответила она с готовностью.

— Успокойся, я ни в чем тебя не обвиняю, — заметил тот, довольный улыбаясь. — Я только прошу, чтобы ты сделала еще кое-какую работу для меня. За пределами кухни.

Мысль бросить тряпку и дать отдохнуть немного своим коленям ее воодушевила, но девушка не хотела казаться слишком нетерпеливой.

— Как будет угодно моему господину.

— Пойдем со мной.

Они вышли из кухни и, минуя все коридоры, от самых нижних до самых верхних этажей, медленно направились туда, где протекала полная интриг и роскоши жизнь королевского двора.

— По сравнению с кухней это занятие куда более спокойное. Я имею в виду библиотеку.

Они остановились перед огромной полуоткрытой бронзовой дверью. Волько вошел первым. Теана неуверенно проследовала за ним. Представшая ее глазам картина воспламенила ее сердце. Это был просторный зал прямоугольной формы, поделенный на узкие проходы шкапами из вишневого дерева. Каждый из них с обеих сторон был заполнен книгами. Библиотека не казалась очень большой, но девушка-маг и представить себе не могла, что в этом дворце есть такое сокровище.

— Вообще-то я лично слежу за библиотекой, — произнес Волько с некоторым удовлетворением. — Именно здесь принц, ваш благодетель, получил свое образование.

Теана была ошеломлена.

— Дело не очень сложное. Давно уже здесь никто не прибирал. Всего-то и нужно, что вытирать пыль, проветривать помещение и прокладывать страницы книг сухими лавровыми листьями, чтобы не завелась моль.

Девушка охотно согласилась. Старый царедворец внимательно смерил ее пристальным взглядом.

Наконец она почувствовала себя как дома. Безусловно, библиотека в Лаодамее была несоизмеримо больше этого хранилища, но своим натренированным глазом она сразу определила, что и здесь наверняка есть ценные экземпляры и, должно быть, немало запрещенных книг.

Волько отпер пыльный чулан в дальнем углу зала. В нем хранились мешки с лавровыми листьями и разноцветные шерстяные лоскуты.

— Будешь их использовать, договорились? Один лист кладешь на первую страницу, а другой — на последнюю.

Теана согласно кивала. Ей очень понравилась идея работать в библиотеке: наверняка у нее будет возможность не только прибирать здесь, но и заглядывать в книги.

— А ты знаешь, как пользоваться книгами?

Девушка не сразу нашла, что ответить.

— Нет, я не умею обращаться с такими изящными вещами.

— А читать хоть умеешь?

Теана замотала головой: лучше казаться глупее, чем есть на самом деле.

— Это — большой грех, — с сожалением заметил Волько. — Может, я и смогу дать тебе несколько уроков...

— Если бы мой господин был так великодушен... — Она с улыбкой склонила голову.

Старик, казалось, был растроган.

— Впредь после обеда приходи сюда. Договорились? Первые дни я буду рядом, на тот случай, чтобы ты ничего не напутала. А потом подумаем насчет уроков.

Сказано — сделано. Всю вторую половину дня Теана перелистывала книги, притворяясь, будто не умеет читать, и только бегло их просматривала. Волько усаживался в угол и сразу же погружался в чтение толстого тома по истории. Девушка-маг все это время пыталась придумать способ, как лучше воспользоваться такой ситуацией. Без сомнения, на полках хранились документы, из которых можно было узнать о придворной жизни, а может, и бумаги, интересовавшие Дубэ. Сидя в тишине, она с улыбкой открывала и закрывала книги. Наконец настал и ее черед, и она начинает приносить пользу.

Тем же вечером у Теаны и Дубэ состоялся разговор.

— Мне дали работу в библиотеке.

— Так вот куда ты исчезла, — заметила, переодеваясь, разбойница.

Этот процесс всегда вызывал у Теаны странные ощущения. Казалось, ее спутница сбрасывает кожу: как только она облачалась в мужскую одежду, исчезали кротость и привлекательность ее девичьих черт, которыми та без стеснения бравировала на кухне. Тем не менее, несмотря на кажущееся различие этих образов, Дубэ при этом не переставала оставаться самой собой. Казалось невероятным ее умение перевоплощаться в другого человека при вполне заурядной смене внешнего вида.

— Моя работа заключается в перелистывании книг.

— Ты сказала, что умеешь читать?

Теана отрицательно покачала головой, и на лице Дубэ появилась одобрительная улыбка.

— Схватываешь на лету.

— Опиши мне, как выглядят эти бумаги.

Дубэ села рядом с Теаной на кровать.

— Они не могут там находиться.

— Где же, как не среди других подобных свитков, было бы разумнее спрятать пергамент...

— Когда-то я их выкрала из секретной ниши за гобеленом.

Теана не сдавалась:

— Позволь мне попытаться.

Дубэ вздохнула:

— В них нет ничего особенно примечательного: это всего лишь скрученный в свиток пергамент, закрепленный обычной красной печатью из сургуча, без каких-либо знаков отличия.

— О чем в них говорилось?

— Это мне неизвестно.

Теана, казалось, сникла.

— Ты полагаешь, что если бы их можно было так легко распознать, то их бы уже нашли? В любом случае в библиотеке — огромное количество подобных свитков и не следует пренебрегать такой возможностью.

Теане не нужно было повторять дважды.

Наступил день, когда Волько впервые оставил Теану в библиотеке одну. Она постаралась быстро расставить кое-какие книги по местам, хотя в действительности никто не устанавливал для нее норму. Будет лучше, если Волько ничего не заподозрит.

Девушка встала посреди зала и огляделась вокруг. Она не имела ни малейшего понятия о том, откуда следовало начать поиски. Мыслимо ли найти вещь, не зная толком, как она выглядит, и не представляя, где она спрятана, а может быть, ее и в библиотеке-то нет?

«Ты никогда не занималась подобными вещами, и не к чему разыгрывать из себя шпионку».

Теана почувствовала раздражение. Нет, черт возьми! Она не прекратит своих поисков. Девушка-маг начала с каталога. Из опыта она знала, что он есть в каждой хорошей библиотеке: как правило, это — большая книга с перечнем всех произведений и указанием их местонахождения.

Она принялась просматривать содержимое шкафов и, к своему удивлению, обнаружила огромное количество текстов, принадлежавших перу Астера. Большинство из них были ей незнакомы, тем более что после падения Тиранно многие его манускрипты были сожжены на кострах пришедшими в состояние всеобщей эйфории народами свободных Земель. Девушка также заметила сложенные в аккуратные стопки эльфийские тексты. Неизвестный переписчик, видимо, не знал языка, на котором они были написаны, поскольку некоторые руны были явно искажены или вовсе не читались.

В итоге усилия девушки были вознаграждены: в глубине одного из шкафов среди множества пергаментов лежала довольно потрепанная белая книжица с указанием местонахождения книг и документов. Очевидно, ею давно не пользовались. Наверняка Волько обладал необыкновенной памятью, позволявшей ему без труда найти любую книгу или рукопись в этом хранилище. «Не такое уж и сложное дело», — рассудила Теана, оглядываясь вокруг себя: рукописей было не больше тысячи. Милия, хранитель библиотеки в Лаодамее, знал наизусть расположение и содержание доброй половины книг из сотысячного собрания.

Девушка осторожно открыла том, и стон разочарования вырвался у нее из груди. Оказалось, что все записи в нем зашифрованы. Названия книг писались не полностью, а приводились только их начальные буквы, да и обозначение расположения томов на книжных полках было подчинено какой-то странной логике. Наверняка переписчик использовал такой метод для облегчения своей работы.

«И что теперь?»

Теана колебалась. Выносить опись из библиотеки было делом небезопасным: Волько мог обнаружить пропажу. Но девушка не могла так просто отступить.

«Я расшифрую его здесь, — решила она. — Я сяду в угол и все расшифрую».

Приняв решение, Теана почувствовала облегчение. По крайней мере, теперь девушка займется действительно полезным делом.

За этим занятием Теана провела полдня. Опись была написана мелким и к тому же неразборчивым почерком. Переписчик никогда не использовал одинаковое сокращение для одного и того же слова, что сильно усложняло работу. К примеру, слово «Хроники» в одном месте обозначалось буквой «Х», а в другом месте как «Хро». Та же самая буква «Х» служила и для обозначения слова «Хронология». Девушка почувствовала, что теряет надежду.

Вдруг скрипнула дверь, Теана стремительно спрятала книжицу под жилетку и схватила первый попавшийся под руку манускрипт, лежавший рядом с лавровыми листьями. Волько тихо вошел в библиотеку, девушке казалось, что он слышит, как громко стучит ее сердце.

— Все еще здесь? — спросил старик с улыбкой.

— За работой время летит незаметно, — ответила Теана, стараясь придать своему лицу как можно более наивное выражение.

— Скоро ужин. Пойдем, закончишь свою работу завтра.

— А как же книги...

— Оставь все как есть, — произнес Волько, пренебрежительно махнув рукой. — Завтра продолжишь с того места, где ты остановилась. Ведь сюда приходим только я и принц, когда он находится во дворце.

Чуть не плача, Теана покинула библиотеку. Книга, которую она прижимала к себе под одеждой, казалось, жгла ей грудь.

— Что это?

Была ночь, и Дубэ готовилась к очередной вылазке. Перед ней лежала подробная карта замка. Только на некоторых участках плана не было никаких пометок. На остальных, в зависимости от типа помещения, имелись подробные указания относительно наличия дверей и окон, но самое главное — там были даны описания привычек их обитателей, распорядок дня: когда ложились спать и когда вставали, какие охранники дежурили возле дверей.

Теана же вытащила из-под одежды свой трофей и, раскрыв, положила на кровать.

— Это опись книг из библиотеки, — пояснила она своей напарнице.

Дубэ подошла поближе и посмотрела.

— Она зашифрована.

— Пожалуй... Сначала я тоже подумала, но сокращения носят случайный характер. Видишь вот это? Буква «Ш» обозначает здесь слово «шкаф», в то же самое время чуть далее мы видим точно такой же знак, примыкающий к числу, стоящему в самом конце названия.

Дубэ некоторое время внимательно всматривалась в книгу, а затем медленно перевела

взгляд на девушку-мага. Разбойница смотрела на Теану до тех пор, пока ее не охватило смущение.

— Что там? — спросила она в замешательстве.

— Ты что, стащила ее? — произнесла Дубэ, улыбаясь.

Теана покраснела до самых корней волос.

— Волько неожиданно застал меня, когда я пыталась прочесть ее, я просто не смогла поставить книгу обратно на место. Все нужно было делать очень быстро и...

Дубэ, не прекращая хитро улыбаться, отошла от кровати.

— Да ты заразилась...

— Я не крала ее! — взорвалась в негодовании девушка-маг. — Я ее одолжила, на время.

Дубэ снова стала серьезной.

— Я просто шучу. Ты все правильно сделала, — сказала разбойница. — Ты становишься все более незаменимой, — добавила она, завязывая волосы, и неслышно выскользнула за дверь с мягким изяществом и плавностью кошки.

Теана не намного продвинулась в разгадке странных записей. А ведь в этом списке могли находиться ссылки на интересующий девушку документ. В большинстве случаев речь шла об официальных бумагах, касавшихся жизни двора, об актах купли-продажи и регистрации. Но она все еще питала тайную надежду найти какой-либо знак, который помог бы отыскать нужные ей документы.

Вернувшись на следующий день в библиотеку, Теана снова принялась листать книги, помеченные ею ранее. Она окунулась в целое море цифр и имен, событий более или менее ей знакомых, воспроизводивших эпизод за эпизодом всю историю этих мест. Девушка обнаружила, что большая часть запрещенных книг, и в особенности самых редких их экземпляров, обозначались одним и тем же сокращением. — З. К.

«Неизвестная эльфийская рукопись», «Настоящая летопись архаических времен», «Сборник неизвестных рун».

И все это были только недавно выполненные копии. А где же оригиналы? Какова их судьба? Но как Дохор смог завладеть всеми этими рукописями Тиранно, если ни в одной из библиотек Всплывшего Мира их не было?

Затем Теана установила, что часть указанных в библиотечном перечне документов отсутствует. Как и у остальных книг, у них был свой код, указывавший на их местонахождение, девушка направлялась к соответствующим шкафам, но на их месте находила копии книг, зарегистрированных на других стеллажах.

Но как они могли потеряться? И почему на это нет никаких ссылок?

Теана долго еще пребывала в растерянности. Казалось, что перед нею загадка без ответа. Только случайно она обратила внимание на незначительное отличие между пометками на томах-двойниках, которое заключалось в одном маленьком символе красного цвета, стоявшем напротив названий недостающих книг. Девушка аккуратно срисовала его на пергамент. Теане в голову пришла мысль рассказать обо всем Дубэ: она была явно взволнована. После стольких дней, проведенных в поисках мало-мальской зацепки, она смогла наконец приблизиться к разгадке.

Девушка-маг собиралась было уйти, когда ее внимание привлекло название одной книги: «Путь посвященного». Теана почувствовала, будто сердце остановилось у нее в груди и время, казалось, замедлило свой ход.

Это произошло в тот вечер, когда она, будучи восьми лет от роду, слушала, как отец при тусклом свете свечи читал ей отрывок из «Хроник Всплывшего Мира». Этот фрагмент она уже слышала десятки раз, и со временем он становился похожим на проповеди Шеврара. Это были довольно длинные и скучные, но главное запретные изречения. Девочка никому не могла рассказать о том, кто они с отцом на самом деле, равно как и продемонстрировать свой

дар жрицы. Ее отец грустно улыбался в ответ на недовольное фырканье своей дочери. Он прекрасно ее понимал. Но это был единственный сохранившийся текст, трактовавший их религию без той грязной лжи, в которую облекла ее Гильдия убийц. Он назывался «Путь посвященного», и речь в нем шла о роли и силе посвященных в окружающем мире, о демонстрации величия и могущества их божества. Теана с особым вниманием слушала текст и спрашивала отца о том, шла ли в этой книге речь о ее любимой героине, Ниал.

«В некотором смысле», — отвечал отец.

Теана отыскала ссылку и направилась к указанному месту. Девушка нашла, что искала, среди других таких же потрепанных манускриптов. Обложки этой книги были сделаны из светлой кожи с позеленевшими от времени медными застежками. Как она мечтала найти этот манускрипт! Теана коснулась его пальцами, и от нахлынувших воспоминаний об отце, читавшем ей «Хроники Всплывшего Мира», на душе у нее стало светло и грустно.

Девушка-маг осторожно взяла книгу с полки. Это была уже не копия, а оригинал, тот самый, что пережил века и оказался, наконец, в этой библиотеке в руках, возможно, последней жрицы Тенаара. Теана, прижимая к груди заветный том, не смогла не помолиться в сердце. Наверняка в этих стенах ни у кого не доходили руки до этой книги — пылиться в самом дальнем шкафу, где до нее никому нет никакого дела, — такова ее незавидная участь.

На этот раз все оказалось значительно проще. На этот раз она без всяких колебаний спрятала том под жилет. Ведь этот манускрипт принадлежал в какой-то степени и ей. Когда вечером Волько пришел, чтобы позвать девушку на ужин, Теана, осторожно прижимая рукопись к своему телу, вынесла ее из библиотеки, словно некое бесценное сокровище.

Дубэ по своему обыкновению отсутствовала. Пламя свечи едва освещало комнату. Теана осторожно открыла книгу. Запах плесени, исходивший от ее страниц, напомнил ей знакомые с детства ароматы и все, что было ею потеряно навсегда.

С трепетом прочла она первые строчки. Книга начиналась с хорошо знакомой ей молитвы, которую в детстве отец ежедневно заставлял ее повторять и которую она произносила всякий раз, когда приступала к новому магическому ритуалу.

«Хвала тебе, Шеврар, Господин молний и мечей, создатель и разрушитель, отец вечного кружения земной жизни, хвала. С его именем я, Хейраал, начинаю свое повествование о твоих любимых сынах, о том, как они достигли земли и как стали орудием в руках нашего Бога. Вдохни, Господи, силы в мои слова и приведи меня к удачному завершению начатого дела».

На полях страницы Теана обратила внимание на пометки. Кровь застыла в ее жилах после того, как она прочла их.

«Тенаар, а не Шеврар», «Астер — посвященный».

Без сомнения, эта книга успела пройти через руки Гильдии. Во Всплывшем Море никто не считал Астера посвященным, а только убийцей.

Девушка-маг погрузилась в чтение этой книги со смешанными чувствами волнения и негодования. Ложь, навязанная сектой, была настолько сильна, что никто не помнил теперь настоящего имени ее бога, превращенного из Шеврара в Тенаара.

«Иногда посвященные избираются Богом: полководцы и воины, мудрецы и маги, слуги, все, проявляющие особые склонности к военному искусству либо сохранению мира. Ибо два облика у Шеврара, и не следует никогда забывать это».

«Ересь» — было помечено на полях красным. Теану переполняла ярость: «еретик» — именно этим словом заклеила Гильдия ее отца, когда стало известно о его проповедях. Приверженцы секты начали его преследование, когда она была еще совсем ребенком. Девушка с трудом вспомнила те далекие счастливые времена, когда они жили одной семьей, не имея нужды скрываться от кого бы то ни было.

«Посвященные являются миру только в моменты великих потрясений и всегда пребывают в гуще событий. Через них Бог восстанавливает порядок на земле. Ибо вечное равновесие между миром и войной, смертью и жизнью никогда не должно быть нарушено. Способствовать восстановлению порядка на земле собственными деяниями — в этом заключается их основное предназначение.

Миравар был четвертым посвященным. Он разгромил Великого Неприятеля, ввергнув его обратно в глубины преисподней, откуда тот и возник. Победа Миравара была предсказана Криссей, жрицей храма Сеферди, которая предрекла его появление в смутные времена Великой Войны».

Факты из давно минувших времен — о них Теана слышала из уст своего отца. Великим Неприятелем был как раз тот самый злодей, против которого Миравар и призвал талисман власти, так же как и Ниал против Тиранно. Таким образом, выходило, что Сеферди — столица эльфийского королевства.

Чтение захватило девушку. Ее гнев вызывали пометки на полях, замечания по поводу ереси, выделенные фрагменты из текста, искаженные впоследствии в угоду доктрине Гильдии. Прав был Сеннар, когда говорил Лонерину во время их встречи, что во Всплывшем Море есть силы, которые пытаются поколебать мир на земле с целью извращения всего того, что было в нем светлого и чистого. Вот почему с течением веков сила веры в бога ослабела, суть стройной системы вероучения была изменена вплоть до ее полного искажения. В итоге Теана поняла своего отца и смысл их вынужденной многолетней уединенной жизни, когда они вдвоем скитались по разным землям. Они были последними, а потому — одинокими. Им не с кем было поделиться своими самыми сокровенными тайнами, сомнениями и убеждениями. Напротив, они везде и всюду слышали в свой адрес бесконечные издевательства, подобные тем, которыми зачастую осыпала ее Дубэ.

Каков был тайный смысл в страданиях, пережитых девушкой и ее отцом? По его словам, имелся некий план, хотя в тот момент они его сами не видели. Именно согласно этому плану появился Миравар. Путь Ниал был также предначертан. А что же сама Теана? Что значили ее страдания и одиночество?

В манускрипте имелся целый раздел, касавшийся артефактов, к помощи которых прибегали посвященные. Речь шла о талисмане власти и о каждом его камне в отдельности. Было и описание его возможного местонахождения, а также характерных особенностей этой реликвии и способов ее применения.

Теана почувствовала, как сердце замерло у нее в груди. Эта книга как нельзя кстати пригодилась бы Лонерину при выполнении его миссии. Мысль о нем поразила девушку. Она на несколько дней почти забыла о нем. Но теперь, когда его образ снова неожиданно возник в ее сознании, казалось, что она не переставала думать о нем ни на минуту. Теана вспомнила Лонерина таким, каким видела его в последний день перед расставанием, когда она так решительно отказалась прощаться с ним. Это воспоминание причиняло ей почти физическую боль.

«Ты должна забыть его. Ведь он был одной из главных причин того, что ты отправилась в этот путь».

Но это было так сложно, почти невозможно. За годы, проведенные вместе, между ними возникла связь, выпутаться из крепких уз которой ей никак не удавалось.

«Утерян. Находится в поиске» — такая пометка стояла в самом конце главы, посвященной талисману власти.

Теана почувствовала явное облегчение. Талисмана у Гильдии не было, а значит, и разыскивавшему его Лонерину вовсе незачем было туда отправляться.

Следующая глава повествовала о прочих предметах, использовавшихся посвященными на протяжении столетий. В большинстве своем они исчезали вместе со своими владельцами. Но некоторые все же сохранились при жизни автора манускрипта и хранились в тех или иных местах. Неизвестный писатель сделал сбоку приписку о судьбе каждого из них.

«Осколок, хранившийся в башне Рока, был утерян во время крушения этой цитадели».
«Осколок, хранящийся в Капитулярном Кольце».
Затем приписка иного рода: «Осталось невредимым. Хранится в Доме Гильдии».
Тогда Теана прочла описание предмета, к которому относилось данное замечание.

«Копье Дессара

Речь идет об одной из самых главных и редких реликвий, принадлежащих всему храму. Это — копье посвященного Дессара, которое он использовал в борьбе против Ратахара, дракона Великого Восстания. Некоторые, считая его сказочным предметом, подкрепляют свои слова утверждением, что якобы злобных драконов не существовало и что повествование про Великое Восстание — не что иное, как аллегорический рассказ, подтверждающий потерю взаимосвязи между эльфами и природой. На самом деле копье обладает сверхъестественными силами: в комнате, где оно хранится, при постоянном отсутствии то воды, то земли непрерывно цветет латешенция. Легенда гласит, что Дессар использовал его в качестве катализатора для роста своей собственной мощи. Таким образом ему удалось свести на нет силу Ратахара, а затем и вовсе его убить. Рассказывается, что копье в состоянии нейтрализовать любую магию, включая печати проклятия. Но в стародавние времена никто не использовал его для такой цели. Далее повествуется о том, что на самом деле только стойкие духом посвященные могут воспользоваться им, не подвергая себя смертельной опасности. Всякий, кто пытался овладеть им, вскоре умирал потому, что безграничная сила копья вбирает в себя всю душу».

Некто из Гильдии, прочитавший до Теаны эту книгу, сделал еще запись под описанием священного копья: «Возможно ли использовать его в качестве катализатора для воскрешения духа Астера и оживления его из мертвых?»

Теана призадумалась. По словам Дубэ, Астер покоится в шаре, окруженный нимбом из чистого духа, в одной из секретных комнат Дома Гильдии. А может, они действительно задумали воспользоваться этим копьем, чтобы вернуть Тиранно в мир живых?

Разрушение печатей проклятия считалось делом неслыханным. На такое мог отважиться разве что какой-нибудь очень опытный маг, хотя зачастую и ему это было не по силам. Теана подумала про проклятие Дубэ. Неплохо бы сейчас заполучить такое копье: Дубэ стала бы свободной и у нее отпала бы необходимость проливать чью-то кровь.

«Жаль, что последняя посвященная умерла двадцать лет тому назад...» — подумала про себя Теана с горькой усмешкой.

Дверь со скрипом открылась.

— Еще не спишь? — Дубэ закрыла за собой дверь. В ее глазах горел какой-то странный огонек.

— Который час? — спросила ее Теана.

— Для сна осталось не более двух часов.

Девушка-маг тихонько вскрикнула: тяжелый предстоит ей денек после такой бессонной ночи. Она резко захлопнула книгу и повалилась на постель. По какой-то непонятной причине она стыдилась показать манускрипт Дубэ. В нем было что-то очень личное.

— Нашла что-нибудь интересное в твоих книгах?

Теана хотела было ответить, что нет, но, подумав о проклятии, достала книгу.

— Очень даже может быть.

12 ЧЕРНЫЙ МЕЧ

Сеннар и Лонерин вернулись в башню рано утром. На этом настоял старый маг; казалось, что визит на кладбище послужил толчком к его новым активным действиям. Он производил впечатление человека, нашедшего новый повод для искупления собственной вины. И только перед входом в башню Лонерин заметил, как тот некоторое время стоял с

поднятой вверх головой, не решаясь войти. Как раз над ними находилось маленькое окошко дома, в котором Сеннар вместе с Ниал поселились после окончания Зимней Битвы. В течение пяти лет они старались обрести покой в Земле Ветра, прежде чем окончательно покинуть Всплывший Мир. Сеннар как-то странно посмотрел на это окно, но Лонерин не стал ни о чем его расспрашивать. Еще через мгновение оба поднялись на первый этаж.

Лавка торговца находилась на специально отведенной для торговли территории. Одно время на этом месте было полным-полно разного рода лавок; теперь здесь продавали исключительно ткани и тому подобный тряпичный товар. Путешественники не сразу отыскивали нужную дверь. Впрочем, священник был довольно точен в своих описаниях, и ошибиться было просто невозможно. Оказавшись в коридоре, они действительно очутились перед единственной лавкой, дверь которой была почти полностью завалена самой разной утварью. Товар занимал добрую половину коридора, оставляя лишь узкий проход для покупателей и прохожих. Передвигаться в такой тесноте можно было только прижавшись спиной к стене. Под этим же навесом, прямо у входа, висели картины, мечи и самые разнообразные сосуды. На полу лежали наваленные друг на друга ковры, глиняные кувшины, сетки, стулья и даже столы. На двери висела красивая вывеска из кованого железа с надписью «Антикварная лавка Молио».

Сеннар вошел первым и головой задел за подвешенные в воздухе кувшины, всполошенные сосуды застучали, заголосили, призывая хозяина. Лонерин осторожно проследовал за старым магом и с изумлением застыл на пороге при виде страшного беспорядка, царившего в помещении. Небольшой магазин был просто завален товаром. Полки стенных шкафов прогнулись под тяжестью самых разных предметов. В воздухе пахло пылью и кожей.

Сеннар ухватил Лонерина за руку.

— Я поговорю с хозяином, а ты тем временем осмотри все вокруг, — прошептал он и громко спросил: — Есть кто-нибудь?

Его слова канули среди завалов лавки без ответа.

Тогда Сеннар пошел на хитрость:

— Мы — два коллекционера и собираем предметы старины. Нам хотелось бы купить у вас что-нибудь интересное, и цены нас не пугают.

На этот раз молчание длилось недолго. Сначала послышался звук шаркающих по полу шагов, а минуту спустя им навстречу вышел престарелого вида гном.

Он был очень маленького даже для своих сородичей роста, лысый, но с очень длинной окладистой бородой, украшенной косичками и жемчужинами, как принято было у этого народа. На его приплюснутом носу сидели две линзы в золотой оправе. Он с опаской разглядывал посетителей.

— Чего изволите? — спросил он, смотря снизу вверх.

— Мы прибыли из Земли Солнца, в Макрате у нас есть своя лавка. А здесь мы потому, что когда-то познакомились с одним молодым человеком по имени Тарик, который был родом из этих мест...

Сеннар замолчал, изучающе глядя на торговца, выгнувшего от удивления брови. Впрочем, больше ни один мускул на лице гнома не дрогнул.

— Но вчера нам стало известно, что он недавно умер...

Лицо гнома приняло подобающее случаю выражение.

— Да уж, нечего сказать — печальная история... Грабители убили его и его жену, и при этом не вынесли ничего ценного из их дома...

«Конечно, хорошо еще, что ты об этом позаботился...»

Сеннар прикусил язык. Он инстинктивно почувствовал отвращение к этому субъекту. Старый маг посмотрел на обветренные руки гнома, крючковатые и жирные, и ясно себе представил, как тот обшаривал дом Тарика. Старик почувствовал, что кто-то встал у него за спиной. Это был Лонерин. Юноша, должно быть, хотел успокоить его.

— Вот... Нам сказали, что к вам попали самые ценные вещи из его дома.

— Так и есть. Знаете, эти двое вели довольно замкнутый образ жизни, у них не было друзей, которые могли бы претендовать на их имущество. Никому не известно, имелись ли у них родственники. И они не оставили завещания.

— Мы все еще заинтересованы в покупке, — напомнил Сеннар.

Гном вздохнул:

— Все далеко не так просто... Прошло уже несколько месяцев со дня кражи, и вещи быстро разошлись.

— Давайте сделаем так, — вступил в разговор Лонерин. — Мы называем предметы, о покупке которых мы договорились с тем человеком, а вы скажете, есть они у вас или нет.

— Как пожелаете.

Сеннар начал с картин: с болью вспоминал он о том, как Тарик еще в раннем возрасте проявлял склонность к рисованию, как постепенно дом заполнялся рисунками, становившимися все прекраснее. Сын не прекратил рисовать и после смерти матери. Он стал их собирать, увешивая ими свою комнату и не позволяя ни выносить, ни перевешивать на другое место.

— Картины были распроданы первыми: их было довольно много и все очень дорогие, — ответил гном. — Мы обнаружили целый мешок пергаментов с невероятными по красоте рисунками: в первую очередь великолепные изображения драконов и великое множество портретов Ниал разных размеров.

Сеннар задумался. Положение становилось хуже, чем того можно было ожидать, но старый маг должен был набраться храбрости, если хотел продолжить поиски.

— Мы договаривались также и о некоторых старинных украшениях, — вмешался Лонерин.

— Полагаю, вы говорите об украшениях его жены. Не думаю, чтобы он хотел их продать: похоже, это семейные реликвии. Кажется, у меня кое-что осталось из них...

Уверенным шагом торговец направился в темный, пыльный угол лавки и тут же вернулся с маленькой деревянной шкатулкой. Украшений было немного, и все они были изготовлены из кованого железа и стеклянных камешков. Сеннар едва сдерживал слезы: ведь это были украшения его снохи, быть может, она получила их в день рождения еще в детстве, а может, это были подарки мужа. Это было частью жизни его сына, о которой Сеннар не знал ровным счетом ничего.

Лонерин вышел вперед, внимательно их осмотрел и стал договариваться о цене. Сеннар остался им доволен: его молодой коллега был спокоен, находчив и решителен — он проявлял как раз те качества, которых старику особенно не хватало.

Юноша договорился о покупке пары сережек и бус, но прежде, чем заплатить, он спросил, наконец, про главное:

— Тарик нам рассказывал еще о кулоне, которого я здесь почему-то не вижу...

Гном насторожился.

Сеннар вмешался в разговор:

— В свое время он дал нам его рисунок. Жаль, что его сейчас нет с собой. Это было нечто вроде большого медальона, украшенного восемью разноцветными камнями с одним глазом посередине.

— Ах, ну да, конечно! Тот самый, с трещиной!

Сеннар снова мысленно представил себе этот магический амулет, как будто он никогда не покидал стен его дома: то был знаменитый талисман власти. Он имел форму круга и был поделен на восемь частей, в каждой из которых было вставлено по одному священному камню: Ниал собирала их по всему Всплывшему Миру. В центре талисмана был изображен глаз, на месте зрачка которого сиял драгоценный опал. Маг хорошо помнил тот момент, когда Ниал, спасая жизнь сыну и мужу, расколола его. Ее прощальная улыбка навсегда запомнилась магу.

— Продать его оказалось делом непростым, — заключил торговец.

Лонерин заметно сник, но Сеннар старался не показывать своего разочарования.

— Значит, его у вас нет?

Гном кивнул:

— Его забрал один коллекционер. Тот очень загорелся идеей купить у меня кулон и заплатил за него баснословные деньги, значительно превышающие настоящую стоимость этой вещи. Я помню, как странно засверкали его глаза и...

— Вы не помните имени того покупателя? — перебил его Сеннар.

Гном с недоверием посмотрел на незнакомца:

— Один мой давний клиент. Он приходит сюда раз в месяц и с огромным удовольствием начинает рыться в магазине. Это — богач из Барагара по имени Йдат, он родом из Земли Моря.

Сеннар запомнил это имя. Похоже, все в этой миссии связано с его прошлым. После Земли Ветра пришел черед отправиться на родину старого мага.

— Понятно...

— Вы бы хотели купить его? — поинтересовался гном. Он явно сторал от любопытства, ему отчаянно хотелось знать причину такого повышенного внимания покупателей к этой реликвии.

Сеннар повел плечами:

— Возможно, хотя наверняка это будет трудно сделать. Мы, коллекционеры, очень высоко ценим подобные вещи, а купив их ни за что не хотим с ними расставаться.

— В таком случае у меня есть еще одна, последняя вещь, которая могла бы вас заинтересовать.

Сеннар непонимающе посмотрел на Лонерина.

— Говорите прямо.

— Речь идет об одном великолепном мече из черного кристалла.

Глаза гнома заблестели. Сердце Сеннара чуть не выскочило из груди: он словно увидел меч Ниал рядом с кроватью.

— Ты всегда его здесь держишь? — улыбаясь, спросил он Ниал.

Девушка чуть смущенно посмотрела на него:

— Пока да. Мне нужно понять, как он сможет вписаться в мою новую жизнь, — произнесла она и нежно поцеловала его.

— Это — ценнейшая копия меча Ниал, того самого, который наша героиня носила при себе. Великолепный экземпляр: никогда еще в своей жизни мне не приходилось встречать ничего лучше этого, а я, можете мне поверить, повидал их достаточное количество, — с гордостью произнес торговец. — Следуйте за мной.

Гном проворно засеменял на своих коротких ножках и повел незнакомцев в комнату, дверца которой, казалось, была сделана в рост самого хозяина. В этой комнате на удивление царил порядок. Здесь гном хранил свой самый ценный товар, и прежде всего оружие редкого качества, утварь и посуду, которая не была такой грубой и дешевой по сравнению с той, что стояла при входе в лавку. Все эти предметы сверкали чистотой и были аккуратно расставлены по шкафам.

— Во-первых, он изготовлен из настоящего черного кристалла, и от этого его цена будет выше, — продолжал Молио, поднимаясь по шаткой лестнице. — И потом, какая гравировка, а какой камень на рукояти! Белый камень — просто фантастика, это — настоящая слеза!

Торговец на мгновение исчез из поля зрения обоих посетителей, а затем вновь появился, спускаясь с лестницы и прижимая к груди длинный предмет, завернутый в фиолетовый бархат.

Сеннар почувствовал, как его сердце с неистовой силой бьется в груди, а при виде оружия земля чуть не ушла у него из-под ног. Вот он, наконец, этот заветный меч: весь сверкающий, все такой же острый, с множеством царапин и сколов — свидетельств

бесконечных сражений, в которых Ниал принимала участие. Наверняка здесь остался и след от последнего фатального удара, расколовшего талисман и жизнь самого мага на две части. Острие черного кристалла сверкало при тусклом свете этой комнаты; казалось, что дрожал выгравированный на рукояти дракон. Слеза — камень, подаренный Ниал Фосом, духом воздуха, так ярко искрился, что слепил глаза. В этом оружии была заключена вся жизнь жены Сеннара.

— Подумать только, такая вещь валяется в шкафу. У меня возникли сложности с его продажей! Посетители моей лавки зачастую не имеют достаточно денег на покупку таких дорогостоящих вещей. И даже Йдат, тот самый человек, о котором я уже вам рассказывал, ждет, когда окупятся затраты, связанные с покупкой медальона, чтобы затем прийти и выкупить меч. Но вам я уступлю его по выгодной цене.

Сеннар почти не слышал торговца. Его внимание было полностью поглощено мечом: это все равно что заново увидеть Ниал. После смерти жены маг повесил это оружие над очагом; не проходило и ночи, когда бы он, безутешный, не сидел в кромешной темноте и не разглядывал его. Сеннар протянул руку и слегка коснулся его пальцами. Он почувствовал шероховатую поверхность холодного лезвия, и воспоминания с новой силой нахлынули на него.

— Кажется даже, что им пользовались, — произнес гном.

Сеннар посмотрел на него вытаращенными от удивления глазами.

— Сколько? — просил Лонерин уверенным голосом.

— Тысяча каролов.

Цена была непомерно высокой.

Лонерин попытался возмутиться:

— Уверен, что цена завышена. За такие деньги я смогу купить оригинал... Вам так не кажется?

— Могу снизить до восьмисот.

Лонерин продолжал торговаться до тех пор, пока гном не уступил его за семьсот каролов. Юноша первым осторожно взял в руки меч и снова аккуратно завернул его в фиолетовый бархат.

— А ножны? — спросил он некоторое время спустя.

В ответ гном лишь пожал плечами:

— Я продал их отдельно. Они не представляли никакой ценности — обычные потертые кожаные ножны. Впрочем, какой коллекционер стал бы покупать подобное оружие, чтобы затем держать его в ножнах? Такое чудо вывешивают на всеобщее обозрение...

— Вы нам очень помогли, — улыбаясь, произнес Лонерин в заключение.

— И вам спасибо. Вы очень хорошие покупатели. Имейте меня в виду, когда вам потребуется еще какой-либо товар.

— Непременно.

Оба мага вышли из лавки. Сеннар не произнес ни слова. Он был взволнован тем, что вновь увидел меч Ниал, он не мог понять, счастлив ли он оттого, что снова держит в руках меч жены, который она ценила больше собственной жизни, или боится, что вновь испытает полное опустошение при мысли, что никогда уже не придется ей взять его в руки.

Лонерин торжественно вручил Сеннару оружие, подобно тому, как это делали оруженосцы, обращаясь к своим рыцарям.

— Полагаю, что он по праву принадлежит вам.

Старый маг удивленно посмотрел на него.

— Но почему? — просто спросил он.

— Потому, что вы уже и так многое потеряли, а история вашей жизни не заслуживает того, чтобы покрываться плесенью в углу какой-нибудь лавчонки или, того хуже, пылиться в доме бездушного богача.

Сеннар положил одну руку на рукоять, а другую — на лезвие меча. Он почувствовал, как острие кристалла ранит его пальцы, но эта боль казалась ему сладостной. Старый маг

сжал рукоять меча в кулаке.

— Я не владею мечом. Без Ниал это оружие мертво.

— Но ее душа все еще заключена в нем.

Лонерин смотрел на него с восхищением — живая легенда, самый настоящий герой стоял перед ним.

Меч Ниал. Сеннар подумал, что, возможно, он и совершил ошибку, но только не его жена. Память о них еще жила в этих местах, пример их подвигов еще что-то значил для многих людей.

— Благодарю, — прошептал он.

Лонерин только улыбнулся в ответ.

Путешественники, не теряя ни минуты, покинули Салазар. Сначала они заехали в гостиницу и забрали свои вещи. Хозяин заведения смерил постояльцев подозрительным взглядом, когда те оплачивали выставленный счет. Ему было известно, что оба путника успели побывать в башне и встретиться со священником, занимавшимся похоронами убитой некоторое время назад семьи. Слухи в этом городе распространяются быстро, и темные делишки, тем более заговоры, жестоко карались королем. Никто не чувствовал себя в полной безопасности.

— Вы говорили, что останетесь здесь на пару дней...

— Мы закончили свои дела раньше намеченного срока, — резко перебил его Сеннар.

Но этот ответ не удовлетворил хозяина.

— Я не хочу неприятностей, понятно? Я человек честный.

Сеннар швырнул на стол требуемую сумму и сверху еще добавил четыре кароля.

— Ваша честность удовлетворится дополнительным вознаграждением?

Мужчина недоверчиво глянул на монеты.

— Ничего не хочу об этом знать, — сказал он, пряча деньги в карман.

— А ничего и не нужно знать, — сухо возразил старый маг.

Постояльцы сели на лошадей и помчались что было сил обратно в степь.

Лонерин начал уставать от этого бесконечного бегства: они летели так, словно легионы призраков дышали им в спину. Временами он испытывал потребность остановиться хоть на мгновение, хотя бы только для того, чтобы осмыслить все происходящее. С самого начала их путешествия у него не было возможности обо всем подумать. Сначала его миссия и выражение лица Дубэ во время их расставания, затем решение Теаны, ненависть к Гильдии, заглушавшая иной раз все другие чувства: все это приводило к смятению в его душе и ввергало в хаос, основательно подтачивая его силы.

Ту ночь они провели под открытым небом. Путники устроились в зарослях кустарника, росшего вдоль границы степи.

Небо над их головой было мрачным, а звезды тусклыми, становилось жарко.

— Поднимайся, для отдыха еще не время.

Лонерин устало посмотрел на Сеннара:

— У меня нет больше сил. Вот уже несколько дней мы только и делаем, что скачем без остановок.

— Это не увеселительная прогулка.

Старый маг достал из своего дорожного мешка несколько книг. Снова учеба. Лонерин чувствовал, что не в состоянии продолжить занятия.

— Сожалею, но у меня действительно ничего не получится.

Сеннар взглянул на него с усмешкой:

— Я в три раза старше тебя, и у меня больная нога, а силы все еще есть.

Это было не так. Глаза старика ввалились, а руки тряслись, он с трудом держался на ногах, но уже не мог остановиться. Молодой маг слишком хорошо это понимал.

— Мы должны сделать остановку. Если мы не передохнем, и вы не выдержите. Мы не

сможем никому помочь, если растратим свои силы в этих поисках. Чтобы суметь исполнить ритуал, мне для начала нужно хотя бы выспаться.

— Нет времени, мальчик мой, ты сможешь выспаться, когда познаешь все магические приемы. Нам помогут только активные действия, во всех смыслах.

Сеннар пристально посмотрел на юношу, и тот понял, какой страх испытывал в эту минуту его престарелый спутник от одной мысли задержаться: прошлое все стремительнее настигало его, самые тяжелые и горестные воспоминания одолевали старого мага. Единственный выход — это умчаться от них как можно скорее, с головой погрузиться в выполнение миссии и заглушить шумом своих шагов звучание голосов, раздававшихся за спиной.

— Я думаю иначе, — резко выпалил Лонерин. — Мне нужно все понять. С тех пор как мне удалось выбраться из Дома Гильдии, я все время иду только вперед. События, происходящие вокруг меня, развиваются слишком быстро, я не успеваю обдумать их, понять... А это очень плохо.

Сеннар спокойно открыл книгу.

— Ничего не нужно понимать, потому что в случайных событиях нет никакого смысла. Их развитие не подчинено единым правилам; в основе их нет никакого тайного замысла, который следовало бы расшифровывать. В любом случае ход времени невозможно остановить.

Лонерин медленно встал: его суставы ныли, а рассудок был затуманен от недостатка сна.

— Вы здесь из-за своего внука?

Этот вопрос вырвался у него непроизвольно. Юноша никогда бы не осмелился на подобный выпад, но сейчас, обезумев от усталости, он потерял над собой контроль.

Сеннар только на мгновение прекратил перелистывать книгу.

— Не оттягивай момент начала занятий ненужными вопросами, — с улыбкой ответил он.

— А вы совсем не такой, каким я вас себе представлял, — продолжал Лонерин невозмутимо. Все происходившее вокруг него теряло свою осязаемость, и, находясь в полной прострации, он чувствовал, что мог позволить себе даже непочтительность по отношению к самому великому из всех магов, когда-либо живших во Всплывшем Мире. — Вы были настоящим примером в учебе для меня и для многих других таких же, как я. Но теперь мне кажется, что вы потеряли свою прежнюю веру. Тогда почему вы здесь?

— Потому, что Всплывший Мир все еще нуждается во мне.

Лонерин внимательно посмотрел на старого мага.

— Почему? — снова спросил он.

Сеннар со вздохом захлопнул книгу.

— А для чего ты здесь? Для чего ты добровольно берешься выполнять самые опасные задания? Сначала ты внедрил в стан неприятеля, теперь строишь из себя мученика, отправившись вместе со мной в опасное путешествие, прекрасно понимая, что рискуешь собственной шкурой.

— Потому, что я в это верю, — с гордостью ответил Лонерин.

Но под проницательным взглядом Сеннара юноша вдруг осознал, что его слова не более чем выдумка. Ведь и он не мог понять истинную причину своего многолетнего беспокойства и так же, как и его спутник, пытался заполнить внутреннюю пустоту своей безудержной активностью.

— Я думаю, что могу быть полезен людям, — искренне признался наконец молодой маг. — Хотя были и другие причины, которые побуждали меня к действию. Но как бы то ни было, я полагаю, что мои усилия будут не напрасными. Я уверен, что у Всплывшего Мира есть надежда на хорошее будущее. Я искренне верю в то, о чем вы писали в конце вашей книги: все циклично и за войной следует мир. И не имеет значения, что война все еще продолжается. Важно то, что и здесь мир когда-нибудь наступит.

Лицо Сеннара смягчилось, и в его глазах возникло нечто похожее на печальное сострадание.

— Я здесь потому, что, возможно, эта мечта принадлежит не только мне одному, — тихо произнес он. — Она в равной степени принадлежит Ниал и моему сыну. Они страстно верили во Всплывший Мир и отдали жизнь за свою веру. Теперь остался Сан. Он жил здесь, и у него, в отличие от его бабушки и отца, должно быть будущее.

Руки старого мага тряслись, взгляд был печален. Он склонил свою голову.

Лонерин медленно потянулся.

— Нам нужен отдых, — сказал он буднично, словно разговаривая сам с собой. — Возможно, нам и удастся двигаться быстрее наступающих нас призраков, но так мы просто без толку растратим свои силы и не сможем довести начатое дело до конца.

Сеннар отложил в сторону книгу и тоже прилег. Он застонал от боли, едва его спина коснулась земли.

— Ты расскажешь мне об истинных причинах, побудивших тебя отправиться в путь? — неожиданно спросил он.

Юноша почувствовал, как сердце выскакивает у него из груди. Он был ослеплен нахлынувшими на него воспоминаниями о многолетней ненависти к Гильдии. И он рассказал легко и без всяких колебаний:

— Моя мать пожертвовала своей жизнью в Гильдии только для того, чтобы я не умер от красной лихорадки. С тех пор к этой секте я испытываю безграничную ненависть. Поначалу мне хотелось взять в руки меч и отправиться в резиденцию Гильдии, чтобы учинить там резню. Мой учитель спас меня и познакомил с магией. Потом многолетняя учеба и участие в сопротивлении: только в борьбе я видел смысл своего существования. Но ненависть ни на секунду не покидала меня. Целью моей жизни было уничтожение Гильдии.

Стрекотание сверчка прервало это недолгое повествование. Лонерин чувствовал необыкновенное умиротворение. Он вспомнил тот давний вечер, когда Теана поделилась с ним своей тайной. Тогда она в первый и последний раз поведала ему о своем отце. В ее рассказе было столько страдания и жестокой откровенности, что его сердце разрывалось от боли.

— В конце концов ненависть покинет тебя.

Лонерин посмотрел на Сеннара с удивлением: впервые с момента их встречи он слышал от Сеннара обнадеживающие слова.

— Сначала придет усталость. Все всегда покрывается тленом, и может так случиться, что и ты когда-нибудь сдашься, как это произошло со мной.

Старый маг замолк на мгновение, и Лонерин вдруг понял, что он вспоминает о том происшествии на поляне, когда ему в первый и в последний раз пришлось убивать.

— Все проходит. А знаешь, что Ниал также прошла через это? И с тобой повторится то же самое. Ты сейчас молод, а молодые, снедаемые страстями, живут не щадя своих сил. Но годы проходят, и гаснут самые разрушительные пожары. У меня теперь нет ни капли ненависти. Тиранно, фаммины... и даже эльфы. Я больше ни к кому не питаю отвращения. Для меня главное — жить дальше.

Лонерин смотрел на небо, на потускневшие звезды и задавался вопросом, а стоило ли платить такую высокую цену за то, чтобы увидеть гибель своего врага.

— Завтра я научу тебя материализовывать дух, — прервал Сеннар его размышления.

Невысказанное недоумение Лонерина повисло в воздухе.

— Сегодня спать, а завтра работать, — заключил старый маг, глубоко вздохнув.

13

ШАГИ НАВСТРЕЧУ

Теана развернула на кровати густо исписанный лист пергамента. Дубэ наклонилась вперед, чтобы повнимательнее его разглядеть. Это был список, собственноручно

составленный девушкой-магом, в который были внесены книги и документы с приписанными сбоку ссылками на их местонахождение. И каждая запись помечалась легко узнаваемым символом: схематичным изображением грифона с неким подобием пятиугольника в клюве.

— В каталоге библиотеки много книг без названий, и все они обозначены этим символом. В шкафах, на их месте, мне встречались только копии, и, насколько я поняла, они представляют собой, в большинстве своем, завещания, хронологии и скрепленные подписями договоры. Возможно, разыскиваемые тобой документы находятся именно среди них.

Дубэ напрягла зрение. Она тщательно анализировала все увиденное ранее, пытаясь вспомнить каждое мгновение своего недавнего безрезультатного расследования. Она снова и снова перебирала в голове залы, стены, картины, даже мебель. Затем появился символ.

— Ты меня слушаешь?

Но Дубэ не слышала голоса Теаны. Она вдруг вспомнила полупустую комнату и рисунок на стене. Одна из изображенных фигур держала в руке пергамент с каким-то отпечатанным знаком. Это был тот самый ярко-красный грифон, которого показала ей Теана, и это место было далеко не единственным во дворце, где она встречала подобный символ.

— Дубэ, с тобой все в порядке? Ты какая-то странная, с тех пор как вошла...

— Я его видела, — ответила разбойница, открывая глаза. — Я видела этот символ. Сначала на одной картине, а потом на архитраве одного из коридоров. Еще на дверце буфета, правда очень маленький, почти невидимый.

Девушка-маг посмотрела на нее с изумлением, но улыбка надежды коснулась ее губ.

— Как назывались эти документы? — спросила Дубэ, беря в руки список.

Общие названия были таковы: «Документ от 15 марта», «Хроника от 23 декабря», «Книга, обнаруженная 18 января».

Что-то дрогнуло у нее внутри. А что, если они на верном пути?

— Это они, — прошептала девушка.

— Я знала, что пригожусь тебе, — ответила Теана с явной гордостью в голосе.

«Это правда. Она действительно молодчина», — подумала про себя Дубэ. Разбойница взяла в руки пергамент и, присев на кровать, принялась с жадностью его изучать.

— Нам нужно разыскать во дворце все эти символы, а затем выявить тот из них, под которым мог бы находиться нужный документ, — заметила она.

Теана сидела рядом и довольно улыбалась. Дубэ все больше проникалась к ней нежными чувствами.

Но очень скоро усталость взяла верх. Девушка вздохнула, а потом засунула пергамент под подушку.

— Знаешь, нам нужно отдохнуть, потому что скоро наступит утро, — произнесла она.

Дубэ легла в надежде сразу погрузиться в объятия сна. Она была измучена не столько своими ночными похождениями, сколько неожиданной активностью зверя, заставшего ее в тот вечер врасплох. Это случилось после встречи с Леарко, за пределами сада. Ночные беседы всегда приводили Дубэ в замешательство, и, спускаясь на нижние этажи, она вдруг, без видимых причин, почувствовала головокружение. Девушка оперлась о стену: у нее сильно заболела голова и она почувствовала знакомую боль, раздиравшую ее грудь изнутри. Едва возникнув, это ощущение сковало ее действия.

Разбойница подняла рукав и заметила, что символ на ее руке проявился снова. По мере надобности Дубэ маскировала его мазью Теаны, и действие снадобья длилось не менее двух дней. Но в тот вечер ощущалось легкое пульсирование печати и даже знаки, начертанные Теаной во время магического ритуала, приобрели мутный оттенок и заметно побледнели на ее коже.

Разбойнице становилось все хуже и хуже. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, потом посмотрела на руку — пульсация исчезла. Дубэ знала, что это не предвещало ничего хорошего, но она не хотела обращать на это внимание. Происходило что-то совсем другое,

значительно более важное для нее и имевшее косвенное отношение к Леарко.

Теперь они встречались с принцем почти каждую ночь, и всякий раз эти встречи приобретали для нее черты искушения. Сначала Дубэ считала, что Леарко мог оказать ей неоценимую помощь в успешном выполнении ее миссии. Но их общение не ограничивалось только темами, представлявшими особый интерес для разбойницы. Напротив, они, сидя на балконе, все чаще беседовали о прошлом. Леарко с такими же, как и она, мучительными переживаниями вспоминал о своем детстве, о войне, о службе у Форы, о встречах с отцом, которого ненавидел и любил одновременно. Девушка почувствовала, как постепенно привыкала к его рассказам. Раньше она думала, что никто не в силах представить себе весь ужас происходившего в ее судьбе. Каждая раскрытая тайна из собственной жизни заставляла учащенно биться сердце девушки. Но в конце концов она, незаметно для себя, стала все больше доверяться принцу.

Уже во время второй встречи Дубэ поведала Леарко о суде. Сначала девушка попыталась замаскировать правду, придерживаясь придуманного ею образа смиренной рабыни, но скоро поняла, что в этом не было особой нужды. Слова потоком лились из нее, да так, что она с трудом могла сдерживаться. В итоге она убежала, упрекая себя за дурацкое простодушие. Ей никак нельзя было терять бдительность: ведь она была убийцей и проникла во дворец с очевидной целью. Остального ей нельзя было даже касаться.

Дубэ поклялась больше не встречаться с принцем, но всего лишь один раз она не пришла в назначенное время. На следующий день Леарко встретил девушку в одном из подземных коридоров замка и, схватив ее за руку, вынудил посмотреть ему прямо в глаза.

— Что такого плохого я сказал тебе вчера?

— Ничего, — ответила она, опуская глаза.

— Так ты придешь завтра?

— Не могу, — произнесла Дубэ, кусая губы. Непросто было сопротивляться искушению, потому что одна половина ее души страстно желала продолжить встречи. Другая была категорически против — девушка понимала, что рано или поздно юноша возмутится тем, что узнает. Она должна убить его отца, и нет сомнения в том, что Леарко станет считать ее своим врагом.

— Но почему?

Дубэ умоляюще на него посмотрела:

— Я не могу, да и тебе не следовало бы этого делать.

Леарко пристально глядел на девушку.

— Завтра вечером я буду в саду. Если захочешь, ты сможешь меня найти.

И Дубэ с потными от волнения руками и опущенными глазами удалилась прочь. В присутствии принца ее лицо теряло то простодушное выражение, которое служило девушке маской; ее глаза снова превращались в два бездонных, полных мрака колодца.

Когда Дубэ возвращалась в свою комнату, она испытывала необыкновенное чувство облегчения: девушка снова становилась самой собой, как будто ничего с ней и не произошло.

Но с наступлением вечера она торопливо бежала по дворцу для того, чтобы с восходом луны снова оказаться под стенами сада. А принц с зелеными глазами, обмануть которые было невозможно, все так же сидел и ждал ее.

На этот раз Дубэ рассказала про свои тренировки и про то, как Учитель однажды заставил ее убить молодого оленя. Правда о прошлом выходила из уст растерянной девушки помимо ее воли. Свой рассказ Дубэ приукрашивала трогательными небылицами единственно для того, чтобы Леарко не заподозрил лишнего. Во всем этом было что-то пугающее и сладостное одновременно. Ни с кем еще в жизни Дубэ не была столь откровенна: ни с Дженной, с которым многие годы работала бок о бок, ни с Учителем, ни даже с Лонерином.

Леарко, казалось, впитывал ее страдания: он слишком хорошо понимал девушку. Он был похож и, одновременно, не похож на нее. Юноша так близко воспринимал ее боль и был так далек от того, чтобы освободить ее от этого бремени. Как могла она отказать ему?

Дубэ лишь на мгновение позволила себе подумать об этом, как сон полностью завладел

ею.

Весь следующий вечер девушка полностью посвятила своим расследованиям. Вплоть до нынешнего дня она каждую ночь шаг за шагом обследовала дворец. Ей удалось многое обнаружить, но ощущение того, что она движется вперед слишком медленно, не покидало Дубэ. Это, в свою очередь, отражалось на состоянии терзавшего ее проклятия. Вдвоем с Теаной они каждые два дня проделывали ритуал, поскольку уже на седьмые сутки Дубэ начинала чувствовать активность зверя.

За месяц работы во дворце разбойнице удалось снискать доверие дворцовой прислуги и на шаг приблизиться к королю с целью изучения его привычек. Дохор появлялся всегда в сопровождении двух человек в строгой темной одежде, без каких-либо опознавательных знаков. Оба телохранителя, казалось, имели слишком заурядную внешность, чтобы можно было их запомнить. Но Дубэ знала их. Это были убийцы: она видела их в день своего посвящения в Доме Гильдии. Оба, словно тени, повсюду следовали за королем. Один из них был личным дегустатором Дохора. По ночам они по очереди охраняли королевские покои. Дубэ, чтобы ободрить себя, без устали твердила про себя, что смогла уничтожить Реклу, одного из самых опасных стражей секты. И это позволяло ей преодолевать страх перед обычными убийцами.

Жизнь короля была подчинена довольно жесткому распорядку: подъем на рассвете, затем утреннее совещание с министрами, и в первую очередь с Форой, если тот в это время был во дворце. Далее час тренировки с оружием, несмотря на то, что на протяжении многих лет ему лично не приходилось участвовать в сражениях. Дубэ, прикинувшись больной, смогла проследить за Дохором. Тот факт, что обе девушки были на особом счету у Волько, очень помог ей в получении некоторых привилегий. Король неплохо владел мечом, но, видимо, нехватка боевого опыта отрицательно сказывалась на его мастерстве. Дохору перевалило уже за пятьдесят, и чуть замедленная реакция вполне соответствовала его возрасту.

Дубэ отчетливо понимала, что непросто будет его убить, но она была очень близка к тому, чтобы осуществить свой план. Разбойница решила начать действовать с наступлением ночи. Минув охранников, она под покровом темноты намеревалась проникнуть в комнату короля.

Но главное беспокойство девушке доставляли документы. Ей не удалось найти ни единого намека, она не услышала ни единого оброненного вскользь кем-нибудь слова, послужившего подсказкой в ее поисках. Поэтому открытие Теаны оказалось как нельзя кстати.

Лежа на кровати, Дубэ принялась подробно изучать перечень, составленный ее измученной спутницей, мирно спавшей рядом с ней.

Девушка обратила внимание на то, что напротив каждого наименования книги стоял номер. Дубэ отчетливо помнила день, когда она совершила кражу. Это было как раз в то время, когда зверь вошел в ее жизнь, — 16 октября. Она пробежала глазами весь список и вскоре обнаружила то, что ее так интересовало. «Кар. 1106».

Число было зашифровано, но удача сопутствовала девушке, потому что на самом деле в списке указывалось на шестнадцатое число десятого месяца. Дубэ позволила себе немного полизать, а затем прочла примечания. «Ш. Чет. Поз. Кн. Вос.»

Теана говорила, что тома разложены в определенном порядке по шкафам, порядковый номер и ряд которых значились в начале или в конце записи. «Ш.» — наверняка это шкаф, «Чет.» — должно быть, четвертый либо четырнадцатый. Но в таком случае книжный шкаф непременно должен быть очень высоким. Дубэ записала эти данные, а затем продолжила расшифровку. «Поз.», должно быть, указывало на местоположение документа, хранящегося позади чего-либо. В действительности многие манускрипты имели обозначение «Поз.» или «Пос.» — для того чтобы установить их место в ряду. «Кн. Вос.» — вероятно, восьмая книга, а может, восемнадцатая, хотя с трудом верилось в существование таких длинных шкафов.

Итак, документы находились в каком-то месте дворца, под одним из символов, в

четвертом шкафу, ряд второй, восьмая книга. Но где это может быть?

Дубэ тяжело вздохнула и положила голову на пергамент. Она не должна была падать духом. Наверняка девушка находилась в одном шаге от разгадки. Она понимала, что убийство Дохора было ей вполне по силам. Она представила, как входит в королевские покои и заносит над Дохором свой кинжал. Девушка нисколько не сомневалась, что на этот раз удовлетворение от убийства короля не будет иметь ничего общего с кровожадностью зверя. Это ликование разбойницы будет натуральным и искренним.

А что потом? Как-то разбойница услышала слова одного священника, утверждавшего, что жизнь есть вечное ожидание. Перед нами непрерывно возникают цели, которых мы добиваемся, и человеческое существование проходит в ожидании достижения заветных горизонтов. После каждого сделанного шага должны открываться новые пути, и так будет длиться до самой смерти. Итогом жизни Дубэ стало бы убийство Дохора и смерть зверя. Но могла ли она ответить, чего действительно страстно желала и для достижения какой цели приложила бы все свои усилия? Какую новую дорогу приоткроет девушке очередное совершенное ею убийство?

Лонерин очень часто задавал Дубэ этот вопрос. Разбойницу приводило в ярость сомнение молодого человека относительно истинности ее намерения спасти только собственную жизнь. «Но, может, он не ошибался», — думала про себя девушка. Перспектива возвращения в Макрат в качестве воровки грозила ей бесконечным одиночеством. Лонерин и Теана сражались за будущее Всплывшего Мира. А она? В ее душе только бездонная пустота.

Мысль о Леарко неожиданно вторглась в ее сознание. Принц также нес на себе это тяжелое бремя, но при этом находил силы идти своей дорогой. Он не останавливался виновато, а двигался дальше, оказывая сопротивление. Дубэ обнаружила, что оба верили в схожие ценности. Именно поэтому принц был для нее запретным плодом, который она не смела трогать. Ей не следовало бы ни о чем задумываться, если она действительно хотела уничтожить Дохора. Разбойница должна подавить в себе это увлечение. Придя к власти, Леарко, из мести за смерть своего отца, начал бы охотиться за ней по всему королевству. И даже если бы принц не захотел этого сделать, придворные вынудили бы его пойти на такой шаг.

Дубэ резко распрямилась.

«Он не чувствует, что мыслит так же, как и я. Мне следует быть уверенной в собственных поступках, как если бы это было то, о чем я больше всего на свете мечтала. Потому что мне не хочется умирать, а это — главное. Не хочу и не могу. И только это заставляет меня идти вперед».

Ощущение внутренней пустоты не покидало Дубэ. Лежа в темноте, она смотрела на Теану. В ее голове всплыл их недавний разговор.

«Чего ты достигла с этой внутренней безысходностью?»

14 РЕШЕНИЕ

В воздухе пахло кровью. Леарко уже научился распознавать этот металлический приторный запах. Поначалу он вызывал у принца приступы тошноты. Фора же, наоборот, считал его самым лучшим ароматом в мире и никогда не упускал случая наполнить им свои легкие.

Неистовый ветер поднимал вверх облака пыли. Вдалеке, выпуская клубы дыма, виднелся Тал, самый большой вулкан Земли Огня, но Леарко ничего не слышал. В его ушах все еще стоял звон от жалобных стенаний и ударов мечей. Сама смерть хозяйничала здесь, ее присутствие ощущалось в этой оглушающей и тягостной тишине. Юноша дрожал; его руки устали неподвижно держать меч. От крови они стали липкими. Принц еще надеялся заполнить своим дыханием эту мучительную пустоту. Но кажется, что тишина поглощала все на своем пути, даже свистящий звук вдыхаемого и выдыхаемого его легкими

воздуха.

Земля была сплошь покрыта трупами. Виднелись еще дымившиеся развалины домов. Принц чувствовал, как они следили за ним своими пустыми глазницами окон. К шестнадцати годам он успел увидеть столько кровопролития, что обычному человеку хватило бы на целую жизнь. Форa, с тех пор как вынудил Леарко расправиться со стариком, всегда посылал его на передовую, непременно требуя, чтобы тот воевал открыто и не прятался за спинами товарищей. Но у принца больше не было страха перед смертью, потому что он знал — она могла даровать ему способ избавления от этих мучений.

Юноша был вынужден видеть разоренные селения с кружащими над ними стаями воронов и добывать людей, умиравших в предсмертной агонии.

— Сходи на разведку, но не оставляй свидетелей, — приказал принцу его дядя.

Этот приказ Леарко слышал и раньше, но все еще не мог к нему привыкнуть. Принц не был убийцей по своей сути. Во время сражений он убивал противника потому, что только инстинкт самосохранения вынуждал его к этому. В действительности среди всего этого горя он страстно пытался услышать похвалы своего отца. Но тот никогда не удостоивал принца ни единым добрым словом. Всякий раз, возвращаясь во дворец, Дохор прежде всего ожидал услышать подробный отчет о происходящем от своего верного наместника. Он не доверял словам сына, который между тем в ожидании своей очереди стоял, склонившись перед троном. Если в своем докладе Форa слишком хвалебно отзывался о принце, то король игнорировал его успехи, считая такое поведение его прямым долгом. Но стоило Дохору узнать о постоянном непослушании сына, как тут же презрительные оскорбления сыпались в адрес принца.

Кому нужна эта жестокость? Леарко пытался сражаться с еще большим рвением, задыхаясь от тошноты и отвращения к самому себе, бесстрашно следуя примеру неутомимого Форы. Но для чего все эти усилия, если потом отец их даже не оценит? Принц никогда не сможет быть похожим на первого Леарко; что бы юноша ни сделал, он всегда будет лишь бледной тенью своего брата.

Погруженный в эти мысли, Леарко сначала слышал звон меча, а затем глухой и тяжелый звук приближавшихся шагов. Это был Форa. Юноша узнал бы его из тысячи других звуков, но он не стал оборачиваться и позволил ему приблизиться к себе.

— Хорошая работа, — произнес дядя, хлопая племянника по плечу. Наконец-то тишина нарушена.

Но Леарко чувствовал внутренний надлом: весь ужас произошедшего открылся ему только сейчас. Слепленный желанием угодить отцу, он наряду с другими солдатами участвовал в уничтожении отрядов восставших, тем самым позволяя Форe истреблять ни в чем не повинных жителей.

Душераздирающий крик, зародившийся в его душе, на целый день заглушил все остальные чувства. Принц не слышал ни возгласов ликования, ни одобрительных слов Форы, ни похвал других солдат, которые, наконец, признали его своим. Леарко, отрешенно двигаясь, ощущал, что зашел за последнюю черту, которую не имел права переступить. Теперь он такой же соучастник этих зверств, как и все остальные.

С наступлением вечера языки костра ярким светом озарили темноту. Пламя охватило груды тел, уничтожая всякое воспоминание об этом селении.

— Такое повторится с каждым, кто осмелится выступить против нашего короля, — выкрикивал Форa.

Вдруг принц упал позади шатра, сотрясаемый позывами к рвоте.

— Слабак, — увидев его, прошипел сквозь зубы дядя.

Обессиленный юноша повернулся к нему лицом.

— Эй ты, тряпка, как тебе это зрелище? Это казненные повстанцы.

— Там были женщины и дети...

— Которые затем выросли бы! Они обучают владению мечом женщин и детей,

заставляя их тренироваться на куклах с лицами похожими на твое и твоего отца. А ты знаешь, что они до смерти забили камнями наших посланников, направленных в эти места?

Леарко молчал. Нет смысла говорить: Форя принадлежал к другому миру, ему не дано было понять то, что чувствовал принц в своем сердце. Никакое прегрешение не заслуживает такого зверского наказания, какое войска короля учинили над этим селением. Ребенок есть ребенок; и даже под доспехами воина течет кровь обычного мальчишки.

— Встань и прекрати устраивать спектакль. Война — это пища любого уважающего себя короля. Привыкай, иначе сегодня вечером снова отведаешь моего кнута.

Леарко покорно встал на ноги и тыльной стороной руки вытер рот. Уже не имела значение причина, по которой он больше не мог сопротивляться, а тем более обо всем забыть.

В самом разгаре бурного веселья он, никем не замеченный, покинул пирушку и удалился в свою палатку. Все были слишком заняты собственными забавами, чтобы уловить полную пустоту в его глазах.

Принц сел на скамейку и взял в руки меч. Его лезвие так призывно сверкало. Юноша вонзил его в свою руку. Последнее, что он увидел, — это перекошенное от ужаса лицо Форы, входившего в палатку.

Леарко показал Дубэ левую руку. На ней виднелся белесый, чуть впалый шрам, пересекавший запястье от края до края. Девушка смотрела на него, словно под гипнозом. Шрам блестел при бледном свете луны. Девушка протянула пальцы, чтобы прикоснуться к нему, и дрожь пробежала по ее спине. Оба молодых человека сидели в затененной части сада: никто не мог их видеть, тем более помешать им.

— Не знаю, для какой цели Форя разыскивал меня. Мне также неизвестно, было ли это чудом или злым роком. Дядя принялся вопить как одержимый, вызвал священника и двух магов. Я почти сразу потерял сознание. Знаю только, что очнулся на следующий день и что меня буквально вырвали из объятий смерти.

Леарко смотрел впереди себя. Дубэ, глядя на его печальный профиль, подумала о схожих моментах в своей судьбе, когда и она вынашивала подобную мысль. Разбойница хотела расстаться с жизнью после того, как умер Учитель. В последний раз это желание возникло у девушки, когда она, оказавшись в пещерах Неведомых Земель, поскользнулась и скатилась на самое дно озера.

— И на этот раз мой отец остался равнодушен. «Ты совершил глупость и повел себя как слабак. Но ты еще мальчишка и пока не в состоянии ничего понять. Поэтому я сделаю вид, что ничего не произошло». Это все, что он сказал, а затем отправил меня на месяц адъютантом к Форю.

Леарко повернулся и взял девушку за руку. Она не знала, как ей избежать этой близости: ее ладонь неподвижно лежала в его руках, ощущая их прохладное прикосновение.

«Руки, которые, как и мои, привыкли убивать».

— Со мной было то же самое, — произнесла она в одно мгновение.

«Не рассказывай ему про это, не смей...» Но молчать Дубэ не могла. Слова, будто камни, срывались с ее губ.

— Это случилось тогда, когда погиб человек, спасший мне жизнь.

Девушка надеялась, что принц ее прервет и ей удастся как-нибудь выскользнуть, но, словно зачарованная, она не смогла сдвинуться с места.

— Это был мой Учитель, и я сама убила его.

Голос Дубэ срывался, но она все равно продолжала свой рассказ:

— Когда он, спасая мне жизнь, был ранен, я решила вылечить его травами. Чтобы помочь ему выздороветь, я, по указаниям книги о лекарственных растениях, приготовила мазь. Мне очень хотелось, чтобы он поправился и перестал смотреть на меня с такой болью в глазах. Затем я натерла Учителя лечебным составом, и вдруг он начал дрожать прямо у меня на руках. С улыбкой он шептал, что скоро все будет кончено. До этого Учитель никогда не

улыбался. Я обняла его, отчаянно умоляя не бросать меня одну, но спустя некоторое время его бездыханное тело упало мне на руки. Позже мне удалось обнаружить подмешанный к лекарству, в котором я смачивала повязку, яд, и я поняла, что он медленно умирает от отравления, он хотел, чтобы именно я убила его. Вот так, ничего не подозревая, я выполнила его желание.

Девушка резко отвернулась, боясь встретить в глазах принца все ту же ненавистную ей жалость, которую испытывал к ней Лонерин. Она поняла, что больше не сможет вынести этого, и в ее глазах заблестели слезы.

Но Леарко обнял Дубэ, давая ей возможность выплеснуть свои эмоции наружу. Горячие слезы скатывались у нее по щекам, и девушка наслаждалась каждым мгновением этого прикосновения, такого близкого и такого внезапного. Потом принц обхватил лицо Дубэ руками и приблизился к ее губам. Это было похоже на приближение к пропасти, когда хочется остановиться и падать одновременно. Соблазн был слишком велик, и Дубэ, наконец, сдалась. И в одно мгновение сладость поцелуя наполнила ее душу новым ощущением, прекрасным и опасным. Губы юноши были мягкими и влажными, и девушка почувствовала разливавшееся по телу тепло, одолевавшее постепенно ледяной холод ее души. Дубэ раскрыла глаза, опасаясь, что все это только мираж. Затем она пришла в себя и с силой отпрянула назад. Ее взгляд был полон укора и неверия в происходящее.

Принц казался смущенным.

— Прости меня, я...

Не дав ему договорить, девушка резко вскочила и, не промолвив ни слова, направилась к галерее. Юноша догнал ее и взял за руку.

— Мне очень жаль, я не хочу, чтобы ты убегала от меня...

— Я не могу, — промолвила Дубэ, стараясь не смотреть ему в глаза. Затем она высвободила свою руку и устремилась в подземные лабиринты дворца.

Разбойница бежала до самой комнаты, однако войти не осмелилась. Там была Теана, а Дубэ нужно было остаться в этот момент одной. Она направилась на кухню, открыв дверь ключами, оставленными ей Волько для того, чтобы иметь возможность выполнять свою работу в любое удобное для нее время.

Дубэ села на пол, обняла колени и горько зарыдала, задыхаясь от всхлипываний, она была растеряна и взволнована. Все еще ощущая мягкость губ Леарко, она осознавала, что ее снова безудержно к ним тянет. Девушка страдала, потому что была уверена — больше она не сможет без этого жить. Юноша, словно наркотик, проник глубоко ей в душу и обманом отравил ее. Дубэ никогда не сможет освободиться от проклятия, если не поступит своими чувствами к принцу и не убьет его отца. Но теперь она отчетливо понимала, что и от Леарко ей также уже не будет спасения.

Опустив голову в колени, она с улыбкой отчаяния на лице задавалась вопросом, а не было ли ей лучше тогда, когда еще не существовало в ее жизни этого лучика счастья, даже малейшей надежды на него. Видеть его и знать, что он недостижим, — от этой мысли страдания девушки становились еще сильнее.

Дубэ вернулась в комнату с красными от слез глазами и затуманенной головой. Теана спала безмятежным сном в своей кровати. Разбойница осторожно вытащила пергамент с записями и принялась рассматривать составленную ею карту дворца.

Пришла пора действовать. Только так можно положить конец этим бессмысленным грезам, заполнявшим все ее ночи напролет. Правы были в Гильдии те, кто считали, что она рождена быть убийцей и ничего уже не изменить в ее судьбе. Поэтому девушка сделает то, что должна, с Леарко или без него. Она была холодна и исполнена решимости, так же как и в тот вечер, когда вместе с Сарнеком решила пойти по пути убийств. Лонерин учил ее принимать решения. Вот и сейчас она приняла четкое и окончательное решение.

Дубэ посмотрела на карту, мысленно отмечая на ней те места, в которых, как ей

казалось, она встречала показанные Теаной символы. Затем девушка наметила маршрут своей следующей вылазки и убрала карту. Рассвет был не за горами, и разбойнице нужно было поспать хотя бы часа два, чтобы набраться сил к следующему дню.

Упорно лежа на одном боку, Дубэ долго не могла уснуть. Время от времени ей приходилось смахивать слезы, катившиеся из глаз вопреки ее воле. И вплоть до самого рассвета поцелуй Леарко горел у нее губах.

15 ПРАВДА

Леарко так и не вернулся в свою комнату. Его ноги гудели от дикого иступления, мешавшего ему остановиться и несшего его стремительно по саду. Все мысли принца были только об одном: кто она, эта девушка Саннэ? И почему он так доверился ей, не приняв никаких мер безопасности? Теперь, когда она ушла, все показалось ему в ином свете. Та духовная близость, которую он почувствовал изначально, была чистой воды иллюзией. Эта девушка продолжала оставаться незнакомкой с мрачным и загадочным прошлым. Все дело было в его отчаянном желании доверить кому-либо собственные грехи, показывая себя с самой лучшей своей стороны. Теперь принц понимал, что вел себя безответственно.

Леарко сел в угол и обхватил голову руками. Юноша никак не мог успокоиться. Его терзал образ Саннэ, щурившей глаза, ее губы... Она была так непозволительно прекрасна, что он чувствовал свою полную неготовность противостоять последствиям этого поступка. Может, оттого, что не было в его жизни других женщин.

Фора приводил принцу проституток, но тот не касался их даже пальцем. Дядя повторял всегда, что мужчине нужна не любовь, а плоть. Но Леарко чувствовал иначе. Глядя на лица этих женщин, он вспоминал предсмертные агонии убитых в этот день. Принц слишком хорошо знал, что такое боль, чтобы позволить себе пренебрежительное отношение к чувству любви и нежности. Он знал, что, с согласия отца, поздно или рано ему суждено будет жениться на какой-нибудь знатной особе из другого государства, для того чтобы продолжить род и сохранить преемственность власти. Бессмысленный и лживый союз.

Но с Саннэ все было совсем не так. Несмотря на роившиеся сомнения, принц чувствовал, что их взаимоотношения искренни. Он понял это в тот момент, когда девушка прижалась к его груди. Ее сердце учащенно билось, и не было сомнений в чистоте этого душевного порыва.

Своим поцелуем принц смутил девушку, заставив ее подчиниться его воле.

Принц резко встал и направился в свою комнату. Он не должен больше ее видеть. Ужасной ошибкой стало его стремление приблизить Саннэ к себе, и Леарко не хотел больше допускать этого впредь. Чеканным шагом он проследовал по коридорам, впервые не обращая внимания на грохот, который при этом производил. Затем, сделав последний поворот, юноша остановился как вкопанный. Около своей комнаты он встретил Неора и тут же внезапно покраснел, в полной уверенности, что дядя сможет догадаться по его лицу обо всем, что с ним случилось.

— Не можешь уснуть? — вопросительно глядя на принца, спросил его дядя.

— Нет. Слишком много воспоминаний, — отрезал принц, берясь за ручку двери. — А ты?

— А я ищу тебя.

Леарко этот ответ совсем не понравился. Он молча открыл дверь и впустил Неора.

Дядя уселся в кресло в глубине комнаты и стал рассеянно глядеть в окно на сад. Принц закрыл дверь на ключ и в ожидании сел на край кровати. Неор глянул в глаза Леарко, и тот понял наконец цель неожиданного визита своего родственника.

— Через неделю будет церемония.

Юноша вздохнул, проводя рукой по волосам. Настал час расплаты.

— Ты подумал? — не отступал дядя.

У принца не было даже времени, чтобы ответить.

— А я между тем пошел еще дальше, — добавил Неор язвительно.

Леарко почти не испытывал страха и позавидовал ледяному спокойствию своего дяди; временами ему также хотелось обладать такой необычайной силой духа.

— Я — не единственный человек, кто не одобряет политику твоего отца.

— Он — деспот, — произнес Леарко без обиняков, заметив с досадой, что высказал вслух довлевшее над ним признание. — Более того, я на его стороне, потому что он сильнее. Хотя, безусловно, у него нет недостатка во врагах в разных землях.

— Ну, если на то дело пошло, нет в них недостатка и при дворе. Земля Солнца страдает от голода по вине его ненасытной жажды к завоеваниям.

Леарко прислонился спиной к изголовью кровати.

— Я знаю.

Разговор был мучительным для него.

— Эти люди с радостью приняли бы иного, более разумного правителя...

— Такого, как ты? — в его вопросе прозвучала произвольная издевка.

— Такого, как ты.

Эти слова, словно осколки скалы, обрушились в тишине комнаты.

Неор продолжал:

— Я уже стар и слаб, дорогой племянник. Умеренное крыло нашего Совета одобряет твое поведение и твое отрицательное отношение к войне. Слухи о твоём великодушии облетели все королевство. Народ тебя любит.

— Люди мне льстят, — поправил его юноша.

Неор улыбнулся:

— Я открою тебе глаза, Леарко. Это не лесть. Ты можешь вызвать к себе любовь, в отличие от твоего отца, порождающего только страх и ненависть.

При этих словах Леарко вскочил на ноги.

— И что из этого следует?

— Из этого следует, что народ готов свергнуть Дохора и поставить тебя на его место.

Леарко бросило в холодный пот. Он стал взволнованно ходить по комнате взад-вперед. Принц задыхался от избытка чувств.

— Но ты требуешь убить его?

— Я прошу спасти твое королевство.

— Но при этом убив моего отца.

— Не обязательно.

Такой ответ застал принца врасплох. Он никогда всерьез не думал стать королем. Иногда он восставал против отца, но смешанное чувство любви и ненависти к нему всегда сдерживало подобные мысли. И вот теперь такую возможность преподносят ему на блюде.

— Я думал, что ты уже принял решение, в конце концов, я дал тебе достаточно времени на раздумья, — продолжил Неор. — Знаю, что это не просто, потому что он твой отец, но нужно делать выбор.

— Дело не в этом, — сказал, вздыхая, Леарко. — Я еще очень молод, а ты призываешь меня встать во главе заговора и занять трон. Мне очень жаль, но я еще не готов...

В глубине души принц понимал, что это было всего лишь оправданием его нежелания перейти к столь решительным действиям. Может, его мать и была права в том, что он несет ответственность за веру в будущее.

Это был его искупительный шанс.

— Найдется много придворных, готовых помочь тебе в управлении королевством. В конце концов, тебе нужно будет заботиться только о Земле Солнца. Остальные провинции будут возвращены их законным правителям. А ты, Леарко, сможешь стать таким же правителем, как Наммен, ведь именно таким ты всегда хотел быть.

Леарко усмехнулся. Наммена принц еще с детства считал мифологическим героем. Это

был единственный эльфийский король, который, будучи абсолютным монархом Всплывшего Мира, вернул земли их народам, для того чтобы они сами избрали себе королей. Для многих он был безумцем, а для Леарко — настоящим героем.

— Я не могу отвечать за собственную жизнь, а тем более за целое королевство... — ответил он с досадой.

— У тебя есть все задатки великодушного короля, о которых ты и сам едва догадываешься. Ты образован и благоразумен, знаешь свой народ и любишь его и всегда готов на компромисс.

Неор встал и посмотрел принцу в глаза. Леарко отвел свой взгляд. Он почувствовал себя словно в западне. Поцелуй Дубэ все еще пылал на его губах; решиться на такой шаг с ходу казалось ему делом непосильным.

— Я не пойду на это, — сказал он виновато.

Неор не смутился ответом принца.

— Понимаю тебя, но не принимаю. Однако знай, что все равно мы будем добиваться своей цели, с тобой или без тебя. Мне очень жаль, но каким бы ни был твой выбор, ты должен занять твердую позицию.

— Это угроза?

— Это констатация факта.

Дядя принца шагнул к двери.

— Подумай хорошенько. Пришла пора тебе понять, в чем твое призвание. Ты уже далеко не мальчик, как тебе кажется, и должен вести себя, как мужчина. Каждый из нас за что-нибудь сражается, Леарко. У тебя есть еще немного времени, чтобы провести его с пользой.

Неор открыл дверь.

— Я верю в тебя, помни об этом, — сказал он, поворачиваясь спиной.

Леарко ничего не ответил, лишь печально посмотрел вслед исчезающей в полумраке коридора фигуре в плаще.

На следующий вечер Дубэ возобновила свои поиски. Заставить свое тело снова двигаться было единственным известным ей способом излечиться от физических и душевных страданий.

Она неторопливо собиралась, наслаждаясь каждым движением своего тела, знаменовавшим возвращение прежней, настоящей Дубэ. Пришел конец детским играм; действительность была гораздо печальнее и суровее. Она — разбойница, и ничего нельзя с этим поделать. Девушка облачалась в привычную одежду, как священник перед мессой, укладывая, подобно невесте, на голове свои волосы.

«Жаль, что нет здесь моего оружия», — подумала она. Впрочем, одного кинжала, пожалуй, будет достаточно. Для того чтобы чувствовать себя уверенно, девушке хватало малейшего прикосновения к холодному металлу. Она открыла дверь и ринулась в сонное безмолвие дворца. В эту ночь разбойница должна была приступить к изучению этажей знати.

Дубэ отправилась на разведку через сад. Девушка окинула взглядом укромный уголок, ставший на целый месяц местом ее ночных свиданий с Леарко. Принца здесь не было, но ее сердце все равно трепетно сжалось.

На этаж она проникла через запасной вход, проскользнув мимо пьяного охранника. Интересовавшая девушку комната находилась в самом конце коридора и никем не охранялась.

Следуя незамеченной в такт ритмичным шагам стража, Дубэ отстала от него, а затем, когда шаги охранника почти стихли, открыла дверь и проникла вовнутрь помещения.

Зал был пуст. Было ли это самовнушением либо проклятие на самом деле с новой силой давало о себе знать, но разбойница вдруг почувствовала неистовый вопль зверя в своей груди. Ее неразлучный и ненавистный спутник вновь жаждал крови.

Дубэ приблизилась к тому месту, где до этого видела убийцу. Здесь стоял стол, а на нем

ларец с несколькими маленькими ящичками, запертыми на ключ. Дубэ подошла поближе и провела ладонью по поверхности ларца, она была гладкой и немного липкой из-за нанесенного на него блестящего лака. Один из ящичков не был идеально гладким, казалось, на нем что-то нацарапано. Это была едва заметная гравировка, и Дубэ сразу узнала контуры грифона с пятиугольником в клюве. Затем девушка внимательно изучила отверстие. Если бы у нее были с собой ее отмычки, то вскрыть эти ящики не составило бы особого труда. И все же она решила попытаться.

Девушка вытащила из ремня отломанный как-то заостренный зубец вилки. Это приспособление она припасла для разных непредвиденных ситуаций, подобных этой.

Руки разбойницы немного дрожали, поэтому на вскрытие она потратила чуть больше обычного времени. Наконец раздался щелчок — замок открылся. Она потянула на себя выдвижной ящик, и тот плавно выкатился ей навстречу.

Изнутри ящик был отделан красным бархатом. В нем едва мог поместиться квадратный кусок пергамента шириною в палец. Он был пуст, но это не остановило Дубэ. Ногтем она провела по внутреннему краю обшивки ящика и приподняла ткань. Там она обнаружила аккуратно сложенный лист бумаги, который не сразу можно было заметить. Вспотевшими руками девушка достала документ и развернула его.

Это было совсем не то, что она искала: завещание о наследовании имущества от 13 мая. Разбойница тяжело вздохнула. Тогда она взяла лист с записями Теаны и отыскиала в нем примечание, стоявшее напротив документа от того же числа.

«З. Г., кн. чет.» Дубэ, немного поразмыслив, предположила, что эти буквы указывали не на стеллажи или книжные шкафы, а на что-то другое. И вдруг все ей стало предельно ясно. Зал, в котором она находилась, назывался Васильковым. Поначалу девушка не придавала этому значения, хотя сама в своей карте записывала названия комнат именно так, как их обычно называли слуги. Разбойница сосчитала ящики. Найденный ею документ находился в четырнадцатом по счету. В таком случае «кн.» или «книга» — всего лишь иносказательное обозначение ящика, следовательно, «чет.» — четырнадцатый.

Дубэ ликовала: она приближалась к разгадке.

Девушка осторожно сложила документ и положила его на прежнее место. Она закрыла ящик таким образом, чтобы никто не смог обнаружить и малейшего подвоха. Затем разбойница уселась на пол, раскрыв записи Теаны. Она отыскиала название книги, стоявшее напротив интересовавшей ее даты: «З. Кв. ли. вос.»

Дубэ в уме перебрала названия всех комнат: тронный зал, зал Охоты, Аудиенцзал, Капитулярный зал, гостиная принца, зал королевы, первый салон, представительский зал и... квадратный зал.

Эта комната была небольшой и имела четыре неохранных входа. На одной из стен она заметила разноцветный гобелен, сюжет которого рассказывал об истории семьи Суланы.

Разбойница резко открыла глаза. Без всякого сомнения, документы находились именно там.

Девушка встала, осторожно вышла из комнаты и направилась по лабиринтам дворца.

Она прекрасно знала дорогу назад, но одна неприятная неожиданность застала ее врасплох. Охранник, патрулировавший коридор, к которому примыкали ведущие в зал лестницы, шел как раз навстречу девушке. Дубэ спряталась за одним из выступов стены и затаила дыхание.

Она достала из-за пояса кинжал и напряженно притаилась в тени. Солдат неумолимо приближался, и Дубэ приготовилась к атаке; но именно тогда, когда казалось, что столкновение неизбежно, страж повернул в другой коридор и удалился прочь.

Дубэ, не мешкая ни секунды, стремглав бросилась к лестнице, а затем вошла в квадратный зал. Стражи в этой части дворца охраняли комнаты по очереди. Оглядываясь вокруг, девушка поняла, что это место было самым лучшим для хранения ценных вещей. Другие три двери вели к покоям знати, в сад и представительскому залу — это обстоятельство серьезно затруднило бы работу любому, решившему выкрасть что-либо из

этой комнаты, потому что здесь отсутствовали надежные пути к отступлению.

Дубэ попыталась успокоиться: она была на правильном пути, и ей следовало бы хорошенько обдумать свои действия в условиях весьма ограниченного времени. Девушка глубоко вздохнула и вспомнила про примечание на листе: «кн. вое.»

Она бегло осмотрела гобелены, но они состояли из очень большого количества частей, имели множество деталей и богатую цветовую гамму. На одном из гобеленов Дубэ узнала молодую королеву Судану, державшую за руку первого Леарко, и Карву, основателя рода. Но девушке так и не удалось понять, какое отношение это могло иметь к разыскиваемым ею документам. Разбойница не позволила себе впадать в отчаяние и закрыла глаза, чтобы не отвлекаться. Это был глубокий анализ всего виденного ею: именно так она могла найти недостающую примету. Шум шагов прервал ее размышления.

Она обернулась и сжала в руке рукоять кинжала.

Этого еще не хватало.

Она притаилась у того входа, за которым раздался подозрительный шум, и приготовилась к нападению. Едва неотчетливая фигура входившего человека переступила порог комнаты, как разбойница свободной рукой зажала ему рот и, ударив по голове, прижала к стене. Дубэ занесла кинжал, готовая в то же мгновение нанести со всей силой удар, но, когда ее оружие было уже у горла жертвы, ее рука замерла. Перед ней с вытаращенными от изумления глазами стоял Леарко. Девушка почувствовала его пронзительный взгляд и сразу опустила руку.

— Кто здесь? — донесся голос с лестницы. Немного погодя в коридоре послышался металлический звон вынимаемого из ножен меча. Дубэ почувствовала, как обмякли ее ноги. Тогда Леарко быстро вытолкнул ее из зала и втолкнул в полуприкрытую дверь бокового прохода.

Принц подал Дубэ знак не двигаться, в то время как сам, поправив на себе одежду и стараясь принять прежнюю осанку, стал дожидаться прихода охраны.

— Это я, — с ледяным спокойствием ответил принц, когда на пороге появился солдат.

— Прошу прощения, ваше высочество, я не знал, что вы здесь... — Голос охранника прозвучал у самой двери. До ушей Дубэ донесся звук вкладываемого в ножны меча, а вскоре она услышала, как вошедший человек упал на колени.

— Ты не должен извиняться, солдат. Ты всего лишь выполняешь свой долг. А теперь иди.

Как только молодые люди остались одни, принц схватил девушку за руку.

— Молчи и следуй за мной, — приказал Леарко.

Дубэ ни слова не сказала в ответ. Она позволила тащить себя по коридорам дворца, до тех пор пока оба не достигли крутой железной лестницы. Разбойница догадалась, что юноша вел ее в сушильную комнату, расположенную в невысокой мансарде; охранники редко навещали туда.

Едва войдя в комнату, Леарко швырнул девушку на пол, ничуть не заботясь о возможных ушибах. Одна рука принца сжимала меч: таким серьезным она не видела его ни разу.

— Что ты там делала?

В этом человеке не осталось ни следа от того юноши, с которым она сблизилась во время их тайных свиданий. Его взгляд был холоден и враждебен.

«Ты должна его убить, — с болью говорил ей внутренний голос. — Ты должна была сделать это еще там, на поляне, после схватки с бандитами. Вчера вечером ты приняла или нет окончательное решение?»

— Почему ты так одета? — не отступал он.

Девушка, не отводя от него взгляда, продолжала думать о том, что в тот самый момент непременно должна была убить принца.

— Я привел тебя сюда, вместо того чтобы отдать в руки охраны. Знаешь, что это значит?

В словах Леарко слышались отголоски нежности, но Дубэ только засмеялась ему в ответ. Он ровным счетом ничего о ней не знал, и даже теперь не мог ничего понять. Ее рот скривился в улыбке. Леарко непонимающе смотрел на нее в упор.

— Можно узнать, чем я тебя рассмешил?

Дубэ посмотрела ему в глаза, и ее вчерашняя уверенность пошатнулась. Вопреки всякой логике, какая-то часть ее души продолжала верить в то, что возможен другой конец и что он действительно ее спасительный якорь.

— Забавно, что ты не имеешь ни малейшего представления о том, кто я такая на самом деле... — произнесла девушка с напускной издевкой.

Леарко вынул из ножен меч и приставил его острие к ее горлу.

— А так уже не смешно?

Улыбка не исчезла с лица разбойницы.

— Я могла убить тебя в любой момент. Не хватило бы и трех мечей с двумя охранниками в придачу, чтобы остановить меня.

«Пелена спала, и с нею вся ложь. Наконец ты поймешь, кто я такая на самом деле, и это будет последнее, что ты сможешь сделать перед смертью», — подумала девушка. Волна холода поднялась от ее сердца до самой головы.

Леарко не скрывал своего разочарования.

— Кто ты на самом деле?

Возникла пауза, во время которой никто из молодых людей не нашел в себе сил продолжать и дальше разыгрывать этот фарс.

— Меня зовут Дубэ.

Лежавшая на мече рука Леарко чуть дрогнула, но принц снова крепко сжал ее.

— Ты здесь, чтобы убить меня?

— Нет.

— Тогда моего отца.

Это простое утверждение он вымолвил почти со стыдом.

Дубэ закрыла глаза и только кивнула.

Суровое выражение постепенно исчезало с лица Леарко, и девушка смогла разглядеть за этой позой воинственного принца того юношу у ручья, которому она доверила свое прошлое.

Что-то нестерпимо горькое вдруг вспыхнуло у нее в груди. Слезы выступили на глазах разбойницы.

— Тебя послала Гильдия?

— Нет.

— Идо?

— Нет.

Дубэ отвела свой взгляд, не в силах выдержать этот допрос.

— Мой дядя? — спросил принц после секундной паузы.

— Нет, — ответила печально Дубэ. Она чувствовала, что больше не в силах сдерживать слезы.

Леарко все еще держал меч на горле девушки. По его глазам Дубэ прочла, что этот жест стоил ему невероятных усилий.

— Мне нужна правда, и будет лучше, если ты во всем признаешься. Иначе я убью тебя.

Он явно не шутил, потому что эти слова были произнесены тоном человека, которому нечего было больше терять. Дубэ почувствовала, как слеза скатилась у нее по щеке. Не самый плохой конец, в том случае, если смерть настигнет ее от руки Леарко.

— Я здесь, чтобы убить твоего отца, но меня никто не посылал. Это касается лично меня, — чуть слышно проговорила Дубэ.

— Ради этого ты устроила все таким образом, чтобы я спас тебе жизнь, а затем хитростью проникла во дворец.

Некий внутренний голос неистово кричал в ее душе, заглушая все прочие звуки. Но как

объяснить ему это? Как сказать ему, что все, что было между ними, никак не связано с ее миссией, а, наоборот, было лишь дополнительным препятствием на ее пути? Как объяснить ему, что она, вопреки всякой логике и здравому смыслу, была влюблена в него? Как сказать ему, что она в действительности даже себе самой не могла в этом признаться?

— Все совсем не так, — выпалила она разом.

Теперь засмеялся Леарко.

— Ты лжешь, — сказал он презрительно.

— Нет, это не так. Я здесь потому, что год назад твой отец спас свою жизнь ценой моей жизни и единственное, что я теперь в состоянии сделать, чтобы избежать ужасной смерти, так это убить его.

Это признание не убедило Леарко, и он чуть сильнее надавил на меч.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что я никогда не обманывала тебя.

Принц разразился смехом, и девушка почувствовала, как падает вниз.

— Ты все время мне лгала: и про твоё имя, про то, кто ты и откуда...

— Нет! Все, что я тебе рассказывала о моем прошлом, — чистая правда!

Слезы неудержимо текли по ее щекам.

Девушка подняла рукав рубашки, действие магии Теаны уже подходило к концу: символ страшного проклятия снова неистово пульсировал на ее руке. Она показала клеймо принцу и, не переставая всхлипывать, рассказала ему о своем обмане.

Дубэ рассказала о краже, не умолчав ни об одном из содеянных ею ужасных злодеяний. Она поведала Леарко о своей долгой и мучительной дороге к своему спасению и о единственно возможном способе остаться в живых, о котором она узнала от Сеннара: убить того, кто был виновен в ее проклятии. Закончив свой рассказ, она почувствовала полное внутреннее опустошение, бессилие и усталость от этой своей боли, но до некоторой степени и удовлетворение. Теперь принц знал все, и уже не имело значения, что будет потом.

Леарко медленно опустил меч и сел на пол рядом с ней. Он тяжело вздохнул, проводя рукой по волосам.

— Что мне с тобой делать? — спросил он, глядя на девушку с печальной улыбкой.

Дубэ сидела неподвижно.

— Убей меня, — сказала она спокойно.

— Что?

— Иначе я буду вынуждена убить тебя. Выбора нет: ты должен спасти своего отца, а я свою жизнь.

Леарко посмотрел на нее с таким отчаянием, что девушка почувствовала себя совершенно несчастной.

— А почему я должен делать это? — произнес наконец принц. — Почему я должен защищать человека, который живет за счет смерти других людей? Нет уж, увольте. Я не буду тебя останавливать, — добавил он, отбрасывая в сторону свой меч. — Хочешь убить меня? Вперед! — Его глаза лихорадочно сверкали. — Если все, о чем ты мне рассказала, правда, убей меня сейчас, — закончил он, указывая на кинжал, который Дубэ все еще держала в своей руке.

Разбойница подняла кинжал: это был подарок Учителя... Затем резко отшвырнула его в сторону. И еще не стих звон ударившегося об пол металла, а девушка кинулась на шею Леарко и отчаянно разревелась у него на груди. Принц неподвижно сидел в ее объятиях, но Дубэ достаточно было просто прижаться к нему и обо всем забыть.

Но вскоре рука принца медленно поднялась вверх по ее спине и остановилась у шеи, заставив девушку вздрогнуть от удовольствия. Леарко поцеловал ее, так же как и в первый раз, и этот поцелуй длился вечность. У Дубэ возникло ощущение, что в ее жизни произошли необратимые изменения. Было бы безумием пытаться идти своей дорогой, делая вид, что никогда не было в ее жизни Леарко, только для того, чтобы снова стать той же, что и год назад.

Наконец девушка почувствовала себя свободной: Учитель и Лонерин превратились в сладостные, но такие далекие воспоминания. Было только безмолвное слияние с телом Леарко, обнимавшего и ласкавшего Дубэ, с его руками, слегка касавшимися изгибов ее шеи и груди.

Принц нежно снял с девушки жакет и осторожно опустил ее на пол, а она изо всех сил прижала его к себе. Возможно, что этот прекрасный момент был мимолетен, но Дубэ нисколько не сомневалась, что он стоит целой жизни.

16 РЕШЕНИЕ САНА

Солнечные лучи только начали проникать сквозь толщу воды. Переливаясь, они падали на коричневые плащи, расцвечивая их причудливой игрой света. Четверо убийц, две женщины и двое мужчин, поспешно двигались в полном молчании.

Демар, один из них, огляделся по сторонам. Они уже неделю находились в Залении, но все еще никак не могли привыкнуть к прозрачности подводного пейзажа и к расплывчатым очертаниям внешности его художавых обитателей.

Он всегда оставался верным себе. Для такого, как он, человека, довольно поздно попавшего в секту, эта миссия была больше чем обычное задание. Демар был принят в Гильдию после убийства своей сестры в возрасте четырнадцати лет. Этот возраст был предельно допустимым для того, чтобы попасть в категорию детей смерти. Во время обучения в стенах Гильдии, несмотря на значительные способности и безграничную веру, юноша часто подвергался издевательствам, так как был из числа последних, принятых в секту.

«Не важно, когда нас избрали, важно, что мы — избранные», — сказал однажды Верховный Страж, и Демар, со всей присущей ему верой, проникся смыслом этих слов. Он искренне полагал, что Иешоль — единственный человек, способный его понять. В действительности убийца хотел показать свою истинную преданность и значимость. По этой причине он старался изо всех сил выполнять порученные задания с максимально возможным прилежанием и безжалостностью. Тем не менее в свои двадцать три года он совершил только два убийства и участвовал всего в нескольких ограблениях; его непрерывно терзала мысль о том, что все тот же Иешоль не считал его настоящим победителем.

Затем, в один из дней, Верховный Страж вызвал его к себе вместе с Фенулой, Тессом и Ялой.

— У меня есть для вас задание особой важности.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить сердце Демара учащенно биться. С покрасневшими от внутреннего напряжения ушами он слушал приказ своего господина. Смысл задания заключался в том, чтобы разыскать Сана, мальчика, предназначенного для вселения души Астера. Сану удалось выскользнуть из рук Шервы, одного из стражей секты, и укрыться в Затонувшем Мире вместе с Идо, легендарным гномом, вставшим на защиту Сана.

Демар чувствовал, как возбуждение охватило все его тело: получив наконец серьезное задание, он сможет показать, на что способен.

В путь убийца отправился с особым воодушевлением, но прежде он припал к земле в храме секты, воздавая дань своему богу. И хотя в этом жесте не было видимого смысла, потому что он был победителем, а не каким-нибудь просителем, но это чувство было сильнее его. Демар, исцарапав в кровь свои руки о колонны из черного кристалла, молил бога выполнить его желания.

Он испытывал в этом острую необходимость; Тенаар выбрал его среди прочих, открывая перед ним путь восхождения к власти, и это стоило нескольких капель крови убийцы.

Дорога в Залению была долгой и утомительной, но посланники секты воспользовались

подземным порталом самого Астера. Его обнаружил неверный: случилось так, что победители призвали Дохора, потому что не одобрили решение короля Земли Солнца построить свой дворец на развалинах древнего города Энаара. Эта привилегия позволяла королю иметь доступ к целому лабиринту тайных подземных ходов и коридоров, соединявших многочисленные земли Всплывшего Мира. Там был и легендарный ход, возникший благодаря магии во времена Пророка. Им Гильдия воспользовалась лишь однажды для того, чтобы отправить своего посланника в Затонувший Мир. События тех времен, когда агент секты, столкнувшись с мужем ненавистной Ниал — Сеннаром, погиб в схватке, уже давно стали частью истории. Тот человек приобрел ореол мученика, а его похождения стали легендарными.

Портал, вырытый рабами Астера, вел напрямую к морским глубинам. Это был заброшенный душный туннель, крайне редко используемый жителями Залении. У входа стояла охрана, но Демару и его спутникам удалось успешно миновать ее благодаря хитрости Фенулы.

Целыми днями убийцы без передышки двигались в крошечном мраке подземелья, позволяя себе лишь непродолжительные остановки для отдыха, которых едва хватало для восстановления сил.

У Демара ныли все мышцы, но он с радостью переносил боль от сводивших его ноги судорог, а во время сна, сидя на корточках в тесном пространстве туннеля, при каждом жалившем его болевом приступе принимался усердно молиться. Смерть во имя бога была величайшим среди всех благ, а испытанная физическая боль расценивалась как символ особой расположенности Тенаара к своим последователям.

«Ты займешь особое место в моем сердце и будешь способствовать моему возвращению». Именно так понимал Демар посланные ему страдания.

После трех недель пути убийцы увидели наконец разреженный луч света, освещавший морские глубины. Они почти мгновенно переоделись, изменив при помощи особого зелья свой внешний облик и накинув поверх одежды длинные коричневые плащи. Эти снадобья им дал новый страж ядов, старый угрюмый человек с обожженными от постоянного взаимодействия с отравляющими веществами и ядовитыми травами руками. Благодаря его микстурам путники с легкостью затерялись в толпе. Со светлыми волосами, белесой кожей и нервно бегающими черными зрачками, покрытыми чистой, почти прозрачной радужной оболочкой, они стали почти в точности похожими на жителей подводных городов.

Фенула жестом остановила спутников. Демар отвлекся от своих мыслей.

— Пора.

В одинаково раздувавшихся плащах они вошли в гостиницу. Возглавлявшая группу Фенула, а по совместительству страж магических чар секты, предстала перед хозяином в ангельском облике девушки с лучезарной улыбкой. Кокетливо улыбаясь, она кротко попросила сдать ей комнату, а Демар в это время думал о том, что настоящий победитель может обратить в свою пользу даже оружие врага. В секту девушки приходили преисполненные решимости и лишённые всякого проявления женственности. Дети Тенаара не имели половых различий и были всего лишь обычным орудием в руках бога. Женщины рассматривались только как способ воспроизведения новых служителей культа. Но вне стен Гильдии женская красота и очарование вновь становились полезными.

Хозяин гостиницы растерянно улыбнулся, увидев перед собой милое и привлекательное лицо девушки, и даже не обратил внимания на трех человек, стоявших у нее за спиной. Он дал им комнату на верхнем этаже и проводил их до места. Но едва захлопнулась дверь, как на лице Фенулы вместо прежнего миловидного выражения появилась ее постоянная бесстрастная маска.

«Так выглядит настоящий победитель, неизменное выражение лица которого лишено всякой выразительности, словно чистый лист, на котором Тенаар рисует черты по своему усмотрению», — подумал Демар, дрожа от волнения.

Когда все четверо уселись на пол, Фенула достала из плаща несколько металлических дисков для проведения одного из простейших, но при этом довольно эффективных магических приемов, изучаемых в стенах Дома.

Этот ритуал направлен на определение магической ауры людей, а в этом особом случае использовался страж магических чар Гильдии для обнаружения полуэльфов.

Фенула разложила эти диски на ладони, встряхнула их, а затем, бросив на землю, прошептала одно слово на эльфийском языке. Они со звоном упали на пол, но когда победители вытянули над ними руки, стали неистово вращаться, словно живые. Убийцы пропели имя Сана, и постепенно это кружение стало упорядочиваться до тех пор, пока не образовалась стрелка, указывавшая точное направление в пространстве.

Демар посмотрел на Фенулу: от внутреннего напряжения вены вздулись у нее на шее.

— Что это значит? — спросил он дрожащим голосом.

— Мы совсем близко. Идти осталось меньше суток.

Недосказанность повисла в воздухе.

— Я готов, — с гордостью подтвердил свои намерения Демар; Тесс посмотрел на него доброжелательно и одновременно насмешливо.

«Посмотрим, как ты будешь смеяться над моей решительностью, когда я доставлю Иешолю его трофей», — подумал юноша, стиснув зубы.

— Будем действовать, как условились, — произнесла Фенула, собирая диски. — Идо нас не интересует. В крайнем случае убьем его, но лучше постараться обойти гнома.

Демар кивнул, а потом посмотрел в окно: вся местность была залита матово-белым светом. Но в его глазах этот пейзаж окрасился в ободряющий кровавый цвет, цвет бога Тенаара.

Сан долго не мог уснуть.

После ссоры с Кваром он уже больше не пререкался. Его учитель стал педантичным, нудным и более жестоким в вопросах наказания. С тех пор как Идо позволил ему самому выбирать способ наказания своего строптивого ученика, жизнь Сана стала еще тяжелее. Иной раз ему приходилось переписывать длинные отрывки из книг по истории или заучивать наизусть некоторые наиболее важные фрагменты из эльфийской культуры, но самым ужасным было то, что эта старая мумия не указывала Сану на его слабые стороны и часто просто запрещала посещать библиотеку.

— Все, что угодно, только не это, — причитал мальчик.

— Более того, доступ туда тебе закрыт еще на четыре дня. В следующий раз будешь знать, как вести себя.

На этот раз Квар запретил Сану появляться в библиотеке целую неделю. И мальчику никак не удавалось убедить Идо заступиться за него.

— Мне не нравится то, как складываются твои взаимоотношения с учителем, — отвечал Идо на его жалобы.

— Я тебе уже тысячу раз объяснял, что все это ужасно скучно.

— Я тебе также столько же раз отвечал, что настоящая магия — это скука. Когда приступаешь к изучению чего-нибудь, без определенной доли терпения не обойтись.

— Но если даже и так, почему он должен запрещать мне ходить в библиотеку? Там я узнаю несоизмеримо больше, чем слушая его самого. И потом, за чтением книг время проходит незаметно.

Идо, тяжело вздохнув, вынул трубку изо рта.

— Я знаю, что здесь тебе не слишком интересно, но как, если не в учебе, ты можешь по-настоящему отвлечься?

Правда в том, что Идо больше не понимал мальчика. Его рассказы о Всплывшем Мире были полны печали и вызвали уныние. Только во время занятий по владению мечом Сана покидали тягостные раздумья. Однако этого ему хватало ненадолго.

Сана утомляло такое скучное времяпрепровождение, и виной его хандры, как ему

казалось, был Идо. Мысли о смерти родителей превратились в сущее наваждение. Мальчик чувствовал, что только активные действия могли бы положить конец его преследованию призраками прошлого. Все эти истории были не больше чем обычная болтовня, выдумки, цель которых избежать столкновения с действительностью. Примерно так думал мальчик, искренне недоумевая, почему Идо повел себя как трус.

Все во Всплывшем Море были чем-то заняты, поэтому и Сан не хотел сидеть сложа руки. Именно запреты учителя стали истинной причиной разногласий с Кваром, потому что только в книгах с магическими формулами мальчик видел свое спасение. Он читал их постоянно, а по ночам пытался на деле применить полученные знания. Многие не получалось, но мальчик схватывал все на лету. И только погрузившись в магию, он забывал про прошлое.

Недовольно ворочаясь в кровати, он думал о том, чем будет заниматься всю предстоящую неделю, лишенный этой единственной радости в жизни.

За окном стояла непроглядная ночь, и Сан не мог без щемящего чувства тоски смотреть на этот мрак.

Едва он закрыл глаза, как чья-то рука зажала ему рот. Он тут же открыл их снова и попытался вырваться. Вскользь он заметил суетящихся вокруг себя трех человек. Перед дверью в его комнату на полу лежал охранник с перерезанным горлом.

Нападение было абсолютно бесшумным и ужасным. Сан не заметил ничего подозрительного: похитители, словно привидения, напали на него в полной тишине. По внешнему виду они напоминали жителей Залении, смущало только выражение их лиц. Мальчику хватило нескольких мгновений, чтобы понять, что случилось, как вдруг воспоминания о прошлом вытеснили реальные события.

Два человека в одежде наемников выбили дверь его дома. Размахивая длинными ножами, они накинлись сначала на его отца. Сан выбежал в другую комнату и, спрятавшись под кроватью, услышал крики сопротивлявшейся матери. Все вокруг потеряло свою осязаемость, и его тело онемело: мальчик хотел вылезти из своего укрытия и сделать хоть что-нибудь, но страх оказался сильнее. Затем неожиданно все стихло, и он понял, что повел себя как трус.

Сердце мальчика переполнилось яростью.

Он начал активно двигать руками и ногами, но двое убийц сразу же крепко связали его.

«Идо, где же ты? Почему ты не рядом?»

Сан был один. Никого, как и в тот раз, не оказалось с ним рядом.

Острая боль пронзила тело, и в одно мгновение все взорвалось, рассыпаясь множеством красных искр. Жар необычайной силы вышел из его груди и спустился к рукам, воспламеняя вены; затем он сосредоточился на кончиках пальцев и стал выжигать живую плоть. Все охватил огонь. Сан почувствовал, как жар коснулся его тела, но он твердо знал, что огонь не сделает ему ничего плохого, даже не тронет его. Убийцы ослабили захват, веревки рассыпались, и мальчик высвободил руки. Вокруг было все сплошь в огне. Двое из нападавших, охваченных пламенем, извивались на полу.

В этот момент открылась дверь, и огонь сразу погас. Сан увидел, как сверкнул меч, рассекая воздух над головами еще державшихся на ногах убийц. Последовали два стремительных удара: один нападавший был пронзен сразу, другой с хрипом повалился на пол. Идо не удостоил их даже взглядом. Он только подскочил к Сану и обнял мальчика: гном был очень взволнован.

— Все в порядке?

Сан, не зная, что ответить, огляделся вокруг: стены комнаты почернели, мебель выгорела дотла, а на полу лежали четыре тела. Один был еще жив, другого убил Идо, двое сгорели в огне. Это были трупы убийц, и именно Сан сразил их.

Гном посмотрел в лицо единственному оставшемуся в живых убийце. Юноша лет двадцати с красивым чистым лицом отважного человека. Идо посмотрел на его одежду, на метательные ножи, два кинжала, лассо. Как знать, по какой странной иронии судьбы оказался он в руках Гильдии.

— Как вы проникли сюда?

Убийца посмотрел ему в глаза с полным равнодушием. В его взгляде не было ни капли сожаления о смерти его спутников.

— Я убью тебя, если не скажешь.

Все угрозы казались бесполезными.

— Считай, что ты уже мертв.

Два часа гном пытался выбить из него признание, но тот не проронил ни звука. Идо изо всех сил пытался придать своему лицу свирепое выражение, но ничего, кроме отвратительной жалости к этому мальчишке, он не испытывал.

— Можешь быть уверен, что настоящая смерть — это не то, что ты думаешь.

— Если я умру, то попаду к Тенаару. Лучше убей меня.

Изменить взгляды этих людей было невозможно: весь смысл их жизни заключался в миссии. В случае провала ничто не могло помочь им. Они отвергали любую форму проявления свободомыслия взамен несокрушимой уверенности в том, что после смерти бог поведет их за собой.

— Кто еще придет сюда? — спросил устало гном.

Юноша снова замолчал.

Идо глубоко вздохнул и направился к двери.

— Перед тобой был целый мир, а ты отверг его, забившись, как червь, в подземелье. Ты так боишься думать своей головой?

Убийца посмотрел на него с презрением. На мгновение какая-то искра промелькнула в его глазах. А потом снова вернулась прежняя пустота. Идо закрыл за собой дверь. Марна, глава охраны дворца, посмотрел на него вопросительно.

Гном тряхнул головой.

— Он молчит и будет молчать и дальше. Я многое повидал на своем веку и знаю, как устроен мозг у таких людей.

— И что теперь?

— А теперь необходимо в три раза усилить надзор. Я хочу, чтобы Сан был под круглосуточной охраной, начиная с этой минуты.

Марна согласно кивнул, а затем, поглядев в глаза Идо, произнес:

— Мы обнаружили место их проникновения. Они воспользовались подземным ходом, ведущим в Залению. Очевидно, им удалось обойти охрану при помощи магии. Вы полагаете, что они снова появятся?

— Не исключено, — ответил гном, тяжело вздыхая, и удалился прочь.

Идо чувствовал безмерную усталость. Он уже не был тем легендарным воином, которым его по-прежнему считали. У него не было больше сил терпеть это проклятое безумие. Впервые его стошнило при виде мертвых тел Тарика и его жены, но только сейчас он понял, что пресытился войной. Он не мог больше видеть, как гибли молодые люди, отдавая свою жизнь в угоду бессмысленным и кровавым культам.

«Правда в том, что я устал от борьбы».

Перед дверью своей комнаты он столкнулся с Саном. Следовавший повсюду за ним по пятам охранник поспешил сообщить, что мальчик самостоятельно решил покинуть свою комнату и пришел сюда по своей воле.

— Я хочу видеть пленного, — заявил он решительно, но с некоторой дрожью в голосе.

Гном промолчал.

Они вдвоем вошли в комнату. Сан встал посередине и, сжимая кулаки, пристально посмотрел на Идо. С бесконечной тоской в сердце он прочел в глазах мальчика восторг и возбуждение от совершенного им убийства.

Идо провел рукой по бороде.

— Ну и?

— Позволь мне взглянуть на убийцу.

— Зачем он тебе?

— Мне нужно с ним поговорить.

«Он выскальзывает у меня прямо из-под рук. Я был не способен выслушать его, и вот что из этого получилось».

Тяжелое предчувствие сдавило его грудь.

— Иди спать. Эта ночь выдалась слишком тяжелой, и ты должен как следует отдохнуть.

— Нет, мне нужно во что бы то ни стало поговорить с тем человеком. Ведь он также в ответе за смерть моих родителей! Где пленник? Ты уже допрашивал его?

— Он ничего не сказал. Этот человек не из тех, от кого можно добиться признания. Здесь уже небезопасно, и полагаю, нам следует отсюда уехать.

— Идо, я смог убить их.

Гном вспомнил комнату Сана, ее закопченные стены и поверженные тела на полу. В этом мальчике действительно заключена безграничная сила, чудовищная и очень опасная.

— Здесь нечем хвастать, — сухо ответил Идо.

— Мы больше не можем продолжать скрываться, это ничего не изменит. Рано или поздно они снова доберутся до нас. А у меня есть сила, которая позволит мне покончить с Гильдией; вместе мы справимся, — выпалил Сан что было духу.

— Послушай, все, что произошло, — это единичный случай, — безжалостно парировал гном. — У тебя огромные возможности — это верно, но ты еще не можешь как следует распоряжаться ими.

— Я обучаюсь по книгам из библиотеки.

— Чтобы изучить их, потребуются годы, а у нас нет времени.

— Хочу напомнить тебе, что месяц назад я сразил дракона, а теперь убил двух человек. Если, по-твоему, я не учусь...

Идо ошеломил тон мальчика; было похоже на то, что он гордился своей магией, приносящей разрушения и смерть.

— Сан, сегодня ты убил двух человек.

— Двух убийц.

— Это не имеет значения.

— Как бы не так! Они убили моих родителей, и я восстанавливаю справедливость. И буду делать это впредь!

Услышав подобное утверждение, гном вскочил на ноги.

— Ты отдаешь себе отчет? Тебе всего двенадцать лет! Дети не должны убивать, тем более испытывать удовольствие от этого! Кого бы ты ни убил, речь идет о человеке со своими мечтами, страхами и надеждами, а не о каком-нибудь куске мяса!

Сан с ледяным спокойствием выдержал рассерженный взгляд Идо.

— А те, которых ты убивал все эти годы? Разве они не были врагами? Почему ты сражался с ними?

— Не прошло и дня, когда бы я не задавался этим вопросом. А ты не хочешь этого понять, — прошипел гном.

— Я не испытываю никаких угрызений совести, — холодно произнес Сан. — Я все правильно сделал. И потом, где ты был в это время? Единственное, что может спасти меня, — так это моя магическая сила. И мне совсем нет дела до твоего чувства вины.

Идо в ярости ударил мальчика по щеке. За последнее время это была уже вторая пощечина. Гном чувствовал, как между ним и Саном пролегла страшная пропасть, непроглядная бездна, заглянуть в которую он даже не решался. Его поражение предстало перед ним во всей своей неприглядности.

Сан смотрел на него своими лучистыми глазами, в которых не было ни слезинки. Идо

так хотелось найти подходящие слова, чтобы все втолковать мальчишке, но перед лицом убийства каждый принимает решения в одиночку.

— Сейчас ты слишком взволнован и не в состоянии понять всю чудовищность совершенного тобою поступка, за который ты вскоре сильно поплатишься. Завтра посмотрим, что делать дальше. А теперь ступай в свою комнату в сопровождении телохранителя, которого я тебе назначил, и без всяких там глупостей. Если узнаю, что ты самостоятельно отлучился, клянусь, я не разрешу тебе больше выходить.

Сан ничего не ответил. Он уверенным шагом направился к себе, стараясь не глядеть Идо в глаза. Гном плюхнулся в кресло и обхватил голову руками. Как бы он хотел, чтобы Соана была здесь вместе с ним, а его любимый дракон Веза ждал его за окном. Как бы ему хотелось не чувствовать себя таким чертовски одиноким.

Сан, не смыкая глаз, дожидался удобного случая. К счастью, книга, которая была ему нужна, находилась сейчас в его комнате. Мальчик уже привык выносить из библиотеки тексты, которые намеревался изучить. Этот манускрипт стал последним, который он успел похитить, прежде чем Квар наказал его.

Через некоторое время он встал и медленно приоткрыл дверь.

— Что случилось? — Телохранитель был начеку.

Сан не соизволил даже ответить. Он просто прошептал какое-то заклинание, и охранник без чувств припал к стене. При помощи вот этого заклинания его дед сумел пройти сквозь целый лагерь противника.

Мальчик с таким проворством ринулся во дворец, что только пятки засверкали. Он еще дважды прочел магические слова, а затем нашел дорогу в подземелье. С пояса охранника он снял ключи: только одна из четырех камер не пустовала. Сан осторожно приблизился к решетке и посмотрел вовнутрь, наблюдая за фигурой, едва освещаемой светом единственного имевшегося в тюрьме факела.

Пленник был бледен: на его теле было множество ран. У юноши был взгляд хищника, и Сан почувствовал такую ненависть к нему, как если бы тот был лично виновен в смерти родителей мальчика. Он сожалел о том, что пламя погасло раньше, не успев поглотить убийцу.

«Это рука providения: пленник тебе пригодится», — подумал про себя Сан.

— Встань.

Убийца окинул его насмешливым взглядом:

— Я не подчиняюсь приказам того, кому назначено быть всего лишь контейнером.

Сан сжал в руках железные перекладыны решетки.

— Как тебя зовут?

— Неудачник не имеет право знать имя победителя.

Мальчик поднял вверх руку со связкой ключей.

— Скажи мне, и я освобожу тебя.

— Свобода меня не интересует. Настоящую свободу можно обрести только у Тенаара.

— Я хочу, чтобы ты доставил меня в Гильдию.

И в один миг насмешливое выражение исчезло с лица убийцы.

— Как тебя зовут? — повторил свой вопрос Сан.

— Демар.

Сан вставил ключ в замочную скважину, с огромным усилием повернул его и, наконец, открыл камеру. Убийца, придерживая раненую руку, с трудом вышел наружу.

— Ты отведи меня в Гильдию?

Юноша медленно кивнул. Сан приблизился к нему, положив свою руку поверх его раны. Затем он прочел заклинание, и широкий кровавый шрам на его ноге стал тут же затягиваться.

— Демар, отведи меня туда, откуда ты пришел.

17 ЗАГОВОР

Стояла необыкновенная тишина. Луна, пройдя свой путь по небосводу, была уже не видна из низких окон. Дубэ слышала, как спокойно и безмятежно билось сердце в груди Леарко. Девушка спрашивала себя, когда в последний раз она испытывала такое же чувство умиротворения, как сейчас. Должно быть, это было еще в детстве, когда Горнар был еще жив и она счастливо жила вместе со своими родителями в Сельве. Тогда будущее имело свои ощущения.

— Я помню тебя, это было в Земле Огня.

Дубэ слегка приподняла голову и посмотрела на принца. Он лежал, уставившись в потолок.

— Тогда мы были еще детьми и не могли оторвать глаз от Форы, казнившего повстанцев. Мы — единственные из наших ровесников, оставшиеся в живых. Я помню, как среди всего этого кошмара ты, с вытаращенными от ужаса глазами, смотрела на мою лошадь. Тогда ты казалась мне единственным человеком, не замешанным в той бойне.

Дубэ положила свой подбородок на грудь юноши.

— Теперь все по-другому, — произнесла девушка, сама не зная, что она имела в виду.

— А глаза остались прежними.

Дубэ почувствовала, как сердце сжалось у нее в груди. Эти слова впервые заставили девушку осознать, насколько велико было ее желание покончить, наконец, с насилием. Мысль о том, что некая внутренняя сила вела ее по пути любви, а не убийства, смутила разбойницу.

— Странно, но мне только сейчас стало ясно, кто я на самом деле.

— Это вполне нормально. Все это время я также скрывала свою истинную сущность, свои жесты, даже выражение лица.

— Тогда кто ты на самом деле?

Дубэ была в явном замешательстве. Действительно, принц никогда еще не видел девушку в ее привычном обличье.

— Я не слишком отличаюсь от той девчушки, которую ты тогда увидел, — ответила она уклончиво.

Дубэ встала. Небо понемногу прояснялось. Разбойнице нужно было идти: ей предстоял тяжелый день и очередная бессонная ночь.

«Что теперь?» Она делала все, чтобы отдалить от себя этот миг расставания. «В конце концов, это всего лишь ночь, ночь безумия», — подумала она.

Девушка стала одеваться, а в это время Леарко глазами коснулся каждого сантиметра ее тела.

— Я хочу снова увидеть тебя, — сказал он вдруг.

Дубэ напряженно посмотрела ему в глаза:

— Не думаю, что это было бы благоразумно.

— Почему? — В его голосе послышалось искреннее недоумение.

— Между нами не может быть ничего общего. И ты это знаешь лучше меня.

— Я не согласен. — Принц сказал это так решительно, что Дубэ на мгновение позволила себе поддаться умилению от такой мысли. Однако это был сиюминутный порыв. Она затянула жилет и снова села рядом с Леарко.

— Это было безумием, — прошептала разбойница.

Принц встал, взял ее за подбородок и, глядя девушке прямо в глаза, потребовал:

— Объясни мне.

Юноша знал о своей власти над Дубэ, о том, что она не могла лгать, когда он смотрел на нее в упор.

— Дело касается не только меня. Моя цель — убить твоего отца, а этого вполне достаточно, чтобы развести нас по разные стороны баррикад.

Взгляд Леарко стал жестче.

— Ты думаешь, что я не в состоянии отступить от своего отца? Да я ненавижу его.

— Но все эти годы ты сражался за него и ни разу не оказал сопротивления. Как бы то ни было, он — твой отец, и от этого никуда не денешься.

Принц раздраженно опустил руку и сменил тему разговора:

— Я разыщу нужные тебе бумаги и...

Дубэ затрясла головой прежде, чем он успел договорить.

— Я не хочу, чтобы ты ввязывался в это и становился моим сообщником. Наступит день, и ты пожалеешь о случившемся.

— Свой выбор я уже сделал, когда вошел в эту комнату вместе с тобой, — решительно возразил Леарко. — Мы оба вышли из одной преисподней. И если мне суждено понести наказание, то, по крайней мере, я буду рядом с тобой.

И, не дав девушке опомниться, принц нежно поцеловал ее.

— Завтра ночью я снова буду здесь. Ты придешь?

Дубэ завороченно посмотрела на юношу, а затем резко вскочила.

— Да, — ответила девушка и опрометью бросилась к лестнице.

Леарко остался стоять посреди мансарды в полном одиночестве. Он уже не чувствовал себя безумцем; сомнений больше не было. Юноша знал, на какие беззакония был способен его отец. Но это последнее преступление, несправедливое и жестокое, превзошло все границы. Душа Леарко вновь наполнилась яростью.

Принц спустился вниз по лестнице и пошел по начинавшему уже просыпаться дворцу. Без всяких колебаний юноша направился прямо туда, где он мог найти единственного человека в мире, способного выслушать все его соображения.

«Отец развеял мою последнюю иллюзию. Дубэ — не сон, и я не позволю ему забрать ее у меня».

Он без стука вошел в комнату. Неор был уже на ногах и одевался. Оставались считанные дни до официальной церемонии прощения.

— Скажи, дядя, что я должен сделать. Я все выполню.

Весь день Дубэ пребывала в состоянии транса. Девушке казалось, что ее тело больше не принадлежит ей, словно возникшая между ней и сыном Дохора близость оставила след у нее на лбу и делала ее непохожей на саму себя. Она переживала чувство восторга и растерянности одновременно. Впервые в жизни она с благодарностью думала, что любит и любима человеком, который ее понимает. Его не волновало, что она — разбойница и убийца. Девушка, наконец, осознала, что же на самом деле связывает их души: они оба балансируют на грани между жизнью и смертью. Невероятно, но она почувствовала, что у нее есть будущее. Леарко разрушил чары и даровал ей цель, ради которой стоило бороться.

— Что с тобой?

Дубэ очнулась на кухне, с очищенной картошкой в руках, и увидела, наконец, обращенный на нее пристальный взгляд Теаны. Разбойница снова принялась за работу.

— Ничего.

— Мне кажется, что ты какая-то не такая, как раньше...

Дубэ только растерянно улыбнулась. Она почувствовала страстное желание поведать своей спутнице обо всем, как когда-то в детстве она делилась секретами со своей подругой Пат. Но непонятная стыдливость сдержала ее порыв. Это была ее личная тайна, и ей жалко стало делиться ею, она хотела сама еще немного насладиться новыми для нее ощущениями.

Когда наступил вечер, она недолго думая вновь поспешила к мансарде. На самой верхней лестнице ее уже ждал улыбавшийся Леарко. Все происходящее казалось девушке невероятным, тем не менее только сейчас она поняла, как велика ее потребность чувствовать рядом с собой близкого человека. На протяжении многих лет она только и делала, что обманывала себя.

Она бросилась к нему на шею, но, в отличие от прошлого свидания, все было гораздо

спокойнее и естественнее. Есть множество способов показывать свою любовь, и Дубэ наслаждалась этим открытием.

— Я пытался расспросить о твоих документах, — выпалил он в один миг.

— Мне не хочется говорить об этом.

— Я немного порылся в библиотеке, но мой отец не слишком доверяет мне, чтобы ввести меня в курс таких щекотливых вопросов. Я даже не подозревал, что существуют некие секретные документы, рассеянные по всему дворцу.

Дубэ нахмурилась:

— Я же сказала, что не хочу об этом говорить.

— Но я только пытаюсь тебе помочь.

— Я знаю, — ответила девушка, поглаживая принца по щеке. — Но слова обладают невероятной силой. Расскажешь о чем-нибудь, а это вдруг становится правдой. Пока я здесь с тобой, зверь как будто не существует. И я тешу себя надеждой на будущее. Но когда ты говоришь мне о нем, все обретает реальные черты, и тогда проклятие снова начинает мучить меня. Не хочу об этом думать, хотя бы сейчас.

— Дубэ, у нас есть будущее, и я хочу подарить его тебе.

На мгновение образ Лонерина возник в памяти разбойницы. В этих словах принца звучала все та же, знакомая ей невыносимая жалость.

— Не стоит говорить так только для того, чтобы доставить мне удовольствие. Я прекрасно знаю, что ждет меня впереди, — сухо возразила девушка.

Леарко, казалось, нисколько не обиделся на эти слова.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что это жалость. Скорее это касается меня: я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мною.

Дубэ почувствовала, как слезы выступили у нее на глазах, и она еще сильнее прижалась к принцу, отдаваясь его нежным и страстным объятиям.

— Прошу тебя, не сейчас. Давай помолчим, оставив все разговоры на потом.

Все последующие ночи были еще прекраснее. В промежутках между любовными забавами они шептались друг другу те слова, которые прежде никому никогда не говорили. На следующее утро, увидев на своем теле следы этих тайных встреч, Дубэ загадочно улыбалась. Теана ни о чем не расспрашивала. Это невероятное ощущение блаженства заставило разбойницу вскоре забыть о главной цели ее миссии. Только зверь время от времени напоминал о себе ночными кошмарами. Но девушка изо всех сил старалась запереть его как можно глубже, особенно в присутствии Леарко.

Дубэ хотела забыть о том, что ее окружает, остановить время, но однажды поцелуй принца показался ей не таким горячим, как обычно.

— Нас ждут.

Девушка застыла от неожиданности, а потом заметила, что принц что-то держит в руках.

— Ты доверяешь мне? — спросил он, протягивая Дубэ плащ с просторным капюшоном.

Она с подозрением посмотрела на юношу:

— Куда ты хочешь меня отвести?

Леарко улыбнулся:

— Туда, где в этом одеянии ты будешь чувствовать себя в полной безопасности.

Едва накинув капюшон на голову, Дубэ мгновенно почувствовала себя увереннее. Быть может оттого, что она столько времени была одета как обычная женщина, при прикосновении к шероховатой поверхности плаща легкая дрожь пробежала по спине девушки. Обманываться было бесполезно: это была настоящая Дубэ, а не та светловолосая девица, которая работала на кухне.

Дорогой оба не проронили ни слова. Спустившись с верхних этажей, они неторопливо прошли через сад к небольшому домику, на который Дубэ еще раньше успела обратить

внимание, полагая, что там обитает садовник.

— Это — место моих детских игр. Моя мать повелела построить этот домик для моего брата, но ему не суждено было воспользоваться им. Тогда его отдали мне, по крайней мере, до той поры, когда мой отец счел меня слишком взрослым для подобных развлечений. Я приходил сюда каждый день, и только здесь я чувствовал себя как дома.

Девушка рассмотрела домик при бледном свете луны. Это было двухэтажное деревянное строение с нарисованной на стенах кирпичной кладкой и покатой крышей. На вид оно казалось весьма ветхим и заброшенным.

Леарко медленно открыл дверь, и желтоватый луч света упал на траву.

Молодые люди, взявшись за руки, переступили порог. Девушка робко вошла и вдруг, вырывая руку, отступила назад.

В зале собралось человек десять. На всех без исключения были точно такие же плащи, как у Дубэ. Но только Леарко стоял не скрывая своего лица.

В голове разбойницы стремительно промелькнула страшная мысль: «Меня предали».

Рука Дубэ машинально метнулась за кинжалом, но ее пальцы застыли на его рукояти. Стоявший перед девушкой принц посмотрел на нее в упор. Она подумала, что этот взгляд не может обманывать. Наконец, она еще ниже опустила капюшон плаща и стала ждать в полумраке развязки этой мистерии.

— А я уже думал, что вы не придете, — заметил чей-то голос. Дубэ сразу же его узнала: это был Неор, кузен Дохора, который завтра должен был получить официальное прощение короля. — Мне нужно сначала выслушать человека, способного нам помочь.

Дубэ, не видя лиц находившихся в комнате людей, тем не менее почувствовала, что взгляды их были направлены в ее сторону.

— Полагаю, что тебе интересно знать, кто мы и что здесь делаем, — сказал Неор.

Девушка настороженно ждала.

— Будь уверена, что все, о чем здесь пойдет речь, не выйдет за пределы этого дома.

Дубэ слегка кивнула.

— Мы входим в группу противников власти нынешнего правителя. Многие в этом королевстве согласны с тем, что пора покончить с его политикой, основанной на страхе. И именно поэтому мы здесь. Леарко сказал, что и у тебя есть очевидные основания быть недовольной королем, которые, впрочем, нас не касаются. Но нам известно, что у тебя есть еще и причины личного характера: ты находишься в личной зависимости от этого человека, смысл которой в шантаже.

Дубэ инстинктивно повернула голову в сторону Леарко. Он, не оборачиваясь, смотрел на присутствующих. Девушке было явно не по нутру то, что происходило в этом доме.

— Ты подтверждаешь?

Разбойница после недолгих колебаний еще раз кивнула.

— Нам известно, что Дохор через две недели покидает дворец, чтобы отправиться в Землю Ночи. На самом деле он едет на встречу со своими тайными союзниками, в Гильдию.

Дубэ неподвижно стояла, не произнося ни слова.

— Леарко остается здесь, во дворце, и примет власть в свои руки... А ты в это время займешься королем.

Возникшая пауза таила в себе множество недомолвок.

Дубэ слушала не перебивая. Тогда Неор обратился к ней:

— Все ясно?

— Мои мотивы ни имеют ничего общего с вашими, — произнесла девушка дрожащим от волнения голосом.

— Без сомнения, но у всех нас одна цель. Мы просим тебя всего лишь о том, чтобы довести до конца дело, которое тебе предстоит выполнить в любом случае. Но при этом и мы извлечем для себя пользу. Все варианты хорошо изучены.

Руки девушки сжались в кулак.

— Мне нужно подумать.

— Ты боишься вступить с нами в заговор? — спросил кто-то из людей в плащах.

— А может, ты хочешь денег? — напирал другой.

— Дело не в этом, — ответила девушка жестко.

— Тогда в чем?

Дубэ обратила свой взволнованный взгляд на принца.

— Мы можем сделать это и сами, — продолжил Неор. — Но если за дело возьмешься ты, то это будет больше похоже на несчастный случай.

Дубэ вцепилась в плащ, судорожно сжав в руках ткань.

— Дайте мне подумать.

— Если согласишься, тебе заплатят за это десять тысяч каролов.

— Дайте мне подумать, — твердо ответила девушка.

Заговорщики переглянулись между собой, и Неор, наконец, объявил:

— Ответ дан. Каждый исполнит то, что ему назначено.

Обсуждение закончилось, и заговорщики один за другим покинули дом. В мягком полумраке комнаты, отдававшем плесенью, остались только Леарко и Дубэ. Все это время, пока люди в плащах безмолвно выходили за дверь, девушка не отрываясь смотрела в спину принца.

— Что это тебе пришло в голову? — прошептала она.

— Этим я показал тебе, что ты вольна делать все, что тебе нужно.

Голос Леарко был тверд, и это его спокойствие взбесило Дубэ.

— Это дело касается только меня одной! Зачем ты рассказал обо всем этим людям?

Леарко горько улыбнулся:

— Я ведь один из них, Дубэ. Я устал слепо повиноваться. Поверь, это нужно мне, этой земле и тебе. Долгие годы я прятался за спиной отца. Мне пришлось многим пожертвовать ради него: своей порядочностью, своими мечтами и даже кровью. А взамен я получал только его презрительный холодный взгляд. И вот я стал таким же, как и он, но мне не слишком этого хотелось. Я так долго твердил себе, что нет иного выхода, кроме покорности. В случае его смерти мне предстояло бы продолжить начатое им кровопролитие, потому что уже сейчас я слишком далеко зашел, чтобы остановиться и снова стать таким, как прежде. Однако есть иной путь. Именно ты научила меня сопротивляться, и только благодаря тебе я здесь.

Девушка в ужасе покачала головой:

— Убивая отца, ты становишься не на тот путь.

— Если я не покончу с ним, ты навсегда уйдешь от меня. Ты стала радостью в моей жизни: и, не успев сполна насладиться ею, я должен смириться с тем, что отец лишает меня ее.

— Тогда это нападение на твоего отца затевается ради тебя? — бросила она со злостью.

— Ты — мой единственный шанс на спасение.

Дубэ не знала, что ответить. Она сама мечтала получить прощение и спасение. А теперь есть кто-то, кто ищет этого же у нее. Девушка осторожно приблизилась к юноше, но не выдержала и крепко прижала его к себе.

— Я не хочу, чтобы ты позволил его убить. Ты никогда не простишь себе этого, Леарко, и первым все осознаешь.

Принц, медленно отстраняясь, вложил в ладони девушки какой-то предмет. Дубэ пригляделась: это был маленький кожаный мешочек.

— Открой его, — попросил Леарко.

Разбойница бросила на него вопросительный взгляд. Она просунула пальцы вовнутрь и нащупала там кусок потрепанного и наполовину порванного пергамента. Ее сердце бешено забилося в груди, а в глазах проступили слезы. Она повернула манускрипт и увидела на обратной стороне хорошо знакомый ей символ: красно-черное изображение двух наложенных друг на друга пентаграмм, а в центре — круг из двух переплетавшихся змей.

— Он был спрятан как раз там, где ты его искала в тот вечер в одном из гобеленов: его

вшили в одну из волн на гобелене, изображавшем морское сражение.

«Ли. вос.» — восьмая линия. Восьмая линия моря. Дубэ мгновенно установила взаимосвязь. Она посмотрела на пергамент, который держала в руках: спасение ее жизни зависело от этого жалкого куска воловьей кожи.

— Я нашел его сегодня: мне удалось, когда никого не было рядом, прочесть манускрипт, и я сразу вспомнил про те надписи, о которых ты говорила мне несколько дней тому назад. И потом, это было совсем несложно.

Девушка с глазами полными слез посмотрела на принца. Она не знала, как выразить свою благодарность.

— Не смотри на меня так. От твоего спасения зависит и моя судьба, — произнес Леарко. — Вина за предстоящее убийство лежит на мне. И поэтому я хочу, чтобы ты довела это дело до конца. Сделай это ради меня, ради нас обоих.

Разбойница не ответила. Она только глянула на этот ничтожный кусок пергамента и с силой сжала его в кулаке.

Когда Дубэ вернулась в свою комнату, Теана еще спала. Разбойница бесшумно приблизилась к ней. Присев на край постели, она еще некоторое время смотрела на свою спящую спутницу: Дубэ испытывала непреодолимое желание поделиться с кем-нибудь своими мыслями, а девушка-маг была единственным человеком, которому она могла рассказать обо всем, что произошло. После некоторых колебаний она разбудила Теану, только толкнув ее в плечо.

— Что-нибудь случилось? — озабоченно спросила девушка-маг. Она еще не совсем отошла от сна и не сразу разобралась, что к чему.

— Мне нужно поговорить с тобой, — ответила Дубэ.

Теана села и приготовилась слушать. Этот был длинный монолог. Дубэ рассказала в деталях о том, что случилось с ней за этот месяц, о взаимоотношениях с Леарко, о том, как вспыхнувшее чувство повлияло на миссию девушки. В конце она раскрыла ладонь и показала обрывок пергамента.

Теана от неожиданности вытаращила глаза.

— Это — то, что ты искала?

Дубэ кивнула:

— Его нашел Леарко.

Девушка-маг вздохнула и слабо улыбнулась.

— Тогда пора действовать. Я готова, — сказала она с уверенностью. — Ритуал мне известен...

— Я уже не хочу этого делать. — Дубэ, не задумываясь, выпалила это на одном дыхании.

Теана непонимающе посмотрела спутницу: страх промелькнул в ее глазах.

— Дохор — отец Леарко, и именно поэтому я не могу убить его. Принц не может себе представить, что такое уничтожить человека, которого любишь, а потом, как ни в чем не бывало, продолжать жить дальше. Убийство оставляет в душе глубокий шрам; всякий раз это становится похожим на потерю частицы твоей души.

— Но ты же его ненавидишь!

Дубэ бросила на Теану испепеляющий взгляд, и та была вынуждена опустить глаза.

— Но принц просит тебя об этом из-за своей любви к тебе, — добавила девушка-маг вполголоса. — Он поступил своими сыновними чувствами, думая о тебе. Если ты этого не сделаешь, тебя ждет смерть, и принц это знает.

— Я осознаю это.

— И что тогда?

— Все равно не хочу. Потому что затем медленно умрет и он, и моя любовь не сможет ему помочь. Я всегда буду напоминать ему об этом, ведь во мне он будет видеть только убийцу.

Теана взяла Дубэ за руку и посмотрела ей прямо в глаза.

— Дубэ, но ведь у тебя нет иного выбора.

— Убей меня.

Эти слова прозвенели в комнате, словно металлический лязг обнажаемого меча.

— Проклятие не позволяет мне покончить с собой. Я уже пробовала. Зверь защищает меня от любой попытки самоубийства. Но может, ты с твоей магией...

— Нет, — закричала Теана, вытаращив глаза от страха. — Я никогда не сделаю этого, я не могу, и ты не смеешь просить меня об этом!

Дубэ явно не шутила.

— За эти месяцы мы вместе преодолевали разные трудности, и ты всегда приходила мне на помощь, даже тогда, когда это казалось невозможным. Несмотря на то, что я оскорбляла тебя, делая твою жизнь невыносимой, ты всегда оставалась на моей стороне. Сейчас ты стала мне подругой, и я доверяю тебе.

— Умоляю, не проси меня об этом, — взмолилась Теана.

— Тогда придумай что-нибудь, чтобы я смогла сделать это сама. Помогите же мне. Если я не убью Дохора, меня будет ждать мучительная смерть. А я должна умереть иначе и тогда, когда сама этого захочу. Знаю, что слишком много прошу у тебя, но я, наконец, нашла то, ради чего стоит бороться. Однажды ты сказала, что внутри у меня только пустота. Тогда ты была права.

— В тот момент я была раздражена, но у меня не было намерения...

— Но теперь все не так, — перебила ее Дубэ. — Теперь мне есть ради кого жить. Потом, я также могу умереть, ты меня понимаешь?

Теане ничего не осталось, как только согласно кивнуть. Кто, как не она, так долго и мучительно боровшаяся за свою любовь, может понять эту боль.

— Я найду способ помочь тебе, — промолвила девушка-маг сквозь слезы. — И тебе не нужно будет убивать Дохора. Целая библиотека в моем распоряжении, и я сразу же примусь за работу.

Дубэ печально улыбнулась. Она пережила слишком много разочарований, чтобы продолжать верить в существование иного, безболезненного выхода.

— Поклянись мне, что, когда потребуется, ты pomoжешь мне уйти из жизни.

— Только в том случае, если у меня не будет выбора, — прошептала, всхлипывая, Теана.

Дубэ обняла свою спутницу, а та почти с отчаянием приняла этот жест дружеского расположения. Там, за стенами дворца, уже забрезжил рассвет нового дня.

Проблеск этой зари бросал бледный луч в роскошную комнату, находившуюся четырьмя этажами выше помещений для прислуги. Фора, прибывший во дворец несколькими часами раньше, сидел на широкой скамье. Перед ним на коленях стоял человек в плаще.

— А ну-ка, выкладывай, — буркнул наместник Дохора с мрачной улыбкой на лице.

18

ПРОЩЕНИЕ И МЕСТЬ

Теана и Дубэ проснулись рано утром. Это был день прощения Неора, и дворец бурлил в предвкушении предстоящего события.

День девушки начали с ритуала. Теана заученными жестами, молча совершала магические действия над Дубэ. Затем они оделись, стараясь не смотреть друг другу в глаза, и оправились на кухню выполнять распоряжения по подготовке к торжествам.

Дубэ была в полной растерянности: ей никак не удавалось отогнать мысли о Леарко. Между ней и принцем оставалась недосказанность, над которой девушка ломала голову всю оставшуюся ночь. И чем больше она думала, тем больше приходила к убеждению, что Леарко не сможет вынести смерть отца. Убийство не было свойственно его натуре, даже

годы обучения военному ремеслу и сражения не могли сколько-нибудь серьезно на него повлиять. И Дубэ решила, что не станет в этом ему помогать.

«Я умру раньше, чем он взойдет на трон. У нас нет будущего».

Руки девушки дрогнули, и Дубэ выронила гирлянду, которой она украшала деревья в саду.

— Саннэ! Будь повнимательней! — прикрикнула старшая служанка.

Дубэ улыбнулась:

— Извини, это, наверное, от усталости, — и вновь принялась за работу.

Девушка действительно была в сомнении. Что лучше: позволить Леарко идти своей дорогой или следовать за ним до тех пор, пока проклятие окончательно не погубит ее.

В то время как девушка тщетно пыталась найти ответ на мучивший вопрос, ее внимание привлекло необычное мерцание у колоннады. За одной из колонн она увидела принца, направившего на нее свой пристальный взор. На нем были парадные доспехи, а сбоку на поясе висел сверкающий меч. Дубэ почувствовала, как у нее перехватило дыхание: встречаться с ним в открытую было очень опасно, и вместе с тем это очень возбуждало. Она положила гирлянду на траву, а затем, удостоверившись, что никто не следит за ней, встала и стремительно помчалась навстречу к принцу, стараясь не выдавать охватившего ее волнения. Едва она приблизилась к Леарко, как тот прижал ее к колонне и страстно поцеловал.

— Нас могут заметить, — прошептала Дубэ, вырываясь из объятий принца.

В ответ юноша только улыбнулся, а девушка от смущения принялась поправлять волосы.

— Завтра ты должна сказать нам свое решение. — Эти слова Леарко заставили Дубэ напрячься. — Я хочу знать, что ты ответишь.

— Я пойду с тобой, — не сразу ответила девушка.

— Так, значит, ты убьешь отца?

Шум приближавшихся шагов заставил обоих вздрогнуть. Молодые люди спрятались за большим кустом, но Леарко не выпускал Дубэ из своих объятий.

— Так что?

— Я уже сказала, что пойду с тобой.

Принц вздохнул и с едва различимой нотой разочарования в голосе заметил:

— В любом случае его ждет смерть. Но если он умрет от твоей руки, то мы оба сможем, наконец, жить в мире.

— Ты сам себя обманываешь. Тебе никогда не удастся смириться с его смертью.

— Ты — рядом, и мне этого достаточно.

— Где принц? — Прозвучавший невдалеке голос заставил их замолчать.

— Тебе нужно идти, — заторопила принца Дубэ, высвобождаясь из его объятий.

Леарко взял ее за руку.

— Я хочу тебя, — прошептал он.

— Тебе нужно идти, — настаивала девушка. Она вырвала руку и вернулась на свое место.

Церемония началась, когда солнце было в самом зените. В саду было полно народа, выделялась знать и высокопоставленные представители из других земель, подчиненных власти Дохора. В самом центре был сооружен деревянный помост. Все внимание присутствующих было обращено к королевскому трону, у подножия которого лежал длинный ковер красного цвета. На нем поверженный ниц Неор должен был испрашивать прощения у своего короля — в этом и заключалась суть предстоящей церемонии.

Дубэ следила за происходящим действием за одной из колонн. Она вместе с Теаной была свободна до самого обеда. По этой причине им было позволено наблюдать за первой частью торжества на надлежащем расстоянии от дворянства. Девушки нашли удобное место, откуда вся церемония была видна как на ладони.

Первыми вышли солдаты в алых одеяниях с копьями наперевес. Дубэ с трудом могла

разглядеть их лица, но одно ей показалось на удивление знакомым. Девушка бросила беспокойный взгляд на толпу и отыскивала в ней еще несколько известных ей лиц. Убийцы. Здесь присутствовали члены Гильдии, и их было достаточно много, и впервые они участвовали в таком грандиозном торжественном мероприятии при королевском дворе. Что могло послужить поводом для их появления?

Верховные сановники в парчовых одеждах прошли сквозь толпу. Среди них были Фора и Леарко. Дубэ проследила за ним взглядом до тех пор, пока он не занял свое место в первом ряду.

Наконец появился король с грозным и ужасным видом великого полководца. Дубэ вспомнила это выражение; во время ее пребывания во дворце лицо Дохора становилось таким всякий раз во время его официальных публичных появлений.

Это выражение означало, что король строг и справедлив, что на своих плечах он несет бремя ответственности за жизнь целого народа и ради этого он всегда готов пойти даже на самые жестокие меры. Это была любимая маска Дохора.

Когда король сел на трон, на помост под звуки фанфар поднялся глашатай.

— Сегодня августейший правитель собрал своих подданных, чтобы они стали свидетелями его безграничного милосердия. Он беспощаден в ярости, но великодушен в прощении, представляет двору своего подданного, который в прошлом часто совершал ошибки. Его величество прощает его прегрешения перед короной, великодушно разрешает быть вновь принятым при дворе, возвращая ему право проживать здесь.

Слова глашатая были поддержаны вполне единодушными возгласами ликования. После того как толпа успокоилась, вошел Неор. На нем не было уже его прежних ярких нарядов, а его волосы были коротко подстрижены. Всем своим видом он демонстрировал раскаяние и сдержанность. На нем была обычная холщовая рубаша, похожая на те, что носили юноши первого года обучения в Академии.

Дубэ усмехнулась: Дохор определенно проявлял великодушие своим прощением, но при этом он совсем не желал лишать себя удовольствия унижать прощаемого.

Характерный блеск лезвия меча привлек внимание разбойницы. Все это было неспроста. Она с тревогой посмотрела на Леарко. На помосте все было спокойно. Неор подошел к трону и медленно опустился на землю. Когда он уже лежал на помосте, два солдата приставили копьа к его спине. Шепот пробежал среди присутствующих.

Дохор встал:

— Сегодня, дорогой кузен, ты здесь, чтобы восстановить разорванные много лет назад отношения. Лежа на земле, ты просишь меня снова принять тебя в мою свиту и вернуть тебе твои прежние обязанности при дворе. И я готов пойти на это. До того как выступить против меня, ты считался отличным помощником. — Король сдержанно улыбнулся. — Сегодня я намерен помиловать своего ценного союзника и восстановить со своей стороны его военные и политические заслуги.

Дубэ заметила, что Леарко нервно теребил рукоять своего меча. Тогда и она медленно просунула руку под юбку и сжала в кулаке кинжал. В воздухе чувствовалось явное напряжение.

— Но, к сожалению, возникли трудности. Вчера имело место событие, которое никак не должно было произойти, — продолжил король.

Неор попытался приподнять немного голову, но один из солдат вынудил его отказаться от этого намерения.

— Будет справедливо, если и мой народ узнает об этом.

Король подал знак, и два охранника вытащили на помост человека. Они держали его под руки, в то время как его ноги беспомощно волочились по земле. Его рубаша была изодрана в клочья и залита кровью, а лицо распухло до неузнаваемости. Телохранители, представляя этого человека взорам публики, вынудили его опуститься на колени.

Дубэ рванулась с места.

— Оставайся здесь! — приказала она Теане.

— Что?.. — попыталась было спросить девушка-маг, но Дубэ уже направилась к помосту.

Между тем Форя встал и отдал приказ своим людям вооружиться.

— Ну давай, Карно, расскажи всем то, о чем ты поведал нам этой ночью.

Дубэ, стремительно приблизившись к стене в надежде услышать слова несчастного, вздрогнула.

Карно был один из высокопоставленных королевских придворных. Толпа беспокойно загудела.

Подозрительная тень промелькнула позади Дубэ и исчезла в толпе. Девушка не сомневалась: кто-то преследовал ее.

Человек не реагировал, и тогда Форя пнул его ногой в грудь.

— Говори!

— Не так давно... — чуть слышно пробормотал Карно, но Форя схватил его за волосы и дернул его голову назад.

— Громче, чтобы все слышали!

Несчастный перевел дыхание: на этот раз его речь была более отчетливой.

— С месяц тому назад Неор и еще десять придворных собрались в доме для игр в королевском саду. Они составили заговор о свержении его величества, и принц также принял в этом участие.

Толпа издала вопль изумления. Дубэ обошла помост: ей во что бы то ни стало нужно добраться до Леарко. Снова другие мечи и другие убийцы. За спиной девушки в который раз замаячила подозрительная тень.

— Вы слышали? — закричал Дохор с победоносным видом. — Мой сын и мой кузен сговорились убить меня!

Его громовой голос заставил присутствующих смолкнуть. Ужас словно покрывалом накрыл изнывавший от палящего солнца сад.

— Вы сплели густую сеть, которую я с трудом распутал. Но теперь все предельно ясно.

Леарко хотел выступить, но Форя опередил его, приставив свой клинок к горлу принца. Дубэ с кинжалом в руке с разбегу вскочила на помост.

Неор попытался подняться, но Дохор мечом остановил его.

— Ты хотел обезглавить это королевство, не так ли? А затем взять власть в свои руки и стать королем, — ликовал король. — Но сегодня с плеч полетит твоя, а не моя голова, — прошипел он.

Меч, описав круг в воздухе, опустился точным попаданием на шею Неора. Его голова полетела на вопящую толпу, а затем скатилась на помост. Это был сигнал к началу.

Скрывавшиеся в толпе убийцы обнажили свое оружие и набросились на заговорщиков. Телохранители Дохора занялись оставшимися мятежниками. Дубэ попыталась прийти на помощь принцу, но неожиданно ее остановила тень, нанеся ей сильный удар по спине. Человек всем своим весом набросился на девушку, стараясь острием ножа поразить ее в самое сердце. Две переплетенных между собой змеи украшали рукоять кинжала нападавшего, и у Дубэ не возникло никакого сомнения по поводу того, кем он был на самом деле.

Оба кубарем покатались по земле; в саду повсюду царил хаос. Некоторое время у этих двух сцепившихся друг с другом тел еще было место для борьбы. Каждый из борющихся старался ослабить руку противника и вонзить в его тело лезвие кинжала. Символ проклятия загорелся на руке Дубэ: вой зверя заполнил собой сознание разбойницы. Но магия Теаны сдерживала ее растущую кровожадность, этот яростный крик только оглушал девушку. Дубэ едва увернулась от прямого удара в спину. Ей удалось вырваться из рук нападавшего и вскочить на ноги. Но противник снова приготовился атаковать.

Доли секунды они стояли не двигаясь. Вокруг них слышались истошные крики, лязг оружия и запах крови. Голова Дубэ кружилась, но зверь не покидал ее.

Ее терзала одна мысль: Леарко! Наконец разбойница решилась действовать. Убийца

выпустил два ножа для метания, и девушка, подпрыгнув, сумела увернуться от них. У нападавшего был весь арсенал боевого оружия секты, а у нее только кинжал. Дубэ была в опасном положении; длинное одеяние также сковывало ее движения. Наконец Дубэ повалила убийцу на землю. С улыбкой ликования на лице он все еще продолжал отбиваться. Девушка схватила нападавшего за горло и стала с силой душить его. Хруст ломающихся костей охладил пыл Дубэ, в то время как зверь неистовствовал от радости. Безжизненное тело убийцы упало девушке на руки, и она с отвращением скинула его на землю.

Дубэ окинула взглядом помост. Ни Леарко, ни даже Форы на нем уже не было. Теана также не отзывалась, а вокруг толпа в ужасе разбегалась в разные стороны. Сначала разбойница растерялась, а потом снова услышала шорох за своей спиной. Она резко обернулась и вонзила кинжал в тело другого убийцы. Нападавший беззвучно упал на землю.

Дубэ была раскрыта. Теперь она должна действовать.

Она помчалась изо всех сил, с размаху сбивая с ног неприятеля, преграждавшего ей путь. Разбойница добежала до самого дальнего угла сада, где, по ее сведениям, крепостная стена была самой низкой. Охранники пытались остановить девушку, но мысль о мече Форы, угрожавшего жизни Леарко, оказалась сильнее. Когда по зарослям плюща она стремительно взбиралась на стену, ей вдогонку уже начали свистеть первые стрелы. Добравшись до крыши, она спустилась вниз до самого низкого места и спрыгнула. Так Дубэ оказалась на перекрестке трех дорог. Она знала, как нужно правильно приземляться, но тем не менее ее колени изнывали от боли. Не обращая на это внимания, разбойница вскочила на ноги и в одно мгновение растворилась в городской суете.

На этот раз тронный зал показался Леарко больше обычного. Он, со связанными руками и ногами, стоял на коленях на мраморном полу. С него сняли доспехи и меч, лишив даже сапог. За спиной принца в глубине зала сгрудились охранники. В подземных казематах Леарко видел, как стенали и умоляли о пощаде те немногие, еще оставшиеся в живых заговорщики. Он поискал глазами Дубэ, но не смог ее найти. А ее подруга была вместе с ним брошена в тюрьму. Леарко вспомнил, как его поразило полное достоинства лицо девушки. И хотя принц не имел ни малейшего представления о том, кто на самом деле эта женщина, он почувствовал существование некой внутренней связи с ней. И этим связующим звеном была Дубэ.

— Все будет хорошо, — коротко прошептал он.

Девушка ответила ему кивком.

Тогда он набрался храбрости и спросил ее:

— Ты знаешь, где Дубэ?

В ответ она только покачала головой. Принц на мгновение почувствовал такое отчаяние, будто его в одну минуту лишили всех сил.

Огромная деревянная дверь распахнулась, и, тяжело шагая, вошел Дохор, не удостоив сына даже взглядом.

Только когда король сел на трон, он посмотрел на принца своим холодным и строгим взглядом, слишком хорошо знакомым Леарко.

В какое-то мгновение он понял, что Дубэ была права: он никогда бы не смог убить отца, ни тем более поручить это убийство другому. Всякий раз, когда отец смотрел на него таким взглядом, все вокруг начинало расплываться и терять смысл.

— Волько здесь ни при чем. — Это все, что принц смог выдать из себя. В тюремной камере он видел слезы старого адъютанта, умолявшего короля освободить Леарко. Даже в такой безнадежной ситуации он, пренебрегая собственной жизнью, пытался защитить юношу.

— Возможно, что он не имеет к случившемуся никакого отношения, но он в ответе за то, каким ты стал, — яростно ответил король. — Завтра я велю отрубить ему голову. А сейчас наведу порядок здесь.

Леарко сжал кулаки и стиснул зубы: принц не мог смириться с тем, что Волько страдал

по его вине, однако открыто воспротивиться этому у него не хватило духу.

— Не думал, что когда-нибудь ты дорастешь до этого, — начал отец. — А знаешь, ты меня удивил. Я всегда считал тебя бездарным и не мог представить себе, что ты сможешь зайти так далеко. Замышлять заговор и выступать против меня... Впрочем, если бы мне нужно было убить своего отца, чтобы взойти на престол, возможно, я сделал бы то же самое. Великие устремления требуют жертв. — Король с любопытством посмотрел на сына. — Знаешь, а этот Карно — настоящий слабак. При виде орудий пыток он задрожал, как листок. Он почти сразу раскололся, и не составило особого труда прояснить всю картину целиком, — добавил он с усмешкой. — Мне кажется неправдоподобным, чтобы ты был зачинщиком этого, ведь на самом деле именно Неору принадлежала эта затея. А ты просто примкнул к нему, потому что думал, что он победит. Но ты даже и не заметил, что ваш заговор не стоил и выведенного яйца. Я бы на твоём месте в одиночку пробрался к отцу и зарезал бы его.

Леарко покраснел, почувствовав к себе отвращение. Отец был прав. Юноша, прежде чем окончательно примкнуть к заговорщикам, еще долго сомневался. Принц закрыл глаза; все его тело колотила дрожь.

«Я не могу больше позволять обращаться со мной подобным образом, мне нужно разорвать все узы, связывающие меня с ним».

В сознании принца возник образ Дубэ.

— Я не такой, как ты.

— Что? — спросил Дохор, прикладывая руку к уху. — Если хочешь что-то сказать мне, советую тебе говорить громче. Я не слышу твоего бормотания.

Король улыбался, как взрослый, который слушал невнятный детский лепет.

Леарко почувствовал, как в его душе рождался долгожданный гнев.

— Я не такой, как ты, и я не иду по трупам невинных людей.

Торжествующая улыбка Дохора несколько омрачилась.

— Я знаю, и нет нужды повторять мне это. Ты всегда был слишком изнежен и никогда ничего не смыслил в вопросах власти. У тебя вовсе не было намерения становиться королем, ты просто хочешь избавиться от меня. Поэтому ты и спрятался за спиной Неора.

Леарко чувствовал, как его сердце учащенно билось в груди, но он не собирался сдаваться.

— Ты ошибаешься. Твоя смерть ничего бы не изменила. Ты сделал бы из меня убийцу, сжигавшего вокруг себя земли, и вынудил бы стать похожим на первого Леарко, такого, каким ты его себе представляешь.

Взгляд короля стал суровее.

— Не смей касаться имени брата.

На этот раз рассмеялся Леарко:

— Ну конечно, мой братец, этот недостижимый образец. Не тешь себя иллюзиями, он стал бы таким же, как я.

— Он не был слабаком, и никогда бы не разочаровал меня.

Король с такой силой сжал поручни трона, что кости побелели на его руках.

— Если бы он вырос, ты вызвал бы в нем такую же ненависть. Ты разрушаешь все, к чему прикасаешься. Так было с моей матерью, со мной, с этой землей, и теперь ты хочешь сделать это со всем миром.

— Король должен поддерживать свою власть, — настаивал Дохор.

— Ну да... но теперь ты никому не доверяешь, не правда ли? Ты один остался на своем троне и думаешь, что так тебе будет лучше. Тебе достаточно власти. Ты доволен тем, что каждую ночь спишь в разных комнатах, и тебя не волнует даже тот факт, что твой кузен собирался расправиться с тобой. Он хотел сделать это ради спасения этой земли от твоего мерзкого деспотизма, и именно поэтому я поддержал его.

Дохор громко рассмеялся, и эхо зала еще больше усилило звучание его голоса. Леарко оставался неподвижным. Теперь, когда наконец он нашел в себе силы в лицо бросить отцу

всю правду, его сердце успокоилось.

— Ах, сын... Ты всего лишь трус, который скрывает под глупыми идеалами собственный страх.

— Ты, вынуждая убивать невинных людей, приучил меня жить в страхе и в отвращении к самому себе. И этого я не прощу тебе никогда. Ты идешь напрямик в ад, а у меня еще есть шанс. Я смогу спасти Всплывший Мир.

— Всплывший Мир — это животное, которое нужно держать в узде, — грозно изрек Дохор. — И если бы не я пришел к власти, то нашелся бы еще кто-нибудь другой.

— Ты ошибаешься. Если я займу трон, на котором ты сидишь, то откажусь от всех твоих завоеваний, и от тебя не останется даже воспоминания.

Дохор с мрачным лицом облокотился о спинку трона.

— Ты действительно полагаешь, что никто тебя за это не осудит? Ты очень сентиментален, Леарко. Стремление к лидерству — в природе человека, и этого не изменить.

— Неправда, и до самого моего последнего вздоха я буду противиться этому.

Тень безумия промелькнула в лице короля. Затем он расслабился, как будто неожиданно нашел наконец решение всех проблем.

— Как бы то ни было, теперь все кончено. Я слишком устал от тебя, — произнес он, махнув рукой. — Пришло время возвращать долги моим соратникам. Ты отправишься в Дом Гильдии, и там тебя принесут в жертву Тенаару, тому самому богу, которому я обязан своей невероятной властью за такой короткий срок. Ты останешься доволен, ведь вместе с тобой будет та девица, которая спасла тебя и которая, к твоему удовольствию, тоже убийца, а если быть точнее, предательница.

Леарко вздохнул с облегчением. Значит, Дубэ жива. Возможно, что она также в тюрьме, но живая. Принц улыбнулся:

— А теперь ты остался в дураках.

Дохор вопросительно посмотрел на него.

— Ветер поменялся, и тебе пришел конец. Думаешь, что этот заговор возник на пустом месте? Думаешь, что тебе будет достаточно просто убить меня и других заговорщиков? Ты пожнешь то, что сам и посеял. Может, я и умру, но скоро и ты отправишься вслед за мной.

Дохор встал и подошел к сыну. Леарко видел морщины на его лице, он разглядел, что глаза короля побелели от начинавшейся катаракты, а его тело стало дряблым. И у юноши исчез страх перед отцом. Этот ничтожный человечешка, конечно, может убить его, но скоро и он испытает тяжкие страдания при виде своего гибнущего королевства.

Леарко знал про Идо, про Сеннара и про миссию, поддержанную Советом Воды. Юноше об этом рассказала Дубэ после того, как спала наконец окружавшая их пелена лжи.

«Это всего лишь старик, который, как и все, состоит из плоти и крови. И ему хватит всего лишь одного удара меча».

— Я умру на своем ложе через много, много лет, и весь Всплывший Мир будет у моих ног. Я достигну того, что не удалось Астеру... Память обо мне останется в веках.

Леарко продолжал смеяться.

— Я буду вместе с матерью ждать тебя в аду.

Дохор на мгновение пришел в замешательство, но затем он подал знак охранникам, стоявшим в отдалении. Солдаты взяли принца под руки и повели его прочь. Леарко с улыбкой покидал этот зал. Наконец он свободен, свободен от своего отца.

19

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

— Ничего не выйдет, — сердито произнес Сеннар. Вспотевший и запыхавшийся Лонерин устало на него посмотрел.

В его руке был кинжал, который дал ему старый маг: вот уже несколько часов юноша тщетно пытался переместить свой дух.

— Ты слишком долго не можешь овладеть объектом.

Лонерин уныло посмотрел на оружие. Оно было изготовлено самим Ливоном: Сеннар, еще в детстве, выиграл его у Ниал в одной дуэли. Получалось, что молодой маг сжимал в своей руке легендарное оружие, которое, впрочем, в этот момент было для него не более чем обычным кинжалом.

— Я попробую устоять, — произнес Лонерин, переведя дыхание. — Как будто что-то снова зовет меня в этот мир обратно...

Лицо Сеннара приняло ледяное выражение.

— Мне кажется это вполне естественным. Природа твоего духа явно не подходит для вселения его в кинжал.

Лонерин вздохнул.

— Нет ли здесь какой-нибудь хитрости, которую...

— Ты должен отыскать ее сам.

Юноша был обескуражен таким ответом. Неужели возможно, что такой гениальный маг, как Сеннар, не может научить его этому. Совсем другое дело Фольвар. Тот никогда не сердился и без устали хвалил своего ученика.

— Но я не нашел ее, — не сдавался молодой маг. — Возможно, ваша подсказка помогла бы мне начать двигаться в нужном направлении.

Лонерин почти сразу же раскаялся в опрометчивости сказанного, увидев, какими грозными стали глаза Сеннара.

— Мне нечего сказать тебе. Каждый маг должен отыскать свой путь.

— А если он не нашел его?

— Значит, ритуал не получится.

Лонерина переполняло негодование.

— Мой учитель старался протянуть мне руку помощи, когда я что-то не понимал. Простите, но вы ни в чем не помогаете мне, а, наоборот, используете любую возможность, чтобы уменьшить мое участие в этой миссии.

Лицо Сеннара приняло вызывающее выражение.

— Сильно сомневаюсь, что твой учитель когда-либо обучал тебя магии на таком уровне. В любом случае могу сказать, что ты уже и так достаточно зрелый, чтобы идти вперед без чьей-либо подсказки. Ты в совершенстве владеешь магией. А теперь ты должен найти решение самостоятельно. Я не могу тебе в этом помочь. — Старый маг показал юноше свою почерневшую и высохшую руку. — Это все, что осталось мне от моих прежних возможностей! Я спалил их почти полностью за одну только ночь. Я не в состоянии выйти за эту грань. Поэтому либо ты думаешь сам, либо навсегда распростишься с твоими мечтами о славе и откажешься от намерения стать героем любой ценой. Мы найдем другого мага, который овладеет этим быстрее тебя.

Уязвленный Лонерин потупил взор. Он слишком устал от этих упреков, от этой раздражающей манеры обращения, которую Сеннар позволял себе в отношении юноши с самого начала их совместного путешествия.

— Продолжим завтра, — резко оборвал разговор старый маг, укладываясь на ночлег.

При этом Сеннар не переставал язвительно улыбаться.

— Для человека, снесаемого жаждой мести, ты слишком непоследователен.

Лонерин резко обернулся:

— Зачем тогда вы сказали, что я — самая подходящая кандидатура для миссии, если на самом деле считаете меня таким бездарным? Вы могли взять с собой любого другого, объяснив Совету Воды причину своего отказа.

— Затем что у тебя есть все задатки, — произнес Сеннар без смущения. — У тебя есть необходимые способности и воля. Но ты, не без помощи твоего учителя, слишком уверился в том, что ты самый лучший среди его учеников, и продолжаешь верить, что все получится без особых усилий, так, как это было до сей поры.

Сеннар говорил правду, но так нестерпимо безапелляционно, что Лонерин был не в

силах терпеть это. Он повернулся, чтобы высказать Сеннару свое возмущение, когда глаза двух магов встретились.

В насмешливом взгляде Сеннара читался вызов.

Нет, он не сдастся так просто.

— Я попробую еще раз, — уверенно сказал юноша, сжимая в руках кинжал.

Барагар — это огромный город-порт, самый большой во всем Всплывшем Мире. Сеннар много слышал о нем, но побывал там всего однажды еще ребенком. Это был родной город его отца. Старый маг вспомнил, что когда-то давным-давно он поразил его детское воображение. Там были самые настоящие дома с черепичными крышами, и всюду царила невообразимая суeta. Город, с его чередой запутанных извилистых улочек и множеством заведений с подозрительной репутацией, был удивительным и вместе с тем весьма небезопасным местом.

«Барагар — это земля, в которой слишком много денег, и поэтому, как и все богатые города, он разращен золотом», — объяснял его отец.

С тех пор Сеннар никогда сюда больше не возвращался. С этим городом связаны слишком тяжелые воспоминания. Его мать умерла здесь, когда Сеннар вместе с Ниал еще не покинули Всплывший Мир, а сестра мага и вовсе бесследно исчезла в его бесконечных лабиринтах.

Едва путники вошли в город, как запах моря зашекотал их ноздри. Сеннар наслаждался каждым оттенком этого аромата, напоминавшего ему о родном доме. Крик чаек переполнял старого мага мучительной ностальгией по тому давнему времени, когда он был еще подававшим большие надежды мальчишкой. Старая часть города располагалась вдоль скалистого берега, в то время как новая находилась на самом краю отвесной пропасти, выходившей к морю.

Порт примыкал сбоку и тянулся вдоль широкой бухты, заканчивавшейся высокой скалой.

Городские улочки были грязными, с неровной и разбитой мостовой. Склон был настолько высоким, что даже Лонерин задохнулся на подъеме. Но все это многоцветье фасадов домов, отличавшихся друг от друга характерным и неповторяющимся орнаментом, было также до боли знакомо старому магу.

Барагар — типичный город Земли Моря. Здесь можно было встретить людей со всех концов Всплывшего Мира. Все самое хорошее и ужасное в одинаковой степени соседствовало в этих местах.

Лонерин прибавил шаг, стараясь не отставать от Сеннара. Юноша чувствовал себя здесь неуютно, и старый маг не винил его за это. Он знал, что Лонерин был родом из Земли Ночи, мест довольно холодных и спокойных. А в Барагаре люди переговаривались друг с другом прямо из окон, на улицах звучала бойкая речь, а в воздухе пахло рыбой. Эта картина была мила сердцу истинного обитателя Земли Моря, но немало смущала чужестранцев.

К сожалению, и сам Сеннар не слишком хорошо ориентировался в этом городе, и в конце концов оба мага принялись бесцельно блуждать в районе по соседству с портом.

Когда солнце указало на полдень, оба путника зашли в одну из таверн для того, чтобы перекусить и решить, что им делать дальше.

Внутри стоял крепкий табачный дух, и Лонерин почувствовал себя неловко.

— Тебе не нравится это место, не так ли? — с улыбкой спросил его Сеннар.

— Я не привык к этому, — прозвучал ответ юноши.

Хозяин сразу же распознал в Сеннаре земляка. Старый маг был польщен. Он полагал, что длительное пребывание в других землях навсегда стерло с его лица следы принадлежности мага к этим местам. Очевидно, что это было далеко не так. Он с удовольствием вновь наслаждался живой речью его жителей, их странной манерой растягивать последние буквы в словах. И затем, этот радушный прием. Дружески хлопнув мага по плечу, хозяин заведения предложил им две кружки «Сквало», местного напитка.

Лонерин, увидев стакан с фиолетовой жидкостью внутри, и вовсе сконфузился. Он слышал и раньше об этом напитке, но никогда еще не осмеливался его попробовать. Ему говорили, что он медленно проникал в горло, обжигая как огонь. Молодой маг, не решаясь прикоснуться к стакану, посмотрел на Сеннара в надежде, что тот передумает. Но старик не удостоил того даже взглядом, уставившись на напиток, словно зачарованный.

«Неужели я все еще способен на это?» Он разом проглотил содержимое стакана, зажмурил глаза и стал ждать. Огонь из горла спускался все ниже, до тех пор пока не опалил его грудь. Великолепно.

Затем он, довольный, посмотрел на Лонерина:

— Если ты читал мои никчемные «Хроники», то тогда ты имеешь некоторое представление о местной традиции. Всякий совершеннолетний человек, чтобы доказать право называться взрослым, должен без колебаний выпить его. Таков обычай.

Лонерин недоверчиво посмотрел на темную жидкость:

— Он слишком крепкий...

— Если не этот, так какой же, по-твоему, ритуал призван это доказать?

Юноша еще мгновение размышлял, а потом взял стакан и залпом опустошил его. Сеннар видел, как тот сразу покраснел, и разразился громким хохотом. Было уморительно следить за тем, как молодой маг изо всех сил пытался скрыть приступ кашля. Он, с полными от слез глазами, смог вздохнуть только через несколько секунд.

— Миссия выполнена, — сказал маг, похлопывая его по плечу.

Лонерин посмотрел на него с растроганной улыбкой.

— Ну? — спросил его Сеннар.

— Сразу видно, что вы дома.

Старый маг покраснел. На самом деле уже давно он не чувствовал себя так хорошо, как сейчас, и это очень беспокоило его. На протяжении многих лет он отказывал себе в праве на мир и спокойствие. Сначала это было из-за Ниал, а теперь из-за Тарика и Тальи. Его страдания стали вечной данью, которую он возлагал на их могилы, словно это была именно та цена, которую мертвые просили у него, чтобы почтить с миром.

Прежде чем как покинуть таверну, Сеннар поинтересовался у хозяина заведения, где живет коллекционер.

— Ах, Йдат! Ну, он живет не в этой навозной куче, а на самой вершине скалы, вместе с другими богачами.

— А вы можете точно сказать где? — попытался уточнить Лонерин.

В ответ хозяин разразился громким смехом.

— В том нет особой нужды. Едва вы окажетесь там, то сразу отыщете его дом. Это самая большая и роскошная усадьба во всем Барагаре. Ошибиться просто невозможно.

Убрав со стола, трактирщик попрощался с посетителями, а потом неожиданно вернулся, словно забыв сказать что-то.

— Кстати, теперь, благодаря богам, нет больше необходимости карабкаться вверх по крутым улочкам. — Он мельком глянул на трость Сеннара, а тот, в свою очередь, с достоинством выдержал этот преисполненный жалости взгляд. — В городе работает подъемное устройство на роликах, просто чудо техники. Оно находится за таверной: вам стоит просто свернуть на другую улочку. Советую вам воспользоваться им. Это — одна из достопримечательностей нашего города!

Лонерин и Сеннар согласно кивнули.

— Мы выкупим талисман? — спросил юноша, когда они остались наедине.

— Мы предложим ему продать.

— Не думаю, что нам хватит на это денег, ведь он — коллекционер. А если он не примет наше предложение?

— Наша миссия превосходит рамки морали.

— Может, попробовать объяснить ему ситуацию...

— Ну да, слух об этом быстро дойдет до ушей Гильдии.

Лонерин тяжело вздохнул, водя пальцем по краю стакана. А потом вдруг ни с того ни с сего хихикнул.

— Что такое?

— Кража, как мне кажется, — неизменная составляющая моей миссии. Сначала я просто следовал примеру одной воровки, а теперь нам обоим предстоит заняться этим ремеслом...

— Средства, при помощи которых выполняются особые задания, зачастую не соответствуют истинному благородству цели. Но в этом случае важность миссии их оправдывает, — торжественно произнес Сеннар.

— А кто решает, когда нужно начать действовать?

— Собственная совесть. — Сеннар оперся спиной о спинку стула и посмотрел на Лонерина с едва заметной улыбкой. — Ты похож на меня, когда я был в твоём возрасте. Такой же чистый и невинный...

Молодой маг недовольно скривил лицо.

— Я прекрасно знаю, что в жизни всегда можно найти компромисс.

— Да, конечно... но ты никогда еще не опускался до этого, не так ли?

Лонерин отвел глаза в сторону. Зато Сеннар смягчил немного свой взгляд.

— Если бы ты смог дожить до моих лет, оставшись таким же порядочным, как сейчас, я бы с удовольствием изменил свое мнение.

Но я так не думаю, потому что жизнь заставляет нас делать то, что чуть раньше казалось просто невыносимым. Что может быть хуже, чем маленькая кража, разве не так? Однако я же дал свое согласие твоей знакомой, несмотря на убийство, которое она намерена совершить.

Лонерин покраснел до самых корней волос.

— Мне уже пришлось противостоять отдельным соблазнам и не пойти на какие-то компромиссы.

Сеннар перевел свой взгляд на стакан.

— Счастливiec, — пробормотал он.

Он не мог сказать о себе того же. Много лет назад у него была возможность отомстить за смерть Лайо, оруженосца Ниал, и он не спасовал. Даже сегодня он не без смущения вспоминал испытанную им в тот момент безудержную радость. Именно ее, по прошествии стольких лет, он не смог себе простить.

Он очнулся и посмотрел на своего юного собеседника.

— То, что мы собираемся делать, тебе кажется тем самым компромиссом, снизойти до которого ты бы мог себе позволить?

Лонерин некоторое время сидел задумчиво.

— Да, — произнес он наконец. — Да, — повторил он с еще большей решительностью.

Усадьба Йдата представляла собой удивительное по красоте и роскоши зрелище. Дух захватывало от этого парящего между морем и небом жилища. Огромный сад был окружен высокой каменной стеной, скрывавшей его от бесцеремонных глаз. Единственный вход в дом охранялся вооруженным караулом, прохаживавшимся взад-вперед между двумя белыми колоннами, верхушки которых были украшены каменными львиными головами.

Сеннару удалось доложить о себе коллекционеру только после того, как Лонерин представился высшим магом Совета Воды. Это был вынужденный обман. Если им действительно пришлось бы выкрасть талисман, то вина за этот поступок несправедливо легла бы на верховное руководство этого органа власти. Еще один компромисс, которого невозможно избежать? Юноша предпочитал не задумываться над этим.

Аудиенция была назначена на вечер того же дня, во время ужина, и молодой маг решил воспользоваться оставшимся временем, для того чтобы обзавестись подобающей для этого случая одеждой.

Сеннар остался отдыхать в гостинице, где они пообедали, а Лонерин в одиночестве

отправился в город. Прежде чем покинуть Барагар, он страстно хотел увидеть своими глазами место, представлявшее собой полную противоположность его родной земле, и погрузиться в беспорядочное смешение запахов и цветов. С этой целью он несколько раз ради развлечения поднимался на единственном в своем роде средстве передвижения, указанном трактирщиком.

Эти устройства представляли собой металлические кабины, приводимые в движение всего лишь усилием рук поработанных фамминов. Тяжелые и сложные механизмы из латуни были действительно настоящим чудом техники. Из них открывался великолепный вид на город.

Вечером перед воротами в дом Йдата оба мага предстали в полном облачении, готовые разыграть свою комедию.

— Хорошая мысль насчет одежды, — заметил старый маг, осматривая сад, по которому они шли. — Мне кажется, что хозяин этого дома остерегается подобных вещей.

На самом деле все вокруг них свидетельствовало о чрезмерном богатстве. Диковинные животные и птицы спокойно прохаживались среди прозрачных фонтанов, каждый из которых отличался неповторимой и сложной системой разбрызгивания воды. Огромный парк был хорошо ухожен и украшен статуями и прочим убранством.

Хозяин дома встречал гостей сидя за столом. Это был довольно крепкий мужчина средних лет. На нем была странная, но, бесспорно, очень дорогая туника. Едва завидев Лонерина, он склонил голову в знак приветствия.

— Для меня — великая честь видеть за моим скромным столом такого прославленного человека.

Услышав такие высокопарные слова, юноша, едва сдерживаясь от смеха, бросил беглый взгляд на своего спутника.

Ужин представлял собой череду утонченных, достойных королей блюд. В глубине зала сидела изящная молодая девушка, услаждавшая слух присутствующих великолепной игрой на флейте. После взаимного обмена комплиментами, Лонерин сообщил цель своего визита.

— Нам известно, что вы обладатель изысканной коллекции предметов искусства и владеете некой вещью, которую Совет Воды хотел бы выкупить у вас.

Йдат, напрягшись, сделал глоток вина.

— Вы мне льстите. Я — всего лишь любознательный человек, любитель древних реликвий, — ответил он, вставая из-за стола. — Прошу вас проследовать за мной.

Сеннар и Лонерин не заставили себя долго упрашивать и вместе с хозяином вошли в просторный зал, где хранились все его сокровища. В большинстве своем это были откровенные и довольно грубо выполненные подделки, которые Йдат принимал за подлинные предметы старины. Несметное количество разной величины безделушек заполняло все помещение. Вдруг Сеннар остановился как вкопанный. Сердце Лонерина замерло.

Изменившийся почти до неузнаваемости, талисман власти был выставлен напоказ на одной из капителей.

Йдат, судя по его лицемерной улыбке, должно быть, заметил замешательство гостей.

— Вижу, что ваши глаза обнаружили самый ценный предмет в моей коллекции, — сказал он с любовью, затем взял талисман своими упитанными пальцами и поднес к свече. — Уважаемые господа, а вот и талисман Ниал.

По какой-то странной иронии судьбы, он был едва ли не единственной настоящей ценностью во всей коллекции, и было бы хорошо, если бы Йдат на самом деле не догадывался, что это подлинная вещь. Лонерин почувствовал, как рука Сеннара вцепилась в его плечо, старый маг не мог отвести взгляда от предмета, когда-то спасшего Всплывший Мир, а потом унесшего жизнь Ниал.

— Это как раз та самая вещь, о которой я говорил в самом начале.

Эти слова застали Йдата врасплох.

— Наш достопочтимый Совет на самом деле заинтересован в этом?

Лонерин кивнул:

— Он имеет историческое значение, понимаете?

Коллекционер растерянно посмотрел на обоих гостей:

— А как вы узнали, что он у меня?

— Мы повсюду искали его, и, наконец, нам удалось восстановить весь пройденный им путь...

Йдат сжал пальцами талисман, словно не желая с ним расставаться.

— Но я столько выложил за него, и теперь он мне чрезвычайно дорог...

— Мы полностью возместим вам ваши убытки.

С трясущимися руками и вытаращенными от неожиданности глазами, коллекционер стал похож на ребенка, у которого отнимали любимую игрушку.

— Пять тысяч каролов, — отважился предложить ему Лонерин. Это было все, что они имели при себе. Не оставалось денег даже на оплату проживания в гостинице.

Йдат опустил глаза, но молодой маг не дал ему времени на раздумья.

— Весь Всплывший Мир будет вам за это признателен.

Хозяин дома, казалось, проникся этим патристическим призывом. Он посмотрел на талисман и вынес свое решение:

— Хорошо. Но пусть он останется у меня до утра... — взмолился коллекционер. — Потом, клянусь, он будет ваш.

Лонерин посмотрел на Сеннара, но тот был погружен в собственные мысли. Юноша кивнул, в надежде что принял правильное решение.

— Благодарю вас! — воскликнул коллекционер с горящими глазами. — Я непременно отдам его вам, если это так нужно для высшего блага нашего народа, — добавил он растроганно.

Сеннар и Лонерин спускались к гостинице пешком. Было уже довольно поздно, и подъемные тележки не работали.

На обратном пути путники не встретили ни одного человека, и юноша был немало удивлен пустынным видом города. Сеннар торопливо шел впереди него, словно и не было у него больной ноги. Теперь Лонерин знал, что это было признаком крайней взволнованности мага. Неправда то, что время залечивает раны. Есть вопросы, которые навсегда остаются без ответа.

— По крайней мере, наша миссия выполнена, — заметил Лонерин, когда они подошли совсем близко к гостинице.

— Уже, — глухо отозвался Сеннар. — Со временем ты поймешь, что достижение цели влечет за собой еще больше неясности, — добавил он печально.

Колокол зазвонил еще до рассвета. Сеннар соскочил с кровати и затряс Лонерина за плечо. Тот внезапно проснулся и услышал доносившиеся с улицы крики.

— Пираты, — тревожно сообщил старый маг.

Накинув на себя куртку, Лонерин выглянул в окно и посмотрел в сторону порта.

Огонь охватил корабли и лавки, но больше всего от пожара пострадала старая часть города. У юноши сердце замерло в груди.

— Йдат... — только прошептал он.

Ни секунды не раздумывая, он стремительно помчался вниз по лестнице. Лонерин бросился к коллекционеру, чтобы удостовериться в сохранности талисмана. Нужно было что-то делать, но едва тот спустился вниз, как хозяин гостиницы перегородил юноше путь. В ночной рубахе и с ржавым мечом в руках он предупредил постояльца о грозившей ему за порогом опасности.

— Неразумно выходить прямо сейчас, молодой человек, на улицах идет настоящая война.

— Проклятье, убирайся отсюда! — закричал Лонерин, но Сеннар схватил его за плечо.

— Не стоит этого делать. Все равно они скоро доберутся и туда. Нам остается только ждать.

— Но мы можем вступить. Возможно, Йдат нуждается в нашей помощи! Мы можем...

— Погубить себя, — мрачно заключил Сеннар. — Ты никогда не был на войне?

Вопреки своей воле, Лонерин был вынужден признаться в отсутствии у него подобного опыта.

— А я был, но прошло то время, когда я мог сразить наемников при помощи магии. Теперь ничего не остается, как сидеть и ждать.

Молодой маг в отчаянии сжал кулаки, а старик тем временем поднялся к себе в комнату.

На следующее утро стало очевидно, что Барагар подвергся в буквальном смысле полному разграблению. Люди рыдали на развалинах своих домов. Оставшиеся в живых перешагивали через трупы убитых солдат, загромождавших уличные проходы. Дом коллекционера также не избежал опустошительного нападения пиратов. Лонерин и Сеннар встретили Йдату в саду. С черным от копоти лицом, в изодранной тунике он мрачно следил за тем, как из дома выносили безжизненные тела его слуг. Казалось, что он не признал в них своих вчерашних гостей.

— Было светло как днем, — бормотал одно и то же обезумевший Йдат. «Он слишком потрясен, мы не сможем ничего от него добиться», — подумал Сеннар.

Тогда оба мага сами вошли в дом и напрямую устремились в зал, где хранилась коллекция.

Многие из реликвий, прежде в идеальном порядке расставленные по шкафам, валялись на полу, разбитые вдребезги. Найти что-либо в царившем здесь хаосе было делом непосильным, но маги бросились на пол и принялись шарить среди обугленных и еще дымящихся головешек.

— Проклятье! — застонал Лонерин, отшвырнув от себя какой-то кубок.

Талисмана здесь больше не было.

20 ТАЙНА

Прошло три дня со дня кровавой расправы в Макрате. Солдаты короля обшарили весь город в поисках людей, хоть как-то причастных к заговору, и следы их бесчинств все еще бросались в глаза. В городе действовал комендантский час; повсюду на улицах чувствовался гнетущий запах крови и гниющей плоти.

Укрывшись в тени дома, Дубэ с тоской посмотрела на труп болтавшегося на ветру Волько. Тело королевского адъютанта было подвешено за ноги, а его голова пронзена пикой, прикрепленной к крепостной стене. Так расправлялись с предателями. Дохор отдал приказ, по которому трупы заговорщиков были развешаны в разных частях города в назидание тем, кто снова захочет выступить против власти.

Но это зрелище не впечатлило разбойницу. Она перекинула крюк через крепостную стену, ту самую, через которую она перепрыгивала, когда спасалась бегством из дворца, и бесшумно поднялась наверх. Оказавшись на другой стороне, она спряталась в зарослях кустарника, дожидаясь, пока патруль совершит свой обход. У стен дворца все следы неудавшегося мятежа были уже уничтожены. Даже с травы была смыта кровь поверженных заговорщиков. Дубэ вздрогнула. Она боялась увидеть за стеной истерзанные тела Теаны и Леарко. Собственно, поэтому девушка и вернулась сюда с твердым намерением снова начать действовать. Она понимала, что не сможет больше жить с этой невыносимой болью.

Сначала ей захотелось раздобыть интересовавшие ее сведения. В городе народ шептался, что самые важные заключенные были переведены в казематы Академии. Во

дворце не хватало тюремных камер, а король приказал перед казнью всех допросить. Но Дубэ никогда прежде не была в Академии, и для того, чтобы не бродить там вслепую, разбойнице требовался ее подробный план. А для этого нужно снова вернуться во дворец.

Как только охрана удалилась, девушка бесшумно проскользнула в сад и добралась до галереи. Дождавшись удобного момента, она взломала дверь и проникла внутрь. Это было последнее место встречи с Леарко, и от этой мысли сердце девушки вдруг тоскливо сжалось. Она глубоко вздохнула, стараясь больше не думать об этом. Для того чтобы остаться незамеченной и не рисковать понапрасну, ей необходимо быть максимально собранной.

Тусклый свет факелов едва освещал мрачное пространство коридора. Стояла необыкновенная тишина, девушка знала, что Дохор преспокойно спал на одном из верхних этажей. От этой мысли у нее закружилась голова, и она еще острее почувствовала, как зыбка грань между ее сознанием и зверем. Странно, ведь после последнего ритуала прошло не более четырех дней; очевидно, что и этих мер было недостаточно для того, чтобы сдерживать гнетущее действие проклятия. Дубэ во что бы то ни стало нужно было спасти Теану и убедить ее найти иное средство. К тому же пришла пора вновь позаботиться о своем внешнем виде: волосы девушки с каждым днем становились все темнее и короче.

С этой мыслью, мучительной занозой пронзавшей ее сознание, она решительным шагом направилась к покоям знати. Дубэ стало известно, что той же самой ночью начальник тюрьмы Академии вернулся по дворец для получения новых указаний короля. Дохор хотел, чтобы находившиеся еще во дворце заговорщики были в условиях строжайшей тайны переведены в подземные камеры пыток.

Главный тюремщик согласно кивнул, делая пометки в пергаменте с подробным описанием расположения темниц и заключенных в них узников. Затем он раскланялся и направился в свою комнату. Дубэ поджидала его за углом.

В тот же день она сумела раздобыть все необходимые приспособления, и прежде всего ее старый воровской инструмент. С ним можно без особых усилий сбежать из любой тюрьмы. Хотя сейчас ей предстояло проникнуть туда.

Перед этим разбойница успела навестить своего старого поставщика, Тори. Гном, поняв, что девушке срочно требовалось изменить свою внешность, стремительно забаррикадировал свою лавку с тем, чтобы снаружи никто не смог увидеть девушку. Она находилась в розыске, и гном прекрасно понимал, что и его могли обвинить в участии в заговоре.

— Послушай, Дубэ, я не хочу несчастий на свою голову, — сказал он прежде, чем она смогла вымолвить хоть слово. — До сей поры солдаты меня не трогали, потому что я всегда придерживался нейтралитета; ты прекрасно знаешь, что тебе нельзя здесь появляться.

Девушка, оставив все его увещевания без внимания, положила на прилавок свой перечень.

— У тебя есть вот это?

Бегло просмотрев список, Тори глубоко вздохнул.

— Видел ли кто-нибудь, как ты сюда входила?

— За кого ты меня принимаешь? — с улыбкой спросила его девушка.

— Ладно. Но давай так договоримся: ты здесь никогда не была.

Гном подобрал все необходимое по списку.

Уже во дворце Дубэ взяла в руки одну из склянок и, стараясь не вдыхать едкий запах, осторожно обмакнула платок в содержавшуюся в ней светлую жидкость. Тюремщик вошел в комнату, а за ним проследовала и девушка. Мужчина собрался было зажечь огнивом свечу, как вдруг разбойница накинулась на него сзади, приложив к его рту пропитанный ядом платок. Через мгновение его коренастое тело без единого звука рухнуло на пол. В одежде мужчины Дубэ нашла карту тюрьмы и связку ключей от камер. Затем, все так же бесшумно, девушка покинула дворец.

Попасть в Академию оказалось делом далеко не простым. Дохор превратил это здание

в некое подобие казармы, в стенах которой обучались наиболее преданные ему воины. Дубэ попыталась представить себе, что бы подумал об этом Идо, посвятивший Академии многие годы своей жизни.

Здание прямоугольной формы имело строгий и неприступный вид. У каждого входа были выставлены караулы. Только доступ на кухню не имел должного контроля, и Дубэ решила действовать именно через него. Фортуна была явно на стороне девушки, потому что засов на двери уже давно проржавел от старости. Проникнув внутрь, девушка разложила на стоящем в самом центре комнаты столе добытую карту и внимательно ее изучила при тусклом свете луны. Камеры находились на разных этажах. Почти все они были до предела забиты узниками. В одной из таких темниц Дубэ и обнаружила имя своей спутницы.

Только для одной камеры было сделано исключение. Она была довольно маленькой, тесной и находилась на некотором удалении от остальных, что сильно усложняло доступ к ней. Сбоку стояла пометка — «Леарко».

Вспышка гнева охватила Дубэ. Однако если она хотела попасть в тюрьму, ей необходимо было держать себя в руках. Не терять надежду даже в аду — это именно то, чему девушка научилась у принца во время их свиданий.

Разбойница еще раз посмотрела на карту, чтобы как следует запомнить маршрут, по которому ей предстояло идти. В плане отсутствовали пометки о количестве охранников, контролировавших те или иные входы. Имелись только указания о наличии основных караульных помещений. Неожиданно для себя девушка поняла, что, вероятнее всего, ей придется убивать, но это не смутило ее. Даже если ради спасения Леарко она будет вынуждена расстаться с собственной жизнью, то все равно пойдет на это. Дубэ знала, что, если принц выживет, она тоже никогда не умрет.

Разбойница свернула карту и положила ее в карман. Затем она обмотала ключи в кусок ткани и была такова.

Дубэ шла по полупустым коридорам верхних этажей тюрьмы, где содержались обычные преступники. Охранников здесь было довольно мало. Подобравшись к первому проходу, она потратила некоторое время, чтобы подобрать подходящий ключ.

Открыв дверь, она осторожно двинулась вперед, стараясь действовать как можно бесшумнее. Невдалеке послышался смех караульных. Похоже, что их было двое, девушка с трудом различала их при тусклом свете факелов. Сначала она ползла в тени, падавшей от стены караульной будки. И только потом, убедившись, что охранники ничего не подозревают, встала на ноги. Ее сердце учащенно билось. Дубэ замерла в ожидании, а затем, улучив момент, ринулась вперед. Но, едва завернув за угол, она остановилась. Перед ней возникла спина еще одного охранника. Недолго думая девушка достала платок, при помощи которого она уже успела расправиться с главным тюремщиком, и накинулась на караульного. Открыв пустую камеру, она втащила туда бездыханное тело, затем направилась к двери, ведущей к лестнице.

После того как разбойница попала на нижний этаж, она вмиг поняла, что теперь ей предстояло самое сложное.

В этой части тюрьмы солдаты непрерывно патрулировали все ее коридоры. Они чутко улавливали любое движение. Дубэ, должно быть, очень рассчитывала на наставления Шервы, потому что здесь было сложно оставаться незамеченной. Многочисленные факелы освещали даже самые удаленные уголки на этаже. Единственное, что ее спасало, — так это доносившийся из камер шум. Повсюду слышались отчаянные вопли и жалобные стенания. Это была леденящая душу картина; наверняка и охранники думали примерно так же. У них были мрачные и напряженные лица: при встрече они обменивались раздраженными взглядами.

Дубэ попыталась сохранять спокойствие: она внимательно следила за тем, чтобы как можно дольше оставаться вне поля зрения караульных. Девушке пришлось довольно долго

добираться до нужной двери. С минуты на минуту кто-нибудь мог заметить подозрительное отсутствие главного тюремного надзирателя или обезвреженного ею охранника, и тогда начнется.

Снова завернув за угол, она увидела молодого солдата с усталым лицом, охранявшего вместе с напарником вход на другую половину этажа. Понимая, что не сможет убить обоих и бросить их тела в коридоре, разбойница решила на хитрость. Она вернулась в соседний коридор и закричала как можно громче.

— Кто там? — спросил один из охранников.

Дубэ, спрятавшись в тени, затаила дыхание. Нечеловеческим усилием воли она заставила себя оставаться в таком положении в надежде, что оба солдата клюнут на ее уловку. Чуть позже девушка увидела, как они пошли удостовериться, все ли в порядке. Медлить было нельзя. Она стремительно выскользнула из своего укрытия с ключами наготове.

Сердце бешено билось в груди девушки, а от пота ее руки стали скользкими. Послышались шаги: караульные снова возвращались. Дубэ лихорадочно пыталась подобрать ключ к двери, по очереди вставляя их в замочную скважину.

— Ну, давай, открывайся скорей!

Прозвучавший чуть слышно щелчок показался ей самым прекрасным звуком на земле.

Открыв дверь, она протиснулась в образовавшееся узкое пространство и помчалась дальше. Шаги становились все ближе. Дубэ приложила все усилия для того, чтобы успеть закрыть дверь до прихода караула.

Поняв, что это ей удалось, разбойница позволила себе перевести дыхание. Все ее мышцы ныли от напряжения, но останавливаться было нельзя. Там внизу, в камере у темной лестницы, ее ждал Леарко.

Дубэ быстро побежала по лабиринтам галерей. По сравнению с верхними этажами здесь все казалось еще более запутанным. Коридоры выглядели особенно уныло, а двери еще более массивными. Потолок был слишком низкий и вызывал ощущение сдавленности и нехватки жизненного пространства. Стояла невыносимая духота. Это было похоже на один из кругов ада со стонами грешников и вечным пламенем.

Девушка не оробела и, вынуждаемая действовать без промедления, в скором времени смогла обнаружить камеру Леарко.

Дубэ остановилась в углу, на расстоянии вытянутой руки от двери. Она с трудом представляла себе, в каком принц состоянии: подвергался ли он пыткам, а может, и вовсе умер. Тоска подступила к самому горлу, но девушка удержала себя от опрометчивых поступков. Двое коренастых свирепого вида охранников с оружием в руках стояли у двери.

Разбойница призадумалась. Сражаться с ними врукопашную в такой тесноте, даже несмотря на нарастающий рев зверя, не представлялось ей возможным. Девушка порылась в сумке и извлекла оттуда два флакона, взятые у Тори. Она осторожно откупорила склянки, метнула их под ноги солдат, стараясь не вдыхать ядовитые испарения, и принялась ждать.

Охранники не успели вымолвить ни слова: оба, лишившись чувств, рухнули на пол. Дубэ, воспользовавшись моментом, погасила освещавшие дверь факелы влажной тряпкой и сразу подскочила к двери.

«Все идет как надо», — подумала девушка, но горькая улыбка отчаяния промелькнула на ее лице.

Замок открылся с глухим звуком. Дубэ толкнула тяжелую дверь, и та с жутким скрипом отворилась. Разбойница затащила в камеру тела охранников и закрыла за собой дверь.

— Что, уже устро?

От этого голоса девушка вздрогнула и резко обернулась назад. Камера была удушающе тесной, единственная свеча в углу с трудом освещала это жалкое место.

Стоявший на коленях принц был прикован к стене за руки. Из одежды на нем были только штаны. На обнаженной груди юноши зияли багровые и лиловые полосы от ударов

плетью, в волосах — следы запекшейся крови и грязи. У Леарко успела отрасти длинная борода, но его глаза оставались все такими же живыми. При виде Дубэ они наполнились неподдельным изумлением.

— Дубэ.

Девушка подскочила к принцу и стала отчаянно его целовать. Увидев его в таком ужасном состоянии, она не выдержала, и слезы рекой полились из ее глаз. Было очевидно, что принца жестоко били и пытали. Раны на его теле были глубокими, и каждый стон юноши еще больше усиливал слепую ярость в душе девушки.

Дубэ попыталась ключами открыть оковы, но вскоре поняла, что это бесполезно. Тогда она воспользовалась своими воровскими отмычками: нескольких привычных жестов оказалось достаточно, чтобы освободить, наконец, юношу. Затем Дубэ помогла Леарко вынуть из кандалов его затекшие руки.

Леарко улыбнулся. Он так внимательно посмотрел на девушку, будто впервые ее видел. Превозмогая боль, юноша взял в руки локон ее волос.

— Вот это — твой настоящий цвет... — со вздохом произнес он.

Дубэ не нашлась что ответить. Она молча помогла принцу подняться: тот слишком ослаб от такого длительного пребывания на коленях.

Сначала он едва держался на ногах, но потом все же решил двигаться самостоятельно. Леарко вытащил меч у одного из лежавших на полу охранников и оперся на него, пытаясь сохранять равновесие. Дубэ не вмешивалась. Они были слишком похожи в этом друг на друга: оба гордые, независимые и нетерпимые к жалости.

— Тебе не нужно оружие, достаточно того, что я буду тебя защищать, — сказала девушка.

— Не стоит меня недооценивать, — ответил он с улыбкой. — Что будем делать дальше?

— Сначала освободим Теану.

Леарко вопросительно на нее посмотрел, и только тогда Дубэ поняла, что он не знал настоящего имени девушки-мага.

— Это — Лея, моя спутница.

Принц согласно кивнул, но выражение его лица стало очень серьезным.

— Вчера ночью ее увели. Я узнал ее голос.

От этих слов все похолодело внутри Дубэ. Она вспомнила истошные крики, доносившиеся из камер пыток, и ее сердце бешено забилося в груди.

— Думаешь, что ее пытали, чтобы добиться признаний?

— Она твоя сообщница, и, следовательно, это вполне возможно. Но я знаю, куда ее могли отправить. Следуй за мной, — позвал Леарко девушку, уверенно направляясь к двери.

Поражала великолепная выучка принца. Несмотря на то, что его мышцы еще не отошли от боли, он стремительно и бесшумно двигался по подземным казематам. Дубэ с восхищением следила за ним. Юноше удавалось так же проворно, как и ей, использовать тень для прикрытия.

Им не пришлось долго идти: камера пыток находилась в одном из узких боковых коридоров. Дубэ достаточно было просто увидеть эту дверь, чтобы почувствовать себя плохо. Это гиблое место было погружено в непроглядную зловонную тьму.

У Дубэ не было четкого плана. Эта камера не была помечена на карте, и действовать приходилось вслепую. Она достала кинжал и в сопровождении Леарко устремилась вперед.

Едва приблизившись, они услышали страшный вопль, взорвавший тишину. Сердце выскакивало из груди разбойницы: это был женский голос. Она быстро достала связку ключей и попыталась отыскать подходящий. Доносившийся из камеры стон становился еще глуше и жалобнее. Без сомнения, это была Теана. Затем раздался резкий звук, и девушка-маг снова вскрикнула.

Дубэ почувствовала, что зверь уже готов вырваться наружу. Весь мир потерял свои прежние очертания, уступив место безудержной жажде крови. Словно во сне, она увидела,

как Леарко взял у нее из рук ключи и сумел наконец открыть дверь. Настоящий ад предстал перед их глазами.

Широкие жаровни освещали низкое и длинное пространство узилища. В углу стояла железная дева — жуткий саркофаг, выполненный в форме женского тела. Обе его створки были открыты, а изнутри все сплошь покрыто заостренными шипами. Повсюду на стенах были развешены щипцы, клещи и острые ножи. Девушка с обнаженной спиной лежала на деревянной лавке; позади нее стоял мерзкий гном с орудием пыток в руках.

Здесь все напоминало Дом Гильдии. Ужас смешался с яростью; проклятие взломало наконец печать. Дубэ издала истошный вопль зверя. Она не могла, да и не хотела останавливаться. Перед собой она видела только отвратительного истязателя, с изумлением смотревшего на нее.

Леарко был в ужасе. Он видел, как Дубэ подскочила к палачу одним невероятным прыжком и накинута на него с кинжалом в руках. Девушку было не узнать: ее напрягшиеся мускулы, казалось, вот-вот взорвутся под кожей. Это уже была не Дубэ.

Она несколько раз вонзила кинжал в тело отчаянно отбивавшейся жертвы. Все вокруг было залито кровью: брызги попадали даже на стены камеры. Леарко стоял как парализованный. Он не мог ни о чем думать, кроме как о представшей перед его глазами страшной картине. Потом, вспомнив рассказ Дубэ, все понял.

— Остановись! — закричал он, кидаясь на девушку.

Дубэ с невероятной силой размахивала руками. Наконец, ей удалось вырваться и повергнуть принца на землю. Леарко увидел над собой ее черные глаза, похожие на два бездонных колодца. Девушка в исступлении занесла над ним свой кинжал, готовая вонзить его в шею юноши.

«Она убьет меня», — подумал он без капли страха. Это было всего лишь подтверждение факта: события разворачивались слишком стремительно.

Но Дубэ остановилась. Исступление медленно исчезало, а глаза девушки снова становились такими, как прежде. Она внезапно обмякла и упала на грудь Леарко.

— Дубэ, очнись! — снова крикнул юноша, тряся ее за плечи.

Он еще несколько раз позвал девушку, прежде чем та смогла открыть глаза и посмотреть на него.

— Опять началось, — пробормотала Дубэ со слезами на глазах. — Я снова это сделала, — повторяла она, всхлипывая.

Это были слезы отчаяния. Принц прижал ее к себе, шепнув на ухо, что все кончено. Когда Дубэ успокоилась, юноша усадил ее к стене и направился к Теане.

Девушка-маг лежала с открытыми глазами и тяжело дышала.

— Как ты, Теана?

Та с трудом посмотрела на Леарко:

— А Дубэ?

— Она рядом, мы пришли за тобой.

Он достал ключи из кармана куртки обезображенного палача. Дубэ, сидя в углу, приходила в себя.

Принц осторожно высвободил Теану из оков и помог ей встать. Девушка огляделась вокруг, задержав на мгновение свой взгляд на лежащем на полу труп.

— Это ее работа? — спросила она, глядя прямо в глаза Леарко.

Тот кивнул ей в ответ.

— Проклятие, заговор не помог.

— Нам нужно уходить отсюда, — чуть слышно проговорила Дубэ. От слез на ее лице остались темные разводы, а руки были липкими от крови. Но, несмотря на это, разбойница смогла взять ситуацию под свой контроль. Было видно, что это стоило ей невероятных усилий.

— Массовый побег из караульных будок обеспечит нам доступ ко всем камерам...

только так мы сможем уйти, — прохрипела разбойница.

— Посмотри на нас! У нас нет сил сражаться, — возразил Леарко.

— Возможно, но в этом нет необходимости, — вступила в разговор Теана. — Я, не сходя с места, могу сделать это при помощи магии.

Дубэ смерила ее пристальным взглядом. Если Теана сказала, значит, она в состоянии это сделать.

— Валяй, — просто ответила Дубэ.

Леарко в недоумении спрашивал себя, а не приснились ли ему эти две девушки. Бесспорно, они были совсем разные, но, так или иначе, между ними сложилось особое взаимопонимание.

Теана глубоко вздохнула. Девушка выглядела бледной и уставшей; она начала нашептывать какие-то слова, как вдруг ее лицо приобрело странный землистый оттенок, а ноги стали подкашиваться от усталости. Принц снова поддержал девушку-мага, но та не переставая продолжала читать заклинание. Кандалы, в которые были закованы руки Теаны, лишили ее последних сил, и теперь она невероятным усилием воли старалась их восстановить. С закрытыми глазами и с печальным выражением лица она закончила ритуал. Все пространство камеры заполнил синхронный звук одновременно открывавшихся замков. Потом он распространился дальше по коридору, охватывая весь этаж.

Дубэ прислушалась. За закрытой дверью нараставший гул не заставил себя долго ждать. Сначала раздался дверной скрип и шарканье босых ног, а затем тяжелый грохот солдатских подкованных башмаков со шпорами и крики охранников. Вскоре радостные возгласы смешались с военными приказами.

— Пора! — решила разбойница.

И они помчались стремглав. Леарко бежал впереди с мечом в руках, а за ним Дубэ, держа на своих плечах ослабевшее тело Теаны. В тюрьме царил полный хаос. Те узники, кто еще крепко держался на ногах, были уже вооружены, более слабые тащились сзади. Число бежавших заключенных было так велико, что среди охраны появились уже первые жертвы.

Леарко смешался с толпой. Он дважды падал на землю, всякий раз с трудом поднимаясь на ноги.

— Я сам, — отвечал он Дубэ на предложение оказать ему помощь.

Вся Академия была поднята по тревоге: десятки солдат с верхних этажей спускались вниз, бросаясь наперерез восставшим.

Несмотря на то, что в такой давке принц, разбойница и девушка-маг подвергались риску быть раздавленными, эта неразбериха служила им хорошим укрытием.

Затерявшись в этой беспорядочной толчее, Леарко, Дубэ и Теане удалось незаметно проскользнуть на кухню.

— За мной! — крикнула Дубэ, устремляясь к незапертой двери.

Макрат встретил беглецов бодрящей ночной прохладой.

21 БЕГСТВО

Фора окинул взглядом бастионы дворца. Головы казненных заговорщиков чернели на фоне безукоризненной голубизны летнего неба. С тех пор как эти мертвые тела были выставлены на всеобщее обозрение, город погрузился в гробовое молчание. Напротив королевского наместника стоял Дохор с изможденным от усталости лицом. Его разбудили вскоре после того, как весть о побеге распространилась по дворцу. С этого момента король не переставая отдавал указания по восстановлению порядка.

— Прошу прощения, господин, — с дрожащим от волнения голосом обратился стоявший на коленях Фора к своему правителю. — Это — целиком моя вина.

Король, не проронив ни слова, с удовлетворением следил за этим жестом повиновения.

— Встань, — приказал он спустя некоторое время.

Увидев умоляющий взгляд Фору, король вспомнил, как увидел его в первый раз. Тогда это был рослый и упитанный детина, воспринимавшийся своими ровесниками полным дураком по причине своей нечеловеческой силы. Он был помощником повара при кухне Академии и страстно мечтал стать всадником. Но, будучи незаконнорожденным ребенком прежнего короля, он понимал, что эта мечта несбыточна. Окружающие видели только тупое выражение его лица, в то время как Дохор разглядел в нем проблеск глубокой ненависти.

Фора был мечом, ожидавшим своего хозяина, настоящим мясником, и король разбудил в нем стремление к отмщению.

Дохор взрастил его у своих ног как пса, наказывая за провинности и не скупясь на похвалы, если тот их заслуживал.

Как только Дохор пришел к власти, он назначил Фору своим наместником, позволив ему в полную силу отыгаться на полях сражений, и результаты не заставили себя ждать.

Вскоре Фора стал одним из самых жестоких и кровожадных наемников, сохранив при этом беспрекословную преданность хозяину. Он никогда не отказывался от порученных заданий, и этот раз не был исключением.

— Он бежал, — сказал король.

Фора, распрямив плечи, напряженно ждал конца фразы.

— Мой сын — предатель, — продолжал король. — Мне известно, что ты сделал все от тебя зависящее, чтобы направить его на истинный путь, но, поскольку ты воспитал принца, теперь тебе предстоит уничтожить его.

Искра злобного удовлетворения промелькнула в глазах его подданного; король с особым чувством предвкушал свою месть. После встречи с принцем в тронном зале дворца он никак не мог забыть решительный и воинственный взгляд сына. В его королевстве, где правит страх, тот, кто перестает бояться, становится опасным врагом, потому что так он обретает свободу. Леарко должен заплатить за оскорбление.

— Ты должен доставить его живым, — произнес Дохор, чеканя каждое слово. — Я хочу увидеть, как наши союзники принесут его в жертву в своем храме. Еще я обещал им девушку-мага. Разбойница же пусть просто умрет. Меня не интересует, как ты это сделаешь, мне нужна только ее голова.

Фора, подождав еще немного, склонил голову.

— Я оправдаю оказанное мне доверие, — сказал он свирепо и удалился прочь.

Король задумчиво посмотрел ему вслед; тишина Макрата могла таить в себе всякое.

«Вот она, моя власть», — подумал Дохор. Одна только мысль, что в одночасье все может рухнуть под его ногами, вызвала в нем панический ужас, никогда доселе им не испытанный.

И только образ вопящего от нестерпимой боли Леарко смог утихомирить, наконец, его тревоги. Король не сомневался, что принц скулил бы как животное, умоляя о пощаде, но Дохор остался бы непреклонен. Тогда он одержал бы победу над всеми: и над своим сыном, и над целым Всплывшим Миром. Только так король смог бы забыть искру неповиновения в глазах Леарко, вспыхнувшую в тот самый вечер, когда он перестал испытывать страх перед своим отцом.

Дубэ погрузила лицо в прохладную воду Темного ручья. Она испытывала острую необходимость очиститься и вычеркнуть из памяти ужасы, увиденные ею в мрачных тюремных казематах.

На этот раз не только зверь, но и ее собственный гнев определяли поступки девушки. Она приподнялась и резкими движениями попыталась отмыть свой жилет и руки от крови. Но все ее усилия были напрасны: казалось, что мерзкий запах смерти навсегда впитался в ее кожу.

— Прекрати!

Дубэ обернулась. Леарко, положив одну руку девушке на плечо, смотрел ей прямо в глаза. Он выглядел изнуренным, но тем не менее всем своим видом старался внушить ей

спокойствие и душевное равновесие. Дубэ знала, что и его обуревали те же мрачные мысли: девушка испытывала чувство благодарности к принцу за это вынужденное лицемерие. Она нуждалась в поддержке юноши: ей было необходимо, чтобы он оправдал ее поступки, особенно сейчас, когда они оказались в месте, так сильно напоминавшем ей о прошлом.

Все трое отправились в грот, тайное укрытие Дубэ, находившееся в самой чаще леса, неподалеку от Макрата. Теана, не оправившаяся от пыток, лежала в этом убежище.

Едва Дубэ вступила в грот, ее охватило отчаяние. Казалось, что ничего не изменилось с той поры, когда она в последний раз была здесь, словно вся прожитая ею жизнь бесполезна и никчемна. Снова и снова возвращаться сюда, к своему прошлому, после стольких выпавших на долю Дубэ испытаний и страданий — такова ее неизбежная участь.

Обернувшись, она встретила взглядом с принцем. Нет, неправда. Ее жизнь изменилась, потому что теперь в ее жизни есть Леарко.

Раздавшийся стон вернул ее в реальный мир. Леарко начал промывать раны платком, смоченным в воде ручья, и сердце защемило у нее в груди.

— Позволь мне, — обратилась Дубэ к принцу. Взяв в руки платок, она смочила его в воде и приложила к ране, стараясь касаться ее как можно мягче.

Леарко поднял голову и поцеловал девушку, и на мгновение все вокруг перестало существовать под густыми кронами деревьев.

— Куда теперь мы пойдём? — спросил принц, прервав этот нежный поцелуй.

Дубэ показалось, будто тяжкое бремя придавило ее к земле. Сжимая в руках платок, разбойница снова пришла в себя.

— Теане, чтобы немного восстановить силы, нужен хотя бы один день. Иначе мы не сможем двинуться дальше.

После всего пережитого девушка-маг совершенно обессилела, и все трое оказались не в состоянии продолжить дальше свой путь. Укутавшись в длинные плащи, они успешно миновали улицы, имевшие в Макрате самую дурную славу, но в лесу им пришлось сделать остановку.

— Чтобы найти нас, солдаты прочешут лес, — заметил Леарко.

— Только после того, как справятся с беспорядками. У нас есть еще немного времени. А может, у тебя иные соображения?

Тяжело вздохнув, юноша отрицательно покачал головой:

— Нет, никаких.

А в это время на небе над их головами уже забрезжило утро нового удушающе жаркого дня.

— Я хочу остановить отца любой ценой. Я должен присоединиться к восставшим и поддержать их наступление.

Дубэ была поражена, услышав его твердый и решительный голос, в словах принца больше не было страха.

— Думаю, что правильным в этой ситуации будет отправиться в Лаодамею и узнать мнение членов Совета Воды. Идо и Лонерин наверняка уже вернулись и представили туда отчет о своей миссии.

Странное смятение охватило девушку, когда она произнесла вслух имя Лонерина и вдруг, сама того не желая, покраснела.

Нелепая и смешная ситуация. В своих многочисленных рассказах о себе Дубэ ни разу не обмолвилась о молодом маге. Чтобы принц понял, о ком идет речь, она вкратце, не вдаваясь в подробности, описала этого человека.

Леарко понял только то, что нужно было понять.

— Прекрасно. Мы присоединимся к ним, — сказал он уверенно.

Дубэ горько усмехнулась. А что будет с ней? Какое место уготовано ей?

«Никакого. Ты скоро умрешь».

Дрожь пробежала по спине девушки, и Леарко заметил ее смятение.

— Ты будешь сражаться вместе со мной, — заявил он решительно, а затем добавил: —

И доведешь свое дело до конца.

Дубэ отвернулась.

— Посмотри на меня. Я знаю, что ты решила, но я не допущу этого. Мне нет жизни без тебя.

Девушка не знала, что ответить, ведь эти слова в равной степени могли принадлежать и ей. Но ее пугало это почти идеальное сходство их чувств. Оно было слишком прекрасным и сильным, чтобы иметь свое продолжение в будущем.

— Конечно, мой отец дал мне жизнь, но он сделал это, преследуя свои цели. Он хотел создать точную копию себя, чтобы научить меня презирать смерть. А я — иной, и только сейчас мне это стало понятно. Моя земля жаждет его крови, да и тебе нужна его смерть.

Дубэ молчала. Что она должна была сделать: умереть, защищая их любовь, либо убить его отца и ждать, когда призрак короля встанет между ними, день ото дня усиливая их отчуждение.

— Поклянись мне, что сделаешь это... — прошептал Леарко.

Дубэ на мгновение представила себе их совместную жизнь и почувствовала себя счастливой. Но то был сиюминутный обман: в глубине души она понимала, что этой фантазии никогда не суждено сбыться.

Принц и разбойница вернулись в грот. Они тщательно заделали вход в убежище и остаток дня провели в нем, восстанавливая свои силы. Все трое были сильно измотаны, раны Леарко давали о себе знать, а Дубэ продолжала пребывать в состоянии непрерывного напряжения, вызванного яростной активностью зверя.

Решение покинуть убежище было принято глубокой ночью.

— Ты сможешь идти? — спросила Дубэ девушку-мага.

Теана слабо кивнула. Оказавшись снова на свободе, она все больше молчала, а ее голос как-то изменился. Дубэ с трудом могла представить себе, что испытала ее подруга в мрачных тюремных стенах, но у разбойницы не было ни малейшего желания узнать об этом.

Преодолевая боль, Теана встала на ноги.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она Дубэ.

— Я справлюсь.

Девушка-маг взяла ее за руку и нащупала символ проклятия: он пульсировал сильнее обычного. Выражение тревоги появилось на ее лице.

— Нам следует повторить ритуал. Проклятие активизировалось.

— Но ты сейчас не в форме, — возразила Дубэ, убирая руку. — В любом случае у нас нет времени. Сейчас главное — поскорее убраться отсюда. За нами идет охота, и не сегодня завтра они выйдут на наш след.

— Я думала, что моя задача спасти тебя, а не наоборот.

Дубэ с удивлением посмотрела на свою спутницу и направилась к выходу.

Снаружи стояла непроглядная и безмолвная тьма. Отныне им предстояло двигаться только под покровом ночи.

— Может, для ритуала я слишком слаба, но на это у меня хватит сил.

Дубэ обернулась и увидела слабую улыбку на бледном лице Теаны. В руках она сжимала несколько разноцветных камешков.

— Я нашла их, когда вы ходили к ручью. Они понадобятся мне для магии: с их помощью мы сможем установить связь с Советом Воды. Я сообщу о нашем прибытии, и нас встретят на границе с Землей Моря.

Дубэ с благодарностью посмотрела на свою спутницу.

— Мы это сделаем, вот увидишь, — шепнула ей Теана.

Разбойница улыбнулась: она изо всех сил старалась в это поверить, но осознавала, что ничего, кроме надежды, у нее не осталось.

На следующий вечер беглецы смогли раздобыть себе лошадей: свернув с тропы, Дубэ и Леарко набрали на одиноко стоявший дом, из хлева которого им и удалось выкрасть

животных. Теана в это время поджидала их в лесу. Принц держался твердо и уверенно. Он всегда сохранял спокойствие, хотя как никто другой знал, что смерть могла поджидать их за любым поворотом. Дубэ с отчаянием льнула к нему, перестав думать о том, что когда-нибудь придет конец этому счастью.

Вскоре они почувствовали погоню. Сначала это был далекий и глухой взмах крыльев, от которого земля задрожала под ногами. Затем лошади под седоками стали нервно бить копытами. Наконец огромная темная тень затмила лунный свет. Это были драконы.

— Мы в опасности, — произнес Леарко. — Нас преследуют на драконах. А это значит, что Форa уже близко.

Дубэ побледнела как полотно, нужно было прибавить шагу. Теперь казалась невероятной мысль о том, что они вновь могут встретиться лицом к лицу с дядей принца и его войском.

С первыми лучами солнца беглецы сделали привал. Они по очереди отдыхали, привязав лошадей к одному из деревьев. Но чтобы суметь оторваться от преследователей, они двигались слишком медленно.

Вечером неожиданно у всех троих вновь появилась надежда на спасение. Едва они сели в седла, Дубэ и Леарко увидели, как голубое облако дыма обволокло фигуру Теаны.

Девушка-маг поторопилась спешиться. Она выложила круг из цветных камешков на куске ткани, оторванном ею от собственной одежды, и принялась нашептывать заклинание. Вскоре лоб девушки покрылся крупными каплями пота. А в это время сгустившаяся дымка приняла форму шара, и тогда, одна за другой, на материи стали явственно проступать руны.

— На границе нас будет ждать вооруженный отряд. Встреча через четыре дня.

От спасительной черты их отделяло всего несколько километров.

На пути их поджидало неожиданное препятствие. В какой-то миг перед молодыми людьми деревья расступились, словно занавес в театре, и все трое оказались на просеке. И хотя она не казалась слишком большой, не более одной ночи пути, опасность заключалась в том, что теперь их дорога пролегла по открытой местности.

Беглецы остановились на опушке леса. Лошади неспешно щипали траву. Светила полная луна.

— Что теперь? — просила Теана.

Ни Дубэ, ни Леарко не знали ответа. Может, им следовало бы объехать поляну, но сколько на это потребуется времени? Нельзя было опаздывать к условленному сроку и впустую расходовать свои силы. Сидевшая на лошади девушка-маг была похожа на привидение. Ей удалось убедить Дубэ возобновить ритуал, но ее сил вряд ли хватило бы на это действо. На этот раз вся процедура заняла бы значительно меньше времени, но теперь и сама маг с трудом могла пошевелить рукой.

— Поехали, — неожиданно сказал Леарко.

Дубэ заметила в его глазах привычную уверенность.

— И как можно быстрее, — ответила девушка, прищипывая коня.

И все трое во весь опор помчались по просеке. Яркий глаз луны с готовностью освещал им путь.

Тяжелый топот копыт заглушил ритмичный и глухой звук, вот уже несколько дней подряд заставлявший дрожать землю. За храпом животных не было слышно бряцания доспехов. Возникшая впереди грозная тень застала беглецов врасплох.

Огромная и черная, она бросилась наперерез лошади Теаны, опрокидывая животное на землю. Леарко и Дубэ увидели, как девушка с воплем покатила по земле, а затем неожиданно ее схватила чешуйчатая лапа.

Дубэ закричала.

«Нет, не сейчас!» — отчаянно умоляла она.

Дракон снова спустился, но на этот раз за Леарко. Принц, наклонившись, пытался защищаться мечом. Чтобы запутать противника, он помчался в другую сторону, с силой

пришпоривая коня. И на мгновение показалось, что ему это удалось.

— Скачи, скачи! — что было сил кричал он Дубэ, но девушка ничего не слышала.

Навстречу разбойнице неотвратимо двигалась толпа солдат, окружая ее со всех сторон. Дубэ попыталась успокоить коня, но тот продолжал лягаться как сумасшедший до тех пор, пока она не потеряла равновесие. Глухая боль заполнила собой сознание, а когда она отступила, первое, что увидела перед собой девушка, была прекрасная и безжалостная луна, сиявшая на небе.

Голова Дубэ кружилась, а в груди скребся ненасытный зверь.

Разбойница посмотрела на дракона; Леарко мечом защищался от мощных когтей, но эта схватка была неравной. Дубэ поспешила на помощь, но холод клинка на ее шее не позволил девушке подняться.

— Зачем так торопиться, — прозвучал чей-то грубый голос. Над Дубэ, сжимая меч, стоял какой-то солдат. — Лучше наслаждайся зрелищем.

За ним было еще человек десять вооруженных и готовых к бою солдат. Но это обстоятельство нисколько не смутило девушку. Резким жестом она вонзила кинжал в грудь нападавшего и устремилась к другим. Однако силы были неравны, и вскоре она оказалась прижатой к земле.

— Тебе больше не удастся выплеснуть яд, гадюка! — крикнул ей в ухо один из солдат.

Дубэ пришла в смятение. Дракон только что разорвал на куски лошадь Леарко, и принц, упав на землю, кубарем покатился по поляне. Разбойница видела, как юноша вскочил на ноги с мечом в руке и как его атаковали три человека, не дав ему опомниться. Леарко сражался неистово, но число нападавших было слишком велико. Вскоре обессиленный принц упал на землю.

Дубэ попыталась при помощи приемов, перенятых у Шервы, освободиться от преследователей, но солдаты опережали любое ее движение. Девушка почувствовала себя беспомощной перед ними.

Сквозь слезы боли и ярости она увидела приземлившегося дракона и спускавшегося с него наездника. Человек приблизился к Леарко, но Дубэ была слишком далеко, чтобы разобрать, кто это был. Затем разбойница увидела, как солдаты привязали к седлу дракона связанных принца и Теану. Затем ужасное животное взмыло в небо, и его рев заполнил собой всю равнину.

Человек, спустившийся с дракона, шел навстречу Дубэ; его очертания становились все отчетливее. Свириное лицо и массивная мускулатура выдавали хорошо знакомую ей фигуру.

— А теперь настал и твой черед, — с хищной ухмылкой обратился он к Дубэ.

22

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР

Шерва посмотрел на сияющую в небе луну. Что могла подумать о нем мать, если бы видела его в эту минуту?

Только теперь он понял, что ошибался. Шерва посвятил Гильдии всю свою жизнь без остатка; Иешоль хитростью украл у него эти годы, выведав все секреты его ловкого и гибкого тела, взамен лишив убийцу, словно растение солнечного света, последней надежды. Шерва предал свою мать, не отомстив за нее, и сам вырыл себе могилу. Он угодил в сети, расставленные этой сектой захватчиков. Эта дорога стала единственной возможностью восстановить свою поруганную честь и обрести, наконец, себя.

О появлении Сана стало известно во время обеда: в одно мгновение вся столовая превратилась в один бурлящий улей. Мальчик по собственной воле прибыл в Гильдию.

— А Идо? — спросил Шерва, когда узнал о произошедшем.

— Был приказ его не трогать. Впрочем, после всего того, что случилось с тобой, это вполне объяснимо...

Двое сидевших сбоку убийц с трудом сдерживались, чтобы не лопнуть от смеха. Шерва закипел от гнева. Что они позволяют себе? Он резко вскочил с места, заставив всех разом умолкнуть. Слепая ярость охватила тело убийцы, и тот недолго думая напрямик направился к Верховному Стражу.

— Вы запретили мне отправиться на поиски Сана, и я подчинился, — начал он дрожащим голосом. — Кроме того, я без всяких возражений снова стал простым убийцей. Но я не могу больше терпеть издевательства других подчиненных вам членов секты. В Гильдии я — второй после вас.

Шерва сомневался в истинности произнесенных им слов, но тем не менее он сказал это так, будто и сам в это искренне верил. Губы Иешоля скривились в еле заметной улыбке. И в этот момент Шерва понял, как сильно он ненавидит Верховного Стража. Иешоль вместе с его адским культом должны навсегда исчезнуть с лица Всплывшего Мира.

— Ты должен быть выше всего этого вздора.

— Честь для меня всегда была превыше всего.

Иешоль искоса посмотрел на своего подчиненного:

— Что тебе нужно, Шерва?

— Я прошу дать мне возможность отомстить за оскорбление.

— Тебе уже было в этом отказано.

— Я хочу встретиться с гномом и остановить его. Наверняка он уже направляется сюда.

В наступившей тишине Иешоль снял свои золотые очки и потер переносицу. Даже его жесты вызывали у Шервы отвращение.

— Нас это не интересует, — произнес, вставая, Верховный Страж. — Нам достаточно того, что Сан будет с нами.

— Но гном не позволит, чтобы мальчишка принял смерть из ваших рук.

— Ему не удастся нам помешать, и ты это знаешь.

— Весть о случившемся наверняка облетела весь Всплывший Мир, и гном уже возглавил войско. Но прежде чем он объединится со своими сторонниками, нужно остановить его.

Иешоль снова без единого слова посмотрел на Шерву. Это был взгляд короля, с равнодушием взиравшего на одного из своих ничтожных подчиненных.

— Ты допустил промах. Если бы твоя вера была искренней, Тенаар удовлетворил бы твою просьбу. Но ты продолжаешь отвергать его. Все это время ты находишься за гранью культа, и искупить вину ты сможешь, только отказавшись от своего высокого положения в Гильдии. Я слишком хорошо тебя знаю, Шерва, потому что очень доверял тебе. Много лет тому назад ты постучал в нашу дверь и, несмотря на то, что это был исключительный случай, мы с удовольствием приняли тебя, как самого одаренного из детей смерти. Здесь, в секте, не существует понятия чести, и твоя беда в том, что ты этого не понял, всякий, кто здесь оказывается, должен отказаться от своей прошлой жизни. Но ты не сделал этого.

Шерва прошипел сквозь зубы:

— Пошлите меня за Идо.

— Нет, лучше иди к богу. Твои мысли все еще, как и прежде, обращены к матери и к твоим истокам. А мы здесь — единое тело и единый дух. Только так можно стать победителем, как того требует от нас Тенаар.

— Да, но только не от вас.

У убийцы не было намерения произносить эти слова вслух, но он не смог сдержаться.

— Что ты сказал? — Иешоль задрожал от едва сдерживаемого гнева.

— Вы стоите во главе Гильдии и позволяете остальным обезличивать себя в этой вере, но при этом вы сохраняете свою независимость и, как личными рабами, распоряжаетесь подчиненными в своих целях.

Верховный Страж схватил Шерву за ворот его рубахи. Имея обычную внешность, он был невероятно силен.

— Ты сомневаешься в моей вере, червь? Ты это хочешь мне сказать?

Его глаза угрожающе сверкали. Только усилием воли Шерва смог устоять перед этим взглядом.

— Я делаю все во славу Тенаара, моя жизнь посвящена служению ему, и только здесь я по-настоящему живу.

Иешоль толкнул Шерву, вынудив его опуститься на колени. Убийца с трудом мог дышать.

— Я должен был сразу же убить тебя, и, надеюсь, ты знаешь почему. Я не терплю такой дерзости.

Шерва почувствовал себя раздавленным: Иешоль обращался с ним, как отец с нерадивым сыном.

— Делай как знаешь. Можешь убить гнома. Я позволяю тебе это, но только потому, что хочу быть великодушным, и не более того. Заруби себе на носу: я больше никогда не поддамся на твои бредовые идеи полукровки. После завершения своей миссии ты либо изменишь свои взгляды, либо станешь следующим, кому пустят кровь у подножия статуи Тенаара.

Шерва, злобно улыбаясь, вспомнил этот эпизод.

Верховный Страж безжалостно растоптал его. Эта последняя встреча стала символичной. Убийца был одним из множества его подчиненных, всего лишь слепым орудием, возможно и самым острым, в его руках. Иешоль всегда был хозяином в Гильдии, и казалось, что так будет вечно. В отличие от Шервы Верховный Страж достиг цели собственной миссии, дойдя до полного самоотрицания, и всецело посвятил свое тело и свой дух тому, во что искренне верил.

«Теперь мне ничего не остается делать, как спасти то, что еще можно спасти».

Он приблизился к гряде подводных рифов. Дул сильный ветер; а внизу, неистово вздымаясь вверх по скале, бурлила морская пучина. Вскоре волны должны были принести ему единственного врага, который, как он надеялся, был бы достоин его истинного величия: разочарованного и уставшего от жизни старика, живого свидетеля мира, который уже давно перестал существовать. Луна скользила по поверхности моря; Шерва не мог не думать о том, что в действительности так низко пал. На этот раз у него с собой были только старые, разваливавшиеся от времени доспехи.

Дворец был обыскан весь вдоль и поперек. К поискам привлекли даже Квара, не успевшего еще снять с себя ночную рубашку и колпак. Сама графиня металась по дворцу с растрепанными волосами. Идо обследовал самые потаенные уголки здания, обшарил все лестницы, заглядывая, куда только было возможно. Но мальчика и след простыл. Стало очевидно, что он пропал.

— А может, пленник смог самостоятельно выбраться и выкрасть Сана? Но он серьезно ранен, и мы скоро его обнаружим. Я уже отдала приказ охране: гонцы отправлены в другие графства с подробным описанием обоих. Все дороги взяты под наблюдение. Дело во времени.

Ондина старалась держать себя в руках, но по ее лицу было видно, как она встревожена.

Идо нервно курил трубку, выпуская маленькие и частые облака дыма. Его руки дрожали, а сам он был охвачен ужасным беспокойством: ярость, страх, разочарование и страшное чувство вины — все смешалось в его душе.

Он отрицательно покачал головой.

— Ну подумай сам, иначе и быть не могло... — заметила Ондина.

— Нет!

Графиня подскочила от неожиданности, и Идо пожалел о том, что позволил себе такой грубый и категоричный тон.

— Этот кретин не мог просто так исчезнуть, а впрочем, охранников нашли спящими у

его камеры.

— Это — наемный убийца, и наверняка он воспользовался каким-нибудь снотворным.

— В комнате Сана следов борьбы не обнаружено.

— Мальчик, наверное, тоже уснул...

— Он ушел сам, — прервал ее Идо. Он впервые произнес это вслух. Поначалу эта мысль витала у него где-то на грани сознания, но теперь ему ничего не оставалось делать, как сдаться. — Он освободил пленника и ушел вместе с ним.

— Но с какой целью?

— Он убежден, что сможет самостоятельно покончить с Гильдией, и намерен направиться туда, чтобы отомстить. Я разговаривал с ним и уверен, что это именно так.

Гном провел рукой по лицу. Вот результат всех его усилий: Тарик и его жена мертвы, Сан улизнул прямо у него из-под носа, доведенный до этого поведением самого Идо. Без сомнения, в этом была исключительно вина гнома, ведь он не смог окружить мальчика должной заботой, найти слова утешения в горе; ведь он даже не пытался облегчить страдания Сана. Он стал способен только на то, чтобы забивать голову старыми и никому не нужными рассказами.

«Старость сделала тебя глухим и слепым. Он такой же, как Ниал, а ты снова повторяешь прежние ошибки».

Ему очень хотелось разнести эту комнату вдребезги и закричать изо всех сил, но он не мог этого себе позволить.

— Где, по-твоему, они сейчас находятся?

Ондина растерянно огляделась вокруг, пытаясь сосредоточиться.

— Может, они направились по той дороге, по которой вы попали сюда.

Идо посмотрел на графиню в упор:

— А здесь есть другие, более короткие пути?

Женщина сосредоточенно молчала.

— Мы можем разузнать об этом у нашей стражи... — чуть слышно наконец произнесла она.

— Я должен опередить их. Другого выхода нет, и мне нужна твоя помощь.

Гном отправился в дорогу в этот же день. Но прежде он попросил Ондину разослать по всему подводному королевству специальный пропуск для того, чтобы никакие пограничные проволочки не задерживали его в погоне.

— Если появятся новые сведения, непременно известите меня. Соана научила меня некоторым магическим приемам для общения на расстоянии. Мне обязательно нужно быть здесь на случай, если Сан вернется.

Графиня растерянно кивнула:

— Как только ты покинешь Затонувший Мир и поднимешься на поверхность суши, увидишь корабль, самый быстрый из всех в нашей флотилии. Он будет в полном твоём распоряжении.

Идо, снаряжая своего коня, кивнул.

Ондина с грустью посмотрела на гнома.

— Сожалею, что все так случилось. Мне нужно было найти для него учителя получше...

— В этом нет твоей вины, — прервал ее Идо. — Только я за все в ответе.

С этими словами они простились, понимая, что, возможно, больше никогда уже не увидятся. Но времени для долгих проводов не было. Гном должен был попытаться исправить хотя бы часть из допущенных им оплошностей. Он прищипорил коня и помчался в путь, преодолевая сотни километров под водой.

Возникшая перед его глазами гряда имела все такой же неприступный и непроходимый вид, как и в тот момент, когда они ее покинули. Тогда все, казалось, было на своих местах: горе мальчика было и его горем, ведь гном несколько не сомневался в том, что Сан — это

Ниа́л его преклонных лет.

Он стремительно взобрался по тропе, которая вела с пристани до самой вершины. Там наверху он спросил у моряков, не случилось ли им видеть юношу, одетого во все черное, и мальчика с лиловыми глазами и заостренными ушами, возможно, они взошли на борт какого-нибудь судна.

— С тех пор как вы ушли отсюда, прошел только один грузовой корабль, но и на нем пассажиров не было.

Идо выругался. Возможно, они пошли другой дорогой и еще не добрались сюда, а может, они двигались незаметно и уже давно покинули эти места.

Добравшись до вершины гряды, гном огляделся вокруг. Беглецы могли укрыться где угодно, шансов отыскать их следы почти не было. Но почему он всегда должен был платить такую высокую цену за свои ошибки?

Спасение Сана стало делом его жизни, и ничто, будь то старость или разочарование, не в состоянии воспрепятствовать этому. Он резко отскочил в сторону, едва успев заметить, как летит в пропасть кинжал.

«Это — они!» — промелькнула в его мозгу безрассудная мысль. Гном обернулся, обнажая меч. Но перед ним возникла только одинокая фигура худого, извивавшегося, как змей, человека. Идо почти сразу его узнал — это был тот самый убийца, что сразил Тарика и пытался выкрасть Сана.

— Тебя не было слишком долго... — произнес наемник с отвратительной улыбкой.

— Где Сан?

— Я жду тебя вот уже больше недели. А ты знаешь, какими бесконечно долгими показались мне эти семь дней вынужденного созерцания моря?

Идо заскрипел зубами. Пришло наконец время расставить все по своим местам.

— Скажи мне, где он?

Человек пожал плечами:

— Возможно, что уже в Земле Ночи, и меньше чем через неделю он будет в храме. Но я могу и ошибаться, ведь теперь его судьба меня не волнует.

Идо непонимающе посмотрел на него. Это казалось невероятным: разве что только на крыльях можно так быстро передвигаться.

— Лучше уйди с дороги. Человек, которого ты видишь сейчас перед собой, уже не тот, с кем ты сражался три месяца тому назад.

— Я тоже изменился, — заметил, ухмыляясь, Шерва и со свистом метнул в лицо гнома два ножа.

Один из ножей Идо остановил мечом, а второй он успел заметить только в последний момент и, пригнувшись, отскочил в сторону. Едва гном поднялся на ноги, как за его спиной снова возник этот демон.

— Теперь держись, — выкрикнул убийца, обхватил шею Идо и стал сжимать ее.

Гном стал задыхаться, но смог дотянуться до кинжала, что торчал у Шервы за поясом. Нашупав рукоятку, Идо выхватил его и вонзил в руку убийцы. Шерва, не проронив ни звука, ослабил захват и отскочил на безопасное расстояние.

Шерва вытащил кинжал не поморщившись и снова набросился с ним на гнома. Но Идо был готов отразить все удары противника и даже успел приспособиться к его манере вести бой. Тот был вне себя от ярости: это читалось в его глазах. Гном вел свою игру, позволяя противнику думать, что преимущество на его стороне; но как только Идо увидел в глазах Шервы ликование, сделал неожиданный выпад и застал его врасплох. Гном ударил по рукояти кинжала и тут же пронзил вторую руку убийцы. Рана была глубокая, и Шерва истекал кровью.

— Будь ты проклят... — прошипел Шерва, пошатываясь.

— Ты мне не нужен. Убирайся отсюда и живи, — сказал гном, тяжело дыша.

— Мне не нужна жизнь без чести! Я довольно настоялся на коленях за эти годы и не уйду отсюда, пока не смою позор своего поражения! — выкрикнул Шерва.

Он подскочил к Идо, метнув на его шею неизвестно откуда взятую удавку. Гном успел сунуть руку между веревкой и горлом, но петля стягивалась все туже, и Идо стал задыхаться. Однако Шерва слабел на глазах — сказывалась потеря крови. Идо воспользовался этим и, упираясь рукой, скинул лассо. Одним движением он повалил противника на землю, пригвоздив его мечом. Потом еще раз вонзил свое оружие в плечо Шервы, потому что прежде, чем умереть, он должен был обо всем рассказать.

— Убей меня! — завопил Шерва, брызгая слюной. — Я не справился и с этой миссией и заслуживаю смерти!

Идо бесстрастно слушал это признание: лежавший перед ним человек представлял собой всего лишь еще одно препятствие на его пути.

— Ты сказал мне правду? — спросил он убийцу, опираясь на рукоять меча.

— Я просил убить меня, — прошипел тот в ответ. — Моя жизнь кончена. И теперь тот, кто хотел быть сильнее всех, вынужден пресмыкаться, как червь.

Идо подозрительно посмотрел на Шерву. Несчастный стал очередной жертвой Гильдии, но он был убийцей Тарика.

— Сначала ответь мне, правда ли то, что ты мне сказал сначала, и я лишу тебя жизни.

Убийца еле заметно кивнул:

— Они прошли по подземному ходу, который использовал Тиранно, когда посылал своих эмиссаров в Затонувший Мир во времена Зимней Битвы. Поэтому они и опередили тебя.

— Проклятье!

Шерва, задыхаясь от хрипов, горько усмехнулся:

— Он надул нас обоих. Он знал, что мне не одолеть тебя, и послал меня на это задание. В итоге он воспользовался мной как орудием.

Шерва повернулся лицом к гному:

— И ты стал орудием в его руках, так же как и тысячи рабов, возвращенных им под землей и используемых для разрушения этого мира.

Идо с ненавистью посмотрел на убийцу:

— О ком ты говоришь?

— Об Иешоле, Верховном Страже, человеку, уничтожающем каждого, кто осмелится проникнуть в Гильдию, о том, кто лишил меня всего.

Идо угрожающе надвинулся на Шерву:

— На какой день назначен ритуал?

Шерва сначала в нерешительности посмотрел на гнома, а потом гримаса боли на его лице сменилась безжалостной ухмылкой.

— Через две недели. Одна неделя нужна для того, чтобы доставить мальчишку к нему, а другая — чтобы подготовить ритуал.

— Почему неделя?

— Потому что возрождение Астера ознаменуется массовой бойней просителей, которых принесут в жертву у подножия статуи Тенаара, в Доме Гильдии. Среди них будут два особых гостя, которых Иешоль еще должен заполучить: девушка-маг по имени Теана и сын Дохора.

Идо почувствовал, как дрожь пробежала по его телу. Девушка-маг, спасшая ему жизнь, и печальный юноша, с которым жизнь его однажды уже сталкивала; тот самый принц, которому никогда не суждено стать королем.

Гном вырвал меч из плеча Шервы, и тот вскрикнул от боли. Затем вытер оружие куском материи, найденным в сумке. Кровь убийцы, в отличие от человеческой, имела необычный бледный оттенок и странную консистенцию.

— Ты дал мне слово, — произнес, приподнимаясь, Шерва.

Идо бросил на него безразличный взгляд:

— Я не убиваю тех, кто больше не представляет для меня угрозы.

— Если ты не убьешь меня, то обещаю, что я найду тебя даже на краю света и не

позволю освободить мальчишку.

Идо повернулся к нему спиной:

— С такими-то ранами? В любом случае тебе нет смысла этого делать, ты только что сам в этом признался.

Шерва с тоской потупил взор:

— Моя жизнь потеряла всякий смысл. Если ты настоящий воин, то сжалишься надо мной.

— Значит, у тебя есть еще один враг, — возразил Идо, а затем вложил меч в ножны и пошел своей дорогой.

Потрясенный Шерва смотрел вслед удалявшемуся гному, но вскоре его недоумение сменилось такой дикой решимостью, которой он не испытывал никогда в своей жизни.

Теперь он был готов на все, чтобы достигнуть желаемой цели.

23

ПРИЗРАК ЧАЩИ

Ветер завывал среди стволов сухих деревьев. Стояла самая отвратительная пора лета; от изнуряющего зноя потрескалась земля, песчаная пыль нестерпимо резала глаза.

Лонерин никогда прежде не видел воочию Чащи. Читая о ней в «Хрониках», он мысленно пытался представить ее себе. Но его воображение рисовало картины яркой и богатой красками местности, тенистой и освежающей — ничего общего с тем унылым зрелищем, которое теперь простиралось у него перед глазами.

Шедший рядом Сеннар еще сильнее закутался в плащ.

— Ты уверен, что это именно здесь?

Лонерин кивнул:

— Вчера вечером я дважды проверил, и результат всегда оказывался неизменным. Талисман находится здесь, в Чаще.

Сеннар вздохнул.

С тех пор как они впервые вступили в Салазар и вплоть до их повторного возвращения в Землю Ветра, это путешествие превратилось в мучительную дорогу по руинам его прошлой жизни. Старый маг испытывал непреодолимую тягу к этим местам, превратившимся в ловушку, от которой не было спасения.

— Во всем этом есть смысл, — произнес старый маг, сделав несколько шагов навстречу ветру. — Я не знаю, чем все это закончится, но, без сомнения, все это неспроста.

Вскоре после пиратского нападения на город обоих путников охватило уныние. В очередной раз, находясь уже в шаге от заветной цели, они вновь все теряли, словно в тумане. Однако если Сеннар, казалось, склонялся к тому, чтобы считать их миссию неудавшейся, Лонерин сдаваться не собирался. Искать, настойчиво разыскивать повсюду — было его твердым решением.

В какой-то момент терпение Лонерина лопнуло.

Путники вернулись в гостиницу, намереваясь серьезно обдумать свои дальнейшие действия.

— Почему вы так быстро сдаетесь? Ваш фатализм нам не помощник. Если вам неинтересна эта миссия, лучше было бы и вовсе не ввязываться в это дело.

Юноша знал, что он несправедливо упрекал своего спутника, но желание выговориться было сильнее.

— А почему ты не хочешь замечать очевидное? Почему не хочешь признать наш провал?

Лонерин от удивления вытаращил глаза.

— А вы понимаете, какое значение имеет наша миссия? Вы знаете, что без талисмана у нас нет шансов остановить Дохора и Гильдию?

Сеннар ничуть не смутился:

— А ты отдаешь себе отчет в том, что нежелание смириться с существующим положением вещей ни к чему не приводит?

Лонерин сел на кровать и обхватил голову руками. Ему необходимо было как-то погасить свой гнев.

— И что теперь? — чуть слышно спросил он.

— В крайней беде — крайние меры, — был ответ Сеннара.

Лонерин хорошо знал магию. Неофиты, или новообращенные, обладали свойством распознавания магических чар. Это искусство юноша освоил уже в первый год своей учебы у Фольвара.

— А это осуществимо? — спросил молодой маг с некоторым сомнением в голосе. — Я полагал, что после смерти Ниал талисман потерял какие бы то ни было магические свойства...

— В действительности это почти так. Однако если талисман впитал хотя бы малую часть ее духа, контакт с моей женой может сохраняться довольно долго.

Сеннар впервые говорил о Ниал, не называя ее по имени.

— Даже если речь идет об очень незначительной связи, в теории при помощи этого магического приема можно постараться распознать ее. Но я буду откровенным до конца. Если бы я по-настоящему верил в это, то, чем бродить с тобой по всему Всплывшему Миру, я бы непременно воспользовался бы им в самом начале. Для подобного ритуала нужно быть не только достаточно опытным, но и обладать огромной внутренней силой. А у меня ее нет, — добавил Сеннар после небольшой паузы.

Лонерин прочел в его глазах окончание мысли. Юноша испытал даже некоторую гордость за себя. Сеннар с такой уверенностью посмотрел на него, будто на самом деле верил в то, что может положиться на молодого мага. Впервые, с самого начала их совместного путешествия, старый маг позволил себе признать его заслуги.

— Но предупреждаю, не торопись и не думай, что это так просто, — заметил Сеннар, увидев выражение удовольствия на лице юноши.

— Я непременно все освою.

— И прежде чем начать, хочу, чтобы ты знал, что я не жду скорых результатов. Это — всего лишь попытка.

— Я знаю, но это — единственная надежда, что у нас осталась, — ответил Лонерин.

Сеннар кивнул:

— Да, последняя надежда.

В гостинице маги прожили целую неделю. Первые два дня Лонерин провел в упорных тренировках. Ритуал, который ему предстояло провести, несколько отличался от того, которому он научился еще в детские годы.

— Я лично внес туда некоторые изменения, — как-то мимоходом обмолвился Сеннар. — Ты еще молод, но поздно или рано и тебе захочется поэкспериментировать немного с магией. Все великие маги прошли через это. Некоторые миновали эту стадию без особого ущерба для себя, другие же погрузились в нее с головой. А самых невезучих ждала участь Астера.

Легкая дрожь пробежала по спине юноши, и с этого момента он еще с большим рвением погрузился в учебу.

— Я делаю все, что вы мне сказали... Так почему же ничего не выходит? — с недоумением воскликнул однажды Лонерин.

— Может, потому, что ты слишком слаб, а может, потому, что объект находится слишком далеко, — грубо отрезал старый маг. — Получается, что эта связь слабовата, — заключил он, тряхнув головой.

На третий день безуспешных попыток Сеннар взял в руки трость и набросил на себя

плащ.

— Оставайся здесь и занимайся, а я тем временем постараюсь разузнать что-нибудь.

— Я пойду с вами.

— Нет, ты должен продолжать попытки. Все, что нужно было, я объяснил тебе, теперь все зависит от тебя.

Дверь захлопнулась, и Лонерин остался сидеть в оглушающей тишине комнаты. Перед ним едва заметно вращались в воздухе десять серебряных дисков. Это были те самые диски, которые Сеннар использовал для опознавания посланников Астера среди жителей Залении. Лонерин смотрел на выгравированные на них руны. Некоторые из них были совсем свежими, в подтверждение того, что старик говорил правду. Он написал их, когда вносил свои изменения в ритуал.

Потом юноша уселся на пол и, закрыв глаза, принялся бормотать заклинания. Несколько часов подряд он с невероятным упорством продолжал это делать, не останавливаясь, даже когда совсем охрип. Казалось, что комната гостиницы замкнулась над ним, как гробница. Ничего не существовало, кроме этого ритуала; все его сознание, от начала и до конца, занимала магия.

Вечером вернулся Сеннар с мрачным лицом. Он в гневе забросил в угол свою трость, снял плащ и завалился на кровать, уставившись в потолок.

— Ну что?

— Ничего.

Так прошла целая неделя.

Тем не менее как-то вечером один из дисков неожиданно стал вращаться быстрее остальных, словно пританцовывая в воздухе. Лонерин с открытым ртом следил за тем, как тот поднимался все выше. Руна окрасилась в ярко-пурпурный цвет. Этот же самый символ стал медленно приобретать красный оттенок и на других дисках до тех пор, пока не стало, наконец, очевидным направление поисков.

Итак, дорога магов лежала на юг.

Маги двинулись в путь на следующее утро. Они купили лошадей и основательно запаслись провизией.

Лонерин все еще не мог понять, как ему удалось наконец справиться с этими чарами. Юноша не знал, был ли он обязан этим своим способностям либо все произошло по воле случая. Сеннар говорил, что магия пытается передать окружающий мир словами, понятными для особо чувствительных людей, но при этом мироздание — это книга, написанная таким сложным почерком, что не каждому дано ее постичь. Одним словом, довольно запутанная для понимания концепция. Вплоть до завершения своего обучения у Фольвара молодой маг считал, что не существует тайн для могущественного мага. Впервые он столкнулся с явлением, выходящим за грань его понимания.

Они стремительно покинули Барагар и направились к Малому морю. Шесть дней они двигались вдоль морского побережья.

Наконец путники приблизились к Земле Воды, с ее величественными горами и бесчисленными лесами. Серебряные диски настойчиво указывали южное направление, и маги упорно продолжали свой долгий путь.

Вскоре стало ясно, что их дорога снова лежит в Землю Ветра.

— Люди ошибочно полагают, что жизнь — это прямая дорога. Жизнь — это замкнутый круг, проклятое вращение по кругу. В итоге в твои руки попадает то, что когда-то, в самом начале, принадлежало тебе, и ты возвращаешься туда, откуда прежде вышел, — печально изрек старый маг.

Путники уже прибыли в Землю Ветра, когда руны заговорили вновь: Чаша — четкими буквами было начертано на каждом из дисков. Сеннар, словно загипнотизированный, не мог оторвать от них глаз. Лонерин вспомнил все, что хоть как-то было связано с этим местом.

В Чаще находился дом Соаны; в Чаще Ниал приняла обряд посвящения в магию и нашла последний камень для талисмана. Это место имело особое магическое значение.

Сеннар был прав: определенно в этом возврате к истокам был свой смысл.

Путники в полном молчании пересекли Чашу, вернее, то, что от нее осталось. Войска порубили деревья на колья и на дрова для ночных костров; в годы неурожая крестьяне сожгли оставшуюся часть леса, отвоеывая еще немного земли для посевов. Теперь на его месте осталась равнина с торчащим кое-где хилым кустарником.

Лонерин хорошо знал историю этого леса. Он был загублен в тот момент, когда Ниал забрала магический камень у Отца Леса. Без него все растения начали подвергаться разным напастям, и вскоре от Чащи не осталось и следа. На протяжении веков степь и лес оспаривали свои права на эту землю: так говорили старожилы. Одно время деревья разрослись вплоть до самой Земли Воды; Лонерин с тоской подумал о том, что все прекрасное не может быть вечно. О прежней Чаще в памяти юноши остались только смутные воспоминания из прочитанных им когда-то у домашнего очага книг.

Ничто не вечно — вот оно главное открытие, сделанное Лонерином за время его долгого путешествия вместе с Сеннаром. Герои стареют и теряют надежду, города разрушаются, леса умирают, и все рано или поздно исчезает с лица земли.

Ночью при слабом свете магического огня они устроили привал на одной из узких просек. Трава была такой сухой и жесткой, что колола кожу даже сквозь одежду. Сеннар безмолвно взирал в пустоту, а Лонерин в это время продолжал готовиться к ритуалу.

— Я знаю, куда мы идем, — неожиданно произнес старый маг, поднимая глаза. — И мне совсем не хочется туда идти.

Лонерин вопросительно на него посмотрел.

— Мне и так почти не за что зацепиться в этой жизни... Я не хочу терять и это.

— Никто не может лишить вас воспоминаний, — заметил с грустной улыбкой Лонерин.

— Ты ошибаешься. Действительность одно за другим крадет их у меня.

Утром следующего дня Лонерин был разбужен настойчивым звоном. Ночью ему снилась Лаодамея. Рев ее водопадов вызывал у мага необъяснимое раздражение. Юноша открыл глаза и увидел сквозь скрученные ветви деревьев бледное и изможденное солнце. Было уже нестерпимо душно, хотя небо заволгло тучами. Звон не прекращался. И это был не сон.

Он обернулся и увидел, что диски, цепляясь друг за друга, выстроились в форме стрелы. Лонерин вскочил на ноги и разбудил Сеннара. Такого он никогда еще не видел: без всякого сомнения, это был знак, и нельзя было терять ни минуты. Старый маг внимательно посмотрел в том направлении и, не проронив ни слова, собрал свои вещи.

Пока путники шли по Чаще, серебряные диски, даже в сумке, привязанной к поясу Сеннара, не переставали звенеть.

— Может, стоит проверить, о чем они нам сигналият... — заметил Лонерин.

— В этом нет необходимости. Я знаю, куда нужно идти.

И юноша пошел вслед за Сеннаром, не проронив больше ни звука. Трость шедшего впереди старого мага оставляла глубокий след на выжженной солнцем земле. Внезапно Сеннар остановился, и слабая дрожь пробежала по его прямой, не по годам, спине. Тогда юноша поднял голову и сразу все понял.

Прямо перед собой они увидели остатки могучего ствола, принадлежавшего некогда столетнему дереву. Его срубили много лет тому назад. На полуистлевшей коре Лонерин заметил множество надрезов и грубых надписей — дело рук проходивших мимо солдат, не пощадивших дерево.

Вот он — древний Отец Леса, сердцем которого был камень Земли Ветра из талисмана власти. Лонерин попытался убедить себя в том, что эта жертва спасла Всплывший Мир от полного разрушения, но, глядя на поруганное дерево, испытал чувство бесконечной тоски.

Поведение Сеннара немало удивило юношу — старый маг смиренно улыбался, глядя на погибшего исполина.

— Боги обладают любопытным чувством юмора. — Старик посмотрел на побелевшее от зноя небо, на котором едва виднелись рассеянные солнечные лучи. — Вы хотели, чтобы я пришел к вам? Вот он я. На этой земле уже не осталось ничего святого. Я давно это понял. Я расстался с самыми дорогими моему сердцу воспоминаниями. Так не кажется ли вам, что пришло время покончить с этим? Я слишком устал от этой жизни, в чем же, наконец, главная цель?

Легкий ветерок неожиданно поднялся ввысь, и звон в очередной раз привлек внимание магов. Они присмотрелись и увидели на краю ствола маленькую сверкающую фигурку, пристально смотревшую на них своими голубыми, лишенными зрачков глазами. У человечка были всклокоченные волосы, заостренные уши и нежное, как у ребенка, лицо. Пара прозрачных крыльев трепетала у него за спиной. Лонерин не мог понять, откуда явилось это странное существо, и на мгновение растерялся.

— Боги здесь ни при чем, это моих рук дело, — произнес дух.

Сеннар вытаращил глаза от удивления; все во Всплывшем Море считали, что духи воздуха уже давно исчезли. Никто не мог объяснить толком это явление; ясно было одно, что с тех пор, как люди стали вырубать леса, их удивительные обитатели также пропали в неизвестном направлении.

Сеннар наклонил голову и улыбнулся.

— Наконец мы встретились. Ты — Фос, не так ли?

Дух не ответил, а только рассмеялся в ответ.

— Ведь это ты привел нас сюда, верно? И твоя заслуга в том, что магия Лонерина начала действовать?

— Именно так, — согласился Фос.

Лонерина удивил голос этого духа, в нем странным образом звучали ноты взрослого и ребенка. Впрочем, так же как и его внешность: возраст существа также не поддавался определению.

Сеннар, нарушив возникшее молчание, произнес:

— Ниал мертва.

Фос ничуть не смутился, но его взгляд стал печальным.

— Я знаю.

— Иногда я думаю, что должен был взять этот камень и вернуть его на свое место. Именно так я должен был поступить, — сказал маг, указывая на погибший лес. — Было бы лучше, если бы ты тогда не оставил Ниал в живых.

Фос, улыбаясь, продолжал смотреть на мага — печальная и потухшая улыбка, но исполненная глубокого смысла. Он был выше этого горя, но при этом не отделял себя от происходящего. Он все знал и принимал это.

— Ты позволил себе согнуться под грузом этих бед, — возразил дух. — В конце концов, ты сделал то, что и другие: ты опустил оружие, полагая, что смирение — единственное средство для понимания смысла жизни. Но на самом деле ты просто перестал бороться.

Обескураженный Лонерин отступил на шаг. Старый маг остался неподвижен.

— Ты не имеешь права говорить мне это, — прошипел он. — Ты не терял того, что я, и не сталкивался с тем, с чем был вынужден столкнуться я.

— Ты действительно так думаешь? — спокойно спросил его дух. — Весь мой род вымер. У меня нет больше ни дома, ни святилища, которое нужно оберегать, — с горечью продолжал он, прикасаясь рукой к сухому стволу. — Но тем не менее я нахожу в себе силы оставаться здесь и буду привязан к этому месту целую вечность. Я стану свидетелем того, как целые поколения погибнут в братоубийственных войнах. Затем я увижу рождение новых, которые точно так же скоро канут в забвение. Я обречен на одиночество и не постарею даже на год, в то время как вокруг меня будет рушиться весь мир.

Его слова поглотила неестественная тишина. Ветер перестал свистеть между ветвей. Не было слышно ни единого звука вокруг, будто весь окружающий их мир не мог и не хотел прерывать эту печальную исповедь.

Сеннар сидел чуть поодаль на лежавшем стволе и рассматривал свои сжатые в кулак руки.

Фос обратил на него свой тягучий и неумолимый взгляд.

— У меня есть кое-что для тебя, — добавил дух и потянул за цепочку, прикрепленную к его руке.

Лонерин и старый маг увидели, как из углубления в дереве появился талисман власти, точно такой же пыльный и местами проржавевший, каким он хранился в доме Йдата.

— Я почувствовал талисман, когда человек, к которому он попал, ступил на Землю Ветра, — сказал он. — Благодаря силе, которая у меня еще осталась, я сделал так, что он снова вернулся ко мне. Ведь я — единственный, кто может взять на себя заботу о нем. Теперь он ваш. Именно за этим я и позвал вас сюда, чтобы дать вам то, в чем вы так нуждаетесь.

— А как ты узнал, что мы его ищем? — спросил духа удивленный Лонерин.

Фос посмотрел на него, понимающе улыбаясь:

— Мы, стражи природы, знаем так много, может, даже слишком, и храним так много тайн, о которых ты ничего не найдешь в своих книгах, да и заглянуть в них ты смог только мельком.

Дух вмиг поднялся, с трудом удерживая талисман за цепочку, вложил его прямо в ладонь Сеннара, встал напротив мага.

— Я знаю, что ты устал, но поверь мне, я устал не меньше тебя, но это не повод для того, чтобы складывать руки.

Лонерин увидел, как просветлел взгляд старого мага.

— С тех пор как она погибла, все потеряло для меня смысл.

Фос, опираясь своими маленькими ручками о ладони старика, печально посмотрел ему прямо в глаза. Он также чувствовал эту боль.

— Приговор для всех земных существ, а может, наоборот, это их дар — таков: нужно жить не задумываясь. Надежда — вот единственная движущая сила, которая позволяет нам идти вперед. Скоро здесь снова будет война и отчаяние, затем мир и надежда, а следом — опять тьма. И в этом вечном круговороте и заключается единственный смысл жизни, который мы можем внушить вам, смертным.

Сеннар вскочил на ноги:

— Зачем ты позвал меня сюда? Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя? Я стар, и большая часть моей жизни уже позади. Чего тебе от меня надо?

Фос поднялся и посмотрел ему в глаза.

— Хочу напомнить тебе, что она признавала это, я признал это и ты, если хочешь, можешь также признать. Этот мир пока нуждается в тебе, потому что эта история не будет иметь своего завершения без твоего участия. И если правда то, что большая часть твоей жизни пройдена, то еще есть время сделать последний шаг навстречу счастливому концу. Счастливый конец может смягчить даже самую неизлечимую боль, — добавил с улыбкой дух, указывая на талисман. — Воспользуйся им во благо.

Затем он исчез так же незаметно, как и появился.

24 МЕСТЬ

Фора долго глядел на Дубэ в упор. У него был взгляд охотника, рассматривавшего свою добычу. Девушка пыталась освободиться, но у солдат, удерживавших ее, была крепкая хватка. Меч наместника упирался в ее грудь, Фора словно раздумывал, не нажать ли на него посильнее, но ограничился тем, что разрезал жилет разбойницы.

— Я даже не мог и представить себе, насколько ты хороша...

Дубэ почувствовала терпкое дыхание Фора и резко ударила ногой по мечу, тот отлетел прочь, полоснув наместника по щеке.

— Будь ты проклята!

В ответ Дубэ получила сильнейший удар в челюсть. Ей показалось, что он выбил ей все зубы. На языке ощущался металлический привкус крови.

— Спокойно, господа, спокойно, — произнес Фора, потирая рану тыльной стороной руки. — К женщинам вовсе не стоит применять грубую силу.

Стоявшие рядом воины недвусмысленно ухмыльнулись.

— В Гильдии нас не предупредили, что ты такая гадюка.

Дубэ представила себе такую картину: Иешоль, Фора и Дохор стоят вокруг стола в Доме Гильдии под пристальным взглядом нескольких статуй Тенаара и решают ее дальнейшую судьбу. Печать проклятия с неистовой силой загорелась на ее плече.

— Я убью тебя... — прошипела она сквозь зубы.

Фора от души рассмеялся, указывая рукой на солдат, стоявших позади нее, и на бескрайнее поле.

— Может, ты не совсем понимаешь, что здесь происходит, девочка. Ты в меньшинстве, а я не такой милосердный, как твой любовник. Мне наплевать на то, что я хитростью добиваюсь победы; главное то, что она всегда у меня в кулаке.

Он достал из своего сапога длинный кинжал. Дубэ увидела, как его лезвие сверкнуло в лунном свете, но она не могла допустить даже мысли, что погибнет от руки этого человека. На какое-то мгновение она взмолилась, обращаясь к зверю, призывая его выйти из своего укрытия и истребить этих людей. Но укрощенный ритуалом Теаны его буйный рев был слишком далек: на этот раз зверь не мог прийти ей на помощь.

Фора занес над Дубэ свой кинжал, но она не стала смиренно ждать и завопила что было сил. И почти сразу почувствовала странный гул. Земля затряслась под ногами от ритмичного и мощного грохота. Фора застыл с поднятой рукой. Свиристая улыбка исчезла с его лица: навстречу его войску стремительно приближались всадники.

Дубэ усмехнулась, смакуя это мгновение:

— Неужели ты и вправду решил, что я осталась одна?

Фора, злобно сжимая челюсти, посмотрел на девушку, а затем отдал приказ войскам готовиться к бою. Жестом он указал одному из охранявших Дубэ солдат отвести ее в сторону.

— Рано радуешься, мы потом с тобой еще поговорим, — прошипел он сквозь зубы.

А между тем с другой стороны поля появилась группа из шести человек. Это был тот самый отряд сопровождения, что послал Совет Воды на помощь беглецам. Должно быть, заметив парящего над поляной дракона, они отправились на разведку. Наверняка воины Совета не ожидали увидеть столь многочисленное войско; однако Дубэ не могла не воспользоваться подходящей возможностью.

Едва разбойница увидела, как Фора обнажил меч, она выскользнула из рук охранника, тщетно пытавшегося удержать ее. Освободившись, она развернулась и обеими руками вцепилась в горло солдата. Хруст позвонков был заглушён цоканьем топающих копыт.

Дубэ, не медля ни секунды, выхватила из-за пояса кинжал и бросилась на Фору, не давая ему поднять меч.

— А вот и я, твой злейший враг, и не стоит забывать об этом.

Этот поступок девушки казался абсолютно бессмысленным. Она была слишком измотана; всадники наверняка и сами были в состоянии противостоять врагу. Но разбойница любой ценой хотела расквитаться с Форой за себя и за Леарко. Этот человек вынудил принца, подвергая юношу жестоким мучениям, стать убийцей помимо его воли. Фора вместе с королем задумали избавиться от принца, когда тот был еще в юном возрасте. Дубэ страстно желала отомстить за него.

Фора несколько раз перекинул кинжал из руки в руку, но Дубэ не испугалась и не

растерялась. Сознание девушки работало, как никогда, четко, а сердце размеренно билось в груди. Уже давно она так не сражалась: разбойница успела привыкнуть к реву зверя внутри, на мгновение она даже задумалась, а сможет ли справиться без него. Но ответ ей не потребовался.

Сделав резкий выпад вперед, она попыталась вонзить оружие в противника. Но его реакция была молниеносной. Дубэ продолжила нападение, вынуждая наместника ретироваться. Этот человек слишком грузный и тяжеловесный, был далеко не так проворен, как юная разбойница. Зато он обладал прекрасно развитой интуицией. Он сражался, как животное. Фора не придерживался какой-либо особенной техники ведения боя и бился без определенного умысла. В схватке им руководило только желание убивать. Его движениям не хватало четкости, им правил чистый инстинкт. Неожиданно клинок противника задел бок Дубэ. Фора обманул ее: вместо того чтобы отступать, он обошел Дубэ вокруг и поднял свой меч.

— Ты думаешь, что, проведя всю свою жизнь на полях сражений, я не научился разным фокусам? Нет, девчонка, я — мясник и убил столько людей, что узнал все о войне и смерти.

Дубэ поднесла руку к ране. Она была не глубокой, но сильно кровоточила. Надо было быстро найти решение.

— Ты ошибаешься, тебе еще многому нужно научиться, — хладнокровно ответила разбойница, пытаясь ударами меча остановить противника. Она что было мочи напрягла свое тело и, мобилизуя для борьбы оставшиеся у нее силы, попыталась применить технику Шервы.

Фора отвечал на ее приемы простыми и грубыми ударами. Дубэ чувствовала, как силы постепенно покидают ее; тело девушки почти исчерпало свои возможности. Тогда она воспользовалась последним средством. Разбойница подняла левую руку, чтобы отражать его удары противника. Фора мечом не подпускал к себе девушку, а кинжалом наносил удары. Во время первого удара она почувствовала, как хрустнула кость, лопнули сосуды, и она потеряла чувствительность. Кожаные доспехи треснули, а затем последовал решительный удар.

«Рука — это та цена, которую я заплачу за его смерть». Дубэ и сама не ожидала, что сможет так спокойно рассуждать. Зверь издал свой леденящий душу крик, но теперь его помощь ей была уже не нужна. Жажда смерти стала внутренней потребностью разбойницы.

Во время третьего удара нарукавник рассыпался, но Дубэ удалось уберечь руку. На коже появился длинный розовый след. Голова девушки закружилась, и ей пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы удержаться на ногах. Раны давали о себе знать.

— Хочешь еще разок? — рассмеялся Фора. — Это как раз то, о чем меня попросил его величество, и уверяю тебя, что я испытываю безумное желание выполнить его волю.

Дубэ не слышала его слов. Какое-то мгновение она чувствовала только нестерпимую боль, терзавшую все ее тело, но при этом отчетливо осознавала все, что происходило вокруг. Она в мгновение ока поняла, что Фора решит атаковать ее в лоб и, наклонив голову и выставив вперед меч, ринулась вперед, предвосхищая выпад противника.

Девушка выкладывалась вся, без остатка, не обращая внимания на уколы стального клинка. Она не остановилась даже тогда, когда почувствовала холод металла, жалившего ее плоть. Дубэ обеими руками вонзила свой кинжал в изгиб плеча Форы, с яростью вдавив его в тело наместника до самой кости. Затем девушка, сделав кувырок, выхватила кинжал и вновь встала на ноги с другой стороны.

У разбойницы ныло все нутро. Она потеряла довольно много крови, а такой маневр потребовал от нее чрезмерных усилий. Краем глаза девушка увидела, как Фора упал на землю, но когда, нагнувшись к нему, она почувствовала его дыхание, поняла, что слишком рано потеряла бдительность. Она едва успела увернуться и нанести новый удар, теперь уже в живот противника. Фора, немного замешкавшись, снова пошел в атаку. Он был самой настоящей военной машиной: истекая кровью, он находил в себе силы вставать на ноги с неизменной безумной решимостью сразить Дубэ.

— Ты не убьешь меня! — заревел он прежде, чем нанести свой удар.

Дубэ отразила нападение противника и, воспользовавшись взмахом его руки, по самую рукоятку вонзила кинжал ему в грудь. Тот, задыхаясь, упал навзничь с поднятыми вверх руками. При ударе его массивного тела о землю раздался глухой звук. Дубэ злорадно улыбнулась луне, сиявшей над ними. Девушке было очень плохо: тошнота подступала к самому горлу и кровь ручьем текла по ее ногам. Но все это уже не имело значения. Она подняла с земли меч Форы и медленно подошла к нему. Наместник был еще жив: при каждом вздохе его грудь тяжело вздымалась.

Дубэ остановилась и посмотрела на него с ненавистью. Она представила себе, как в Земле Ветра Форы вынуждал Леарко убить несчастного старика. Гнев переполнил душу девушки, отменяя напрочь любые угрызения совести.

— Где Леарко и Теана? Ты отправил их в Дом Гильдии?

На лице наместника появилась скупая ухмылка.

— Ну, давай, не тяни, добей меня, — проговорил он с трудом. — Или ты всерьез думаешь, что я могу так низко пасть?

Дубэ подумала про другие преступления, совершенные ею в прошлом, про ужас, тоску и отвращение, терзавшие ее бесчисленное количество раз. Она дала обещание больше никогда не марать руки в крови. Но теперь этот обет был не в счет: во имя надежды стоило уйти в небытие.

— Это тебе за Леарко, — еле слышно сказала она и вонзила меч в самое сердце Форы.

Мрак ночи показался Сану похожим на горячее и удушливое покрывало.

Впереди верхом на лошади в полном молчании ехал убийца.

За весь путь они перекинулись не более чем парой слов. Первое время Сан лечил его, применяя свои магические знания. Иногда, не без досады, он замечал, что далеко не всегда ему удавалось задействовать свои способности. Когда это получалось, раны заживали прямо на глазах, но зачастую мальчика преследовали неудачи.

Ах, если бы он только взял с собой из библиотеки Ондины книгу с запретными заклинаниями для того, чтобы лучше подготовиться к решительной атаке против Гильдии. Но он разрушит ее любой ценой, даже если для этого ему потребуются пожертвовать собственной жизнью. В конце концов он спасет Всплывший Мир: в городах установят его статуи, а его имя будет передаваться из уст в уста будущими поколениями. Сан останется в памяти потомков как юный герой, пожертвовавший собой ради спасения целого мира. Это значительно превзойдет подвиг, совершенный когда-то в прошлом его бабушкой.

Несмотря на занятия, мальчик не мог в полной мере управлять своими способностями, и, как всякая сила, не подчинявшаяся контролю, они проявлялись только тогда, когда им того хотелось. Могучая и неуправляемая, временами его магическая сила становилась опасной и непредсказуемой.

На этот раз Сан прекратил заниматься, настойчиво твердя себе, что рано или поздно все получится само собой. Разве там, под водой, ему не удалось сразить четырех убийц? Нужно просто дать выход своему гневу, и все пойдет как по маслу. А с гневом в Доме Гильдии у него проблем не будет.

Мальчик почти совсем не вспоминал про Идо. Гном разочаровал его, но главное, Сан не мог понять, почему Идо надоело его непослушание. Некий внутренний голос не переставал терзать его сомнениями по поводу правильности выбранного им решения, но мальчик предпочитал не прислушиваться к нему. Он искренне полагал, что герои всегда без колебаний идут прямо к своей цели.

Между тем Демар молча наблюдал за ним. Сан пытался не обращать на это внимания, в особенности вечерами на привале, когда вынимал свою книгу для занятий.

«Да пусть смотрит. Все равно он не может никому рассказать об этом».

— Книга темных мудрецов? — спросил убийца, когда Сан впервые достал манускрипт из сумки.

— Она тебе знакома?

— Оригинал, написанный Астером, хранится в библиотеке Дома.

Сан с преступным вождением подумал про испещренные мелким почерком страницы манускрипта этого всемогущего мага. Как бы он хотел хоть одним глазком увидеть их!

Однажды ночью, когда Демар с прижатыми к груди кулаками и склоненной головой молился своему богу, внимание мальчика привлекли нашептываемые убийцей мелодичные напевы. В конце концов даже имя этого ужасного бога, бога, убившего его родителей, зазвучало как-то ближе и приятнее.

«Я первым сотру его с лица земли», — твердил себе Сан с колотившимся от волнения сердцем.

Тенаар, Тенаар, Тенаар. Это имя стало мантрой его ненависти, молитвой его миссии.

Едва они достигли пределов Земли Ночи, как Сана охватило странное беспокойство.

Закат солнца начинался сразу вскоре после рассвета, и за несколько мгновений мрак полностью окутывал все вокруг. Это был леденящий душу, почти нереальный спектакль.

Демар с улыбкой посмотрел на растерянного мальчика:

— Это — магические чары, спустившиеся на нашу землю с неба: на границе виден нескончаемый закат, а в центре — вечная ночь.

Сан попытался принять решительный вид.

— Я нисколько не боюсь темноты.

Демар усмехнулся:

— Тьма закаляет дух, мальчик: или ты научишься сосуществовать с ней, или ты сойдешь с ума.

Вскоре Сан начал понимать смысл этих слов. Несмотря на то, что лето уже кончалось, стояла нестерпимая жара. Угнетала нехватка света. На фоне едва светлеющего неба плоды латешенции, повсюду сверкавшей в этом вечном мраке, становились похожими на живые призраки.

Мальчик боялся. Он все так же, как в детстве, терзался страхом, только теперь он не мог прибежать, как когда-то, в спальню своих родителей.

— Что случилось, Сан? — звучал наполненный неизъяснимой нежностью расплывчатый голос его матери.

— Я боюсь.

— Чего?

— В темноте кто-то есть.

На лице матери возникла едва заметная улыбка, а ее голос стал еще ласковее.

— Подойди сюда.

Рука обвила его тело, послышался шелест чистой простыни.

— В темноте нет никого. Это только солнце, которое, как и ты, ложится спать. Через несколько часов оно снова вернется. Спи, и увидишь, что скоро наступит рассвет, я буду защищать тебя.

— Мы почти пришли, — сказал Демар после трех дней пути, и Сан почувствовал, как сердце взволнованно забилось у него в груди.

— Сколько еще осталось?

— Сегодня вечером мы будем уже у храма.

Вереница безумных мыслей возникла в мозгу у мальчика.

Что теперь? А был ли у него какой-нибудь четкий план? Что бы он в этом случае сделал? Сан не знал, что ответить. Он не думал об этом. Он воображал, как войдет в Дом, а всю оставшуюся работу сделают за него его магические способности. Но будет ли этого достаточно? Ведь он даже не разузнал у убийцы, как устроен Дом Гильдии; мальчик шел на верную гибель, и от осознания собственной неопытности он впервые почувствовал страх.

Удивительно, но он снова подумал об Идо.

«Ищет ли он меня? Наверняка, но он, должно быть, еще далеко».

Сан тряхнул головой.

«И не пытайся надеяться, что он прибудет вовремя. Сделай то, что должен сделать, или умри; все равно твоя жизнь уже не имеет смысла. Войди туда и излей на них твой гнев так же, как в ту ночь, когда они напали на тебя. Ты убил дракона, помни об этом. Что ты хочешь от Гильдии? В худшем случае вместе с собой ты сведешь в могилу еще нескольких убийц».

Тем не менее, приблизившись к храму, Сан испытал некоторое разочарование. Он представлял его в виде величественного строения невероятных размеров, а вместо этого увидел дом из черного кристалла прямоугольной формы, отражавший тусклый ночной свет. Только две вещи в действительности поразили воображение мальчика: высота трех шпилей, образовавших крышу храма, и центральное круглое резное окно в виде розы. Из него лился насыщенный красный свет, напоминавший вытекавшую из раны свежую кровь.

— Так вот он, ваш пресловутый Дом? — спросил он, изо всех сил пытаясь придать своему голосу насмешливый тон. Демар кивнул.

Сан медленно двинулся вперед. Гнев вскипал в его душе. Мальчик заметил, что в некоторых ситуациях ненависть и страх становятся очень похожими друг на друга.

Он вспомнил крики в ту роковую ночь и людей, одетых в черное. Его враги находились за этой дверью, и вскоре он наконец сможет насладиться мстостью. Гнев Сана смел бы их всех, и ничто, даже смерть, не смогло бы остановить его. Мальчик дотронулся руками до дверей из холодного кристалла и толкнул их вперед. Створки отворились, словно лепестки ядовитого цветка.

Изнутри потянуло холодом и сильным запахом крови. Помещение храма было разделено на три нефа двумя рядами грубо обработанных колонн. Сан вошел, рукой опираясь на одну из них. Почти сразу он поранился, и кровь с ладони закапала на пол.

Мальчик поднял глаза. В глубине зала возвышалась огромная и ужасная статуя, изображавшая человека со свирепой ухмылкой на лице и с растрепанными от ветра волосами. Для Сана это был всего лишь образ убийцы его родителей. Он почувствовал, как воспламенились его руки. С улыбкой он воспринял магическую силу, наполнившую его тело.

«Для страха больше нет причин. Я в одно мгновение спалю все вокруг, и наступит наконец долгожданный мир».

Затем безмолвное молчание этого зала нарушил чей-то голос, и Сан почувствовал, как неожиданно прервался поток его сил. Но не успел он опомниться, как пара сильных рук схватила его за плечи и повалила на землю. Мальчик ударился челюстью об пол, и на долю секунды боль заглушила все его мысли.

— Великолепная работа, — услышал Сан чьи-то слова.

— Все во имя Тенаара, — прозвучал ответ Демара.

Сан попытался поднять голову.

В поле его зрения оказалась пара выглядывавших из-под длинной туники ног.

— Я всегда был уверен, что когда-нибудь ты сослужишь верную службу Тенаару. И моя вера полностью оправдалась.

Мальчик увидел, как Демар упал на колени, и услышал его голос, прерываемый слезами:

— Благодарю вас, ваше превосходительство!

— Благодарю придавшего тебе силы Тенаара.

В надежде освободиться Сан попробовал вновь вызвать жар в своих руках, но все его старания, несмотря на то, что овладевшая им ярость была больше прежней, оказались напрасными.

Человек в тунике опустился на колено и посмотрел на него. Два удерживавших мальчика солдата подняли его ровно настолько, чтобы он был в состоянии говорить. Сан увидел напротив себя человека средних лет с матово-белой кожей и очень светлыми волосами. На носу мужчины были золотые очки, и он с восхищением взирал на мальчика.

Его пронзительно-холодный взгляд внушал уважение.

— Добро пожаловать в Дом, Сан, — произнес он, скрестив на груди сжатые в кулак руки.

Мальчик наконец освободился.

— Да пустите меня, проклятые! Вы обманули меня!

Мужчина продолжал улыбаться.

— Сан, я бы никогда не подумал, что ты придешь ко мне по доброй воле. Должен признать, что я имел грех не верить в это. Каюсь, — сказал он, склоняя голову.

Сан сжал и разжал кулаки, отчаянно пытаясь вызвать свои способности. Однако он чувствовал себя полностью опустошенным.

Человек заметил это и не стал скрывать своего удовлетворения при виде ужаса, охватившего мальчика.

— Все твои старания напрасны. Простым магическим приемом я свел на нет все твои возможности. — Он тряхнул головой и усмехнулся. — Я — Верховный Страж Гильдии. Мое имя Иешоль. Сожалею, но ты ничего не сможешь сделать против меня.

Сан мгновенно осознал собственное безумие, бесполезное высокомерие, толкнувшее его в волчье логово, именно так, как этого и хотела Гильдия. Как же мог он лелеять мысль о том, что ему в одиночку удастся справиться с таким врагом?

— Подумать только, внук человека, разрушившего мечту Астера о мировом господстве, поможет Тиранно вновь вернуться на эту землю. Какое чудесное совпадение, ты не находишь? А может, такова воля Тенаара?

Сан почувствовал, как слезы потекли по его щекам. Он вспомнил Идо и их последний спор и понял, что пришел конец.

— Ценой собственной жизни я не позволю тебе воспользоваться мною!

— Не сомневаюсь в этом. Ваша раса вся сплошь неисправимые упрямцы, готовые на любой безрассудный поступок. Но ты не умрешь прежде, чем Астер вселится в твоё тело. Тогда, на мгновение, своими собственными глазами ты сможешь увидеть сотни гибнущих просителей, и поймешь, что в этом — твоя прямая заслуга. Царство Тенаара во всем своем неистовстве опустится на Всплывший Мир только благодаря тому, что ты сам явился перед нами.

Сан завопил что было духу.

— Отведите его прочь, — приказал, поднимаясь, Иешоль.

Солдаты набросили на голову отчаянно сопротивлявшегося мальчика капюшон и поволокли его в недра Дома.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда имеешь дело с запретными заклинаниями такой силы, допускается противостоять им при помощи магических приемов, сравнимых по своей действенности с методами наших врагов. Это в равной степени относится и к высвобождению духов, силой возвращенных к жизни и зависших между существующим и потусторонним мирами. Магия, о которой я говорю, уходит своими корнями в запретные заклинания эльфов. Мага не страшит встреча с таким знанием. Иной раз целесообразно ввести в игру даже собственный дух для того, чтобы преодолеть зло. С другой стороны, ритуал довольно сложен и требует стольких усилий, что зачастую маг вынужден жертвовать для этого собственной жизнью. Таким образом, тот, кто вызывает эти чары, в соответствии с законами природы, платит дань за использование магии, приближенной по своему воздействию к запретным заклинаниям.

Из Руководства по борьбе с темными силами

25 ОРУЖИЕ ВРАГА

Первое, что почувствовала Дубэ, когда пришла в себя, — низкий и несмолкающий гул. Память возвращалась к ней частями, но образ Леарко, уносимого прочь драконом, вскоре заполнил все ее сознание.

— Леарко!

Она резко вскочила, и одеяло сползло набок. Острая боль в боку заставила девушку согнуться.

Дубэ лежала на мягкой белоснежной кровати в комнате с каменными стенами. А в окнах открывалась красочная панорама водопада, срывавшегося вниз на величественные бастионы огромного дворца и стремительно стекавшего вдоль его стен. Лаодамея.

— Все в порядке, все уже позади.

Дубэ повернула голову и увидела сидящего на стуле рядом с кроватью гнома, внимательно смотревшего на нее.

— Они схватили Леарко, — сказала девушка, с отчаянием глядя ему в глаза.

На лице Идо появилась саркастическая улыбка.

— Если на то пошло, в их руках оказался и Сан.

— Они хотят принести его в жертву Тенаару, нам нужно спасти его!

Дубэ хотела встать с кровати, но гном ее остановил:

— С такими ранами ты никуда не можешь пойти.

— Но мне необходимо сделать это, ведь с ним и Теана!

Идо тяжело вздохнул:

— Начнем сначала. Расскажи мне обо всем по порядку.

А это совсем не просто было сделать. За прошедшие месяцы столько всего случилось. И странное чувство стыда мешало ей поведать о самых тайных моментах этой истории. Как выглядела бы странная связь, возникшая между нею и принцем, в глазах стороннего человека? Тем не менее она должна была во всем признаться, а иначе Идо не понял бы роль Леарко в сложной игре, развернувшейся в Земле Солнца.

Гном, неторопливо потягивая трубку, в полном безмолвии принялся внимательно слушать ее рассказ. Его взгляд был беспристрастен и выражал абсолютную ясность ума.

— В день раскрытия заговора Дохор привел, должно быть, в полную боевую готовность всех своих союзников, чтобы с особой жестокостью расправиться с его участниками, — заключила Дубэ. Девушка ощущала, как ее охватывало неудержимое внутреннее беспокойство. Однако в этот момент она была бессильна что-либо сделать.

Где сейчас Леарко? Он уже в Доме Гильдии? Сколько времени у нее осталось, чтобы успеть прийти ему на помощь? Мысль о том, что у нее нет от него никаких вестей и что ей неизвестна его дальнейшая судьба, сводила Дубэ с ума.

— Дохор камня на камне не оставил не только в своем королевстве, но спровоцировал убийства и за его пределами, — заметил Идо.

Дубэ растерянно посмотрела на него.

Гном отложил в сторону трубку.

— Понимаю твои чувства, я испытываю то же самое. Сан, после ссоры со мной, по своей собственной воле отправился в Гильдию. И этого я никогда не смогу себе простить, — признался он с горькой улыбкой.

Дубэ хотела сказать что-то сочувственное. Но она не могла думать ни о чем, кроме как о самом ценном, что когда-либо было в ее жизни, — о любимом человеке.

— В любом случае в нашем распоряжении есть неделя, — добавил Идо.

Дубэ вопросительно на него посмотрела.

— Ритуал реинкарнации Астера, во время которого будут принесены в жертву принц и твоя подруга, начнется не раньше чем через семь дней.

— Как вам удалось узнать об этом?

— Скажем так: я встретил одного странного типа из Гильдии, извивавшегося словно змея. Ты знаешь, о ком я говорю?

Дубэ кивнула:

— Он вам сам об этом сказал?

— Да.

— Вы хотите сказать, что он предал секту?

На самом деле это событие не казалось ей из ряда вон выходящим. Шерва уже тогда, когда разбойница собиралась покинуть Дом, не скрывал своей ненависти к Иешолу; он ожидал лишь удобного случая, чтобы расправиться с ним.

— В некотором смысле. По-видимому, его личная обида на Гильдию стала достаточным основанием для того, чтобы все выдать.

— Возможно, что это ложь.

— Все великолепно совпадает с твоим рассказом. Именно он сказал, что Леарко и Теана стали участниками заговора.

Дубэ не могла в это поверить.

— Вы все знали и ничего не предприняли? Или вы уже послали кого-нибудь вдогонку за убийцами, схватившими их?

Идо снова закурил трубку.

— Мудрая мысль. Направимся туда небольшим отрядом и постучимся в дверь храма секты. А если вежливо их попросим, то, может, они с извинениями вернут нам обратно Сана.

Дубэ скомкала простыню.

— Значит, вы позволите им погибнуть?

— Нет, я только говорю, что необходимо спланировать до мельчайших подробностей всю операцию нападения. А для этого нам нужно до конца оценить сложившееся положение. Нападение необходимо осуществить при наличии значительных сил, чтобы раз и навсегда смести Гильдию с лица земли.

Дубэ откинулась на подушку. Он чувствовала, что ее тело нуждалось в отдыхе, но сознание девушки противилось этому, а сердце отчаянно билось в груди.

— А теперь вы знаете, как расставить все ходы?

— Теперь да. Сеннар и твой давнишний знакомый уже вернулись.

Услышав вест о Лонерине и узнав, что он жив, Дубэ с облегчением вздохнула. Наконец-то хоть один человек из ее прошлой жизни.

— Сегодня вечером мы собираем Совет и попытаемся выработать подходящую стратегию. Затем, когда мы будем готовы, начнем действовать.

— Я тоже хочу принять участие в Совете.

Идо провел рукой по глазам.

— Ты в действительности никогда не имела к этой истории никакого отношения. У тебя были иные цели, и поэтому нет смысла в твоём присутствии.

— Если я не ошибаюсь, моя миссия всегда была частью общего дела...

— У тебя был шанс, но ты потерпела поражение. Теперь пришел наш черед.

— Но сейчас у меня появился настоящий повод, чтобы вновь идти и сражаться.

Девушка в упор посмотрела на Идо.

— Ты ведь нашла то, что искала, не так ли?

Дубэ покраснела. Итак, он не забыл про их давнюю встречу.

— В тот вечер я знал, что однажды твой взгляд преисполнится решимости, отсутствовавшей у тебя тогда. Такие, как ты, отчаявшиеся люди в итоге находят свой путь.

У Дубэ слезы выступили на глазах, но она даже не пыталась сдержать их.

— Я должна вернуть себе то, чего меня лишили.

— Ты присоединишься к нам только тогда, когда твои раны позволят это сделать.

— Мне нужно отправиться туда во что бы то ни стало.

Идо с трудом встал на ноги. За эти месяцы он, казалось, заметно сдал и теперь

выглядел так, словно вопреки собственной воле сражался в последнем в своей жизни бою.

— Умоляю, Идо, не поступай так со мной, — взмолилась девушка, хватая его за руку.

— Совет ничего не знает о твоей миссии. Об этом известно только мне одному. Что ты сможешь сказать сегодня вечером, чтобы изменить сложившееся положение? Это бесполезно. Тебе нужно довериться нам.

Лонерин был в гневе. Он с горьким сердцем и онемевшими руками стремительным шагом проследовал по коридорам.

— Этот разговор ничего тебе не даст, — сказал ему Сеннар.

— Я только хочу знать.

— Именно так. Ты не сможешь найти ответа на свои вопросы.

Юноша его не слышал. Бездействие его угнетало, а неосведомленность просто сводила с ума.

Лонерин и Сеннар первыми прибыли в Лаодамею. Идо появился через неделю, а от Теаны не было никаких известий. Но молодой маг был абсолютно уверен, что девушка вернется в скором времени.

«Теана вместе с Дубэ, а та неудержима», — повторял он на протяжении всех дней тягостного ожидания.

Просачивавшиеся новости измучили его до крайности. Никто не имел точных сведений о том, что же на самом деле произошло. Непредвиденные обстоятельства полностью меняли планы по отъезду. А теперь, когда Дубэ вернулась одна, его самые худшие опасения переросли в уверенность.

Идо наконец изложил ему в общих чертах все, что стало ему известно о перипетиях странствий обеих девушек.

— Но почему она? — спросил в отчаянии Лонерин, на что прозвучал только один ответ. Теана была дочерью еретика. Она разделяла с Гильдией одну и ту же веру, но более чистую и возвышенную. А для победителей это был недопустимый грех.

— Она — предательница, и Дохор захотел для нее показательной казни — таковы его методы, — объяснил Идо.

И снова Гильдия пытается лишить жизни дорогих ему людей.

Он завернул в коридор и оказался перед дверью комнаты, где приходила в себя Дубэ. Он вспомнил о том, что было между ними в Неведомых Землях, о том, как сильно она притягивала его к себе, и о страданиях, которые он испытывал, получив отказ девушки. Теперь в его душе не было больше места для этих чувств.

Он минуту постоял перед дверью и просто вошел, даже не постучав.

Дубэ, сидя у окна, наблюдала за водопадом, в котором отражался кроваво-красный закат. Она ничуть не изменилась, разве что лицо стало бледнее, а волосы еще короче. И еще юноша заметил необычный блеск в ее глазах. Они больше не были похожи на два мрачных колодца, а превратились в лабиринты, заполненные той же тревогой, что и он ощущал в своей душе.

Внезапное смущение охватило обоих. Эти месяцы разлуки, казалось, напрочь развеяли все, что было между ними общего, даже прежнюю доверительность в отношениях, к которой они пришли с таким трудом. Лонерин спрашивал себя растерянно, а та ли это девушка, из-за которой он подвергал опасности свою жизнь во время своей предыдущей миссии.

— Мне сказали, что ты вернулась, — пробормотал он, не найдя ничего лучшего.

— Да, — ответила она, коснувшись волос. Снадобья Теаны уже прекратили свое действие.

Молодые люди смотрели какое-то время друг на друга; Лонерин нашел наконец ответ на преследовавший его все эти долгие дни ожидания вопрос: да, между ними все давно было кончено, а может, и вовсе никогда не начиналось.

— Скажи мне, что случилось с Теаной.

Эта просьба нисколько не смутила Дубэ. Она с пониманием посмотрела на мага:

— На нас напали. Мы были уже в нескольких шагах от границы, когда появился Фор

верхом на драконе и со своим войском. Мерзкое животное настигло Теану, вцепившись в нее своими когтями.

Лонерин не смог сдержать дрожь в своих руках.

— Ее связали и отправили вместе с Леарко.

Юноша опустил глаза. Он чувствовал собственную ничтожность. На самом деле его не интересовали ни страдания Дубэ, ни испытания, выпавшие на ее долю за эти месяцы. Когда-то они были близки и он любил эту девушку, но теперь молодой маг был вне себя от гнева, потому что считал само собой разумеющимся тот факт, что она не допустит ничего плохого в отношении Теаны.

— Ты должна была защитить ее! — Лонерин не смог сдержать своих эмоций.

Дубэ ничуть не удивилась:

— Мы спасались от преследований после неудачного заговора. Думаю, что молва об этом до тебя уже дошла. Но она не принимала в этом участия.

Лонерин поднес руки к лицу, сползая по двери на корточки.

— Прости меня, — прошептал он, но Дубэ даже не слышала его слов.

— Теана была прекрасной союзницей, она много раз спасала мне жизнь и поддерживала меня в самые трудные моменты. Мне действительно очень жаль, Лонерин, что так произошло.

Девушка, сидя на постели, смотрела на мага.

Лонерин обхватил голову руками.

— Я не должен был отпускать ее... — чуть слышно упрекал себя юноша.

— Теана далеко не такая беззащитная. Ее решение следовать за мной было тщательно взвешено.

Эти слова больно ранили Лонерина. Дубэ, казалась, смогла понять Теану лучше, чем он за годы их совместного обучения у Фольвара. Похоже, что весь мир знал правду лучше его; а он всегда только и делал, что метался, преследуемый абсурдными сомнениями, не способный распознать простых вещей у себя под носом.

— Я все разрушил собственными руками...

Дубэ услышала, как он встал и пошел, с трудом передвигая ноги.

Девушка потянулась к нему: в ее глазах не было ни капли осуждения, а только сочувствие.

— Вместе с Теаной в Доме Гильдии еще один дорогой мне человек, и, если мы не спасем их, его ждет та же печальная участь.

Лонерин слышал про Леарко, сына Дохора, который после многих лет участия в кровавых боях предал своего отца, приняв решение перейти на другую сторону баррикад. Он был неоднозначной личностью, вызывавшей при дворе противоречивые суждения.

— Сегодня вечером ты примешь участие в Совете?

Лонерин кивнул.

— А я — нет, — сказала девушка, прикусив губу. — Мне это не позволено, но я непременно должна, понимаешь? Я не могу сидеть здесь и ждать, когда же наконец спасут Леарко. Мне обязательно нужно к нему, потому что там мое место.

Лонерин задумался, а есть ли у него повод для ревности: ведь этому человеку удалось то, чего он не смог. С удивлением для себя он понял, что думать в общем-то и не о чем. Их с Дубэ взаимоотношения на самом деле давно исчерпали себя, уступив место странному ощущению внутренней пустоты.

— Что ты от меня хочешь? — спросил юноша.

— Я хочу, чтобы ты помог мне принять в нем участие.

— Дубэ, не думаю, что это мне по силам.

— Помоги мне выздороветь. Я понимаю, что не заслуживаю этого, но сделай это для меня. Я прошу тебя о личном одолжении.

Глаза девушки выражали отчаянную мольбу.

— А что потом?

— А потом найди повод, позволяющий мне проникнуть в Совет. Я обязательно должна принять участие в миссии по спасению.

Молодые люди посмотрели друг на друга, и впервые с начала их разговора они вновь почувствовали себя как в Неведомых Землях. Их прежняя связь переросла в спокойные дружеские отношения.

— Я могу сказать, что Фольвару нужна ассистентка.

Глаза Дубэ прояснились, как летнее небо после грозы. Лонерин слабо улыбнулся, а затем опустил рукава ее рубашки.

— Ложись в кровать и хорошенько укройся.

Дубэ с благодарностью посмотрела на него и с беспредельной нежностью погладила его по щеке.

Зал Совета Воды был наполовину пуст. Свет, падавший от двух треножников, отбрасывал на его стены дрожащие мрачные тени. Только первый ряд амфитеатра был заполнен, здесь сидели в большинстве своем генералы из Земли Воды. Представителей других земель было совсем немного: Идо, Сеннар и высшее военное руководство из соседних государств Всплывшего Мира. Многие из этих людей в обычной ситуации, может, даже и не были бы допущены на это собрание, но сроки явно поджимали.

Идо обрисовал ситуацию. Он не обошел стороной и провал своей миссии.

— На мне лежала ответственность за этого мальчика, а я позволил ему сбежать. Попытаюсь исправить свою ошибку любым способом, — с сожалением закончил гном свое выступление.

Дубэ, спрятав свое лицо под капюшоном плаща, бросила быстрый взгляд на Сеннара. Тот продолжал оставаться невозмутимым, несмотря на то, что Сан — это все, что у него осталось в этом мире. Его лицо превратилось в восковую маску, скрывавшую под собой все эмоции.

«Так же, как когда-то и я», — подумала девушка, и привычная вкрадчивая боль пронзила ее грудь.

Идо вздохнул:

— Через неделю состоится церемония. В ней примут участие все: по всей вероятности, это будет верховное руководство Гильдии и, прежде всего, Дохор. И именно тогда мы должны уничтожить его.

Тягостное молчание опустилось на немногочисленных присутствующих в зале. Дубэ, придвинувшись к Фольвару, еще ниже натянула капюшон на голову.

— Решение мне кажется вполне очевидным: мы всеми силами нападём на Гильдию, захватывая заложников, — с пылом высказался Лонерин.

Идо замотал головой.

— Скольких генералов ты здесь видишь? За такое время нам не собрать вместе все войска.

— Но вам же удалось за довольно короткий срок добраться сюда из Земли Моря. Было бы желание — тогда все станет возможным.

— Речь идет о том, чтобы собрать войско, а это — тысячи человек. Не прикидывайся дураком, — вступил в спор Сеннар, метнув на него испепеляющий взгляд. Дубэ увидела, как у Лонерина от гнева побелели костяшки пальцев.

— Армия Дохора уже на границе, а у нас остается все меньше надежд на то, чтобы без потерь преодолеть все преграды.

— А если это будет небольшой отряд? — заметила Дафне, единственная присутствующая на Совете правящая особа.

— Даже если и так, такой отряд должен быть довольно хорошо вооружен, чтобы противостоять целой Гильдии и обойти стороной войска.

Слово взял Сеннар:

— Необходимо остановить Гильдию. И пока еще нам это под силу. Я и Лонерин без

особых проблем передвигались по землям, находящимся под властью Дохора. И мы снова сделаем это. В наших руках талисман власти, а наш юный маг почти готов к совершению ритуала. Мы отправимся в логово секты и сделаем то, что должны: освободим дух Астера, а если нужно, то и ценой собственной жизни, и тогда Всплывший Мир станет свободен.

Идо со вздохом закрыл глаза.

— Только на время. Но Иешоль не сдастся, да и Дохор будет волен делать все, что ему заблагорассудится, во Всплывшем Мире. Одним словом — это не выход из положения.

— А как же пленники и Сан? — с отчаянием в голосе спросил Лонерин.

— В первую очередь мы должны остановить Иешоля.

Казалось, что время потеряло свой счет. Дубэ была вынуждена закрыть глаза, чтобы остановить поплывшую у нее перед глазами комнату. Никто не отправится на их поиски, но самое плохое то, что это казалось невыполнимым.

От отчаяния сердце сжалось в груди девушки: неужели это — конец? Дубэ никак не могла смириться с этой насмешкой судьбы. Ответ родился в недрах ее души, там, где безраздельно хозяйничал зверь. Она открыла глаза и все поняла.

— Но если у нас нет иного выхода... — печально произнесла Дафне.

— У меня есть предложение.

Дубэ сняла капюшон, не обращая внимания на изумленные взгляды Идо и других присутствующих в зале, и поднялась со своего места. От волнения у нее пересохло в горле; неожиданно для себя девушка поняла, что нужно делать, и это решение воодушевило ее.

— Мы обладаем оружием, которое до этого никто не брал в расчет.

— Тебе нельзя было появляться здесь, — решительно заметил Идо.

Дубэ спокойно выдержала его грозный взгляд.

— Я — оружие, которым следует воспользоваться, — твердо настаивала на своем девушка.

Взволнованный шепот пронесся по залу.

— На мне лежит проклятие: внутри меня живет зверь, наделенный сверхчеловеческой силой, кровожадное животное, которое сильнее целого войска.

Идо бесстрастно смотрел на нее.

Лонерин вскочил на ноги.

— Твой зверь неуправляем, и ты об этом прекрасно знаешь. Твое предложение слишком рискованно.

— А в чем, собственно, заключается суть этого проклятия? — спросил один из генералов.

Дубэ на одном дыхании рассказала обо всем. Осознание того, что она приняла наконец решение, придавало ей сил.

Девушка поведала о юноше, поразившем ее роковой стрелой, о том, как Дохор перевел на нее свое проклятие и о невероятной силе, в нем заключенной.

— Мои дни все равно уже сочтены, — сказала она с холодным равнодушием. — А живу я только благодаря тому, что Лонерин и Теана магическими ритуалами и снадобьями сдерживают смертельное действие проклятия. Тем не менее оно неумолимо набирает силу, и ничто не может остановить его. Так почему же вам не повернуть оружие врага против него самого?

— То, что ты говоришь, просто чепуха, — возмутился Лонерин. — Это неправда — то, что твоя судьба предрешена, есть ритуал, который может тебя спасти!

— К сожалению, нет, — возразила Дубэ, поворачиваясь к нему. — Я уже проникала во дворец Дохора в надежде расправиться с ним, но мне это не удалось. У меня осталось мало времени, и я хочу использовать его с толком.

— Я протестую, черт подери! — вне себя от гнева закричал маг, стуча кулаком по деревянной поверхности стола.

— Вы знаете, что в моих словах есть резон, — не унималась Дубэ, глядя членам Совета в глаза. — Я знаю, как можно одолеть их. Только я, Идо, Лонерин и Сеннар, вместе старое и

новое поколение — мы вчетвером расправимся с Гильдией.

По залу пронесся неодобрительный шепот. Решение принималось с трудом.

— Необходимо проголосовать... — Идо попытался восстановить порядок.

— У нас совсем нет времени! — возбужденно запротестовала Дубэ. Теперь, когда девушка приняла решение, она страстно желала, чтобы все закончилось как можно скорее.

— Не сейчас! — прогремел по залу все такой же раскатистый, как гром, голос гнома, призывавший присутствующих к порядку. — Оставим это до рассвета. Пусть каждый вернется в свою комнату, все взвесит, а к восходу солнца даст свой ответ. Заседание закрыто.

Зал стал медленно пустеть.

Дубэ видела, как Лонерин вне себя от гнева направляется к ней широким шагом.

— Ты — сумасшедшая! — сказал он, хватая ее за руку. — Ведь это верная смерть, которой ты всегда так боялась, мучительная смерть!

Дубэ была невозмутима. Она с изумлением ощущала внутреннее спокойствие от окончательного осознания собственного предназначения.

— У меня теперь появилась еще одна причина.

— Но ты умрешь, понимаешь? Ты можешь умереть!

— Если умрет Леарко, мне будет незачем жить. А значит, во имя его спасения стоит расстаться с жизнью.

Лонерин смотрел на нее с нескрываемым удивлением.

— Ты всерьез говоришь об этом?

— А ты умрешь за нее? Разве ты не готов отправиться прямо сейчас, чтобы спасти ее и сразиться с Гильдией голыми руками? Разве еще мальчишкой ты не хотел отомстить за свою мать?

Лонерин отпустил руку Дубэ.

— Тогда ты сможешь понять меня.

Маг, опустив руки, склонил голову.

— Он поглотит тебя.

— Я знаю.

Лонерин посмотрел на девушку. Дубэ почувствовала к нему жалость.

— Поклянись, что ты проголосуешь за.

Маг покачал головой.

Дубэ вцепилась в него руками.

— Если ты когда-нибудь желал мне добра, сделай это.

— Ты не можешь просить меня об этом...

— Прежде чем Теана попала в плен, я знала, что мне больше нет спасения, и упросила ее найти иной способ лишить меня жизни. Тогда она дала свое согласие. Так не ударь же и ты в грязь лицом.

Дубэ посмотрела магу в глаза, но тот отвел свой взгляд. Девушка сжала его руки.

— Я прошу тебя об этом.

Лонерин, тряхнув головой, высвободил свои руки и направился к двери.

Рассвет заявил о себе вереницей желтых грозовых туч. Лето шло к завершению — на пороге стояла осень.

Советники заходили в зал в полном молчании. Среди них была и Дубэ.

Разбойница больше не испытывала страха, только желание поскорее начать действовать. Она, если нужно, не раздумывая отправилась бы в дорогу. Девушка понимала слепую веру и неистовую решимость убийц. Возможно, перед началом своей миссии они испытывали то же самое. Может, подобным образом чувствовал себя и тот парень, целью которого было навлечь на нее это проклятие. Наверняка он, выходя за пределы Дома, догадывался о том, что его уже ждет смерть. Но в случае ее гибели Леарко был бы спасен, и из этого моря крови родился бы новый мир — вполне достаточное основание для того, чтобы снова придать девушке сил.

После того как все заняли свои места, Дубэ, сидя в углу рядом с Фольваром, заметила Лонерина. Она взмолилась о том, чтобы маг принял верное решение.

— Пора голосовать. — Идо был предельно краток. — Предложение заключается в том, чтобы сегодня же отправить в Дом Гильдии группу, в состав которой должны войти я, Дубэ, Лонерин и Сеннар. С собой мы возьмем дракона Оарфа. Используя проклятие Дубэ, мы нападём на секту.

После разгрома Гильдии и освобождения пленников я убью Дохора. Поднимите руку, кто согласен.

Легкий шорох пронёсся по залу. Идо, в упор глядя на Дубэ, почти сразу поднял свою. В его глазах девушка увидела боль и понимание. Следом за ним подняли руки Сеннар и некоторые другие генералы. Дафне воздерживалась, в то время как и Фольвар выразил свое одобрение. Дубэ считала с замиранием сердца. Советников было пятнадцать: равного числа голосов быть не могло. Лонерин с поникшей головой последним поднял свою руку. Итак, восемь.

Дубэ закрыла глаза.

— Отправляемся в путь немедленно, — заключил Идо.

26 НА ПУТИ К ЦЕЛИ

Гном торопливо собрал все необходимое.

— Если мы полетим на драконе, нас сразу заметят, — заметил Сеннар.

— Мы полетим высоко в небе и сделаем в пути только три остановки.

— Ты хочешь сказать, что лететь предстоит и днем и ночью? А значит, останавливаться мы будем по меньшей мере раз в два дня. Но это безумие!

Идо посмотрел ему прямо в глаза:

— У тебя есть иное предложение?

— Выбранный мною голубой дракон достаточно молод и натренирован.

— Оарф — великолепное животное, сильное и могучее, — возразил гном.

Даже тень улыбки не отразилась на лице старого мага.

— Я не хочу, чтобы ты его погубил, — произнес он после минутного колебания.

— Ты действительно думаешь, что я на это способен?

Последовавшее за этим молчание было красноречивее любого ответа.

А между тем в другом крыле дворца Дубэ собирала с собой в дорогу свои немногочисленные вещи. Она надела привычную одежду, прицепив к поясу новое оружие. Это была не более чем дополнительная мера предосторожности; когда зверь выходил из-под контроля, девушке оно уже не требовалось.

С каждым движением Дубэ ощущала свои не до конца зажившие раны. Она была еще слишком слаба и прекрасно осознавала, что для достижения цели ей необходима помощь. Девушка знала, что Сеннар не был уже так всемогущ, как прежде, чтобы суметь найти выход из положения.

Оставалось только пойти к Лонерину и лично просить его о помощи.

Лонерин в своей комнате торопливо заканчивал последние приготовления: на сборы Идо дал всего один час. В горячке юноша оставил дверь открытой, и Дубэ с порога наблюдала за ним. Услышав стук в дверь, Лонерин резко обернулся:

— Чего тебе?

— Нам нужно поговорить.

Дубэ заметила на его кровати выглядывавший из-под сукна краешек талисмана.

Юноша взял его и положил в дорожную сумку.

— Я не хочу.

Дубэ вошла, закрыв за собой дверь, и схватила его за руку.

— И все равно нам необходимо поговорить.
— Ты добила того, чего хотела, разве не так? — ответил маг, с раздражением убирая руку. — А теперь оставь меня в покое.

— Я не хотела обидеть тебя. Это было всего лишь мое решение.

— С которым я категорически не согласен. И запомни: ты вынудила меня согласиться на это вопреки моей собственной воле. Теперь я тебе ничего не должен!

Маг завязал на шее платок и огляделся вокруг, стараясь ничего не забыть.

— Мне нужно, чтобы ты вылечил меня на все время, что мы будем в пути, — продолжила Дубэ, но молодой человек делал вид, что не слышит. — Мои раны еще не зажили, мне нужен настой для подавления проклятия.

Лонерин обернулся, с удивлением и горечью посмотрел на нее и, ни слова не говоря, направился к двери, но Дубэ преградила ему путь.

— Я знаю, что вчера, когда я была еще в бессознательном состоянии, меня поили этим настоем. Пойми, мне нужно самой контролировать зверя, иначе наша миссия будет безуспешной.

— Великолепно! Достаточно просто не принять очередной дозы, и ты будешь готова к героическому самопожертвованию.

Лонерин хотел ухватиться за ручку двери, но Дубэ удержала его.

— Я больше не намерен содействовать твоим инстинктам самоубийцы, — произнес маг сквозь зубы.

— Я только хочу, чтобы зверь проявил свою силу в тот момент, когда мы окажемся в Доме Гильдии, и ни минутой раньше. Тебе хорошо известно, что без твоей помощи мне не обойтись.

Во взгляде мага промелькнула тревога.

— Как ты не можешь понять, что я не хочу твоей смерти? — пробормотал он, опустив глаза.

Дубэ изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Она не должна была терять ясность ума. Конечно, Дубэ все отлично понимала, не могла не понимать, просто иного выхода она себе не представляла.

— Можешь приготовить такое снадобье? — сухо спросила она наконец.

Лонерин, склонив голову, несколько мгновений стоял молча; потом посмотрел на нее с невыразимой печалью и кивнул.

— Тогда сделай это. Только я одна могу расчистить вам путь в толпе неприятеля.

Юноша в порыве отчаяния резко вскинул голову.

— Дубэ, ты — не оружие и никогда им не была. Ты просто женщина, которую я полюбил в этих подземельях.

Девушка перевела дыхание.

— Ты знаешь, что у нас нет больше времени.

— Согласен, но ты не можешь просить меня отказаться от воспоминаний. После пожара всегда остается пепел.

Дубэ почувствовала, как ее глаза защипало, но она не позволила себе расплакаться. Бесспорно, Лонерин прав, но времена изменились.

— Лонерин, у тебя есть будущее, и ты не должен забывать об этом. Не трать этот дар понапрасну, а иначе моя жертва не будет иметь никакого смысла, — произнесла Дубэ, обхватив его голову своими руками.

Маг, не в силах произнести хотя бы слово, отвел взгляд в сторону.

— Обещаешь мне?

— Обещаю, — ответил он, осмелившись наконец спокойно посмотреть девушке в глаза.

— Тогда возьми что нужно и присоединяйся к нам.

Дубэ открыла дверь и вышла прежде, чем он успел ответить.

Из коридора потянуло сыростью. У нее закружилась голова при мысли о Леарко, она

оперлась о стену. Гибель грозила ему уже через семь дней.

«Он не умрет», — подумала девушка. И эта мысль помогла ей продолжить свой путь по дворцу.

— Лететь нам предстоит довольно высоко. Воздух на высоте разрежен, и путешествие будет не из легких. Подниматься будем медленно, чтобы дать время нашим телам как следует адаптироваться. Но как только мы пересечем границу, полетим на самой большой скорости.

Идо был уверен, что это его последний рывок, последняя миссия перед заслуженным отдыхом. Его больше не интересовали последствия: так или иначе, но его история в качестве Всадника Дракона подходила к концу.

— Когда мы будем пересекать границу, стянутые туда наши войска начнут свое наступление на Землю Моря. На этот счет нами уже разосланы соответствующие приказы. Это будет отвлекающим маневром, предотвращающим объединение вражеских войск в единый блок, и в то же время это позволит нам беспрепятственно проникнуть в неприятельский тыл. Что касается самого путешествия, то наша первая остановка будет через три дня полета, на границе с Большой Землей. Затем мы полетим в сторону Земли Ночи, в направлении одной из тамошних пустынь, — продолжал гном, указывая точные места остановок на карте остальным участникам миссии. — Там нет ни городов, ни аванпостов, и поэтому трудностей возникнуть не должно. А затем предстоит последний отрезок пути вплоть до самого храма.

Этот план не вызвал никаких возражений. Оба мага и девушка внимательно слушали гнома, ловя каждое его слово.

— Мне недавно стало известно, что эскорт Дохора уже проследовал в направлении Дома. Он пробудет там до начала церемонии. Очень важно, чтобы мы атаковали именно в это время. Если все сложится, как задумано, мой план позволит нам попасть туда в нужный момент.

Сеннар, Дубэ и Лонерин продолжали молча его слушать. Он снова становился полководцем. В последний раз Идо брал на себя командование во время вражеского нападения на укрепления повстанцев в Земле Огня. Тогда его войска потерпели поражение, и Идо постарался как можно скорее прогнать прочь эти воспоминания. На этот раз все должно пройти гладко.

Гном свернул карту.

— Какие будут замечания?

Он переводил взгляд с одного участника миссии на другого. Всем было ясно, что это — отчаянное предприятие. Возможно, что они больше не вернутся назад, чтобы поведать обо всем случившемся миру. Идо на мгновение пожалел о том, что часом раньше так уверенно поднял свою руку в поддержку этой операции. Напротив него стояли двое молодых людей, готовых пойти навстречу смерти. Он уже много видел на своем веку смертей, но тем не менее никак не мог найти им достойного оправдания. Вот и теперь победа должна достаться ценой гибели девушки, у которой жизнь и так уже отняла слишком много.

— Замечательно. Если вы согласны, тогда в путь, — попытожил гном, взяв себя в руки.

А за крепостными стенами рассвет перерос в прохладное и тоскливое утро. Высокие серые облака плотно заволокли небо.

Драконы стояли уже наготове. Один из них был голубого цвета, с худым и нервным телом; другой — довольно внушительного вида, толстокожий, с горящими глазами. Это — Оарф. Он выжидающе смотрел на подходивших к нему людей, его ноздри и мускулы были напряжены. Могучий дракон был готов подняться в воздух. Идо посмотрел на него с восхищением. Ему рассказали, что в отсутствие хозяина он поднял такой переполох, что держать его были вынуждены в тайне от всех, в просторных подземных конюшнях, куда никто из посторонних не имел доступа.

Идо довольно улыбался: этот дракон ничуть не изменился и был все таким же

удивительным и неукротимым, как прежде. Гном взглядом окинул его подрагивающее тело, и постепенно в сознании старого воина всплыл образ худого и нервного Везы, его любимца. Оба дракона сражались бок о бок не в одном бою, и наверняка Оарф еще не забыл своего старого друга.

Идо приблизился к могучему животному. Оарф внимательно посмотрел на него: две слабые струйки дыма выплыли из его ноздрей, а взгляд стал медленно смягчаться.

— Ты правда не забыл меня?

Гном остановился в нескольких шагах от головы дракона и погладил его морду. Идо всегда нравилось касаться прохладной чешуи дракона, напоминавшей гному о самых лучших днях его жизни, когда во времена сражений он бороздил небо, сидя верхом на этих необыкновенных животных.

Одним прыжком он забрался на спину Оарфа. Впервые гном ехал не в седле, и от этого у него возникли странные ощущения.

В это время Сеннар с трудом взбирался на другого дракона.

— А на ком поеду я? — спросила Дубэ. Ее голос был спокоен, а во взгляде — абсолютная ясность.

Ответ последовал от Лонерина — он уселся позади старого мага. Тогда девушка посмотрела на Оарфа.

— Ты когда-нибудь летала верхом на драконе? — спросил ее Идо.

Дубэ отрицательно помотала головой. Ей еще никогда в жизни не доводилось этого делать.

Схватив разбойницу за руку, гном почувствовал ее ледяной холод. Сердце Идо сжалось от охватившего его сострадания.

Девушка проворно взобралась наверх и обхватила Идо руками за пояс. Гном посмотрел на небо. Прошла целая вечность с того времени, когда он в последний раз поднимался ввысь, направляясь к полям сражений.

— Пора, — чуть слышно скомандовал он.

Широкие крылья Оарфа расправились, рассекая прохладный воздух утра. Идо почувствовал, как напряглись мышцы дракона под его ногами. Это было самым прекрасным ощущением в мире. Затем — такая привычная пустота в желудке, один мощный скачок — и вот они уже оторвались от земли.

Доход чувствовал себя не в своей тарелке. Он впервые оказался в святой святых Дома Гильдии. До этого момента он видел только храм, в котором обычно проходили их встречи с Иешолем. Среди длинных теней этого гнетущего храма Доход чувствовал себя главным, а Верховный Страж казался ему всего лишь слугой. Но в Доме Гильдии все было по-другому.

Было здесь нечто такое, от чего комок подкатывал к горлу. Король уверенно шел по подземным переходам. Встречавшиеся ему на пути убийцы, приложив руку к груди, почтительно склоняли свои головы. И все же здесь Иешоль был повелителем, а Доход — только заезжим гостем.

Но более всего воображение короля было поражено мрачной атмосферой Дома, где страдание было не средством, а главной целью. Жестокость, с которой он устанавливал порядки в своем королевстве, была неотъемлемым условием для достижения успеха, но никогда при этом не являлась отправной точкой в его деятельности. Страх — такое же орудие, каким были деньги или лесть. Но тут, в подземелье, жестокость превратилась в самоцель, кульминацию их замысла. Она сочилась сквозь стены, заражала воздух и перехватывала дыхание. Смерть прославлялась здесь во всех своих формах — уничтожение личности, ее души и плоти, а этого Доход понять не мог.

«Фанатики, только и всего. Когда ритуал завершится и я, наконец, стану непобедимым, выкину всех прочь, от первого до последнего».

Так думал король, пытаясь смириться с возникшим внутренним дискомфортом, едва он ступил в пределы Дома. Было довольно трудно его преодолеть, и король впервые испытал

страх. Весь мир повернулся против него; сначала сын перестал его бояться, а теперь еще и это логово вызывает у него беспокойство. Он задумался, а было ли правильным решение довериться этому опасному союзнику.

Приблизившись к статуе Тенаара, Дохор почувствовал тошноту при виде бассейнов с кровью. Даже на взгляд участника тысяч сражений, безжалостно проливавшего кровь целых народов, это переходило все мыслимые границы.

Иешоль спокойно наблюдал за тем, как его рвало в углу.

— Это вполне допустимо для первого раза, — произнес Верховный Страж с удовлетворением.

Дохор с ненавистью посмотрел на него.

«Касаться стен этого мерзкого места — такое со мной впервые», — растерянно подумал он.

Королю отвели довольно просторную комнату, в которой стояли широкая кровать, скамья и стол. В углу — перегонный куб и шкаф, заставленный подозрительными банками.

— Это — комната прежнего стража ядов, убитой Дубэ, — пояснил Иешоль. — По моему распоряжению новый страж живет в другом месте. Я был очень привязан к ней, она была, возможно, одной из самых преданных нашей вере из всех когда-либо обитавших здесь победителей.

Дохор посмотрел на Иешоля:

— Какие сведения от агентов?

Верховный Страж поднял брови.

— На границе с Землей Моря отмечено скопление войск.

— Об этом я знаю. Столкновения уже начались. Я хотел узнать про другое.

Иешоль улыбнулся:

— Идо замечен не был.

— Он направляется сюда, — заметил Дохор, печально улыбаясь.

— Об этом достоверно неизвестно.

Король рассмеялся, тряс головой.

— Я провел добрую часть своей жизни в сражениях с ним и хорошо его изучил. Он придет. В наших руках мальчишка, а он — не из тех, кто будет сидеть сложа руки в то время, как Всплывший Мир нуждается в его помощи... Кроме того, он слишком ненавидит меня.

— Как бы то ни было, если он появится, мы остановим его.

— Ты на самом деле полагаешь, что он будет один? Он придет и притащит за собой вашу предательницу, — грубо отрезал король. — Она — подружка моего сына. Однажды ей уже удалось освободить его из застенков Академии. Эта бестия не преминет последовать за нашим мерзким гномом.

— Какая разница, — повел плечами Иешоль, — один или два. Одно ваше слово — и мои люди с готовностью избавят вас от этой неприятности.

Дохор тряхнул головой.

— Несмотря на то что я уже много лет лично не принимаю участия в сражениях, тем не менее я остаюсь солдатом и рассуждаю, как солдат. Позволь ему проникнуть сюда. Дубэ — твоя, а Идо пусть достанется мне. Я хочу лично встретиться с ним и в завершение этого затянувшегося фарса сказать ему несколько слов.

Иешоль некоторое время молча смотрел на короля.

— Как будет угодно, — согласился он наконец и покинул комнату.

Снаружи его уже ожидал подобострастно склонивший голову помощник. Он последовал за Верховным Стражем по бескончаемым вереницам коридоров.

— Я хочу, чтобы ты занялся королем во время церемонии, едва Астер придет в себя. По одному человеку на каждого из королевской свиты, а ты лично займешься Дохором. Я хочу, чтобы все они были мертвы.

Убийца кивнул, а затем растворился во мраке Дома.

Казалось, что осень на Большой Земле уже наступила. Идо, созерцая ночную мглу, закутался в покрывало.

Кромешная тьма. Если бы они зажгли огонь, то не смогли бы укрыть драконов. Без сомнения, здесь некому было нести караул, но нельзя ничего знать наверняка.

Оарф спал глубоким сном, он был совершенно измотан. Голубой дракон сильно сдал, но Идо полагал, что он еще сможет дотянуть до Земли Ночи. При других обстоятельствах гном постыдился бы этих жалких мыслей, ведь для Всадника Дракона не было ничего более святого, чем его собственный дракон. Но теперь не время давать волю чувствам.

Полет в таких условиях оказался тяжелым испытанием. От недостатка кислорода и огромной скорости перехватывало дыхание, мышцы ног окоченели от холода и неподвижного положения.

«Будем ли мы в состоянии сражаться, когда прилетим?»

Идо отогнал от себя пугающую мысль. Если нужно, он, истекая кровью, станет бороться до последнего вдоха. Пришла пора платить по счетам, восстанавливая справедливость. После стольких лет погони друг за другом он наконец встретится лицом к лицу с Дохором. Ясно одно, что в этой схватке Идо не сможет взять его живым.

— Не спишь?

Гном покачал головой. Фигура Сеннара возникла из темноты.

— Нет, но, как мне кажется, и тебе не спится, — заулыбался Идо.

— Я уже давно лишен покоя. У меня нет даже права на сон.

Маг уселся рядом с гномом, держа в руках какой-то предмет, завернутый в сукно.

Идо выпрямил спину, опершись руками о землю.

— Я сожалею, — сказал он, оправдываясь. — Я был не способен найти общий язык с твоим внуком и теперь сознаю, что, если бы не моя оплошность, сейчас мы не оказались бы в такой ситуации.

— Я бы не смог сделать это лучше, Идо, — с горечью произнес Сеннар, глядя в пространство перед собой и поглаживая рукой сверток.

— Как знать.

— Он похож на Ниал, — добавил старый маг. — Я прочел это в его глазах, во время нашего разговора. Та же неистребимая жажда к действию и самопожертвованию, даже в своей печали они схожи. Удивительно, как жизнь дает виток и возвращается на круги своя, ты не находишь?

— Да уж. А я и с ним допустил промах, — ответил гном, погружаясь в воспоминания.

Сеннар положил руку ему на плечо:

— Но ты ведь знаешь, что это не так.

Идо снова увидел ее во мраке ночи: худенькая и измученная девушка с заостренными ушами и голубыми вьющимися волосами. В ее лиловых глазах сосредоточилась боль всего мира. Он отдал бы все, что угодно, только бы увидеть ее снова.

— Мы часто говорили о тебе. Она всякий раз бывала вне себя от радости, когда получала твои письма, потом закрывалась в комнате и писала тебе ответ. Ниал не хотела, чтобы в этот момент я даже приближался к ней. Это были ваши взаимоотношения. Знаешь, а я почти ревновал! — Сеннар нежно улыбнулся. — Во время своего путешествия я нашел вот это. — Маг протянул сверток другу.

Гном посмотрел на него, и сердце тревожно забилось у него в груди: ошибиться было невозможно. Идо, взяв сверток в руки, нащупал острие лезвия и форму рукояти. Он обратился к магу вопросительный взгляд, но тот застыл в безмолвном ожидании. Тогда Идо осторожно приподнял край материи. Чернота клинка отразила свет, едва не ослепив гнома. Это был меч Ниал.

— Он — твой, — сказал Сеннар.

От сердца Идо отлегло, и все же у него возникло ощущение совершаемого им ужасного святотатства. Гном отодвинул от себя оружие.

— Не могу. Я и так уже присвоил себе ее дракона.

— Ты должен взять его, — ответил маг, качая головой. — История Ниал — это прерванный рассказ. Ты должен довести дело до конца.

Непрошенная слеза медленно стекала по щеке Идо.

— Я беру его только в долг, — наконец решительно произнес гном. Он должен был отомстить за Ниал, за Тарика и прежде всего за Сана.

— Не думаю, друг мой, что после завершения этой истории мы еще когда-нибудь встретимся, — с улыбкой заметил Сеннар.

Идо посмотрел ему прямо в глаза и прочел в них бесконечную усталость. Наверное, старый маг был прав, но теперь он рассчитывал на то, что перед последним решительным сражением они снова объединятся. Круг замыкался — вот она, последняя радость в жизни, которую ему дано испытать, прежде чем он повесит оружие на гвоздь. Он готов.

Гном взял в руки меч и засунул его за пояс, рядом со своим оружием.

— Может быть, — сказал он, кладя руку на плечо Сеннара. — По крайней мере, вместе мы насладимся последним актом драмы.

Начало полета было ужасным. На спине у Оарфа ей не хватало воздуха. Раны болели, кровь стучала в висках. Однако некоторое время спустя Дубэ стала понемногу привыкать. Лонерин сдержал слово: он упорно лечил девушку, пользуясь любой свободной минутой. И она почти полностью поправилась.

Во время второй остановки юноша дал ей магический отвар.

— Вот то, что тебе нужно, — сказал он, дрожащей рукой протягивая ей склянку. — Когда мы прибудем на место и зверь снова даст о себе знать — прими целиком вот это снадобье.

Дубэ внимательно посмотрела на склянку, потом подняла глаза и встретила взглядом с Лонерином, печально взиравшим на нее.

— У тебя еще есть время. Я вместе с Сеннаром проникну в Дом и остановлю ритуал. Леарко будет спасен.

Дубэ улыбалась с покорным видом.

— Ты знаешь, что это не так, — ответила девушка, убирая склянку в дорожную сумку. — Но все равно спасибо, — добавила она слабым голосом.

И снова остановка. Они уже достигли Земли Ночи и теперь находились в двух днях пути от цели своего путешествия. Там, в Доме Гильдии, будет выполнено ее предназначение. Дубэ ощущала присутствие зверя постоянным давлением в груди, ее чувства обострились, она словно слышала внутри себя звериный рев. Дубэ испытывала животный страх.

Девушка знала, что Леарко будет очень страдать из-за ее выбора, но в конце концов сможет ее понять. С годами уйдет боль, и в один прекрасный день принца покинет последнее воспоминание о ней, точно так же, как когда-то она освободилась от тоски по Учителю. Жизнь начнется заново, у него появится своя семья...

Дубэ вынула снадобье из сумки и повертела его в руках.

Если бы сейчас здесь была Теана, она наверняка успокоила бы ее, рассказав что-нибудь о своем милосердном боге.

Дубэ поняла, что очень расстроена тем, что не смогла попросить у нее прощения. Она отвела взгляд от склянки и посмотрела впереди себя. Наступила очередь Идо охранять их покой. Сидя поодаль с мечом Ниал в руках, гном пристально всматривался в ночную мглу.

Она бесшумно подошла к Идо и положила руку ему на плечо.

Гном вздрогнул.

— Черт подери, тебя совсем не слышно! — воскликнул он, усмехнувшись.

— Мне нужно поговорить с тобой.

Идо подал ей знак присесть, и Дубэ послушно устроилась рядом.

Глаза девушки подернулись едва заметной дымкой: зверь явно набирал силу.

— Если я выживу в этой истории, — начал Идо, — я приложу все усилия, чтобы твое имя осталось в памяти Всплывшего Мира. Твой поступок по-настоящему благороден.

Дубэ пожала плечами:

— Слава меня не интересуется. А тебя я попрошу о другом одолжении.

Идо с удивлением посмотрел на девушку. Похоже, он не ожидал такого поворота.

— Я делаю это не для Всплывшего Мира, а только во имя одного-единственного человека, — промолвила Дубэ, глядя ему прямо в глаза. — Обещай мне, что ты спасешь его.

Гном тяжело вздохнул, как будто слова, которые он намеревался произнести, давались ему с особым трудом.

— Ты знаешь, что самое главное для меня — отыскать Сана.

— Ты сделаешь это прежде, чем вступишь в бой. Поклянись мне, ты спасешь его, или все, что я сделаю, потеряет смысл.

Идо опустил глаза.

— Я сделаю это, — произнес он наконец.

— Ты должен, в случае необходимости, убереечь его и от меня, — добавила она через некоторое время. — Когда зверь овладеет мною, я уже не буду такой, как прежде. Я знаю, что ты можешь и должен убить меня, если моя жажда крови станет угрозой вашей безопасности. Я буду не в состоянии остановить ее самостоятельно.

Гном задумался, на мгновение представив себе весь ужас этой картины.

— А ты уверена? Я о том, что ты намерена сделать.

Дубэ кивнула:

— Никогда еще не была так уверена.

Гном посмотрел на нее с нежностью, никак не вязавшейся с видом уставшего воина.

— Я клянусь тебе, что сделаю то, что ты просишь.

Дом Гильдии предстал перед ними в виде черного пятна посреди вечного мрака. Все четверо были наготове. Идо вместе с Дубэ проложит дорогу остальным и проникнет внутрь в поисках пленников и Дохора. Лонерин и Сеннар, воспользовавшись сумятицей, отправятся на поиски Астера. Снаружи Оарф в паре с другим драконом, изрыгая огонь, устроят настоящую преисподнюю для убийц.

Их никто не ждет, только если Гильдия не готовит против них встречное нападение. На этот вечер назначен ритуал, и им во что бы то ни стало нужно остановить секту.

Дубэ чувствовала, как неистово бьется сердце, словно пытаясь пробить ее грудь. Она видела, как Идо вынимает меч из ножен, и слышала скрежет черного кристалла по коже ремня.

— Я готов, — сказал он, и девушка кивнула ему в ответ.

Позади них голубой дракон, описывая большие круги, уже шел на снижение. Оарф также стал приземляться.

Дубэ достала склянку со снадобьем. Девушка почти с яростью опрокинула ее содержимое себе в горло. Горькое на вкус, зелье стекало небольшими каплями с языка в гортань и дальше. Вскоре все тело было охвачено необыкновенным теплом. Девушка пришла в ужас, но теперь это было уже не важно.

«Я мертва, — подумала она с испугом. — Я не должна бояться, потому что уже мертва».

Дубэ почти не слышала ни то, как при спуске Оарф ударился о землю, ни взбудораженных людских криков. Ее настигло безумие, опустошающее и ужасное, и все побелело вокруг.

Грохот потряс храм до самого основания, и мрачное строение пошатнулось. Иешоль увидел, как в его кабинете с потолка посыпалась пыль, и услышал доносившиеся из коридора вопли своих обезумевших подчиненных.

Он вышел из комнаты и остановил первого попавшегося убийцу.

— Что случилось?

Тот в ответ только затряс головой, не в состоянии промолвить ни слова. На его лице отразилась гримаса ужаса.

Иешоль вздрогнул. «Нет, не сейчас, только не сейчас, когда все уже готово».

Он целое утро провел перед сферой, в которой заключался дух Астера. Верховный Страж, наблюдая за появлением и исчезновением его фигуры в лиловых клубах, молился до потери голоса. И долгожданный момент наступил. Этой ночью он должен был плакать от счастья: его усилиями на землю вернется Астер и восстановит наконец справедливость. Словом, все складывалось как нельзя лучше. Тенаар также дал на это свое согласие. Машина была запущена, и никто не смог бы ее остановить. Сердце Иешоля ликовало, преисполненное решимостью и верой.

Победитель, кулаками касаясь пола, опустил на колени. Его спина тяжело поднималась и опускалась при каждом вздохе. Иешолю, кажется, все стало ясно.

— Там, за стенами храма, два дракона рушат все вокруг. Это нападение застигло нас врасплох, и мы ничего не смогли сделать.

27 ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

— Сколько человек? — В голосе Верховного Стража не было ни намека на беспокойство.

— Трудно сказать, но нам еще никого не удалось увидеть.

— Глупец! Два дракона не могли сами прилететь сюда!

Победитель обратил на него растерянный взгляд.

— Ваше превосходительство, в Доме еще есть нечто, которое истребляет наших людей без разбора. Мы не смогли еще пока остановить его. Эта тварь обладает нечеловеческой силой. Нам не доводилось видеть ничего подобного.

Капли пота выступили на висках Иешоля.

— Остановите ее!

— Мой господин, мы не...

Снова раздался грохот, и вслед за тем они услышали раскатистый рев. Сердце Верховного Стража учащенно забилося; в его мозгу всплыли слова Дохора: «Идо... приведет с собой вашу предательницу».

Произошло именно то, чего он даже не мог представить себе. Просительница, едва сумевшая остаться в живых и ползавшая когда-то перед ним на коленях, теперь отважилась принять самую страшную из смертей. И все это только для того, чтобы уничтожить его. Иешоль перевел дыхание. Зверь — это любимое детище Тенаара, и возможно ли такое, чтобы оно было направлено против них?

— Отдай приказ занять все лестницы, чтобы не пускали зверя к бассейнам прежде, чем закончится ритуал. Пошли людей за мальчишкой и остальными пленниками, а затем приведи их ко мне. Живее!

Иешоль снова вошел в кабинет, оперся руками о стол и посмотрел на стоявшую перед ним статую Астера. Он ошибался. Ему нужно было принять решение, не поддаваясь панике. Он внимательно посмотрел в улыбающееся лицо своего идола, в его молодые серьезные глаза, и все сразу понял.

«Они не остановят нас. И не имеет значения, удастся ли мне одному довести ритуал до конца, но я обещаю не допустить того, чтобы твой народ лишился радости лицезреть тебя».

Бояться нечего — Тенаар с ним.

Все вокруг словно в дыму. Такое ощущение, что нет больше ни тела, ни рук, ни рта. Даже легких.

Смерть совсем не такая, какой ее представляла себе Дубэ. Даже приятно наслаждаться этим медленным растворением в совершенстве небытия.

Боль постепенно охватывала сознание девушки. Сначала она коснулась мышц пальцев и рук. Затем все погрузилось в ослепительную, как огненный ад, белизну. Дубэ почувствовала, как чрезмерно распухли вены и сердце раздулось в ее груди так, что казалось,

должно вот-вот лопнуть. Воздуха не хватало. Осталось только ощущение присутствия мучительной занозы в душе и разрушительной, раздражающей, уничтожающей мозг тяжести. Жажда крови. Жажда смерти. Навязчивое, опустошающее и невыносимое желание.

«Нет, не хочу!»

Но сопротивление не имело смысла. В какой-то момент все стало багровым. Капли крови образовывали причудливые узоры в этом млечном озере. Крик зверя рассек сознание на две части, заполнив его ужасом. Тело ныло от боли. Еще мучительнее было сознавать, что оно стало неуправляемым. Дубэ чувствовала себя всего лишь беспомощным наблюдателем за происходящим. И эта ужасающая достоверность разбила последнюю надежду на возврат к прежней жизни.

«Ты долго не хотела признавать мое существование, сжимая меня между сердцем и грудной клеткой. Я долго был вынужден томиться в мрачных закоулках, вдыхая их зловонный дух. Но я всегда жил в тебе. Я — твоё удовольствие от убийства Горнара, твоё безумие от мести за себя. Теперь я вернулся, и тебе больше не удержать меня. Я — твоя глубинная сущность, твоё истинное лицо, лишённое отговорок, которыми ты прикрывалась, когда жила среди человеческих существ. Остался только я, твой чёрный дух, истинная Дубэ».

Дубэ почувствовала, как её потянуло вниз, а глаза резко раскрылись. Впереди неё в кромешной темноте стоял объятый пламенем пожара храм. Изрыгая изо всех сил огонь, драконы когтями и клыками рушили стены из чёрного кристалла. На земле, как жалкие муравьи, в суматохе разбегались в разные стороны маленькие человечки.

Плоть. Ещё больше плоти для утоления её голода и крови для утоления её жажды.

Зверь без малейшей жалости обрушивается на них.

«Ты не радуешься мне? Не чувствуешь величие этого момента? Ты знаешь, что в этом твоё предназначение».

Дубэ вскрикнула, но не услышала своего голоса. Её отчаяние не находило выхода. Девушка знала, что этому уже не будет конца. Только смерть, до которой пока ещё довольно далеко, может прекратить её страдания.

«Нужно сопротивляться, нужно сделать это ради Леарко. Он будет жить».

Идо оторопел от увиденного. Прямо на его глазах изящная девушка, только что сидевшая на спине Оарфа, стала превращаться в чудовище. Её лицо исказилось звериным оскалом, её тело раздулось, а кожа покрылась щетиной. Чёрные бездонные глаза девушки были охвачены необузданным бешенством: на её месте оказался бездушный и безмянный монстр — ошибка природы, злобная насмешка мерзкого бога. Она заревела, обнажив острые как лезвие зубы, выпуская пальцы с длинными режущими когтями. Когда первые убийцы выскочили из храма, зверь ринулся в самую гущу, истребляя всех на своём пути. Он яростно уничтожал бежавших людей, не останавливаясь ни на секунду.

Идо, повидавший много кровопролития на своём веку, впервые ощутил страх. Тошнота словно клещами сжала желудок. Первым его порывом было умчаться как можно дальше от этих мест. Затем, сжав в руке рукоять меча Ниал, он вытащил его из-за пояса. Глазами воина гном окинул поле битвы. Голубой дракон обрушился на храм сзади, а Оарф поражал неприятеля у главного входа. Сеннар и Лонерин укрылись за ним. Монстр уже расчистил путь, и настал их черед.

— Следуйте за мной. Внутри мы войдем все вместе и сделаем то, что должны.

Сеннар посмотрел на него с испугом. Лонерин дрожал как лист.

— Вперед! — закричал Идо что было духу.

Его крик привел наконец обоих магов в чувство. И все трое, минуя очаги пламени, ринулись прямо в Дом. Идо с облегчением заметил, что в такой толчее никто не обращал на них никакого внимания. Помня о словах Дубэ, он направился прямо к камерам с узниками, уничтожая каждого, кто вставал на его пути. Страх испарился; в душе гнома не осталось больше места для колебаний. Это было его последнее сражение, и хладнокровие, отличавшее

поведение Идо во время боевых действий, овладело его сердцем. Он снова тот, каким был раньше.

«В последний раз», — сказал он себе со свирепой улыбкой.

— Все хорошо, не бойся.

Собственный голос Леарко показался беспомощным шепотом. Сидевший рядом с ним мальчик жалобно плакал. Леарко сразу узнал Сана, когда неделю назад его вместе с ним и Теаной бросили в темницу. Это был тот самый полуэльф, которого повсюду разыскивала Гильдия и который был рядом с Идо, когда принц вступил с ним в схватку.

— Я пришел сюда по собственной воле. В этом только моя вина.

Мальчик, не переставая всхлипывать, все время повторял эти слова. Принц чувствовал, как раскалывалась его голова. Постепенно он терял спокойствие: доносившийся снаружи шум не предвещал ничего хорошего.

Теана же, наоборот, в полном молчании вглядывалась в пустоту. Она была явно напугана, но изо всех сил старалась не терять присутствие духа.

А это было совсем не просто после всего того, что им довелось испытать. Как только пленников доставили в секту, их связали и повели по мрачным подземным переходам Дома Гильдии. Затем их заперли в камере, предварительно приковав массивными цепями к стенам. С тех пор они уже больше никого не видели. Раз в день открывалось окошко в тяжелой железной двери, и кто-то ставил перед узниками одну на троих миску с едой, и на целый день им выдавали только один кувшин с водой.

Леарко знал, что со дня на день за ними должны были прийти и отвести их наружу для удовлетворения бредовых замыслов одного из самых ужасных союзников его отца.

Юноша пытался освободиться, но цепи были слишком прочными. Теана также не смогла бы ему помочь: оковы девушки-мага были сделаны таким образом, чтобы свести к нулю действие ее магических сил.

Потом вдруг это отвратительное подземелье задрожало, и чудовищный грохот нарушил тишину камеры. Сан вытаращил от страха глаза. Теана с опаской стала оглядываться вокруг себя.

Леарко пытался прислушаться к шумам и к тишине, наступившей сразу после первого удара. За дверью слышались торопливые шаги и следовавшие за ними голоса. Снова грохот и рев.

— Это — нападение, — прошептал он испуганно.

— Они пришли за нами, Идо вернулся! — воскликнул Сан.

Леарко не знал, что и подумать. Одна часть его сознания осторожно взвешивала предположение о возможном наступлении сил Совета Воды, но другой его части это нападение казалось слишком преждевременным. Тогда что же это было?

Дверь камеры резко открылась, и мощный поток света ослепил пленников. Они не видели вошедших людей, а слышали только голос:

— Ну, живее поднимайтесь!

Кто-то взял Сана за пояс. Леарко услышал, как его цепи упали наземь, и пара рук схватила мальчика, чтобы поставить на ноги.

— Стой на месте, черт бы тебя побрал! — рявкнул удерживавший Сана человек. Затем слышался удар и звук падающего на землю легкого тела. Леарко понял, что самый удобный момент настал. Другого случая может не представиться. Дверь темницы была открыта, и царившая неразбериха была ему на руку.

Он резко развернулся и кинулся к убийце, ударившему мальчика. Юноша накинуд на него свои цепи и стал сжимать их вокруг шеи. Убийца беспомощно захрипел под его железной хваткой.

— Отпусти его, или я убью девчонку!

Другой убийца быстро выхватил из-за пояса длинный кинжал и приставил его к горлу девушки. Проступившие капли крови сверкнули на лезвии ножа. Леарко посмотрел на Теану.

Лежавший под ним на полу победитель неистово, как животное, лягал ногами. Леарко понял, что он в ловушке.

— Я сказал тебе отпустить его! — ухмыльнулся убийца, еще сильнее вдавливая кинжал в горло девушки. Теана застонала, и в этот момент черный клинок вонзился в грудь ее мучителя.

— Ты уже никого не убьешь, — донесся из темноты чей-то голос.

Безжизненное тело убийцы с глухим звуком рухнуло на пол. А за ним возник седовласый и седобородый гном с мечом из черного кристалла в руках.

Леарко, не мешкая, с силой сдавил цепь и задушил охранника. На мгновение необыкновенная тишина воцарилась в камере.

— Идо! — закричал Сан и, плача от радости, бросился ему на шею.

— Тише, тише... — ответил гном, отступая назад.

Но мальчик не слушал: Идо пришел за ним даже после этой скверной ссоры. Сан чувствовал свою вину и должен был непременно сейчас признаться в этом гному.

— Я был полным дураком, здесь только моя вина! Я думал, что непобедим, но оказывается, нужно еще столько всего изучить. Идо, ты был прав. Клянусь тебе, что отныне я все понял!

Гном крепко прижал мальчика к себе, а затем, положив свою руку ему на голову, взъерошил его волосы.

— Все в порядке, — прошептал он, усаживая Сана на пол.

Двумя тяжелыми ударами меча он освободил всех троих от цепей, а затем бросил меч Леарко и перевел дыхание.

— Бегите как можно скорее. Там, снаружи, творится невообразимое.

— Сюда пришли войска? — спросил принц.

Гном покачал головой, не промолвив ни слова.

— Так что происходит?

— Для объяснений нет времени, бегите, и точка. Ты сможешь сражаться?

Леарко бросил меч и, глядя гному прямо в глаза, положил ему руку на плечо.

Гном отвел взгляд.

— Сеннар и Лонерин намерены освободить дух Астера, я разыщу твоего отца, чтобы убить его. Вы сами должны позаботиться о себе.

— Где Дубэ? — закричал принц в отчаянии. Он уже знал, каков будет ответ, но должен был услышать его из уст Идо.

— Она выпустила... зверя наружу...

Леарко почувствовал, как земля поплыла у него под ногами.

— У нее не было иного выхода. Она сделала это ради тебя, понимаешь? Дубэ попросила меня, когда она будет сводить счета с Гильдией, спасти тебя. Теперь бери с собой девушку и мальчика, и бегите отсюда прочь. А ей все равно уже не жить, — ответил Идо, резко отстраняясь.

Леарко молчал, не в состоянии даже думать о чем-либо. Дубэ решила выбрать самый тяжкий путь, и никто не воспрепятствовал этому.

— Я хочу, чтобы вы покинули подземелье как можно скорее. Прежде всего спрячь мальчика в надежном месте.

Теана подняла меч с земли и протянула его принцу: ее лицо было абсолютно спокойным. Девушка призвала юношу не терять веры.

Леарко, толком не понимая для чего, взял в руки оружие и согласно кивнул.

— Нет! — Леденящий душу крик Сана вернул всех назад в реальность. Мальчик встал между ними и Идо. — Я хочу остаться с тобой! Пожалуйста, не бросай меня. Только ты один можешь защитить меня!

Гном посмотрел на мальчика глазами, полными бесконечной тоски. Невероятной казалась сила, скрывавшаяся в этом мальчугане, и на мгновение он представил себе свое будущее вместе с ним. Но теперь первостепенной задачей было отправить его как можно

дальше отсюда.

— Я вернусь, обещаю. Мы будем как одна семья. И я больше не допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. Но теперь мне нужно идти.

Сан рыдал, а Идо вытирал ему слезы.

— Поверь мне, Леарко — прекрасный воин и сможет защитить тебя даже ценой собственной жизни.

Леарко кивнул.

Гном благодарно улыбнулся, поднялся и сделал несколько шагов назад.

— До скорой встречи, — сказал он, подняв руку, и исчез в мрачных коридорах Дома.

Иешоль топнул ногой. Он держал за шиворот испуганного убийцу с перепачканным кровью лицом.

— Она проникла в зал с бассейнами, мой господин.

— Это меня не волнует! Где мальчишка? Я десять минут назад послал за ним моих людей, и до сих пор никого нет!

Убийца затряс головой.

Иешоль ударил его об стену и закричал ему в лицо:

— Ничтожный проситель!

Затем, трясаясь от гнева, швырнул своего подчиненного на пол.

Взбешенный Верховный Страж влетел в свой кабинет, взял со стола книгу и нажал на кнопку, открывавшую дверь в потайной ход.

Стена, повернувшись вокруг своей оси, приоткрыла лестницу, ведущую вниз. Иешоль почти бегом ринулся по ней в подземелье, нисколько не заботясь о том, что оставил вход открытым. Он смог успокоиться только тогда, когда оказался перед сферой бледно-голубого цвета.

— Я здесь, мой господин, — произнес он, усаживаясь на пол. Рядом с ним лежали развернутые пергаменты и раскрытая книга, для того чтобы, не теряя времени, найти в ней нужную страницу. — Вы скоро будете свободны. А я буду иметь честь служить вам для этого. Нет мальчишки? Не важно! Возьмите меня! — Обращаясь к образу в шаре, Иешоль ударил себя в грудь. — Конечно, мне известно, что ваш дух не долго пробудет в моем теле, но этого будет достаточно, чтобы открыть дорогу к Тенаару. А вот тогда вы вернетесь в этот мир, в котором не останется больше просителей, а будут жить только победители. Наступит ваше время: мир достигнет совершенства, к которому вы стремились с самого начала, с тех самых пор, как его создал наш бог.

Иешоль нашел наконец нужную страницу.

— Да, вот она, — взволнованно промолвил он и стал громко читать заклинание.

Верховный Страж в последний раз взглянул на шар, вытянул руки и приготовился к решающей фазе.

28

НА ГРАНИ МИРОВ

Лонерин попытался успокоиться, гоня от себя образ Дубэ.

А это было поистине ужасающее зрелище. Магу было больно оттого, что он так и не смог победить поработившее девушку проклятие.

«Я оказался не способен спасти Дубэ, но Всплывший Мир еще нуждается во мне», — твердил он, подбадривая себя.

Сначала маги следовали за Идо. Раздававшийся позади них рев становился все громче: это было явным признаком того, что зверь неумолимо двигался вперед.

Гном покинул их на одном из перекрестков.

— Вы идите вперед, а я должен разыскать пленников.

Лонерин почувствовал, как у него комок подступил к горлу.

— Спаси ее.

Идо кивнул и помчался прочь по мрачным подземным переходам.

— Пошли, — приказал Сеннар.

Маги возобновили свой путь.

— Дорога мне знакома, — решительно заявил молодой маг. Он помнил каждое слово, сказанное Дубэ о Доме Гильдии; да и его собственные воспоминания об этих лабиринтах были еще слишком свежи в его памяти.

Хаос, царивший в Доме, вызвал у Лонерина ощущение эйфории. Все было так, как он рисовал в своих мечтах: Гильдия пала, и он бродил среди ее развалин. Искривленные от ужаса лица победителей выглядели именно такими, какими он много раз представлял их себе; долгожданный ад раскрыл наконец перед ними свои врата. Юноша мысленно повторил каждое слово заклинания, каждый жест магического ритуала, который ему предстояло исполнить.

Лонерин вспомнил эту часть Дома, в которой они находились. Он быстро сориентировался и, увлекая за собой Сеннара, ринулся в лабиринт коридоров.

Маги не встретили на своем пути никакого сопротивления. Дом постепенно пустел: победители стекались в те помещения, где неистовствовал зверь. Лонерин с изумлением подумал, что Дубэ была права: без нее им ни за что на свете не удалось бы совершить такой отвлекающий маневр.

Оказавшись перед дверью нужной комнаты, юноша почувствовал, как сердце тревожно забилося у него в груди. Он схватил Сеннара за тунику:

— Это — здесь.

Дверь была распахнута настежь. В комнате царил хаос: повсюду были разбросаны книги и валялись сваленные в кучу пергаменты. Маги вдвоем медленно вошли внутрь. Что значил этот беспорядок? И что теперь — им радоваться или печалиться?

Сеннар увидел потайной ход.

— Туда!

Лонерин без колебаний помчался вниз по лестнице, перескакивая сразу через две ступени. Старый маг спускался за ним. Но, едва переступив порог помещения, юноша остановился в недоумении.

В комнате цилиндрической формы чувствовался недостаток свежего воздуха, зеленый орнамент плесени покрывал ее стены. В центре было сооружено некое подобие алтаря, над которым возвышался небесного цвета шар. Излучаемый им млечный свет мрачно освещал стены. Из шара, внутри которого плавал смутный человеческий образ, выходила тонкая струя дыма, направлявшаяся к сидевшему на коленях человеку, широко распростершему свои объятия.

Его лицо, обращенное к потолку, имело выражение бесконечного блаженства. Иешоль. Происходило явно нечто ужасное.

«Мы пришли слишком поздно», — успел подумать Лонерин.

Но Сеннар стремительно накинулся на сидящего человека, удерживая его на полу. Тончайшая струя дыма рассеялась, и старый маг закричал изо всех сил:

— Пора! Начинай!

Лонерин вынул из кармана туники талисман и сжал его в руках. Юноша закрыл глаза, внимательно прислушиваясь к собственному телу. Он сосредоточился так, как учил его Сеннар. Голос Лонерина нарушил тишину. Низкие и мелодичные звуки молитвы заполнили все пространство комнаты. Эльфийские слова заставили его душу отделиться от плоти и перенесли его в окружении нимба туда, где ему предстояла встреча с Возмездием Всплывшего Мира.

«Сначала он», — напомнил ему внутренний голос. Лонерин остановил полет своей души и произнес заклинание. Он почувствовал, как руку, сжимавшую талисман, охватил жар. Маг понял, что это был Астер, тот самый человек, что держал в страхе весь Всплывший Мир, тот, который пытался разрушить все сущее. Его беспокойный сон смерти был нарушен,

и теперь дух Тиранно сжимал ладони Лонерина.

«Теперь твоя очередь», — снова услышал голос юноша. Он из последних сил произнес заключительное слово заклинания. Молодой маг почувствовал, как что-то извне стало втягивать его в себя, и, потеряв ощущение собственного тела, он вдруг оказался в некоем небытии, одушевляемом только его собственным самосознанием. Вокруг покой и ослепительный свет.

«Я в талисмানে?» — спросил он себя. Возможно, что он был уже мертв. Сеннар предупреждал его, что такая возможность не исключается в случае, если сопротивление мага силе ритуала будет недостаточным.

«Нет, прежде нужно выполнить свой долг».

Лонерин изучил окружавшее его пространство. Ничего вокруг. Маг не чувствовал ни тепла, ни холода. Сплошная неопределенность, смутное ощущение сознания.

«Что теперь?»

Лонерин не знал ответа на этот вопрос. Может, он должен был разыскать Астера. Если маг в действительности вызвал его дух, то тот должен непременно быть где-то рядом. Но его не было. Тайное беспокойство проникло в сердце юноши. Такая смерть была бессмысленной. В чем же его промах?

Затем Лонерин увидел, как в окружавшем его ослепляющем небытии стали проявляться чьи-то смутные очертания. Они имели неопределенную и нечеткую форму, которую маг на самом деле мог скорее почувствовать, чем видеть.

— Ты — молодец.

Прозвучавший голос был неосязаем и исходил из ниоткуда. Детский голос, звучавший прямо в голове мага.

— То, что тебе удалось, вовсе не пустяк.

Смирный тон, полный неизъяснимой печали.

— Кто ты?

Лонерин знал, что не произнес ни слова, тем не менее он говорил.

— Как, ты звал меня и не знаешь моего имени?

Маг почувствовал радостный порыв. Он видел его: тот возникал из ничего, из белого света; шел неторопливым обдуманым шагом. Захватывало дух от осознания того, что это действительно был мессия. В какое-то мгновение промелькнула мысль, что Гильдия была права, утверждая, будто за сорок истекших лет просители очернили память героя. Не мог не быть богом тот, который шел теперь к нему навстречу, страдающий и непонятый, отвергнутый своими же адептами.

На вид это был ребенок лет двенадцати в длинной черной тунике с высоким горлом. Его лицо было мучительно прекрасно. Он с грустью смотрел своими ослепительно-зелеными глазами. Такой цвет нельзя было встретить в природе: то, что видел Лонерин, было самой сутью цвета в соответствии с замыслом богов, создававших Всплывший Мир. Выющиеся длинные до плеч темно-синие волосы обрамляли его лицо. Слегка заостренные уши напомнили Лонерину историю жизни Астера.

Лонерин молчал. Вот он — Тиранно, разрушитель и спаситель. Трудно было определенно сказать, кем он был на самом деле: необыкновенно жестоким или невероятно милосердным существом. Наверное, и тем и другим. И маг ощутил порыв упасть на колени и почтить его появление. Разве мог он сделать что-либо иное в его присутствии?

«Будь начеку, потому что он — Тиранно. Внешность не имеет значения, потому что она таит в себе обман. Не позволяй ему одурманивать тебя своими чарами».

Лонерин попытался разрушить это колдовство. Когда-то давно Астер был всего лишь человеком, уничтожившим тысячи ни в чем не повинных людей. Нельзя было спускать с него глаз и надо было сбросить с Тиранно личину всемогущества, не обращая внимания на его красоту и печальный взор. Нужно видеть в нем только то, что он в действительности представлял собой: дитя, умершее сорок лет тому назад, либо, наоборот, старика, давным-давно справедливо поверженного Ниа. Лонерин должен был отправить его во мрак, из

которого тот и явился.

— Кто ты?

Юноша попытался не поддаваться очарованию его нежного голоса.

— Не важно, — ответил маг, но его голос прозвучал неуверенно. — Я — тот, кто не позволит тебе претворить твои планы в жизнь.

Горькая улыбка озарила лицо нечеловеческой красоты.

— А какие были у меня планы? — спросил дух без капли сарказма в голосе.

Лонерин пришел в замешательство. С большим трудом ему удалось овладеть собой и найти в ответ веский аргумент.

— Ты воспользовался слепой верой твоих рабов, чтобы вновь воскреснуть. Но ты принадлежишь прошлому, а Гильдия больше не имеет права на существование в этом мире. Я разрушу ее и принесу наконец мир тысячам жертв, которых ты, вместе с Гильдией, предал.

Астер нежно улыбнулся:

— Ты говоришь об Иешоле и убийцах?

— Не пытайся запутать меня, — ответил Лонерин, чуть было не растерявшись. — Я знаю, кто ты. Я читал о тебе в книгах.

— Мое имя все еще на слуху? — удивленно спросил дух Астера. — Разве воспоминание обо мне не стерто из памяти земли?

— Ты прекрасно знаешь, что это не так.

Глаза Астера смотрели с обезоруживавшей искренностью, и Лонерин подумал, каким безграничным казался его обман и как тяжело, должно быть, было Ниал сводить с ним счеты.

— Мне известно, что Иешоль и его последователи почитают меня, — продолжал дух. — Когда я был еще жив, он смотрел на меня как на бога, ловя каждое мое слово. Он был верным и сильным рабом, поэтому я подпитывал его веру. И ему нравилось верить в то, что я именно тот, о ком свидетельствовали его предсказания. Необходимость в определенности толкает людей на крайние меры, и как только они находят объект для веры, то даже смерть не может воспрепятствовать их стремлениям. Так Иешоль продолжает беспокоить мой дух, окончательно не смирившись с моим исчезновением.

Лонерин не понял смысла этих слов.

— Ты должен вернуться к мертвым, где тебе и место.

Астер своим пристальным взглядом пронзил мага насквозь.

— Ты действительно полагаешь, что я не хочу того же? Думаешь, мне доставляет удовольствие болтаться в этом шаре без всякого смысла?

— Я полагаю, что ты намерен вернуться в наш мир, чтобы закончить все начатое когда-то тобою. Для этой цели ты подчинил своим желаниям волю слабых людей, для которых, как тебе известно, ты стал единственным смыслом существования, — уверенно заявил Лонерин.

— У тебя странное представление о смерти, понятие, присущее всем живым, — возразил дух. — Ты всерьез думаешь, что твоя мать в загробном мире хотела бы, чтобы ты разрушил Гильдию, помогая тем самым ей обрести покой?

Лонерин почувствовал себя уязвленным.

— Что тебе известно о моей матери? — спросил он сквозь зубы.

— Я знаю, что она была убита Иешолем. Именно его меч пронзил ее сердце. Еще я знаю, что она встретила смерть с чувством удовлетворения и в полной уверенности, что ты будешь жить. Смерть за дорогого тебе человека — самая лучшая из всех смертей.

Лонерин почувствовал растерянность. Он ужасно страдал при одном только воспоминании о своей матери, когда она еще живая шла в общей толпе на жертвоприношение.

— Ты не должен напрасно терзать себя. Я сказал тебе правду. Она обрела покой, когда умерла.

— О ней больше ни слова! Даже на мгновение не смей касаться ее, тебе не удастся пошатнуть мою решимость! — вскрикнул маг.

Астер нисколько не смутился.

— Я и не делаю этого. Я всего лишь объясняю тебе. Живые разбираются в делах живых, а мертвые — в делах мертвых.

— Довольно!

Но дух невозмутимо продолжал свой монолог:

— Было время, когда я был движим только одним желанием: моей единственной целью было остаться в живых.

Лонерин не мог его не слушать, он слишком много читал о нем и помнил, что Фольвар вызывал призрак Тиранно, когда Лонерин был еще ребенком.

«Не слишком увлекайся запретными заклинаниями. Изучай их, но не позволяй им целиком овладеть тобою, если не хочешь, чтобы тебя ожидал такой же плачевный конец, как и Тиранно. Даже чрезмерная любовь может привести к трагедии». С того дня Тиранно превратился для юноши в двойственную фигуру: он притягивал и отталкивал Лонерина одновременно, вызывая любопытство и ужас.

— Моей целью стал весь мир, — продолжал Астер, всматриваясь в Лонерина своим текучим и обжигающим взглядом. — Даже смерть не смогла потушить пылающие угли этого кровожадного желания. Ничего другого для меня не существовало. Это было грандиозной идеей, о которой я, сидя в полном одиночестве в собственном дворце, грезил до умопомрачения. Я был совсем один, и это придавало еще большее величие моим замыслам. Только Иешоль знал, чего бы я мог добиться. Именно в таком обличье я намеревался предстать перед ним, и только к этому действительно следовало бы прислушаться. Он знал, но не мог всего осознать. Только мне одному было дано представить все величие плана, основанного на этой мечте.

Лонерин изо всех сил сопротивлялся убаюкивающим напевам его голоса.

— Это — самое настоящее безумие, и ничего более.

— Ты так считаешь? — спросил дух. — А каковы твои намерения? Мне знакомы магические приемы, которыми ты воспользовался, и тебя ждет смерть. Тебе известно это?

Невероятным холодом повеяло вокруг мага. Он был сильно напуган, но попытался вынырнуть на поверхность из колодца ужаса, в который повергли его эти слова.

— Не важно. Главное то, что я доведу до конца свою миссию.

Астер улыбнулся:

— А это ты не считаешь безумием?

— Я жертвую только самим собой.

— И спасешь лишь немногих. Я принес бы в жертву целый мир и спас бы всех.

«Старые сказки. Вспомни „Хроники“, вспомни Ниал и будь непоколебим», — произнес внутренний голос Лонерина.

Но Астер не дал ему ответить:

— От этой величественной мечты ныне остался только пепел. Очень жаль, но боги, как всегда, безмолвствуют, равнодушно взирая на нас с высоты.

Неожиданно Лонерин почувствовал усталость. Он по-прежнему не ощущал собственного тела, тем не менее это была слабость и отстраненность. Это все равно что умереть и, удаляясь, медленно растворяться в окутывавшем свете. Маг попытался отвести взгляд и посмотреть на свои руки, которых он не чувствовал. Его кожа была бледной, почти прозрачной.

— Я очень устал, устал от Всплывшего Мира, от себя самого и от всех. Когда Ниал сразила меня мечом, мне стали понятны многие вещи. Моя мечта была уже при рождении мертва. В тот решающий момент я был даже рад, что кто-то меня остановил.

Лонерин с недоумением смотрел на этот образ в окружении света. В нем было столько обезоруживающей искренности. Никаких уловок и попыток сбить собеседника с толку: ничего, кроме правды. А усталость, о которой говорил Астер, Лонерин и сам ощущал каждой клеточкой собственной кожи.

— Иешоль вызвал меня силой, прервав мое пребывание в мире вечного покоя без света

и тьмы. Он снова заставил меня сыграть роль, оставленную мной много лет тому назад. Ты можешь сказать, зачем я здесь? Почему мой дух, против воли, должен вернуться в это бренное тело?

Лонерин приложил все свои усилия, чтобы не терять присутствия духа. Он чувствовал, как растворяется, и это ощущение было для него внове. Где-то далеко постепенно замедлялось биение его сердца.

— Я здесь не по собственной воле. Я не знаю, что мне делать со Всплывшим Миром. Я уже не тот, что был прежде. У меня больше нет ни стремлений, ни желаний. Мною больше не правят ни благородные, ни низменные цели. Все это касается только живых, а я мертв и душой и телом. Мне нужен только покой, мой покой.

— Это на самом деле не твоих рук дело?

Астер посмотрел ему прямо в глаза:

— Я с такой болью был оторван от своего сна и с таким недовольством увидел лицо моего самого преданного слуги. Его преклонение меня раздражает, а его молитвы вызывают беспокойство. Иешоль все еще ищет во мне опору для своей веры, стремясь использовать меня теперь уже в своих целях. Я хочу избавиться от его присутствия и вернуться в небытие.

Эти слова прозвучали как зов о помощи, и Лонерин попытался вновь прийти в себя. Он понимал происходящее, но был слишком слаб. Магические чары забрали все его силы. Он умирал, поэтому нужно было торопиться.

— Если хочешь снова покоя, тогда уступи, — сказал маг.

— Я уже это делаю. — Астер замолчал на мгновение, а затем ответил на висевший в воздухе вопрос, разрядив возникшее напряжение: — Я не могу сделать это самостоятельно. Только тебе такое под силу. Я ничем не могу помочь тебе. Здесь, внутри, я — ничто. Пусть даже в теле, но меня здесь нет.

Дух протянул руки и улыбнулся чистой детской улыбкой.

— Сделай это, Лонерин, ведь так тебя зовут? Именно это имя выкрикивала твоя мать. Так сделай же, прошу тебя.

Лонерин почувствовал, что теряет сознание. Но он понимал, что если он сделает последнее усилие над собой и соберет всю свою волю в кулак, то сможет выполнить просьбу Астера.

Он посмотрел на колеблющуюся перед ним фигуру, все еще размышляя об искренности произнесенных духом слов. Возможно, что это больше не имело значения. Важно было вспомнить то, что следует делать сейчас, и собрать для этого силы. Маг сосредоточил свой рассеявшийся в этом свете дух и почувствовал странную печаль. Жалость. Это чувство больше любого другого характеризовало его жизнь, и прежде всего в этом длительном путешествии, приведшем его сюда. Жалость, жалость ко всем, даже к врагу.

Он отогнал от себя все осаждавшие его мысли и сконцентрировал в себе всю магию, проистекавшую из его тела. Биение сердца становилось все слабее.

Сеннар лишь на мгновение удержал Иешоля. Он знал, что любая магия против него бессильна. Старый маг потратил почти все свои силы на то, чтобы вновь увидеть Ниал, а оставшихся явно не хватало для того, чтобы расправиться с Верховным Стражем. Но это уже было не важно. Как бы то ни было, он сделал все от него зависящее, ведь это была дорога в один конец. Поэтому он изо всех сил сжал свои костлявые руки вокруг шеи противника. Он попытался заставить его врасплох, но почувствовал, как тот ускользает у него из рук. Он едва успел заметить Иешоля, когда тот бросился к Лонерину.

Сеннар закричал, вытянув вперед руки. Прошло уже много лет, с тех пор как он в последний раз прибегал к магии во время схватки. Тогда в его могучих руках были напряжение и сила. Теперь же рукав туники оголил участок дряблой кожи его руки, покрывавшей дрожащие мускулы, словно большую не по размеру перчатку. Тем не менее он не промахнулся.

Сверкающая стена возникла вокруг Лонерина. Сеннар вспомнил Айрес, путь в Горго и времена, когда подобным приемом он спас целое судно. Сейчас даже такой поступок стоил ему непомерных усилий.

Иешоль неистово накинулся на преграду, которая при его прикосновении взрывалась мириадами искр. Верховный Страж заревел. Там, за этой хрупкой стеной, лежал без признаков жизни бледный Лонерин, с зажатым между пальцами талисманом. Он пребывал в состоянии вялой отрешенности безжизненного трупа. Его духа там не было, юноша сумел отделить его от тела.

Сеннар попытался быстро подняться, насколько ему позволяли силы, и бросил озабоченный взгляд на шар, в котором до недавнего времени находился дух Астера. Теперь это была всего лишь обычная стеклянная сфера.

Едва старый маг встал на ноги, как увидел Иешоля с поднятыми вверх обожженными руками, готового произнести заклинание. Достаточно пустяка, и все уже будет кончено. Сеннар не мог соперничать с ним в магической силе. Тогда он схватил Верховного Стража за плечи и одной рукой закрыл ему рот. Другой он до боли сжал его горло. Иешоль сопротивлялся. В пылу схватки они ударялись о стены, опрокинули шар, разбив его вдребезги, кубарем катались по полу, вцепившись друг в друга, словно звери. Сеннар почувствовал, как зубы Иешоля впились в его плоть, и острая боль пронзила мага. Он ослабил хватку. Иешоль воспользовался этим, чтобы освободиться и выхватить из своей туники кинжал. Он обернулся, застав мага врасплох, и, повалив Сеннара на пол, приставил кинжал к его горлу.

— Никто не в силах меня остановить! — закричал он с налитыми кровью глазами и с дрожью в руках. — Такова воля Тенаара!

Сеннар почувствовал, как острие ножа рассекло кожу. Наверняка он дал Лонерину достаточно времени, и все его усилия оказались напрасными. Тогда он закрыл глаза и спокойно подумал о том, что настал подходящий момент для смерти.

Зловещий свист рассек разреженный воздух комнаты надвое. Сердце старого мага тревожно забилося. «Это конец», — подумал он, но тут же почувствовал, как Иешоль ослабил свои руки.

Сеннар открыл глаза и увидел возвышавшего над Иешолем человека со свирепой ухмылкой на лице. Скользкий на вид, он стоял в предвкушении неминуемой мести.

Верховный Страж с изумлением смотрел на нож, торчавший из его правого плеча. Лицо Иешоля не выражало боли, только недоумение.

— Шерва... — пробормотал он.

Стоявший позади него убийца разразился грубым смехом. Он вытащил нож и пинком свалил на пол тело Верховного Стража.

Сеннар, воспользовавшись ситуацией, пополз к Лонерину.

— Ты не ждал, что твой умелый и верный раб восстанет против тебя, не так ли? — заревел Шерва. — А я плевал на твоего бога! Я не верю ни Тенаару, ни, тем более, тебе. Я долго стоял перед тобой на коленях с уверенностью, что ты сделаешь меня самым могущественным убийцей всех времен. Я нисколько не сомневался в том, что однажды убью тебя и стану единственным. А ты, наоборот, отнял у меня все, что я имел, превратив меня в мерзкого червя. Ты вынудил меня растоптать моих богов, обходясь со мной, как с последним из твоих прихвостней.

Он яростно ударил Иешоля ногой по ране, но тот, скорчившись от боли, не проронил ни слова. Верховный Страж открыл глаза, однако ничего, кроме злобы, в них не было.

Шерва наклонился к нему и снова вонзил кинжал в тело противника, жестоко провернув его в ране.

— Так доставь же мне удовольствие своим криком... — произнес он, свирепо ухмыляясь.

Но тут же улыбка исчезла с его лица. Иешоль стремительно выхватил спрятанный нож и вонзил его в грудь Шервы.

— И ты оказался предателем, — прошипел Верховный Страж, сплевывая сквозь зубы. Убийца, откинувшись на спину, сполз по стене на пол. Было слышно его тяжелое дыхание.

Иешоль поднялся, прижав руку к ране в животе. Приблизившись к своему подчиненному, он бросил на него полный холодного безразличия взгляд.

Шерва открыл медленно угасавшие глаза и улыбнулся.

— Ты мертв, — прохрипел убийца. — И именно я стал твоим палачом.

— Нет. Это неправда! Весь Всплывший Мир падет к нашим ногам, но тебя там уже не будет.

Иешоль размашистым жестом руки полоснул ножом по шее Шервы. Затем, потеряв равновесие, он завалился на бок. Придя в себя через мгновение, он с трудом поднял голову и протянул вперед руку.

Сжавшийся в углу Сеннар видел, как Иешоль, преисполненный яростной решимости, с дикой ненавистью в глазах, с трудом полз по полу, оставляя после себя широкий кровавый след.

— Я еще не мертв, — чуть слышно прошипел он.

29 ПЛАМЯ И СТАЛЬ

Доходор понял, что развязка уже близка, как только кровать задрожала под его головой. Он почувствовал, что Дом охвачен паникой; вопли, торопливые шаги, но прежде всего звериный рев не оставляли ни тени сомнения в том, что происходило на самом деле.

Король медленно встал с постели и облачился в доспехи. Затем он взял в руки меч, доставшийся ему еще от его отца, и приготовился к бою.

Все началось еще в Академии. Идо, бывший в те времена одним из ее наставников, отбирал на службу молодых учеников.

Именно гном оскорбил его, и Доходор при всех выразил свой протест. Тогда Идо вызвал его на дуэль и одержал в ней верх, укротив тем самым строптивый нрав своего ученика. Воспоминание об этом на протяжении всей жизни не давало Доходору покоя. До того момента никогда еще он не переживал такого позора: сын видного генерала, он вызывал восхищение и зависть своих сокурсников. Юноша был первым во всех видах борьбы; к нему, избалованному вниманием окружающих, с почтением относились даже его преподаватели. Жизнь Доходора складывалась успешно, и не было оснований полагать, что такое не продолжится и в будущем. Идо стал его первым промахом; он осмелился публично подвергнуть сомнению его способности. Идо был предателем своей земли, но самое главное, он принадлежал к расе гномов, которую Доходор рассматривал как низшую и недостойную истинного величия.

Он долгие годы копил в себе ненависть, подавляя страхом и насилием любого, кто осмеливался противиться его власти. Доходор хотел стать Верховным Главнокомандующим Академии — обязательная ступень при продвижении вверх по лестнице власти, но для этого нужно было сместить Идо. В любой разворачиваемой им кампании по завоеванию Всплывшего Мира он всегда был вынужден сталкиваться с Идо. Гном с особым наслаждением наблюдал за тем, как Доходор, обвиненный в измене, беспомощный словно червяк, стоял перед Советом Воды. В глазах короля Земли Солнца гном оставался спесивым наставником Академии, трижды одержавшим над ним верх.

Теперь Доходор во что бы то ни стало стремился разделаться с гномом. Нелепой казалась мысль о том, что судьба решит наконец свести их друг с другом. Оба ни разу в жизни не встречались один на один на полях сражений. Теперь Доходор жаждал его крови. Он с неистовым упорством, ежедневно на протяжении всей своей жизни, старался уничтожить своего недруга: король лишил его всех постов, дома, друзей, даже любимой женщины, но так и не смог до конца растоптать его.

Идо изо всех испытаний выходил с высоко поднятой головой, а этого Доходор никак не

мог ему простить.

Король спокойно пошел по коридорам. Обезумевшие от ужаса убийцы расступались перед ним, но их для него словно не существовало. Его бой был важнее всего остального.

Оглушительный грохот был сильнее царившего беспорядка. От звериного рева содрогались стены Дома.

Доходор узнал голос дракона и злобно улыбнулся. Он знал, что Идо потерял в боях Везу. А это могло значить только одно: гном предал негласный договор, существовавший между наездником и его животным.

«А твоя ненависть такая же, как и твоя память, когда ты мог забыть о своем драконе? Трепещи, потому что я не уступлю».

Король завернул в знакомый коридор. Он проходил по нему несколькими днями раньше, после своего прибытия в Дом Гильдии. Иешоль тогда показывал другой выход, ведущий в густой лес. В непосредственной близости от него был построен небольшой загон.

— Только для вас, — произнес тот со слащавой улыбкой. — И для вашего дракона.

Чем ближе он подходил к выходу, тем менее отчетливыми становились доносившиеся снаружи голоса людей. Доходор проанализировал все произошедшее за последние дни и понял, что трещины, появившиеся на неприступной крепости его власти, пошли от той единственной незначительной бреши, которую он так и не сумел заделать. Пока Идо еще жив, не будет ему покоя. Гном был началом и концом всего, жирным пятном, не смытым Доходором до сих пор. Король день ото дня увеличивал число своих жертв, он перешагнул через труп своей жены и теперь то же самое намеревался проделать со своим сыном. Он продал душу дьяволу, связав себя с Иешолем и его кликой безумцев. Теперь у Доходора остался один, самый главный враг.

С улицы потянуло запахом гари. Король Земли Солнца полной грудью вдохнул в себя запах сражения, а затем вошел в загон. Его дракон бодрствовал, сложив на спине свои крылья. Задние лапы животного были прикованы к полу двумя мощными оковами. Охранник весь побелел от страха.

— Освободи его, — приказал Доходор.

Юноша покорно сел на пол и, дрожа как лист, принялся расковырять цепи. Как только Доходор стал королем, он решил сменить животное. Его прежний дракон, бывший у него еще со времен Академии, заурядного зеленого цвета не соответствовал его королевскому величеству. Тогда Доходор уступил его своему союзнику Иешолю.

— Мы владеем секретом Астера, позволяющим выращивать черных драконов. Позвольте мне это сделать, и тогда вы останетесь вполне довольным своим животным, — сказал Верховный Страж Гильдии ему в ответ.

Доходор правильно сделал, что доверился ему. Новый дракон выглядел потрясающе великолепно. Его спина была сплошь усеяна шипами, а вытянутая морда внушала дикий страх. Мощные крылья животного неестественно сверкали при проникавшем через окна свете плодов латешенции.

Едва охранник расковал задние лапы, как дракон вытаращил свои похожие на два красных уголька глаза, угрожающе мерцавшие во мраке ночи. Он раскрыл мощные крылья, заревел, заставив навес содрогнуться вплоть до самого своего основания. Испуганный оруженосец прижался спиной к стене. Доходор с улыбкой удовольствия на лице обнажил свой меч.

— Сегодня вечером на обед ты отведаешь мяса гнома! — воскликнул король, злобно ухмыляясь. Затем он вскочил на спину дракона, снова почувствовав упоение от грядущего сражения, это головокружительное чувство эйфории, которого он не испытывал на протяжении стольких лет.

Идо с оружием в руках обошел все коридоры Дома. Удивительно, но рукоять меча Ниал была, как нарочно, сделана для него. Казалось, будто он всегда сражался с этим оружием в руках.

На своем пути Идо не встретил достойного сопротивления. Дубэ, превратившись в

зверя, держала под контролем всю Гильдию. И попадавшие ему убийцы даже не обращали на него внимания. Впрочем, они также не вызывали у гнома никакого интереса. Идо был нужен только один человек.

Он, ведомый инстинктом охотника, двигался вслепую, заглядывая в каждую комнату и разыскивая повсюду, где только можно. На мгновение Идо задумался, а правильно ли он сделал, оставив Сана, Леарко и Теану одних. Умом он отчетливо понимал, что допускает какую-то ошибку, — ему не следовало бы возвращаться к призракам прошлого; место гнома рядом с мальчиком, который однажды унаследует этот мир после войны.

В действительности же гном никогда не прислушивался к голосу разума. Всю свою жизнь им двигало только страстное стремление к сражению, потому что в глубине души он всегда оставался воином. Он вспомнил Айрес и ее трагическую гибель, Соану, других молодых людей, которым прежде он оказывал помощь и которые уходили из жизни в самом расцвете лет. Все сводилось к Дохору, и старому воину не оставалось иного выбора.

Место Идо было в самой гуще битвы, когда начинает учащенно биться его сердце, в единственном месте, где ему было по-настоящему комфортно.

Наконец он, свернув в самый темный из всех коридоров, заметил пробежавшую там тень. Гном схватил беглеца за горло, ударил его об стену и приставил свой меч к его шее.

— Где Дохор?

Это была девушка. Она непонимающе огромными от страха глазами посмотрела на него, словно и не слышала голоса гнома.

— Я...

Гном еще сильнее надавил на меч, и его острие проткнуло нежную кожу ее шеи.

— Отвечай.

— Он на улице, — пробормотала девушка приглушенным голосом.

Идо выругался.

— Наружу никому не выбраться, там все перекрыто. Не лги мне!

Девушка правой рукой показала направление:

— Там есть другой выход...

Идо так же стремительно отпустил ее и помчался по коридору. Оттуда доносился запах гари и неистовый звериный рев.

«Возможно ли такое, чтобы он прилетел на своем драконе?» — спрашивал себя гном. Сердце тревожно билось в его груди.

Выскочив наружу, он осмотрел землю, объятую пламенем. Полуразрушенные стены храма чернели на фоне огненно-красного неба, а сверху летали два дракона. Один из них был Оарф, все это время не прекращавший изрыгать огонь, а возле него кружился другой, довольно массивный, с ярко-зелеными боками и огромными и черными как ночь крыльями.

Это был он, Дохор, на своем драконе. Идо попытался отыскать следы голубого дракона, на котором прилетели его спутники. В одном из углов Дома вырисовывался лежащий на боку опаленный остов несчастного животного.

Тогда гном поднял меч и закричал. Оарф тут же услышал зов воина и стал стремительно снижаться. Не долетая до гнома, он расправил свои крылья, обдав Идо волной раскаленного воздуха. Животное, с вызовом в глазах, яростно заревело. Затем Оарф наклонил голову, и Идо вскочил к нему на спину. В его движениях чувствовалось хладнокровное спокойствие. Настало его время.

Поднимаясь ввысь, гном на мгновение закрыл глаза: старый воин опять вернулся на много лет назад, когда он еще не был так одинок и когда после каждого сражения его ждала Соана. Идо подумал про свою молодость, про идеалы, пронесенные им через всю жизнь, и с волнением обнаружил, что они не покинули его. Он смертельно устал, но не сдался; годы пока не одержали над ним окончательную победу, и оставались еще силы для последнего сражения.

Идо накрыла новая волна горячего воздуха; затем его оглушил неистовый душераздирающий рев. Оарф обернулся, гном последовал его примеру.

Они увидели дракона с огромными, широко распахнутыми крыльями, пронзаемыми ослепительными огненными вспышками; его открытая пасть обнажала целый ряд острых клыков. Это животное было по меньшей мере на два локтя больше Оарфа. Его вздрагивающие под толстой кожей мускулы, казалось, вот-вот лопнут от напряжения. Обладая невероятной свирепостью, этот огромный и ужасный дракон представлял собой гремучую смесь, выращенную проклятыми знаниями Тиранно. Возвышавшийся на его спине Дохор, подняв меч высоко в небо, яростно натянул удила.

Идо узнал его: это был тот самый меч, с которым тот сражался еще в Академии. Именно тогда их судьбы впервые пересеклись.

Король посмотрел на него с издевкой:

— Ну вот, наконец мы и встретились.

— Наконец-то, — сухо ответил Идо.

Глубокая многолетняя ненависть лишала его каких бы то ни было оправдательных отговорок.

— Я уже победил, Идо, и ты это знаешь, — продолжил Дохор. — У тебя больше нет ничего, даже дракона. Я лишил тебя всего — ты остался с пустыми руками.

— Если ты думаешь, что расправился со мной, то для чего ты здесь?

Дохор заскрежетал зубами.

— Чтобы сказать, что это конец.

Идо улыбнулся:

— С тех пор ты ничуть не изменился. Ты все еще такой же спесивый юнец, слишком переоценивающий свои возможности. Ты не создан для великих свершений, о тебе никто даже не вспомнит. Твоя история заканчивается здесь.

— Молчи! Пора мечам вступить в разговор, — произнес король, направив на гнома свое оружие.

Идо, в знак приветствия, поднес к своему лицу поднятый вертикально вверх меч. На мгновение он закрыл глаза.

«Последняя встреча, дорогой друг; сегодня вечером мы сразимся за наши жизни».

Еще одно мгновение, чтобы насладиться шумом ветра и духом предстоящей битвы. Затем Идо и Дохор взмыли в небо.

Гном прекрасно помнил стремительную и яростную манеру Дохора сражаться один на один. Он без устали и с напором правил своим драконом, воодушевляемый только желанием уничтожать, давить, разрушать.

Вскоре развернулась настоящая война. Драконы принялись метать пламя, а их наездники при сближении старались сразить друг друга мечами.

Идо был спокоен. Он давно уже не сражался в таких условиях. Казалось, что с его уставшего тела был сброшен тяжелый груз прошлых лет, и он вновь обрел прежнюю сноровку. Гном бился энергично, работая только правой рукой. Меч Ниал рассекал воздух, выводя замысловатые узоры в плотной завесе дыма, окутывавшей все вокруг.

Дохор же наносил мощные удары сверху, задействовав сразу обе руки. Гном, несмотря на все его усилия смягчать удары противника, умело маневрируя своим оружием, чувствовал, как от напряжения хрустели его суставы.

«Я могу с этим справиться, — говорил он себе при каждом ударе. — Это мне по силам».

Затем последовал мощный удар, и меч противника, пробив доспехи, должен был устремиться к его сердцу. Реакция Идо была молниеносной. Левая рука машинально рванулась за другим мечом. На этот раз, ухватившись за деревянную рукоять, он достал свое оружие, сопровождавшее его на протяжении всей его жизни. Именно этим мечом он смог отразить нападение и восстановить безопасное для себя расстояние.

— Чтобы победить, ты стал мошенничать? — заревел Дохор, тяжело дыша.

Идо свирепо ухмыльнулся. Он поднял вверх оба меча: они зловеще засверкали при свете пламени. Белый и черный, сталь и кристалл — в них была заключена вся его жизнь.

— Даже прошлое выступает за то, чтобы отправить тебя в иной мир, — крикнул он. — Мое оружие тебе знакомо, и другое ты также должен знать. Тогда ты был еще ребенком, но тебе никогда не забыть имени Ниал.

В глазах Дохора промелькнул ужас, а гном тем временем снова бросился в атаку.

Звон бьющихся клинков участился, при каждом ударе искры сыпались в раскаленное небо. Идо сохранял внешнее спокойствие; его сердцебиение сохраняло привычный ритм, а дыхание было лишь немного затруднено. Он ясно увидел, как Дохор теряет терпение, и с удовлетворением улыбнулся. Он первым нанес противнику рану. И ничего, что он всего лишь поцарапал ему бедро. Идо чувствовал, что его победа близка. Гном попытался продолжить наступление, но Дохор, сохраняя безопасное расстояние, начал резко пикировать к земле. Гном последовал за ним. Ему был непонятен маневр противника. Идо увидел, как Дохор сначала парировал в воздухе, выхватывая на лету меч левой рукой, а затем резко направился к нему.

— Не только ты один способен на такие подвиги! — выругался король. На этот раз его удар пришелся с левого бока. Идо с трудом смог его отразить. Они снова были равны. Два клинка против двух. И когда драконы сблизилась на мгновение, четыре меча скрестились между собой.

— Тебе не стыдно пользоваться обычным мечом? Я полагал, что ты чувствуешь себя не в своей тарелке, когда сражаешься оружием, не являющимся шедевром искусных мастеров, — съязвил гном.

— В этом — твоя ошибка. Ты все еще считаешь меня баловнем судьбы. Но я достиг вершины и добился этого потому, что по сути своей я — солдат, и притом самый лучший.

Идо ничего не ответил и вновь ринулся на неприятеля. Вскоре усталость дала о себе знать. Удары Дохора были мощными, как и прежде, в то время как руки гнома начали неметь.

Неожиданно Идо почувствовал, как мышцы Оарфа сжались под его ногами. Дикий рев заполнил все пространство вокруг: огнем обожгло одну из лап дракона. Рана была не глубокой, но очень болезненной.

И сразу же ситуация изменилась. Идо едва успел заметить это и выставил вперед свой меч. Дохор зажал его между двумя своими и с силой надавил на него. Раздался резкий душераздирающий звук: меч Идо разломился. У него в руках осталась только рукоять, на которой уже давным-давно не видно было клятвы, навязанной ему еще Астером.

Дохор не терял времени: продолжая свое наступление, он рассек ремни на латах гнома, судорожно пытаясь добраться до его тела. Идо прищипорил Оарфа, заставив дракона отступить. Громкий смех короля разнесся по долине.

— Один — ноль, — заревел тот, подняв вверх оба своих меча.

Идо выбросил рукоятку старого меча. Пришел черед расстаться и со своим оружием. Атрибуты прошлого канули в забвение, и теперь только настоящее имело смысл. А его жизнь — поле битвы, и для другого больше не было места. Тогда, преисполненный решимости, Идо вновь схватил меч *Ниал*.

Черный кристалл засверкал в его руках, и гном снова почувствовал в себе силы.

— А теперь будет самое прекрасное, — выкрикнул он, перейдя в решительную атаку. Идо перестал биться, опираясь только на свою сноровку, и применил грубую физическую силу. Мышцы его рук ныли от боли, но это уже не имело для него никакого значения. Он удвоил свою активность и нацелился на второй меч неприятеля. Наконец ему удалось нанести удар. Он лишь одним движением вонзил клинок под правую руку Дохора. Король вскрикнул от боли и выронил меч.

— Счет равный, — спокойно произнес гном.

О перемирии не могло быть речи, оба готовы сражаться до последнего вздоха, потому что старость снова давала о себе знать: силы Идо постепенно таяли и здесь наверняка он потратит их все.

Удары, наносимые Дохором, постепенно теряли прежнюю мощь, и Идо воспользовался

этой ситуацией. Он посмотрел на дракона противника. И решительно направил Оарфа к одному из его крыльев. Оба животных столкнулись в воздухе, окружив сражавшихся стеной огня. Это был грандиозный танец выпадов и уверток, смертельная схватка ревущих тел. Наконец клыки Оарфа настигли свою цель. Огромный черный дракон заревел и, защищаясь, укусил противника за хвост. Оба животных стали быстро снижаться. Они расцепились, стараясь затормозить свое падение, насколько это было возможно.

Идо спрыгнул с Оарфа, не долетев нескольких локтей до земли, и покатился кубарем, но быстро поднялся на ноги. Дракон Дохора приземлился слишком неудачно, и королю потребовалось время, чтобы быть вновь готовым к схватке.

Сражавшиеся яростно скрестили оружие, а неподалеку от них драконы тем временем продолжили метать друг в друга огонь.

— На земле, один на один — как тогда в Академии, — угрожающе произнес Дохор.

— Быть по сему, — ответил Идо.

Они разошлись в разные стороны, оценивающе глядя друг на друга. Это был конец. Одному из них никогда уже больше не суждено подняться.

Идо глубоко вздохнул. Он услышал вой Оарфа за своей спиной и глухой звук его лап, топтавших землю. Наслаждаясь воздухом, пропахшим гарью, он подумал, что не смел даже надеяться на то, что примет смерть в местах, так похожих на его родину.

Он первым ринулся вперед. Увернулся от удара, затем перешел в наступление, искры из-под мечей, резкая боль в правом боку. Гном почувствовал, как острие меча пронзило его кожу и мышцы. Он, шатаясь, отступил, изо всех сил стараясь устоять на ногах. Кровь хлынула из раны. Ему нужно было опереться на свой меч.

— Тебе конец, — злорадно прошипел Дохор с выражением избалованного ребенка на лице.

Эта фраза противника только придала гному сил. Ценой нечеловеческих усилий Идо поднял свой меч. Не обращая внимания на горячую кровь, стекавшую на землю из раны в боку, гном стиснул зубы и, взыв от боли, ринулся в атаку. Клинок прошел мимо цели и коснулся земли.

Но гном, не позволяя взять над собой верх, собрал в кулак все оставшиеся силы. Наконец он почувствовал, как его меч рассек кожаные ремни доспехов противника и вонзился в его плоть. От этого удара он отшатнулся назад. Проще и лучше всего было бы просто упасть. Вот оно, спасительное избавление.

«Пока он жив, тебе не будет покоя!» — кричал его внутренний голос.

Он снова оперся на меч, а затем отошел на безопасное расстояние и с беспокойством стал ждать.

Доспехи Дохора отлетели прочь, и кровавая дыра открылась на его груди. Король рукой прикрыл рану, освещаемую яркими всполохами огня. Его лицо исказилось от боли. Идо понимал, что это был самый подходящий момент и другого такого может и не представиться.

Он дрожащими руками поднял тяжелый, словно из мрамора, меч. Его больше не держали короткие ноги. Тогда он, поддавшись изначальному порыву, просто бросился на противника.

Идо уже не видел Дохора; он только почувствовал, как меч Ниал вонзился в живую плоть по самую рукоять. Неожиданно он стал задыхаться и, даже не осознавая толком, что происходит, оказался плечом к плечу со своим противником. Гном закашлял, и его рот заполнился кровью. В его глазах стоял черный меч, выступавший из спины Дохора. Наконец он сделал это.

Вдруг его пронзила тупая боль в животе. Впрочем, теперь это уже не имело значения. Гном почувствовал, как корчившееся в смертельных судорогах тело Дохора сползло вниз, увлекая за собой меч. Идо видел, что это был тот самый меч, который медленно выходил из его собственного тела. Боль была значительно меньше, чем он мог себе представить. Силу удара он почувствовал только тогда, когда сталь клинка полностью вышла наружу. Затем

гном упал вперед, и все медленно стихло.

У Идо кружилась голова. Он видел только свои руки, лежащие на земле. Дрожавшие, красные от крови руки. Под ним образовалась большая лужа крови. Гном поднял голову: неподалеку лежало упавшее навзничь тело Дохора с торчавшим из него мечом Ниал. Король лежал с выпученными глазами, уставившись в небо невидящим взглядом. Идо сразил его в самое сердце.

«Поднимись, болван, — твердил он себе. — Ты забыл про своего дракона».

Он дважды силился встать, но только третья попытка оказалась удачной. В одно мгновение небо и земля слились в единое целое, и окутывавшая все вокруг тишина оглушила его. Идо пошел по равнине, пытаясь позвать Оарфа, впрочем, едва ли он мог сказать, насколько это удалось ему. В его ушах стоял звон, заглушавший все остальные звуки.

Затем Идо увидел дракона. Его очертания были неясны и расплывчаты. Животное медленно двигалось навстречу, подволакивая раненую лапу. Идо повалился к нему на спину, сжимая рукой его жесткую кожу.

— Вижу, что и ты справился с врагом... — попытался произнести Идо, но слова застыли у него в горле. Гном оперся на живот Оарфа и сполз на землю. Дракон трогательно прижался к нему.

Идо посмотрел в горящие, словно угли, глаза Оарфа. В его взгляде не было ни жалости, ни боли. Только уважение и горечь прощания. Гном улыбнулся.

Он закрыл глаза, но тьмы перед ним не было. Идо пожалел о том, что при нем не оказалось его любимой трубки: как бы ему хотелось затянуться сейчас в последний раз. Гном с улыбкой вспомнил слова Сеннара, написанные им несколько лет тому назад: «Ты умрешь со своим оружием в руках».

Гном вновь попытался открыть глаза, но ничего не увидел. Кругом — только свет, теплый и успокаивающий.

Идо думал о том, сколько еще осталось невыполненных дел: помочь Лонерину и Сеннару, выучить Сана. Он мог бы сделать из него настоящего короля Земли Огня. Надо было заново отстраивать весь Всплывший Мир. Когда-то чувство долга могло удержать Идо от желания покинуть эту бrenную землю и продолжать свою борьбу, погружаясь в бурлящую смуту этого мира, не помышлявшего о спокойной жизни. Но не теперь. Пришла пора удалиться от дел. Пусть другие позаботятся о Всплывшем Мире. А он хочет снова увидеть Соану и обрести, наконец, покой.

Идо вздохнул в последний раз. Да, это — прекрасное место и время для обретения вечного покоя. Свет заключил его в свои объятия.

30

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Между мирами царило затишье. Астер пребывал в безмолвии: дух Тиранно уже высказал все, что у него наболело, и теперь хотел покинуть этот мир. Он, с распростертыми руками и умиротворенным от осознания выполненного долга взглядом, без капли сожаления за содеянное, погрузился в оглушительное небытие.

Лонерин больше не чувствовал собственного тела; даже сознание, постепенно растворяясь, покидало мага. Временами юноша с трудом вспоминал, где он, а главное, для чего здесь находится. Что теперь ему следует сказать? На самом деле маг знал наизусть все слова: он, словно мантру, твердил их каждую ночь. В конце концов они стали частью его духа. Он выучил это заклинание прежде, чем смог научиться отделять души от предметов. Тогда эти слова возникли первыми, теперь же они полностью улетучились из его головы.

Лонерин рылся в своем мозгу, изо всех сил пытаясь не терять контроль над собой. Это все, что ему оставалось делать. Потом он почувствовал, как слова, одно за другим, стали медленно всплывать, словно поблекшие от времени чернила на древнем пергаменте. Они беспорядочно возникали в его сознании, но юноша знал, что не должен поддаваться панике:

Сеннар прежде предупреждал его об этом.

«Спокойствие в таком деле — превыше всего. Это — как в сражении. Идо был потрясающим воином потому, что в бою всегда сохранял хладнокровие и учил этому Ниал. То же самое можно сказать и про мага. Если ты позволишь панике одержать над тобой верх, то не сможешь вспомнить точную последовательность заклинаний и правильную расстановку сил, необходимых при совершении ритуала. Духи почувствуют твоё смятение и покинут тебя, и ты не сможешь убедить их оказать содействие твоим просьбам».

Но как сохранить спокойствие? Тело Лонерина пребывало посреди хаоса, охватившего Дом, и маг не имел представления о том, что с ним происходит. Затем — неминуемая гибель. В этом месте, где с каждым мгновением становилось все холоднее, не ощущалось ни единого дуновения. А если ему не хватит сил, чтобы выйти отсюда? Если ему судьбой предначертано закончить свои дни в этом лимбе?³

«Спокойствие. Не думай сейчас о своей судьбе, ты здесь не для этого. Помни, что ты борешься за высшее благо, во имя всех, живущих во Всплывшем Мире».

Сердце юноши успокоилось. «Это все равно что смерть, — думал он про себя. — Поэтому не стоит бояться. Пусть все идет своим чередом, коль скоро я ввязался в эту игру. Нужно просто выполнить свой долг, остальное уже не имеет значения».

На этот раз слова заклинания выстроились в нужном порядке. Лонерин проговорил их, отчетливо произнося каждый слог. А когда закончил, почувствовал себя опустошенным, свободным и спокойным. Он открыл глаза и увидел Астера.

Дитя умиротворенно улыбалось. Затем его окружила млечная пелена, и хрупкая фигура стала постепенно исчезать, словно рассеивавшийся по комнате дым.

Лонерин посмотрел в его глаза и сразу понял смысл смерти. Юноша, несколько не испугавшись, воспринял это как данность. Он понял все ее очарование и печаль, и его душа обрела покой.

Все кончено. Там, снаружи, мир мог рушиться и гибнуть, но Астер никогда больше не вернется сюда. Его мрачный призрак больше никогда не будет угрожать Всплывшему Миру. Лонерин добился своей цели; он вспомнил слова Сеннара о том, что останется еще место для будущих печалей, а теперь пришло время для покоя. Что касается Лонерина, то он мог бы и остановиться на этом. Было нечто сладостное и завораживающее в этом медленном растворении.

Как только маг остался один в этой оглушающей белизне, улыбка удовлетворения засияла на его лице.

Леарко, Теана и Сан не мешкая обратились в бегство. Они мчались по пустынным коридорам, в которые иногда доносились нечеловеческие вопли. От этих ужасных звуков принцу казалось, что сердце вот-вот лопнет у него в груди.

«Я не могу, не могу, не могу!»

Он резко притормозил и вошел в одну из открытых комнат. Он втолкнул туда своих спутников и закрыл за собой дверь.

— Оставайтесь здесь, — произнес он дрожащим голосом. — А мне нужно пойти к Дубэ.

Леарко знал, что этим мог только навредить Идо, но полагал, что в этом месте Теана и Сан будут в полной безопасности. Гильдия слишком занята зверем, чтобы обращать на них свое внимание. Принц уже было повернулся, чтобы выйти, как вдруг чья-то рука вцепилась в него.

— В этом нет необходимости, — сказала Теана. Она была очень слаба, но при этом выглядела довольно решительно. — Я знаю, как можно спасти ее.

Острая боль пронзила сердце Леарко. Девушка говорила торопливо, и ему стоило

³ Лимб — здесь местопребывание умерших душ.

особого труда следить за ходом ее мыслей.

— Мне известно, что есть магическое копье, способное разрушить проклятие. Оно — здесь, в Доме, и, по-видимому, находится поблизости от того помещения, где покоится дух Астера. Полагаю, что они использовали копье для воскрешения Тиранно. Только эта реликвия в состоянии спасти Дубэ.

— Скажи мне, где оно, и я отправлюсь на его поиски, а вы останетесь здесь, в полной безопасности, — ответил Леарко.

Теана покачала головой:

— Мне неизвестно его точное местонахождение, но в любом случае тебе не удастся воспользоваться им.

— Это должен быть маг?

Девушка смущенно огляделась.

— Здесь нужен посвященный Тенаара, — произнесла она, наконец.

Принц удивленно посмотрел на девушку:

— Но ты же не посвященная, и тебе ни за что с этим не справиться!

— Но и тебе это не по силам, ведь ты даже не маг. Среди нас двоих я — единственная, кто еще может надеяться заставить его действовать.

Леарко не знал, что делать.

— В таком случае Сан должен будет остаться здесь, — сказал принц, оборачиваясь к мальчику.

Сан, цепляясь за одежду девушки-мага, сразу затряс головой.

— Вы не можете бросить меня здесь одного, — закричал он; в его голосе звучали страх и гордость одновременно. — Вы дали слово, и, следовательно, я имею право пойти с вами. В конце концов, я — главная причина всего происходящего здесь.

Леарко некоторое время пребывал в нерешительности, а затем открыл дверь и вышел в пустынный коридор.

— Тогда вперед.

Они бежали со всех ног. Никто не встретился им на пути. Леарко чувствовал, что его голова вот-вот лопнет от напряжения. Каждая минута промедления могла стоить жизни Дубэ. Он с ужасом представлял себе, как постепенно, шаг за шагом ее сознание, охваченное безумием, начинает расслаиваться. Он понимал, что это испытание может оказаться для девушки непосильным. Принц так же, как и Дубэ, начинал сходить с ума, ощущая своей плотью ее боль, и ему не хотелось свободы такой ценой. Королевство, которое он возглавит, должно основываться на иных принципах, отличных от этой безрассудной бойни, которой она изнуряла себя.

Принц и Теана, разделившись, обшарили все открытые комнаты, но их поиски не увенчались успехом. Встретившись снова в коридоре, они растерянно посмотрели друг на друга. Леарко хотелось выть от бессилия. Его сводила с ума мысль о невозможности найти подходящее решение.

— Есть один способ, — неожиданно сказала Теана.

Она закрыла глаза и раскрыла ладонь руки.

— Вообще для этого нужны камни; может, это не подействует в должной мере, но будем надеяться, что моих усилий будет достаточно.

На лбу девушки проступили крупные капли пота. Ее веки задрожали, как во сне. Для концентрации понадобилось некоторое время, казавшееся бесконечным. Но в итоге ей это удалось. Теана открыла глаза.

— Оно — там.

Все трое бросились бежать.

— Что это было? — на ходу спросил ее Леарко.

— Магическое обнаружение объектов, — ответила девушка, с трудом передвигая ноги. — Если бы я не была так измотана, на это ушло бы гораздо меньше времени.

Молодые люди преодолели уже знакомые им коридоры, пробежали мимо опустевших

комнат, а затем вошли в кабинет.

— Там, — произнесла, останавливаясь, Теана. Ее тело согнулось от неимоверного усилия.

Огонь двух бронзовых факелов освещал пространство маленькой комнаты. Среди беспорядочно разбросанных предметов на письменном столе валялось много книг, забрызганных кровью. Рядом лежал труп одного из победителей.

Вдруг, в каком-то крыле Дома, снова раздался рев зверя. Леарко в отчаянии зажал уши руками, но Теана даже не остановилась. Она с исступлением продолжала поиски.

— Ну, давайте, помогайте же мне! — крикнула она, обращаясь к Леарко и Сану.

Мальчик, словно загипнотизированный воем зверя, замер в углу. Принц же пришел в себя. Юноша пальцами провел по изгибу статуи ребенка в поисках какого-нибудь рычага, открывавшего доступ к полю пространству внутри либо к тайному ходу. По логике вещей такой важный объект не должен был находиться на виду у всех. Едва нащупав заветный выступ, Леарко нажал на него, как вдруг один из шкафов в стене выдвинулся вперед. Теана не мешкая быстро вошла вовнутрь. Юноша последовал за ней. Бесценная реликвия лежала в нише, выдолбленной в целом камне, на двух мягких подушечках из ткани.

Копье было великолепно: белоснежное, с заостренным концом, оно было украшено цветочным орнаментом из вьющихся, сверкавших листьев и цветов. В том месте, где оно соприкасалось с полом, проросли побеги латешенции, которые, разрастаясь, полностью его обвили. Аура, окружавшая древнюю реликвию, обладала невероятной силой. Даже Леарко настолько проникся ею, что уже не оставалось сомнений в том, что это и есть то самое магическое копьё, которое они искали.

Теана смотрела на него глазами полными неподдельного восхищения. Она протянула вперед трясущиеся от волнения руки. Неожиданно ужасный удар потряс все здание. Девушка-маг, сделав шаг вперед, схватила копьё и потянула его на себя. Растение оказывало яростное сопротивление: Леарко отчетливо видел, как оно оплело древко копья, крепко удерживая его в нише. Не колеблясь ни секунды, он также протянул свои руки.

Это было сродни живому огню. Принц почувствовал, что теряет силы: его ладони охватил нестерпимый жар. Он стиснул от боли зубы, но не сдался и вырвал, наконец, копьё из его плена. От удара Теана упала на пол. Леарко попытался самостоятельно управиться с копьём, но смертельная усталость сковала его тело, а взгляд затуманился.

Проклятие, подумал он, шатаясь. Затем Теана взяла у него из рук копьё, и юноша сразу почувствовал прилив сил. Принц посмотрел в нишу и увидел, как растения, превратившись в жалкие луковички, упали замертво на пол.

Девушка-маг тяжело дыша сидела на полу. Принц сел рядом с ней на колени.

— Ты справишься с ним? — спросил он с беспокойством. Он видел, как Теана судорожно вцепилась в копьё, обмотав его еще живой латешенцией.

Девушка решительно кивнула: смертельная бледность проступила на ее лице. Она приняла помощь принца, а затем и сама попыталась кое-как встать на ноги.

— Позволь мне понести его, хотя бы до тех пор, пока мы не встретим Дубэ.

Теана посмотрела на него в нерешительности.

— Это поможет тебе сохранить силы, — добавил Леарко, и девушка согласилась.

Юноша решительно схватился за копьё и снова почувствовал слабость в ногах. Но он, не позволив усталости взять над собой верх, пропустил вперед своих спутников и сам, стиснув зубы, последовал за ними. Несмотря на ужасное головокружение, он не собирался уступать. До его ушей непрерывно доносился отчаянный рев Дубэ.

Следуя по мрачным коридорам, все трое направились к эпицентру неистовой схватки. Там развернулось последнее действие с участием убийц. Над ними уже веяло неодолимое дыхание смерти. В глубине, в кроваво-красных лучах маячил смутный силуэт огромного тела.

Приблизившись, они оказались в громадном зале с высоким потолком. Около одной стены возвышалась статуя свирепо улыбавшегося человека со стрелой в руке. В другой у

него был меч.

Ногами статуя упиралась в глубь бассейна, до краев наполненного кровью, которая между тем разлилась уже далеко повсюду. На земле — гора трупов. Весь пол был усеян мертвыми телами; зверь, с неестественно огромными и острыми клыками, с когтями на руках и ногах, с мощной мускулатурой, звериной кожей, с видом триумфатора возвышался над безжизненными трупами.

Дубэ.

Леарко стало плохо. Он не был готов к такому зрелищу. И как ему только могла прийти в голову такая мысль — попытаться спасти девушку? Из этой пропасти нет обратного пути. Ей оставалась только смерть.

Но это было лишь минутное проявление отчаяния. Нужно попытаться. Жизнь для Леарко перестала быть непреодолимым роком. Поэтому он отбросил назад свой страх и протянул копьё Теане. Она стояла бледная и неподвижная. Юноше нужно было привести ее в чувство.

— Возьми и сделай все, что нужно. — Голос принца уже не дрожал, как прежде. Теперь его хватка была крепка.

Теана посмотрела на юношу, кивнула и взяла копьё. Леарко поднял с земли другое оружие и посмотрел на зверя. Убийцы, все еще державшиеся на ногах, тщетно пытались сразить его кинжалами, но эти попытки казались такими неуклюжими и жалкими по сравнению с ударами монстра, беспощадно расправлявшегося с каждым из них.

Принц подхватил Сана на руки и прижал к себе. Мальчик трясся от страха.

— Я не допущу, чтобы с тобой случилось что-то страшное. Я умру за тебя, — решительно сказал он Сану. Затем с мольбой в душе он замер в ожидании.

Сеннар с ужасом следил за приближением Иешоля. Тот превратился в собственную тень, куклу, в бессилии ползавшую по земле, но не отступившую от своих намерений. Его глаза были полны ненависти: старый маг знал, что ничто, даже смерть, не могло бы его остановить. Взгляд Сеннара был прикован к земле; маг почувствовал свою неспособность хоть как-то противостоять ему.

Иешоль дополз до стены и с трудом поднялся на ноги. Позади него таяла слабая стена, защищавшая Лонерина.

— Я еще не умер, — прошипел Верховный Страж Гильдии; струйка крови стекала с его подбородка. — И пока я жив, Астер может вернуться обратно!

Он поднял кинжал и с яростью кинулся на Лонерина. В этот самый миг талисман власти разразился ослепительным светом. Зажатый в руке молодого мага, он задрожал от невиданной силы. Млечная дымка заполнила пространство комнаты, и спасительное тепло окутало все вокруг. Сеннар инстинктивно закрыл глаза руками. В сиянии этого света возник прекрасный детский образ; старого мага чуть не хватил удар. Он очень хорошо помнил их последнюю встречу, как будто с того момента не прошло и дня. Это случилось давным-давно в одной темной комнате. Необыкновенно зеленые глаза Тиранно стали последним ярким воспоминанием прежде, чем старик потерял сознание. Сеннар знал о тоске, переполнявшей сознание Астера, и с тех пор тот перестал быть для мага врагом.

Новая встреча с ним повергла старого мага в смятение: теперь между ними больше не было различий. С тех пор как ушла Ниал, в нем не осталось уже ни следа от былой силы.

— Астер, — пробормотал Сеннар.

Ребенок смотрел вверх с выражением блаженства на лице, производившим на старого мага неизъяснимо странное впечатление. Сеннар был уверен, что в жизни тот никогда бы не достиг подобного умиротворения. Едва услышав свое имя, ребенок опустил глаза и внимательно посмотрел на Сеннара. В глазах Астера промелькнула искра понимания, и старый маг почувствовал, что эта улыбка предназначалась ему. В печальном взгляде Тиранно Сеннар разглядел все то, что он сам испытал за эти долгие годы, ту же мучительную дорогу, которую Астер уже когда-то прошел до него. Это общение длилось не больше

мгновения, но оказалось длиною в жизнь.

Для чего существует боль, куда она ведет и какой смысл в борьбе? Это — единственно важный вопрос, на который не существует ответа, есть только вечный поиск.

Затем жуткий вопль прервал эту идиллию, окутанную млечной пеленой.

— Нет!

Иешоль, сжимая пальцами кинжал, закричал что было сил. Нож со звоном упал на пол: Верховный Страж протянул к видению руки.

— Не оставляйте меня, мой господин. Только не сейчас, умоляю вас! Примите мое тело и правьте, заставьте вновь трепетать этот мир просителей!

По лицу Иешоля текли слезы, но Астер даже не удостоил его взглядом. Дух медленно растворился в воздухе; луч померк, удалившись в небытие. Талисман сверкал еще какое-то время, а потом комната вновь погрузилась в унылую тьму.

— Это — конец, — произнес Сеннар, опираясь о стену.

Иешоль рухнул на пол. Он смотрел туда, где только что видел дух Астера. Казалось, что он с трудом понимал все происходящее. Затем он заревел от отчаяния, подобного тому, которое охватило его при виде башни, поверженной в прах одним-единственным ударом. Тогда боги хранили молчание; на этот раз Тенаар также не внял его мольбам.

У ног Верховного Стража растеклась большая лужа крови. Стоны Иешоля становились все слабее: жизнь его покидала.

Сеннар предоставил Стража его незавидной участи и бросился к Лонерину. Магическая стена исчезла, и бездыханное тело юноши лежало на полу.

— Лонерин, — позвал юношу Сеннар, беря его за руку. Она была холодна как лед. — Ты не можешь сейчас все бросить. Вернись обратно, ну, давай же... — прошептал он.

Смерть очаровывает уставшую душу, пленяя своими соблазнами. Сеннар знал, что это — последнее испытание, с которым Лонерину предстоит столкнуться: необходимо преодолеть это искушение, снова заточить свою душу в бренное тело, смиряясь с муками, сопутствующими этому. Старый маг сжал в руках талисман и с волнением ощутил пульсирующее внутри него тепло. Душа Лонерина была все еще там. Талисман становился холодным и переставал источать свет только тогда, когда в нем уже не было никакой иной живой силы. Так было с Ниал, когда она навсегда покинула этот мир. А может, у Лонерина есть еще надежда, может, стоит осветить ему путь, призывая его вернуться обратно в этот мир.

— Ты сделал это, ты меня слышишь? Лонерин, если ты не вернешься, то все, что ты сделал прежде, потеряет свой смысл.

Маг почувствовал, как его рука вдохнула немного сил в талисман, но тепло не ослабевало.

— Все, что возродится из этого пепла, обретет новые формы. Это будет мир, в котором молодые люди больше не будут вынуждены жертвовать собой. Будь проклята та земля, в которой дети должны умирать раньше своих отцов!

Сеннар приложил руку к груди Лонерина и попытался применить еще один спасительный ритуал, который он был еще в состоянии осилить: ласковое заклинание, заученное им еще в детстве. Однако сердце Лонерина оставалось безучастным ко всем его усилиям.

— Это мы, старики, должны отдавать себя в жертву, — продолжал Сеннар, повышая голос. — Мы слишком слабы, чтобы возродить Всплывший Мир, но таким, как ты, — это по силам. Именно поэтому ты должен вернуться. Сейчас не время для покоя, ты не должен уходить от борьбы!

Юноша, такой же холодный и безучастный, лежал на земле, а тепло талисмана все не угасало. Тогда Сеннара охватило мучительное чувство беспомощности. Он вспомнил о Лайо, погибшем много лет тому назад, о Ниал, обо всех жертвах, которые из поколения в поколение требовались Всплывшему Миру, чтобы свободно дышать, чтобы освободиться от зловонного духа очередного диктатора. Сеннар чувствовал эту несправедливость, с которой

он никогда бы не смирился.

— Проклятье, Лонерин! — закричал он из последних сил.

«Лучик света. Чернота. Мрак, отбрасывающий тень, — странный парадокс», — подумал Лонерин и открыл глаза. Он чувствовал себя таким далеким и таким уставшим. Это было путешествие по ту сторону жизни, но юноша знал, что его стоило проделать, чтобы достичь наконец мира. Однако в этой млечной пелене маячил черный огонек. Боль. Физическая боль. Боль в груди. Теперь он чувствовал ее присутствие. Он ощущал ее, ощущал свое напряжение, с которым он поднимал и опускал грудь в непрерывном ритме дыхания. Во имя чего терпеть такие муки?

Пятно света вновь привлекло его внимание. В этой белизне было нечто приковывавшее взгляд. Лонерин почувствовал ноги, плечи, руки и вены — все тело, в котором кровь застыла в ожидании. Ему было очень плохо. Он мог принять решение и навсегда затеряться в этом млечном небытии, раз и навсегда покончив со страданиями, либо, преодолевая боль, продолжать борьбу. И все же... он не мог. Не хотел. Огонек разрастался в черный пожар, и, несмотря на пронизывающую Лонерина боль, неумолимо манил к себе.

Заряд энергии рук Сеннара проник внутрь неподвижно лежавшего Лонерина. Он был похож на мучительную тяжесть в груди и длился не более мгновения. Затем старый маг под своей ладонью различил слабое биение сердца. Он внимательно посмотрел в лицо юноши и заметил, как оно стало медленно розоветь. А талисман в это время постепенно терял свое тепло. Маг почувствовал охватившее его безмерное ликование, проникшее в каждую клеточку его тела, и как только юноша открыл глаза, то в безудержном порыве кинулся обнимать Лонерина.

— Я знал, знал, что тебе удастся это сделать!

Лонерин некоторое время все еще лежал отрешенно в его объятиях. Затем старый маг отстранился и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Юноша растерянно огляделся.

— Еще плохо, — искренне признался он. Лонерин посмотрел на руки, медленно подвигал ими и улыбнулся.

Сеннар снова обнял его.

— У меня получилось?

— Ты освободил его. Я видел, как он ушел. Его больше нет, Лонерин, Астера больше нет.

Юноша сделался серьезным, и Сеннар понял, что и с ним произошло то же самое. Без сомнения, Лонерин прочувствовал суть страданий Астера: после того как познаешь непостижимое, уже не будешь таким, как прежде.

— Нам нужно идти, — сказал Сеннар, поддерживая его плечом. Помогая Лонерину подняться, старый маг оглядел комнату.

Мертвый Иешоль, лежащий в углу с раскрытым в отчаянной мольбе ртом, вызывал жалость: он умер в глубокой тоске, так и не дождавшись ответа от своего бога.

Лонерин посмотрел на Верховного Стража и подумал про себя то же самое.

Шагнув неуверенно вперед, оба вдруг обернулись, почувствовав что-то.

— Что это было? — спросил Лонерин устало.

Сеннар вздрогнул: кто-то использовал сейчас магию невероятной силы, магию эльфов.

— Но мы ведь здесь — единственные маги, — заметил он. Лонерин покачал головой.

— Теана! — воскликнул он охрипшим голосом.

Лонерин и Сеннар помчались во весь опор. Их вело ощущение присутствия невиданной силы, огромной и разрушительной, действие которой остановить было невозможно.

Дом Гильдии представлял собой лабиринт пустынных коридоров, пропахших запахом крови. Навстречу им попадались раскрытые, словно разинутые рты, двери покинутых впопыхах комнат. Ошеломленный Лонерин огляделся вокруг: Дубэ удалось то, о чем он грезил на протяжении всей жизни, — разрушить Гильдию до основания.

Впрочем, это унылое зрелище не доставляло ему никакого удовольствия. Он так долго жил с мечтой о мести, что в конце концов стал воспринимать ее как неотвратимость. Теперь все исчезло: Иешоль был мертв, равно как и большая часть убийц; Гильдия повержена. Только это имело сейчас значение.

И потом, Теана — ее присутствие в жизни юноши было настолько важным, что он воспринимал это как должное. Мысль о ней наполняла сердце молодого мага бесконечной тоской и отодвигала на задний план любое стремление к возмездию.

Лонерин был изнурен — силы покинули его, но желание спасти девушку заставляло его не терять присутствия духа. Пробегая по очередному коридору, они почувствовали, что находятся где-то совсем близко. Там, в глубине, маячил багровый свет. Рев зверя становился все сильнее.

Оба мага подползли, как смогли, к самому входу в огромный зал. Их глазам предстало ужасное зрелище: зверь неистовствовал над группой обессиленных и запуганных убийц. Юноша со светлыми волосами, казавшимися почти белыми, одной рукой прижимал к себе Сана и с мечом в другой защищал мальчика. Впереди стояла она, прекрасная и растерянная. В руках она сжимала копьё, обвитое побегами латешенции. Невиданная энергия исходила отсюда. Руки Теаны дрожали, у нее было мертвенно-бледное, изможденное лицо.

Лонерин что было духу позвал девушку.

Теана ничего не слышала. Дикие вопли, от которых она чуть не тронулась рассудком, по прошествии нескольких минут стали стихать. Она закрыла глаза, отчаянно пытаясь собрать все свои силы в кулак. Девушка не слышала тяжелой поступи зверя, она ощущала только сжимаемое в руках копьё и исходившую от него силу, направленную на зверя.

Девушка-маг не знала ритуала и не имела ни малейшего представления о том, как пользоваться бесценной реликвией: она просто доверилась инстинкту. Будучи последней жрицей Тенаара, она надеялась, что бог поймет ее намерения.

Теана вспомнила самую первую молитву, которой ее обучил отец, когда приводил свою дочь в маленькую комнатку для проведения служб. Эти слова навсегда отпечатались в памяти девушки: «Мой Господин, дай мне сил, чтобы восславить тебя, освети мое пребывание и позволь пронести даруемый тобою свет среди еретиков».

Теана шептала молитву так усердно, как только могла. Девушка произносила заветные слова с мыслями о безмерной стойкости своего отца, вкладывая в них всю свою веру, оставшуюся еще с детских лет. Ей очень не хватало его самоотверженности и силы духа. Со слезами на глазах Теана подумала, что отец наверняка гордился бы ею, если бы смог ее сейчас увидеть.

«Когда-нибудь нам удастся пролить луч света на мрачные стены Гильдии, и мы покажем всему миру всю нелепость их лжи. Вот тогда Тенаар снова станет богом для всех, а его имя будет означать надежду». Как раз этим и занималась сейчас Теана.

Копьё пришло в действие, его непомерная мощь заставила трепетать девушку. В какой-то момент в душе Теаны промелькнула надежда, и она направила свое оружие на Дубэ. Но неожиданно все пошло не так. Энергия копья так и осталась в ее руках, не сумев преодолеть невидимый барьер, преграждавший ему путь. Копьё перестало вибрировать и принялось вновь вытягивать силы из девушки.

— Нет, нет!

Теана попыталась сопротивляться, настойчиво цепляясь за свою веру, но все оказалось бесполезным.

«Мне известно, что я не посвященная, но разве это имеет значение? Тенаар, заклинаю тебя, дай мне сил!»

Окружавшая девушку действительность стала постепенно терять свои очертания. Теана чувствовала, как жизнь покидает ее тело, но она не сдавалась. Девушка дала обещание, поклявшись, что приложит все усилия и добьется своего. Дубэ была ее подругой, и, пока у Теаны хватит сил для сопротивления, она не отступится.

— Что она делает?

Лонерин хотел вмешаться, но Сеннар преградил путь, оттеснив его к стене. Юноша схватился за его тунику и в панике затряс старого мага.

— Да скажите же мне, что она делает?

Сеннар холодно посмотрел на него.

— Она пытается воспользоваться эльфийской реликвией, — ответил он мрачно. — Но у нее ничего не выйдет.

Лонерин почувствовал, как к горлу подкатила невыносимая тошнота.

— Но почему? Что все это значит?

Сеннар, приблизившись, схватил его за плечи:

— Только тот, у кого в жилах течет эльфийская кровь, может управлять подобными предметами. А если это то копьё, о котором я думаю, тогда даже эльф не сможет воспользоваться им.

Юноша с отчаянием посмотрел на старого мага.

Сеннар невозмутимо продолжал:

— Это — легендарное оружие Дессара. О нем так мало достоверных сведений, что даже я считал его утерянным. Это копьё обладает невиданной силой. Говорят, что оно может разрушать наложенные проклятия.

Вдруг до сознания Лонерина дошел смысл происходящего. В отчаянии он застонал.

— Только посвященным, таким, как Ниал, дано право использовать его. По крайней мере, так говорится в «Хрониках».

Лонерин закрыл глаза, стараясь набраться сил. Он снова повторил свою попытку оторваться от стены и приблизиться к девушке-магу, но ноги не слушались его. Тогда Сеннар был вынужден вновь остановить юношу, не дав ему упасть.

— Пустите меня!

— Куда ты пойдешь? Ты разве не видишь, в каком ты состоянии?

— Я должен остановить ее!

Сеннар, рукой прижав Лонерина к стене, смотрел то на него, то на Теану.

— Разве не ясно, что мне нужно спасти ее? Она значит все для меня, все! — закричал Лонерин.

Сеннар посмотрел на него какое-то время, а потом неожиданно его глаза наполнились необыкновенной решимостью.

— Талисман.

Лонерин вопросительно посмотрел на него.

— Ты хочешь спасти любимую девушку? Тогда дай мне талисман.

Юноша с трудом достал священный амулет. Он сунул его в карман, как только они покинули комнату, в которой томился дух Астера.

Сеннар сжал талисман в руке.

— Что бы ни случилось, ни шагу с этого места, — приказал он, а затем резко метнулся к Теане.

Эта мысль пришла к нему внезапно. Он не стал задумываться над последствиями — для мага теперь они не имели никакого значения. Как и в тот день, Сеннар вновь держал в своих руках холодный талисман. Сердце сжалось в томительном предчувствии — скоро всему придет конец.

Сеннар приблизился к Теане и вместе с ней ухватился за копьё. Он сразу же почувствовал, как невиданная энергия лишила его всех сил. Тогда на помощь магу пришел его многолетний опыт. Сеннару удалось удержать в себе те немногие имевшиеся у него силы и направить их в талисман. Старый маг сам еще никогда в жизни не использовал это легендарное копьё, но ему было доподлинно известно, что эта реликвия многократно увеличивает энергию того, кто знает ее истинное предназначение. Достаточно просто свою слабость превратить в оружие.

Это могло сравниться с возведением моста. Талисман зазвенел в унисон с копьём, и Сеннар воспользовался этой вспышкой энергии, чтобы как можно быстрее повторить магическое заклинание, то самое, что он произносил в тот день, когда в последний раз видел Ниал. Однако теперь речь шла не об их встрече в пограничном между двумя мирами пространстве: на этот раз Ниал сама должна была прийти к нему.

Свет погас, и наступившая тьма свидетельствовала о том, что Сеннар достиг своей цели.

«Зачем?»

Такого простого вопроса было вполне достаточно, для того чтобы свести мага с ума: его дорогая Ниал снова была рядом с ним.

«Мне нужно еще что-то сделать, не так ли? Именно поэтому ты сказал, что нуждаешься во мне...» — послышался ее шепот.

Сеннар почувствовал бесконечную печаль, заполнявшую лимб, в котором она пребывала.

«Лонерин, Сан и Всплывший Мир просят тебя о помощи», — ответил маг.

Сеннар перевел дыхание. Силы медленно покидали его; он знал, что вскоре свет навсегда погаснет для него. Но теперь он мог без сожаления покинуть этот мир.

«Ты нужна нам сейчас, Ниал, нам нужна сила посвященной».

Он чувствовал ее близость и недостижимость; Ниал была настолько близка, что своим присутствием будила в нем неудержимое желание немедленно увидеть ее и прикоснуться к ней рукой.

Ниал не ответила на его призыв, и маг продолжил:

«Девушка, получившая разрешение на появление здесь и ценой собственной жизни проложившая нам путь, умирает. Я слишком устал оттого, что этот мир, чтобы удержаться, так безжалостно поглощает молодую плоть. Другая девушка отчаянно пытается спасти ее. Еще одна свежая кровь, еще одно жестокое жертвоприношение».

Сеннар почувствовал, как слабеет и как смертельная слабость одолевает его тело. Маг стиснул зубы.

«Только ты одна можешь воспользоваться копьём Дессара и спасти Дубэ и Теану».

Сеннар не мог видеть лица Ниал, но он почувствовал ее улыбку.

«Вспомни, как я не хотела быть избранной и как довлело надо мной мое предназначение?»

Слеза медленно скатилась по сухой щеке Сеннара, и это был его единственный ответ.

«Но я научилась понимать, что мой рок — это не проклятие и что в уже наезженной дорожной колее всегда есть свобода выбора».

Старому магу так страстно захотелось покоя, исходившего от нее. Он знал, что вскоре и он ощутит это безмерное блаженство.

«Я хочу увидеть тебя...»

«Осталось совсем немного».

«Нет, я хочу видеть тебя здесь и сейчас, словно и не было никогда этой долгой разлуки. Я хочу видеть тебя из крови и плоти...»

Сеннар из последних сил открыл глаза. Вокруг все было залито светом; копьё дрожало у него в руках. Теана перестала шататься и заметно преобразилась. В ее фигуре появились новые очертания, очень знакомые Сеннару. Мучительная радость потрясла его до глубины души. Длинные вьющиеся светлые волосы девушки-мага превратились в короткую

шевелюру небесного цвета. Нежная и мягкая фигура Теаны обрела очертания крепкого тела воительницы. Ее туника исчезла, а вместо нее появилось боевое снаряжение из черной кожи.

Сеннар блаженно улыбнулся.

Ниал обернулась к нему. Это была все та же девушка, недавно ставшая женщиной. Словно и дня не прошло с той поры: тело Ниал было таким же, как и прежде; неизменными остались решительность и печаль в ее глазах. Теперь это уже не был призрак, вызванный посредством запретных заклинаний, а молодая женщина из плоти и крови, воительница, преисполненная решимости довести до конца свою миссию...

Выпрямив спину, она уверенно сжимала копьё вытянутыми вперед руками. Ниал с улыбкой посмотрела на Сеннара, затем ее лицо вдруг решительно нахмурилось. Она заговорила на эльфийском языке, и Сеннару удалось понять произносимые ею слова:

— Посвященная вызывает к тебе, Тенаар, и просит твою силу, чтобы разогнать злых духов и рассеять темные колдовские чары. Пусть разрушится сила нечистых печатей и восстановится порядок. Низвергни зверя и освободи твоих детей.

В воздухе повеяло необыкновенно приятным теплом с ароматом возрождающейся жизни. Копьё зазвенело вновь, почти запело, и Сеннар почувствовал себя свободным и счастливым, каким он не был на протяжении бесконечного количества лет.

Все вокруг озарилось ослепительным светом и на мгновение замерло. Не было больше ни забрызганных кровью стен, ни гор растерзанных мертвых тел. Бассейны испарились, а статуя Тенаара лишилась своего свирепого вида. Стрела и меч в руках бога засверкали истинным светом, а его лицо стало строгим и справедливым. Не было больше детей, попираемых его ногами; голова Тенаара уже не касалась тяжелых отвесных сводов — кругом простиралась беспредельность необъятного пространства.

Зверь остановился, терзаемый муками своего разрушительного конца. Он стонал, выл, но Сеннар не слышал уже его голоса, потому что там, где он оказался, повсюду царил только покой и не было места для зла и ненависти. Напрасно извивалось ужасное чудовище. Тонкие струйки черного дыма исходили от его щетинистой кожи; казалось, что его безобразное тело растворялось в воздухе. Судорожные конвульсии становились слабее, ярость стихала, перерастая в приглушенные стоны, клыки стали короче, потрескивали, медленно отмирая, когти. Громадные пропорции этого тела уменьшились, обретая очертания молодой женщины. Взору Сеннара вновь явилась Дубэ, печальная девушка, которая вместе с ним отправилась в это проклятое место. Это было последнее, что он успел увидеть.

Старый маг, запрокинувшись назад, стал падать на спину, он уже не почувствовал удара об пол: образ Ниал заполнил все поле его зрения. Она тихо улыбалась, сжимая в руках копьё.

Сеннар, любуясь ею, протянул навстречу свои руки. Он заплакал от радости.

— Сейчас я могу прийти к тебе? — спросил Сеннар на одном дыхании.

Ниал поднесла его руку к своему лицу и, опустив голову в его ладонь, вздрогнула от прикосновения.

— Да, — ответила она с ясным взглядом. — Теперь да.

Лонерин, онемев от изумления, наблюдал за этой сценой. Ему так и не удалось толком ничего рассмотреть. Только яркий, ослепительный свет вместе со странным ощущением блаженства. Очертания Теаны были едва заметны в этой белизне: он видел только изящную фигурку девушки с копьём в руках, нацеленным на зверя.

Затем резко погас свет. Юноше показалось, что все вокруг разом погрузилось в бесконечную тьму. Он с трудом полз на четвереньках с дрожащими от слабости руками.

— Теана, Теана...

Он подполз к лежавшей на земле девушке, приподнял ее голову и с отчаянием позвал Теану.

Девушка медленно открыла глаза.

— Ниал... — прошептала она.

Юноша изо всех сил прижал Теану к себе, изливая в слезах всю свою тревогу и любовь, испытанную им при мысли, что может потерять ее навсегда.

Девушка слабо обняла его. Они так и сидели, крепко прижавшись друг к другу, посреди этого полуразрушенного зала, в котором все напоминало о прошлом.

Как только копье высвободило свою магическую силу, Леарко прижал к себе Сана. Стены Дома рушились, и даже оставшиеся немногочисленные уже убийцы растворялись в этом ослепительном сиянии.

Принц прищурил глаза, словно смотрел на солнце, — в самом центре зала он рассмотрел извивавшегося в мучительных судорогах зверя.

Потом случилось чудо.

Леарко все понимал, но с трудом в это верил. С тех пор как принц оказался здесь, он не смел на это надеяться. Он отчаянно сражался, так как борьба исключала всякую надежду, но в глубине души он чувствовал, что скоро все закончится.

Тем не менее очевидность происходящего его ошеломила. Постепенно Леарко стал различать черты лица Дубэ, возникавшей из тела зверя, и вздох облегчения вырвался из его груди. Он позвал девушку: его крик взорвал эту фантастическую тишину. Затем погас свет.

Сан дрожал у него на груди: юноша чувствовал, как мальчик ладонями сжимал его руки.

— Что, что это было? — спрашивал Сан испуганным голосом.

Их накрыла неестественная тишина. Мрак рассеялся, и Леарко увидел два лежащих на полу тела, крепко сжимавшие друг друга в объятиях; они плакали от обретенной вновь свободы. Лежавший на спине в одежде мага старик казался спящим. Согнутый человек рядом с ним тяжело дышал. Вот и она.

Леарко, высвободившись из объятий Сана, метнулся вперед.

Бледное лицо Дубэ было наполнено таким умиротворением, какого он раньше никогда еще не видел. Их жизни — длинная история, полная тревог и страданий. Наверняка теперь появилась возможность для возрождения и наслаждения жизнью, в которой чувство вины больше не будет вечным приговором. Возможно, сейчас их любовь сможет медленно и спокойно перерасти в более глубокое чувство.

Принц, одной рукой придерживая девушку за спину, нежно повернул ее к себе и увидел, как Дубэ нахмурила лоб. Он убрал с ее лба влажные от пота волосы и рассмотрел наконец истинное лицо девушки. Снадобье, которое она принимала во время своего пребывания во дворце, прекратило свое действие, и волосы Дубэ стали теми же, что и всегда. Девушка была в точности такой, какой он ее запомнил, когда видел еще ребенком во время ужасной бойни, участником которой был и он сам. Принцу она показалась еще прекраснее, чем раньше.

Девушка медленно открыла свои черные бездонные глаза. Пустота еще не исчезла из этого взгляда, потому что время залечивает далеко не все раны. Тем не менее со временем найдется способ наполнить эти колодцы иным смыслом, заставить уйти боль.

Через некоторое время Дубэ узнала Леарко, и в ее глазах проступили слезы. С трудом приподнявшись, она отчаянно обняла руками его плечи, так, как это делала на чердаке дворца.

— Мы — мертвы? — спросила девушка.

Леарко положил свою голову ей на грудь, вдыхая сладко-горький аромат ее кожи, запах, которым, как ему казалось, он никогда уже больше не насладится.

— Благодаря тебе — нет.

— Я не хочу никогда тебя больше терять, — произнесла Дубэ, рыдая, как девчонка. — Без тебя мне нет жизни.

Леарко сжал ее в своих объятиях.

— Этого не случится, — шепнул он ей на ухо.

Сан не сразу сдвинулся с места. Никто не следил за ним; ослепительный свет уже

погас. Сначала он был очень напуган видом громадного монстра, а в особенности этими ужасными магическими чарами светловолосой девушки. Когда в страхе он прижимался к Леарко, только одна мысль мучила его сознание.

«В этом — моя вина, и только моя!»

Теперь перед лицом этой отвратительной бойни он почувствовал, как приступ тошноты скрутил его желудок. Кругом лежали тела убийц. Гильдия повержена его магией — эту картину он много раз мысленно представлял себе во время своего путешествия с Демаром. Но в его грезах не было такого невыносимо горького запаха, не было столько крови и ужаса. Мальчик не испытывал никакого удовлетворения от увиденного зрелища. Сан внезапно понял все безрассудство своего поступка; его ошибкой было не только то, что, не владея в достаточной мере своими способностями и не сумев довести до конца все задуманное, он появился в Доме Гильдии. Ошибочным оказалось стремление устроить эту резню, страстное желание мести. Наконец Сан понял слова Идо. Чувствовал ли он себя лучше оттого, что Гильдии больше не было?

Комок боли, застрявший в горле мальчика с того самого дня, когда двое убийц проникли в его дом, до сих пор оставался неизменным, и никакая из этих жертв не смогла бы смягчить горе Сана. Выбранный им путь не привел бы его к миру в душе.

Сан был в отчаянии. Он все только усложнял. Его рана никогда бы не зажила, но было еще нечто, за что мальчику предстояло нести бремя ответственности, — это чувство вины за все задуманное и содеянное им.

Мальчик натолкнулся на тело своего деда. Тот лежал раскинув руки, с не поддававшейся описанию мертвенной бледностью на лице, на котором, впрочем, было выражение блаженства человека, нашедшего наконец свой путь.

«Моя единственная семья...» — подумал Сан, вспомнив последние услышанные им от Сеннара слова в тот день, когда они познакомились в Лаодамее. Тогда дед сказал ему, что этой истории пришел конец и что они оба должны жить вместе.

Мальчик спрашивал себя, а должен ли он печалиться по этому поводу, но так и не смог ничего почувствовать. Только глухое сожаление о том, чему никогда уже не суждено случиться.

Вот теперь он действительно остался один.

Ошеломленный Сан прошел мимо растерзанных тел. Немногие оставшиеся в живых убийцы двигались, словно бездушные демоны. Но мальчик не обращал на них никакого внимания. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха и покинуть эти стены.

«Идо».

Вот кого он хотел найти. Сан знал, что ему не было бы так страшно, если бы гном был с ним рядом. Идо мог взвалить на свои плечи его боль и найти подходящее слово для того, чтобы развеять гнетущие мальчика мысли, сдавливавшие грудь тяжелым грузом. Прощение Идо могло бы смягчить эти страдания.

Сан спустился по лестнице и оказался в разрушенном храме. Здания, по которому он проходил всего несколько дней тому назад, больше не существовало. Абсолютная мгла этой земли расцвечивалась пламенем огня; горький запах гари вызвал у мальчика приступ кашля. Сан прошел по центральному нефу, между уныло устремившихся к небу полуразрушенных колонн, которым теперь нечего было поддерживать. Досталось и статуе Тенаара: обезглавленное тело бога одиноко возвышалось среди обломков храма.

«Идо».

Сан прошел через центральный вход и оказался на равнине. Неподалеку лежал почти полностью обгоревший труп дракона. Деревья выгорели дотла, и неподвижно лежавшие там тела убийц напоминали о недавнем ужасном сражении.

«Идо».

Звериный рев поднял в воздух густую струю дыма. Сан побежал в том направлении, уверенный в том, что рядом с драконом непременно должен был быть и гном.

Сердце мальчика чуть не замерло от волнения, едва показались смутные очертания

дракона.

«Это он, я нашел его!»

Сан позволил себе надежду — самую дорогую в жизни роскошь.

— Идо! — закричал он, подбегая. Мальчик увидел сидящего гнома, спиной опиравшегося на Оарфа. Он подумал, что гном, должно быть, устал и теперь отдыхает. Сан в порыве радости припал к Идо, положив с разбега ему на плечи свои руки.

— Прости меня, Идо, прости!

В ответ — тишина. Потрескивание затухающего огня заполнило все пространство равнины; ветер разносил по воздуху вялые клубы дыма.

— Идо...

Он сердцем почувствовал неладное, еще не успев разглядеть глубокой раны в животе и не заметив на его лице мертвенной бледности.

Сан медленно встал, руками опираясь о землю, густо посыпанную пеплом. Пепел — это все, что ему осталось. Он собственными руками разжег пламя, поглотившее все самое ценное в его жизни.

— Ты поклялся мне, что вернешься! — с досады закричал Сан. Но он знал, что в том не было вины ни гнома, ни других людей, прилетевших сюда вместе с ним. Мальчик проклинал себя изо всех сил в надежде умереть, провалиться сквозь землю и уйти, поддавшись блаженству небытия.

Он кричал до потери голоса. Сколько смертей за одно мгновение безумия. Сколько страданий и крови за одну-единственную ошибку.

Одиночество замаячило перед ним, обретая черты неизбежности. Это — реальность, от которой уже не отмахнуться. Чтобы искупить вину, нужно страдать, страдать в память об Идо и всех тех, кто пожертвовал своей жизнью из-за его гордыни.

Слезы рекой полились из его глаз.

Потом он вздрогнул, почувствовав прикосновение к своей спине. Поначалу его посетила безрассудная мысль о том, что это Идо. А может, он ошибался, может, все это было не более чем кошмар. Он с надеждой открыл глаза, уже готовый рассмеяться. Перед собой Сан увидел только красные глаза дракона.

Мудрость и понимание прочел мальчик в этом взгляде. В нем была все та же боль, боль животного, слишком часто испытанная им за свою жизнь.

— Мне не нужна твоя жалость, — всхлипывая, отрезал Сан. — Я не заслуживаю ее.

Дракон продолжал терпеливо на него смотреть. Сан заметил в его глазах немой вопрос, и наконец ему все стало ясно.

«А почему бы и нет? Может, это — последнее, что мне осталось!»

Дрожащими руками он взял под руки тело Идо и стащил его на землю. Мальчик наткнулся на меч гнома, торчавший из груди лежавшего навзничь человека. Сан не без усилий вынул оружие из тела жертвы и тут же узнал его — это был сделанный из черного кристалла меч его бабушки. Мальчик повернулся к Оарфу, и миг исчезли все его сомнения.

Он заткнул за пояс оружие, посмотрел на Идо мокрыми от слез глазами, затем встал перед ним на колени.

— Прости меня, — произнес он. — Бессмысленно говорить это сейчас, но я все понял.

Сан тыльной стороной руки вытер слезы и взобрался на спину дракона.

Оарф, чтобы помочь ему, опустился как можно ниже. Теперь он отличался от того, каким был прежде; мальчишка никак не мог отделаться от мысли, что Идо еще недавно был вместе с ним... Поначалу Сан сомневался, сможет ли он ехать верхом. Но именно Оарф ответил на его немой вопрос. Он воодушевленно раскрыл крылья в задымленном воздухе и яростно заревел. Затем дракон, несмотря на раны, полученные в бою, взметнулся в черное небо. И вскоре его силуэт растворился во мраке ночи.

ЭПИЛОГ

Зеркало в раме из цельного золота было большим и тяжелым. Дубэ возненавидела его с тех самых пор, как впервые увидела этот предмет в комнате.

— Это старое зеркало — свадебный подарок моей матери от одного очень высокопоставленного лица, — объяснил Леарко, полагая, что от этого оно станет девушке гораздо милее.

— Тебе не кажется, что это — плохое предзнаменование? — заметила она.

Принц пожал плечами:

— Мы сами — творцы собственной судьбы. А это — всего лишь зеркало.

Юноша был прав, но Дубэ не привыкла ежедневно видеть его перед собой, в любой момент с готовностью отражавшее ее облик. Она перестала смотреться в зеркало еще в Сельве, с тех пор как убила Горнара: невыносимо лицезреть отражение собственной вины. Это все равно что иметь за спиной притаившееся жуткое чудовище.

И хотя с того времени многое изменилось, неуверенность еще осталась. Дубэ боялась вновь увидеть зверя. Достаточно ли было вмешательства Теаны и Ниал, чтобы окончательно рассеять тени и искоренить из груди так долго висевшее над ней проклятие?

Леарко, целуя девушку в лоб, каждый вечер убеждал ее в том, что это именно так.

Дубэ ценила эту веру, в которой она с каждым днем все больше нуждалась. Но девушка знала, что прошлое не проходит бесследно, чаще всего оно само изживает себя. Никакая победа не бывает окончательной. Зверь не перестал терзать ее: девушка понимала это ночью, когда просыпалась в холодном поту. Ужасный монстр снился ей непрерывно, а вместе с ним в эти ночные кошмары возвращались все убитые когда-то Дубэ люди. Только сейчас, когда чудовище было уже далеко, девушка поняла его истинную сущность.

Зверь представлял собой все то, на что Дубэ никогда бы в жизни не отважилась: с одной стороны, это — жгучее чувство вины, а с другой — мрачная, бурлящая инстинктами сила, которую ей не под силу полностью изгнать из своего сердца.

— Ты знаешь, что у нас общее прошлое. Я также успел отведать крови и ощущаю, как она манит меня. Мы оба не можем освободиться от этого соблазна и вынуждены вечно бороться со своей темной стороной. Но нам по силам справиться с этим, потому что мы не одиноки, — говорил Леарко, смотря ей прямо в глаза. Леарко обладал умением изгонять демонов, и в его присутствии зверь снова прятался.

Но в это утро Дубэ была одна: она не видела Леарко вот уже два дня, и зверь мог затаиться где угодно.

Служанка, открыв окно, прогнала прочь все тени. Чудесный солнечный день наполнил комнату светом.

Затем вошли другие служанки; две из них несли наряд. Новый наряд. Традиция требовала того, чтобы девушка надела платье матери принца, но она вместе с Леарко сожгла его в первую же ночь после своего появления во дворце. Пожелтевшие от времени ажурное шитье и кружево были подхвачены неистовым пламенем, жаждавшим разрушения. Молодые люди сидели обнявшись в том же самом саду, в котором они прежде встречались почти каждый вечер, и глядели на разлетавшиеся из костра искры.

Церемония облачения в одежду была неспешной; длинные волосы Дубэ были уложены в изысканную прическу.

Затем обе служанки, нежно подхватив ее за руки, повели затаившую дыхание девушку к зеркалу. Дубэ шла с закрытыми глазами, со страхом ожидая конца этого сна. Это был самый прекрасный день в ее жизни. А что зверь, неужели он снова выйдет из своего укрытия и вцепится ей в горло? А может, он пойдет с Дубэ до самого алтаря, чтобы затем убить ее?

— Идите же, моя госпожа, не бойтесь... Вы — неотразимы! — сказала одна из служанок.

Дубэ набралась храбрости и открыла глаза.

Перед ней в зеркале стояла девушка, одетая, как будущая королева. Но это — всего лишь девушка, такая же, как и все. Нежный румянец щек, проступивший сквозь плотный

слой пудры, смущенное лицо, скрещенные на животе руки. Именно это отражение увидела Дубэ в зеркале. И она нашла его действительно прекрасным. Белое платье, сверкавшая на лбу диадема, окружавшая ее светом, — во всем этом блеске не было места для проклятия. Именно в этот момент Дубэ поняла, что больше никогда не увидит ужасного монстра. Она может жить свободно. Застенчиво улыбнувшись, девушка рукой прикрыла свой рот. Что-то очень детское сквозило в ее улыбке. Дубэ снова стала девочкой, с нетерпением ожидавшей начало лета; она была уверена в том, что первый летний день принесет ей что-то совсем необычное. Это все равно что после продолжительной задержки дыхания набрать воздух полной грудью и продолжить прерванную речь. Она чувствовала в себе легкость: ей удалось наконец освободиться от тяжелого бремени прошлого. А может, она просто встретила человека, который мог разделить эту ношу с ней.

Ее улыбка была такой радостной, что даже служанки, после некоторого смущения, принялись смеяться вместе с ней. Со стороны они были похожи на девушек, только что доверивших друг другу свои тайны.

Дубэ рукой пригладила юбку.

— А теперь пошли, — сказала она, снова приняв серьезный вид.

Дубэ искренне полагала, что после разгрома Гильдии жизнь станет лучше. Освободившись от проклятия, она была уверена, что рядом с Леарко ей станет намного легче. Но вскоре девушка изменила свое мнение.

Самое тяжелое — это снова остаться в одиночестве. Теана и Лонерин продолжили свое дело. Они вложили свою душу и тело в возрождение Всплывшего Мира, с полным правом вступив в ряды Совета Воды. Прихвостни Дохора, обосновавшиеся в прежде подвластных ему землях, подняли головы и принялись сражаться за передел всего, что еще оставалось от былой мечты покойного короля. Междоусобная война длилась целый год, но Дубэ решила остаться в стороне. Она изъявила желание скрыть от всех свою роль в разрушении Гильдии, выдвинув идею о том, что будто бы Сеннар собственной магией вызвал появление ужасного мифологического чудовища, позволившего перевернуть ход сражения. Теана и Лонерин высказались против, а Леарко охотно принял позицию своей возлюбленной.

— А почему ты не говоришь мне, что я должна всем рассказывать о том, что сделала? — как-то вечером спросила Дубэ.

— Потому что знаю, что ты стыдишься этого.

Глаза Дубэ наполнились слезами.

— А что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что живу только благодаря тебе и что Всплывший Мир не мог бы существовать, не принеси ты себя в жертву. Но я прекрасно понимаю твоё отвращение.

Принц сразу взял все бразды правления в государстве в свои руки. Он отозвал войска с фронтов и, обсудив условия перемирия с Советом Воды, целый год упорно старался погасить последние очаги военных действий.

В этот период даже в присутствии принца Дубэ ощущала себя полностью отчужденной. С момента падения Гильдии девушка повсюду сопровождала Леарко, ночуя вместе с ним в одной палатке во время боевых походов, а в мирное время — во дворце среди недоброжелательных пересудов двора.

Девушка видела, как Леарко отдавал всего себя на благо Всплывшего Мира, как он расцветал в борьбе за установление такого нелегкого мира, но главное, с каким трепетом он относился к своему делу. Ведь это была его миссия, его способ искупления вины. Дубэ приняла добровольное решение не принимать в этом участия.

А истина заключалась в том, что она не знала, как ей теперь дальше жить. У Леарко было его королевство и война; а что у нее? У нее был только Леарко. Девушка без устали оказывала ему всяческую поддержку, когда тот, уставший и обессиленный, возвращался после очередного собрания во дворец. Но его жизнь целиком заключалась в этом, и никак иначе. А у Дубэ не было возможности проявить себя с тем, чтобы преодолеть тяжкий груз

прошлого. Как теперь ей расплачиваться за совершенные ошибки и искупить свою вину?

Теана и Лонерин, решив в скором времени пожениться, почти сразу стали жить вместе. Церемония бракосочетания была очень скромной и проходила под неусыпным взглядом статуи Тенаара, на которого Дубэ смогла наконец смотреть без страха и подозрений.

Затем однажды Леарко решил выяснить ее намерения.

— Ты уже знаешь, чем будешь заниматься? — спросил он. — Я хочу сказать, что наконец в этом мире наступил покой...

Девушка пожала плечами.

— И не говори мне, что ты не думала об этом, потому что я знаю, что это не так. Тебе плохо, ты очень переживаешь — я слишком хорошо это понимаю.

Дубэ не ответила, тогда принц продолжил:

— Первое, что я сделаю, когда закончится война, — взойду на престол. Я уступлю власть Совету Сановных Лиц, если на то будет их воля. К этому моменту я предоставлю каждому народу право избрать своего собственного правителя.

— Как Наммен, — с улыбкой произнесла Дубэ.

— Как Наммен, — серьезно подтвердил Леарко. — И в тот же день я женюсь на тебе.

Сердце Дубэ взволнованно забилося. Он знала, что он не шутил.

— Я полагаю, что это именно тот ответ, которого ты ждешь. Я не хочу, чтобы ты была моей любовницей, а люди, когда ты идешь по коридору, ехидно шептались за твоей спиной.

Дубэ испуганно посмотрела по сторонам:

— Нам и так хорошо вместе, я...

— Ты чувствуешь свою бесполезность, не находишь себе места в этом новом мире и не понимаешь своей роли в нем. Ты разрушила Гильдию, но теперь пришла пора созидания.

Дубэ почувствовала, как на ее глазах выступили слезы. Она была не способна что-либо возразить.

— Ответ таков: ты станешь королевой, и мы будем править вместе.

— Но я не могу, я же была убийцей.

— И я был им и все еще продолжаю убивать на войне. Ты действительно продолжаешь верить в то, что ты хуже меня? Помни, что у нас одинаковые грехи, — сказал Леарко, взяв девушку за руки.

Слезы медленно катились по ее щекам.

— Я толком не знаю, что мне с собой-то делать, как же я смогу управлять целым народом?

— Думаешь, что государству нужна только уверенность? Полагаешь, что хороший король только тот, кто никогда не сомневается? Я, наоборот, считаю, что нет лучшего правителя, чем тот, который хорошо знает, что такое страдания и что такое грех. Король и его народ, шагая бок о бок, вместе ищут один путь. А именно этого тебе и не хватает. Ты спасла меня, теперь пришла пора спасать и мой народ.

— Я не могу, — настаивала Дубэ. — Не могу.

Затем последовали долгие дни, полные неясности и мучительных сомнений. Леарко неожиданно отдалился, и Дубэ поняла, что теперь она стоит перед необходимостью принятия решения, и сделать это следует без посторонней помощи.

Во время путешествия в Неведомые Земли она научилась жить с верой; рядом с Леарко она узнала, что такое будущее, и ей захотелось его иметь. Теперь Дубэ предстояло самой идти навстречу своему выбору. Готова ли она действовать самостоятельно?

Но почему быть королевой — значит не рассчитывать больше ни на чью помощь и, стоя у штурвала корабля, в одиночку вести за собой других? Не будучи утешенной самой, она должна была сама стать утешением; не будучи дочерью, она должна стать матерью. Тогда Дубэ поняла, что дело было не только в ее взаимоотношениях с миром, но в Леарко.

До сих пор она чувствовала его полную поддержку. Совершенное ею жертвоприношение в Доме Гильдии было всего лишь доказательством любви девушки к принцу. Но разве она не делала то же самое для Сарнека? Разве она не искала для себя

спасительного якоря? Леарко стал значить для нее гораздо больше. Он был ее другом, с которым можно было поделиться всем наболевшим. Пришло время отдавать долги.

Дубэ пошла на могилу Идо. Никаких величественных гробниц и монументов. Только голая плита, на которой какой-то загадочный посетитель всегда оставлял свежие цветы.

Девушка не была с ним близко знакома, но ей никогда не забыть их краткой беседы в стенах дворца в Лаодамее. Гном первым оказал ей доверие, поэтому его смерть оставила неизъяснимую пустоту в ее сердце, грустное сожаление о том, чего уже больше нет.

Бросив взгляд на плиту, она вспомнила про вопрос, который Идо задал ей после ее возвращения из Неведомых Земель. Тогда она пришла к нему, чтобы высказать свое намерение покончить с Дохором.

«Ты нашла то, что искала?»

Девушка закрыла глаза и прислушалась к своему сердцу. Она подумала о прошлом, настоящем и будущем. И Дубэ нашла ответ.

На могилу она положила всего один цветок, полевую ромашку, сорванную ею по дороге.

— Спасибо, — сказала она, улыбаясь, и пошла навстречу своему выбору.

Едва королевская чета показалась из-за парапета, собравшаяся в саду толпа зрителей разразилась громкими аплодисментами. Дубэ подумала о том, что некогда Дохор именно здесь отметил свой триумф. Убийство Неора в соответствии с его намерениями послужило поводом для расправы над своими внутренними врагами. Однако вопреки всему это событие стало началом его конца.

Девушка, просияв от радости, сжала руку мужа. Леарко посмотрел на нее и, ответив на ее пожатие, сделал шаг вперед. Дубэ чуть поодаль наблюдала за толпой. Жизни этих людей теперь зависели и от нее. Она почувствовала, как страх сковал ее тело. До этого момента Дубэ думала только о себе. Способна ли она распоряжаться жизнями стольких людей? Вцепившись еще сильнее в руку мужа, она с гордостью встала возле него. Этим утром она дала свое согласие стать королевой. Теперь она не должна бояться и отступать назад. Девушка с уверенностью посмотрела вперед. Прежде чем начать приветственную речь, Леарко улыбнулся жене.

— Я счастлив, что в такой радостный момент вы присутствуете здесь вместе со мной. За эти месяцы нам пришлось пройти через суровые испытания, но теперь мы вправе наконец сказать, что мы победили. Гильдии больше нет, ведутся переговоры о заключении перемирия с Землей Огня. Это — начало новой эры, время создания нового королевства. А еще у нас новая королева, — продолжая улыбаться произнес Леарко.

Дубэ почувствовала некоторую неловкость от стольких направленных на нее взглядов.

Затем Леарко снова принял серьезный вид.

— Многие полагали, что я, преследуя цели моего отца, создам искусственное объединение. Но эта идея стара. В недалеком прошлом многие были убеждены и до сих пор считают, что различие ведет к раздору, существование многих королевств с независимым управлением приведет к хаосу. Лучше иметь одного короля, который, возможно, железным кулаком и страхом в угоду себе заставил бы столь неоднородный хор петь в один голос.

Над аудиторией повисла напряженная тишина.

— Но я так не думаю. Мы все, люди, нимфы, гномы, — жители одного мира, вне зависимости от того, живем ли мы под покровом вечной ночи либо рождаемся и умираем, вдыхая аромат морской соли. Я уважаю стремление к независимости создателей наскальных городов, ценю неукротимый дух жителей городов-крепостей. Именно поэтому я не хочу привести наш самый ценный дар — наше разнообразие — к некоему фиктивному стерильному объединению. В истории уже был великий король, который указал нам путь, и я намерен следовать его примеру.

Леарко замолчал на мгновение, и Дубэ обернулась к нему с одобрительной улыбкой.

— Каждый народ изберет своего правителя и свою форму управления в государстве.

Будет восстановлена работа двух Советов. А тем, кто утверждает, что эти учреждения уже потерпели неудачу в прошлом, отвечаю, что для поддержания мира нельзя терять бдительность. Война — вовсе не дело случая. Война начинается тогда, когда мы всерьез перестаем думать о мире. Я верю во Всплывший Мир, в народы, его населяющие. Считаю, что нам по силам выучиться на ошибках прошлого и быть готовыми прислушиваться к самим себе. По этой причине я оставил за собой только владения моих предков, Землю Солнца; сегодня вы стали очевидцами коронации меня моим народом, Советом, который был избран этим самым народом.

Присутствующие замерли в восхищении. Дубэ была растрогана до глубины души.

— Может, это — просто моя мечта, — продолжил Леарко. — Возможно, что та готовность, которую я вижу у жителей Всплывшего Мира, еще далека от совершенства. Но я чувствую, что рано или поздно этому суждено осуществиться. И даже если еще не пробил час, все равно есть цель, в которую стоит верить и за которую я намерен бороться и дальше. Ради этой мечты стоит жить и умирать.

Леарко перевел дыхание.

— А теперь пришло время для веселья. Один человек, внесший свой вклад в наше всеобщее спасение и чьи слова переживут его в веках, сказал однажды, что жизнь — это круг, в котором время страданий сменяется временем веселья. Затем вновь приходит черед испытаний — вечный круговорот, составляющий суть всего живого. Тем не менее пришла пора для радости, для наслаждения этим мгновением счастья, для его сохранения и поддержания. Мы никогда не забудем этого знаменательного дня. Память о нем поможет нам в будущем, когда снова потребуется отстаивать мир на земле.

Вновь избранный король поднял руку в знак приветствия; присутствующие зрители громом аплодисментов встретили его обращение.

Дубэ, забыв об этикете, отпустила руку Леарко и, обняв мужа, крепко прижалась к нему. Как долго это все продлится? Никто не может ответить на этот вопрос. Сегодня эти люди боготворят Леарко, а завтра, быть может, они снова почувствуют мрачный зов войны. Впрочем, даже ей продолжает сниться зверь. Но теперь есть уверенность, и они будут бороться. Они не допустят, чтобы мечта о справедливом мире была задушена чьей-то жаждой крови.

Леарко обнял ее за плечи, и тогда она поняла, что им удастся достичь своей цели. Их не остановит и тысяча препятствий. Она готова стать королевой.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Полагаю, что из всего написанного мною ранее эта книга стала для меня самой любимой и вместе с этим самой мнительной. Я писала ее во время несколько необычного периода своей жизни, между этапами наибольшего эмоционального подъема и спада.

Мне стоило больших усилий довести ее до конца, ежедневно отрывая по два-три часа из своего времени, чтобы полностью посвятить себя написанию этого романа. Я писала повсюду, где только можно: начиная с собственной постели в моем доме и многочисленных поездов, на которых мне приходилось путешествовать почти каждую неделю, и заканчивая бортом самолета, на котором я в первый раз без сопровождения летела навстречу своей новой работе.

Эта трилогия стала для меня в какой-то степени новым и непредсказуемым приключением, моей первой работой в качестве «профессионального» писателя. Она сопровождала меня в самые ответственные моменты моей жизни. Когда я только принялась за написание «Гильдии убийц», у меня еще не было работы астрофизика и я жила в доме своих родителей; заключительное слово из книги «Новое королевство» я напечатала уже сидя на балконе своего дома, где живу со своим мужем.

Это путешествие было долгим и трудным. Оно стало новым этапом в моей жизни и, надеюсь, не последним в моей писательской карьере. И если мне и удалось пройти все до

самого конца, то это только благодаря тому, что меня окружали люди, оказывавшие мне всемерную поддержку.

В первую очередь еще раз хочу поблагодарить своих родителей, которым я и посвятила эту книгу. Они многому научили меня за эти годы, постоянно вдохновляя, поддерживая и утешая меня. Безусловно, наши взаимоотношения изменились с тех пор, как я стала жить отдельно, но объединяющая нас безграничная любовь осталась прежней, если не стала больше.

Затем Сандроне Дациери, давшему толчок этой затее, которой, как я надеюсь, никогда не будет конца. Большое спасибо ему за все его ценные советы и наставления, за долгие беседы и за терпение, с которым он стойко сносил, особенно в последнее время, мои излияния, полные волнений и беспокойств.

Моя благодарность Фьяметте Джорджи и Массимо Туркетта; это действительно очень важно — знать, что вы есть и всегда в меня верите.

Спасибо Паоло Барбиери за его фантастические иллюстрации. Всякий раз я умираю от нетерпения увидеть то, что он смог выдумать для обложки моей очередной книги, и восхищаюсь увиденным, как и в первый раз. Это так прекрасно — видеть изображения придуманных мной персонажей, выписанных с такой точностью и с таким чувством.

Спасибо Андрее Котти и Барбаре ди Микко, которые разделили со мной все тяготы этой затее. Благодарю их за терпение и превосходно проведенную работу: мне на самом деле очень хорошо работалось с вами. Теперь пришло время для долгожданного аперитива, мысль о котором мы так страстно лелеяли в самые жаркие моменты нашего сотрудничества.

Спасибо Мелиссе и ребятам из Lands four Dragons, за официально созданный форум, посвященный моим книгам. Их замечания по поводу написанного мною, их открытое проявление любви и симпатии помогали мне в самые трудные моменты моей работы. Спасибо посетителям моего блога, которые были вынуждены поглощать жуткую серию мучительных расследований, касавшихся моей личной жизни и творчества. Спасибо вам за терпение и ваши остроумные замечания. У нас были замечательные дискуссии по этому поводу, не так ли? Безграничная благодарность Лауре Гарджуло, создательнице моей странички в Интернете.

Это был фантастический подарок; наше совместное приключение еще только начинается, но я уверена, что впереди нас ждут великие дела.

Спасибо моим друзьям за их неизменную привязанность ко мне. До сих пор никак не могу свыкнуться с мыслью, что мне выпало такое везение — встретиться с ними. Если иной раз я и ощущаю себя непохожей на других, то только благодаря их любви.

Мои слова благодарности музам за их музыку; не случайно каждую свою книгу я начинаю с прослушивания отдельных фрагментов из их произведений. Они стали звуковой дорожкой моего внутреннего мира, а соответственно, и моих книг. Каждому из моих персонажей соответствует своя мелодия, и, когда я пишу, она вертится у меня в голове. И пусть никогда они не перестанут волновать и вдохновлять меня.

И наконец, моя безграничная благодарность Джулиано, моему мужу. Я знаю, что не просто быть рядом с таким человеком, как я. Именно поэтому мне очень повезло, что я встретила его на своем пути. О нем могу сказать словами Дубэ, произнесенными ею в адрес Леарко: я не могу без него жить.

Личия Троици